

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ,
МОЛОДЕЖИ И СПОРТА УКРАИНЫ**

**НАЦИОНАЛЬНЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ХАРЬКОВСКИЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ»**

**ПРОСТРАНСТВО ЛИТЕРАТУРЫ,
ИСКУССТВА И ОБРАЗОВАНИЯ – ПУТЬ К МИРУ,
СОГЛАСИЮ И СОТРУДНИЧЕСТВУ МЕЖДУ
СЛАВЯНСКИМИ НАРОДАМИ**

Сборник научных трудов

По материалам
VII Международной научно-практической конференции
20 декабря 2012 года

Под редакцией доктора педагогических наук, профессора *Романовского А.Г.*,
кандидата психологических наук, доцента *Панфилова Ю.И.*

Харьков
НТУ «ХПИ»
2013

УДК 94(477) “312”
ББК 84.4 УКР – РОС
П27

Рецензенти: О.А. Ігнатюк, доктор педагогічних наук, професор,
В.О. Лозовой, доктор філософських наук, професор

Друкується за рішенням Вченої ради Національного технічного університету «ХПІ»
(протокол № 6 від 5.07.2013 р.)

Розглянуто питання збереження духовної єдності слов'янських народів в галузі літератури, гуманістичних традицій вітчизняної культури, її актуальність для формування духовних основ особистості, проаналізована інтегративна функція літератури для зміцнення дружби братніх слов'янських народів.

Адресовано науковим співробітникам, педагогам, аспірантам, всім тим хто займається дослідженням історії взаємовідносин України й Росії в соціально-економічній і духовно-культурній сферах.

Пространство литературы, искусства и образования – путь к миру, согласию и сотрудничеству между славянскими народами: сб. науч. трудов: по матер. VII Междунар. науч.-практ. конф. 20 декабря 2012 г. / Под ред. А.Г. Романовского, Ю.И. Панфилова. – Харьков: НТУ «ХПИ», 2013. – 432 с.

ISBN

Рассмотрена проблема сохранения духовной общности славянских народов в области литературы, гуманистических традиций отечественной культуры, её актуальность для формирования духовных основ личности, проанализирована интегративная функция литературы для укрепления дружбы братских славянских народов.

Адресовано научным сотрудникам, педагогам, аспирантам, всем тем кто занимается исследованием истории взаимоотношений Украины и России в социально-экономической и духовно-культурной сферах.

УДК 94(477) “312”
ББК 84.4 УКР – РОС

ISBN

© НТУ «ХПИ», 2013

**СИЛА СЛОВА В ОБРАЗОВАНИИ И ЛИТЕРАТУРЕ
КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ДУХОВНОГО ЕДИНСТВА
СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ**

*Леонид Товажнянский
г. Харьков, Украина*

**ДИАЛОГ КУЛЬТУР – ОБЩЕЕ ДУХОВНОЕ БОГАТСТВО
СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ**

Международная научно-практическая конференция «Пространство литературы, искусства и образования – путь к миру, согласию и сотрудничеству между славянскими народами», которая вошла в историю братских культур как движение наших народов навстречу друг другу, в этом году проводится в седьмой раз. Время подтвердило правильность выбора места проведения конференции. Ведь Слобожанщина всегда объединяла две культуры – украинскую и русскую. И в этом взаимодействии, взаимопроникновении, синтезе – наше духовное богатство.

Художественная жизнь Харькова, органично включающая творчество славянских писателей и архитекторов, живописцев и дизайнеров, деятелей театра, кино и музыки, отличается толерантностью к свободе в искусстве. Между нашими деятелями культуры никогда не было и нет жесткого противостояния на культурно-этнической почве. Ведь настоящее искусство несет в себе общечеловеческие ценности. Пограничное месторасположение Харькова, сложившееся двуязычие в его культурной жизни способствуют созданию уникального художественного пространства, в котором в мире и согласии творят представители многих национальностей.

Выдающиеся деятели культуры, впервые заявившие о себе в Харькове, плодотворно в нем работавшие, навсегда останутся в истории культуры нашего города. Писатели Григорий Сковорода, Григорий Квитка-Основяненко и Борис Чичибабин; композиторы и музыканты Николай Лысенко, Исаак Дунаевский и Владимир Крайнев; архитекторы Андрей Тон, Алексей Бекетов и Михаил Ловцов; живописцы Илья Репин, Мария Раевская-Иванова и Николай Самокиш; деятели театра Михаил Щепкин, Лесь Курбас и Анатолий Эфрос; киноактеры Марк Бернес, Леонид Быков и Людмила Гурченко – гордость и украинской, и русской культуры.

Современный процесс развития литературы, искусства, образования Украины и России переживает непростой, но очень интересный период, когда:

- происходит настоящая революция в сфере распространения, трансляции и тиражирования произведений;
- совершенствуются полиграфия, графический и компьютерный дизайн;
- размываются границы между художественным и нехудожественным текстами;
- резко возрастает интерес к документальным жанрам искусства, основанным на реальных фактах и событиях, оперирующим подлинными документами.

Вместе с тем все мы являемся свидетелями негативных явлений:

- закрываются книжные магазины и художественные галереи;
- издательствам иногда невыгодно публиковать художественные произведения, а также книги по искусству, исследования по проблемам образования;
- отсутствует государственная поддержка культурологических периодических изданий;
- с афиш практически исчезла информация о проведении литературных концертов и творческих встреч с писателями, художниками, музыкантами;
- все меньше остается телевизионных литературных и культурологических программ;
- редких посетителей можно встретить в художественных, исторических и этнографических музеях.

Но, пожалуй, чаще всего сегодня говорят о снижении роли книги.

Вместе с тем Александр Герцен указывал «Без чтения нет настоящего образования, нет и не может быть ни вкуса, ни слога, ни многосторонней шири понимания». Люди перестают мыслить, когда перестают читать.

Александр Твардовский называл общение с книгой высшей и незаменимой формой интеллектуального развития человека.

Александр Пушкин подчёркивал: «Чтение – вот лучшее учение».

Кинематограф, телевидение, Интернет, которые навязывают образ, но не позволяют человеку представить его по-своему, не должны заменить чтение, потому что читая, мы всегда можем остановиться и подумать.

Литература – лучшее средство от стандартизации и упрощения, свойственных нашему времени. Она расширяет представление о жизни. В её сферу входят глобальные проблемы цивилизации, духовная жизнь личности, ее чувства. К этому необходимо еще добавить прямую связь чтения с национальным характером культуры.

Сегодня следует вспомнить слова Максима Горького об огромном воспитательном значении художественной литературы, которая «действует одновременно и одинаково сильно на мысль и чувство».

Цель литературы великий писатель видел в том, чтобы «бороться с пошлостью в людях, уметь найти хорошее в них, возбудить в их душах стыд, гнев, мужество, делать все для того, чтобы люди стали благородно сильными и могли одухотворить свою жизнь святым духом красоты».

Поскольку литература и искусство – сферы чутко реагирующие на все изменения жизни, они очень важны для развития языка и духовности. Они отражают культуру народа, её национальный характер, а следовательно крайне важны для межкультурного общения, особенно братских славянских народов.

Не случайно Статья 12 «Договора о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Российской Федерацией и Украиной» закрепляет принципиальные положения о создании равных возможностей и условий для изучения русского языка в Украине и украинского языка в России, подготовке педагогических кадров для преподавания на этих языках в образовательных учреждениях, оказания в этих целях равноценной государственной поддержки. А Статья 24 предусматривает, что наши страны всемерно содействуют:

- расширению творческого обмена и взаимодействия между коллективами деятелей литературы и искусства;
- проведению традиционных дней национальных культур, художественных фестивалей;
- обмену делегациями деятелей культуры и специалистов на государственном, региональном и местном уровнях;
- организации национальных культурных центров на территории своих государств.

Эти правовые нормы взаимодействия в гуманитарной сфере нашли отражение в *Программе сотрудничества* между министерствами культуры наших стран на 2010–2014 годы.

Вместе с тем пространство литературы, образования и искусства – важнейшая составляющая сотрудничества в сфере высшего образования Украины и России.

Продолжает действовать Соглашение о первоочередных мерах по развитию научно-образовательного сотрудничества на 2010–2012 годы. Его главным содержанием, – по словам и.о. Министра образования и науки, молодежи и спорта Украины Дмитрия Табачника, – является развитие взаимодействия по направлениям, представляющим взаимный интерес, путем подготовки и реализации двусторонних проектов.

В настоящее время совместные рабочие группы занимаются:

– мониторингом качества образовательных услуг в филиалах вузов России на территории Украины и филиалах украинских вузов – на территории Российской Федерации;

– проблемами по вхождению в Болонский процесс (адаптация наших национальных стандартов, сохранение образовательного потенциала, который не противоречит Болонскому соглашению);

– увеличением количества студентов, проходящих подготовку в высших учебных заведениях Украины и России.

В соответствии с Соглашением в 2011 году проведены *Дни образования и науки Украины* в Российской Федерации, а в 2012 году такие же дни проходят в учебных заведениях Украины.

Идет подготовка программ по преподаванию украинской литературы и языка в российских учебных заведениях, и русской литературы и языка – в украинских.

Отдельная программа предусматривает бесплатный, беспроцентный книгообмен между университетскими библиотеками Украины и России.

Мы хорошо знаем, что если ранее одной из главных задач российского образовательного сообщества было сохранить русский язык, литературу в Украине, то теперь акцент делается на более активном изучении украинской проблематики в России. Осознается необходимость активизации связей между университетами двух стран.

В вузах Москвы, Санкт-Петербурга, Белгорода, Курска, Воронежа обсуждаются программы по украинскому языку и литературе, направленные на переводы художественных произведений на русский язык. Мы поддерживаем инициативу российской стороны учредить международную премию, которая будет вручаться за лучшие переводы произведений украинской литературы на русский язык и русской на украинский.

Среди приоритетных задач:

– разработка международных магистерских программ по украинистике и русистике;

– создание совместных учебно-методических центров в целях расширения базы преподавания языков братских народов;

– дистанционное обучение украинскому и русскому языкам;

– проведение литературных фестивалей, книжных ярмарок, студенческих научных конференций и других культурологических мероприятий.

Осенью этого года открыл свои двери новый корпус научно-технической библиотеки НТУ «ХПИ». С ним мы связываем переход ее многогранной работы на новый качественный уровень. Прекрасный конференц-

зал позволит проводить разнообразные по формам и тематике мероприятия. В новом корпусе ЦТБ НТУ «ХПИ» будет находиться Отдел культурно-просветительной работы.

Научно-техническая библиотека НТУ «ХПИ» всегда играла и играет большую роль в расширении взаимодействия между культурами наших народов, в пропагандировании произведений деятелей литературы и искусства Украины и России, проведении традиционных дней национальных культур, художественных фестивалей. Ее общий фонд книг насчитывает около 2 млн. экземпляров, а фонд художественных произведений составляет около 85-ти тысяч единиц. Литературно-художественная периодика представлена 42 названиями журналов и газет. Кроме того на сайте НТБ НТУ «ХПИ» организован виртуальный читальный зал литературно-художественной периодики, где читателям доступны полнотекстовые электронные версии 66 наименований украинских и российских литературно-художественных журналов. Там же читатели могут ознакомиться с бюллетенем новых поступлений, виртуальными выставками художественной литературы и литературы по искусству.

Среди культурно-воспитательных мероприятий, проводимых библиотекой, – литературные вечера, встречи с поэтами и писателями, библиографические обзоры новой литературы, открытые просмотры, тематические выставки литературы. В читальном зале библиотеки постоянно проходят Премьеры книг.

В следующем, 2013 году, мы будем отмечать 70-летие освобождения Харькова от немецко-фашистских захватчиков.

Именно наша библиотека выступила инициатором проведения Ассоциацией информационно-библиографических технологий ежемесячных встреч ветеранов Великой Отечественной войны, освободителей Харькова с читателями, сотрудниками, преподавателями и студентами в библиотеках города, вузовских в том числе.

Сегодня многолетние совместные контакты в гуманитарной сфере органично вписываются во внешнюю политику двух наших стран.

На недавно состоявшейся встрече Премьер-министра Украины Николая Азарова с делегацией Федерального агентства РФ по делам СНГ, было подчеркнуто, что Украина стремится максимально обеспечить условия для реализации во всех сферах деятельности граждан других национальностей, в частности, россиян.

Вместе с тем Глава Правительства выразил убеждение в необходимости активизации работы по обмену студентами между Украиной и Рос-

сией. Речь шла и о возможности открытия филиалов вузов в наших странах. *«Россия для нас не просто сосед, это страна, с которой нас связывает гораздо больше»* – отметил Николай Азаров. При этом он выразил убеждение в продолжении развития гуманитарных, культурных отношений между странами, которые бы способствовали в полной мере самореализации как украинцев, проживающих на территории России, так и россиян, проживающих в Украине.

При большом культурном разнообразии, существующем в России и Украине, мы начинаем активно нащупывать те области, в которых мы едины.

Думаю, что результат зависит от общих усилий писателей, историков, культурологов, философов и других специалистов гуманитарных наук.

Настала пора более существенного, активного обращения к этой проблематике.

Главное – сохранить наше общее духовное богатство и поддерживать постоянный диалог культур.

Александр Романовский
г. Харьков, Украина

ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ ИНТЕЛЛИГЕНТА КАК ОДНА ИЗ ЗАДАЧ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

В современных условиях стремительных изменений не только в науке и технике, но и в социальных отношениях, духовной жизни общества, в жизненных целях и ценностях людей перед системой образования, в первую очередь перед высшей школой, встают новые сложные и ответственные задачи. Ведь она призвана не просто подготовить человека к успешной жизни и деятельности в новых условиях, но и научить его активно влиять на эти условия, так чтобы изменения могли обеспечивать новые, гармоничные отношения между людьми, их отношения с обществом в целом, с природой и техносферой. Для этого необходимо, прежде всего, научиться анализировать глубинную сущность тех процессов, которые происходят в обществе и представляют собой определяющие тенденции его развития.

Актуальным является вопрос о соотношении усилий педагогов по формированию профессиональной компетенции будущих специалистов и их морально-этических принципов и убеждений, их жизненных целей и ценностей. Анализ современной ситуации убедительно свидетельствует о том, что высшая школа, особенно система инженерной подготовки, недостаточное внимание уделяет воспитательной составляющей целостного учебно-воспитательного процесса. Частично это вызвано перегруженностью учебных планов, частично – чрезмерно завышенной оценкой значимости специальных дисциплин в ущерб социально-гуманитарной подготовке, частично – технократическим типом мышления определенной части профессорско-преподавательского состава, который, к сожалению, передается и прививается студентам.

Национальный технический университет «Харьковский политехнический институт» является одним из самых известных высших учебных заведений Украины, в котором ведется фундаментальная подготовка специалистов в области инженерии. Важно отметить, что наш институт сосредотачивается не только на совершенствовании методов подготовки будущих специалистов в области технических наук, но особое внимание уделяет и гуманитарной составляющей развития специалиста. При формировании про-

фессионального мировоззрения будущих специалистов мы в своей работе руководствуемся синергетическим принципом, используя не только традиционные для высшей школы учебно-воспитательные методы, но и достижения современной культуры. Таким образом, работа со студентами осуществляется по трем основным направлениям:

- 1) через гуманизацию и гуманитаризацию учебного процесса;
- 2) через приобщение студентов и сотрудников НТУ «ХПИ» к достижениям современной отечественной литературы;
- 3) через ознакомление студентов и сотрудников НТУ «ХПИ» с духовной музыкой и поэзией.

В центре работы по гуманизации и гуманитаризации технического образования в нашем вузе находится кафедра педагогики и психологии управления социальными системами.

При анализе существующих образовательно-квалификационных характеристик для инженерных специальностей учеными кафедры были выделены качества личности, умения и навыки, необходимые для эффективного выполнения трудовой деятельности. К ним относятся: способности находить творческие решения социальных и профессиональных задач, умение учиться на протяжении всей жизни, повышая свою квалификацию; способность в своем поведении и при выполнении служебных обязанностей руководствоваться нормами культуры, этики, общечеловеческими ценностями; личностные качества, такие как самостоятельность, ответственность, организованность, гуманность, духовность. Большое значение для гармоничной реализации этих умений и навыков составляет морально-этическая основа личности.

Необходимо отметить, что сформировавшаяся к моменту поступления человека в высшее учебное заведение система его нравственных ценностей и морально-этических принципов также подвергается определенной коррекции под воздействием внешней среды и самого учебно-воспитательного процесса. При правильной организации содержания процесса обучения такая коррекция приводит к духовному и нравственному совершенствованию студента. А недостатки в организации учебного процесса или промахи, допущенные даже отдельными преподавателями, могут существенно усилить имеющиеся у человека моральные изъяны его личности.

Высокий уровень морально-этических принципов будущего профессионала невозможно сформировать, делая ставку лишь на специальные дисциплины. Поэтому гуманитарная составляющая подготовки специалиста высокого уровня технического профиля является необходимой и актуальной. С 2001 года ученые кафедры педагогики и психологии управления соци-

альными системами НТУ «ХПИ» обратились к исследованию психолого-педагогических основ формирования гуманитарно-технической элиты как новой генерации инженеров, которые обладают современным философским мировоззрением и образуют управленческий слой общества, а также обладают высокими морально-этическими и качественно новыми управленческими принципами. Реализация плана по подготовке специалистов новой формации стала возможной благодаря введению в программу подготовки будущих инженеров таких дисциплин, как психология и педагогика, психология управления, конфликтология, философия достижения успеха.

Коллектив кафедры объединяет специалистов из разных областей науки: философии, психологии, педагогики, биологии, медицины, математики, экономики, физики, искусствоведения. Это создает своеобразный синергетический эффект и взаимно обогащает исследователей новыми знаниями и методами.

Приобщение студентов и сотрудников НТУ «ХПИ» к достижениям современной литературы происходит благодаря конференциям «Пространство литературы, искусства и образования – путь к миру, согласию и сотрудничеству между славянскими народами» и «Переяславская рада: ее историческое значение и перспективы развития восточнославянской цивилизации», в которых с большим удовольствием уже который год подряд принимают участие члены Союза писателей России.

Это стало возможным благодаря нашему тесному сотрудничеству с Союзом писателей России.

Активное сотрудничество с Союзом писателей России началось еще в 2003 году, в котором в СП России были приняты я, Павел Гулаков и Наталья Балановская. По моему приглашению в Харьков стали приезжать секретари Союза писателей России: 24 декабря 2003 года – первый секретарь Игорь Ляпин и секретарь Николай Переяслов; 26 мая 2004 года – главный редактор газеты «Российский писатель», секретарь Николай Дорошенко и секретарь Николай Переяслов; 20 января 2006 года – секретари Николай Дорошенко, Николай Переяслов, Александр Сегень.

Но кардинально всё изменилось в сентябре 2006 года, когда по моей инициативе в Харьков 14 сентября прибыла авторитетнейшая писательская делегация во главе с Председателем Союза писателей России Валерием Николаевичем Ганичевым для участия в проводимых в НТУ «ХПИ» украино-российском фестивале «Пространство литературы – путь к миру, согласию и сотрудничеству между славянскими народами» и международной научно-практической конференции «Роль литературы в формировании гумани-

тарно-технической элиты». В этих исторических событиях принимали участие все харьковские члены СП России.

Вслед за ними 21 октября 2006 года мы, в составе 9 человек, провели Учредительное собрание членов СП России, приняли решение о создании Харьковского отделения Союза писателей России, я был избран председателем отделения. Я передал протокол Учредительного собрания в СП России. Москва поддержала нас без промедления!

8 ноября 2006 года на заседании секретариата СП России под председательством Валерия Николаевича Ганичева было принято постановление «О создании Харьковского отделения Союза писателей России» и разрешена его регистрация в органах юстиции Украины.

С тех пор ежегодно в Харькове на базе НТУ «ХПИ» проводятся Международные научно-практические конференции «Переяславская рада: ее историческое значение и перспективы развития восточнославянской цивилизации» и «Пространство литературы, искусства и образования – путь к миру, согласию и сотрудничеству между славянскими народами». В конференциях принимают участие писатели и ученые Москвы, Белгорода, Курска, Смоленска, Саратова, Киева, Харькова. По итогам работы конференций готовятся к изданию сборники научных статей и литературно-художественных произведений, в которых имеют возможность размещать свои работы и писатели, и ученые, и аспиранты, и студенты.

В 2010 году вышел первый номер журнала «Славянин» – единственного в Украине издания Харьковского отделения Союза писателей России.

В журнале публикуются труды поэтов, писателей, историков, литераторов из России, Украины и Беларуси – представителей таких городов, как Москва, Белгород, Омск, Екатеринбург, Воронеж, Курск, Минск, Харьков, Чугуев. Журнал четко ориентирован на идеологию укрепления дружбы и сотрудничества славянских народов и является результатом творчества и системной деятельности целого ряда общественных организаций, выступающих за сохранение и развитие русской культуры и языка в Украине, и выступает в роли духовной опоры для тех, кто заботится о сохранении и упрочнении единства славянских народов.

Буквально неделю назад вышел уже 13 номер журнала «Славянин».

Представитель управленческой национальной гуманитарно-технической элиты должен быть высокообразованным, творческим человеком. Творческая же направленность личности зависит от уровня ее эстетической и художественной культуры. Представитель национальной гуманитарно-технической элиты, лидер, на формирование которого направлен учебный про-

цесс в НТУ «ХПИ», должен иметь представление о классических образцах изобразительного искусства, литературы, архитектуры, музыки. Воздействие искусства способствует социализации личности, утверждению ее самоценности. Поэтому проблема целенаправленного формирования эстетической и художественной культуры у будущих лидеров чрезвычайно актуальна. Роль искусства в эстетическом воспитании состоит в том, что оно универсально и целостно действует на человека, формирует гуманистические принципы, раскрывает богатство внутреннего духовного мира. Концепция национальной гуманитарно-технической элиты требует особо пристального внимания к раскрытию этих граней личности и внедрения конкретных предложений.

С 2006 года, каждую весну проходит фестиваль «Колокольный звон пасхальный...», в рамках которого звучит духовная поэзия и музыкальные произведения на стихи Митрополита Харьковского и Богодуховского Никодима, на мои произведения. Каждый год в зале, будь то Концертный зал Национальной филармонии Украины в Киеве, Большой зал Харьковского национального академического театра оперы и балета им. Н.В. Лысенка, Камерный зал Харьковской областной филармонии или же огромный обновленный зал Дворца студентов НТУ «ХПИ», собирается большое количество людей. Дивная сила колокольного звона, поэтического слова, наполненного Божественной силой, глубоко проникают в сердце человека, вызывая в его душе добрые чувства. Человек возвращается к Богу, к себе, к одухотворенной жизни. Концерты собирают «отцов города», ученых, священнослужителей, студентов, курсантов.

«Колокольный звон пасхальный...» – не просто концерт, в котором звучат хоры и романсы на духовные тексты. Это духовный центр литературной жизни, который ежегодно объединяет около десяти поэтов из России и Украины. В разные годы в программах участвовали члены Союза писателей России и Национального союза писателей Украины: С. Котьяло, М. Ганичева, А. Романовский, К. Скворцов, В. Молчанов, Т. Дашкевич, Н. Зиновьев, А. Мирошниченко, протоиерей И. Кобелев, протодиакон М. Талалай, А. Голубев, Р. Левин, В. Романовский, И. Корж, И. Мельницкая, В. Копычко и Ю. Копычко. У каждого поэта, прозаика своя судьба, иногда весьма непростая. У каждого – свой стиль и свои излюбленные темы. Но объединяет всех звенящая в воздухе, как отзвук колокола, нота поиска духовности, жажды Бога.

Знаковым является каждый приезд в Харьков на фестиваль «Колокольный звон пасхальный...» председателя Правления Союза писателей

России, сопредседателя Всемирного Русского Народного Собора, члена Общественной палаты при Президенте Российской Федерации, академика, заместителя председателя Комитета в защиту отечественной культуры, лауреата многих литературных премий, доктора исторических наук, главного редактора журнала «Роман-журнал. XXI век» Валерия Ганичева. Этот светлый, спокойный человек, настоящий аристократ духа своим участием приносит ощущение благодати Русской православной церкви и вековой мудрости русской классической литературы. Ярким событием фестиваля 2010 года стала передача В. Ганичевым Харькову иконы святого праведного Федора Ушакова, знаменитого русского флотоводца, канонизированного Русской православной церковью десять лет назад. От иконы исходил золотой свет, а грянувшие, словно с небес, праздничные колокола подчеркнули торжественность момента.

Искренние мелодии, идущие от сердца, чуткое следование поэтическому слову – вот бесспорные достоинства замечательных музыкальных произведений, звучащих на нашем фестивале.

В фестивалях «Колокольный звон пасхальный...» принимают участие ведущие коллективы и выдающиеся музыканты Харькова: Лауреат Международного и Всеукраинских конкурсов Академический хор им. В. Палкина Харьковской областной филармонии (художественный руководитель и главный дирижер Лауреат Всеукраинского конкурса Андрей Сиротенко), Академический симфонический оркестр Харьковской областной филармонии (художественный руководитель и главный дирижер Заслуженный деятель искусств Украины Лауреат Международного конкурса Юрий Янко), Лауреат Международного фестиваля Народный художественный коллектив Камерный хор НТУ «ХПИ» (художественный руководитель – Феликс Сокол), Лауреат Международных и Всеукраинских конкурсов Народный художественный коллектив хор «Скворушка» Харьковского областного Дворца детского и юношеского творчества (художественный руководитель – Юлия Иванова).

Солисты Харьковского национального академического театра оперы и балета им. Н.В. Лысенка и Харьковской областной филармонии: Народный артист Украины Николай Коваль; Заслуженные артисты Украины Марина Чиженко, Михаил Олейник; Лауреаты Международных конкурсов Сергей Шадрин, Людмила Вишневская, Игорь Сахно, Анна Каменева; блестящий пианист, концертмейстер Лауреат Международных конкурсов Станислав Калинин; солисты Академического симфонического оркестра

Харьковской областной филармонии Наталья Онищенко (скрипка), Виктория Карелова (гобой).

Специально для участия в концерте 2012 года впервые в Харьков приехал Директор школы звонарей Минского епархиального управления Лауреат Международных конкурсов Богдан Березкин со своим коллективом и набором уникальных колоколов.

Все вечера духовной поэзии и музыки разные. Но неизменно программа заканчивается мощным хоровым звучанием произведения Людмилы Тимофеевой-Русиной на мои стихи «Колокольный звон пасхальный», давшего название всей творческой акции. В музыке и поэтической строке звучит мощь благовеста и звончатое раскачивание средних и малых колоколов, строгость поста и лучезарная радость праздника. «Сердце цепко ловит звуки – Медно-литый перезвон...». Каждый год Господь умирает и воскресает вновь, каждый год природа засыпает и возрождается заново в весенней пасхальной атмосфере. Прошое, настоящее и будущее неразрывно сплетается, обещая нам вечность. «Колокольный звон пасхальный Оглашает связь времен...».

Утрачено несколько поколений людей, выросших на животворящей силе евангельского слова, колокольного звона и божьих заповедей. В какой-то момент можно было подумать, что все это потеряно безвозвратно. Православная Русь уходила в небытие. Но Возрождение, Воскресение становится и должно остаться ключевым понятием жизни современного человека.

Сознавая всю глубину проблематики духовного становления будущих специалистов, кафедра педагогики и психологии начала работу по созданию Украинского научно-просветительского центра формирования духовной культуры в обществе в НТУ «ХПИ».

Создание центра станет новым этапом в методологии формирования морально-этического развития личности, а отсюда и общественного устоя, потому что именно на основах духовности возможно создать условия, которые позволили бы воспитать новое поколение гуманитарно-технической элиты, способной в будущем развивать инновационную гуманную и высокодуховную историю и культуру своей страны.

Ученые кафедры и университета убеждены, что только всесторонняя работа со студентами, направленная не только на выработку узкоспециализированных знаний и умений, но и на совершенствование и обогащение духовного мира студента, может создать условия для формирования истинной национальной элиты – высокопрофессиональной, высокодуховной, с активной жизненной позицией.

Віктор Лозовой
м. Харків, Україна

ДУХОВНІСТЬ ЯК ОСНОВА ГУМАНІТАРНОГО РОЗВИТКУ КРАЇНИ

Історичний розвиток людства, як відомо, йшов від доцивілізаційного розвитку до цивілізаційного. На зміну аграрній цивілізації прийшла аграрно-індустріальна. Її змінила індустріальна, що зараз поступається постіндустріальній або інформаційній.

Відповідним цивілізаціям були властиві і певні світоглядні парадигми. Домінування космоцентричної світоглядної парадигми в умовах робовласництва змінюється теоцентричною парадигмою в період землевласництва. Відродження (епоха Ренесансу) викликало до життя антропоцентричну світоглядну парадигму. Їй на зміну приходить поступово, під час становлення індустріальної цивілізації, парадигма техноцентризму, а потім – соціоцентризму. У постіндустріальній цивілізації, або інформаційній, поступово набуває розповсюдження парадигма індивідоцентризму, зорієнтована на розуміння значущості людського потенціалу в подальшому суспільному розвитку.

Індивідоцентризм як світоглядна парадигма інформаційної (постіндустріальної) цивілізації, в яку поступово входить Україна, орієнтує сучасну людину на розуміння того, що вона не є ані пасивним інструментом того чи іншого Бога, ані іграшкою космічних сил, ані рабом соціальних інститутів, ані жертвою створеної нею самою культури, але, озброєна високим рівнем наукової свідомості та загальнолюдськими цінностями, стає суб'єктом діяльності, здібним і здатним регулювати свої відносини і з відчуженими від неї плодами її діяльності, і з соціальними інститутами, і з самою природою, і з самою собою. Людина має вести діалог як з усім, що її оточує в світі, так і з самою собою. Сьогодні значно зростає залежність життєвого середовища від діяльності людини. Як відомо, Конституція України, що була прийнята в 1996 р., виходячи з цієї парадигми наголошує в статті 3: «Людина, її життя і здоров'я, честь і гідність, недоторканність і безпека визнаються в Україні найвищою соціальною цінністю».

На початку XXI ст. накопичилося багато небажаних явищ і проблем, що стримують успішний розвиток України, зокрема в гуманітарній сфері. Визначилася стійка тенденція домінування особистісно-прагматичних орієнтацій і корпоративних інтересів певної частини населення. Демонстру-

ється конфронтаційність у політичному мисленні і поведінці. Культивується насильство, політичний екстремізм, ксенофобія, гріх подається за норму. Відчувається моральна деградація та зростає злочинність у різних формах. Суспільство переживає кризу ідеалів, відчуження людини від політичних інститутів. Значній частині населення, особливо молоді, бракує патріотизму. Правоосвітня та правовиховна діяльність здійснюється формально. Країна розколюється на Захід і Схід за етносоціальними критеріями та монокультурним протистоянням.

За результатами загальноєвропейського опитування щодо рівня життя Україна посіла майже останнє місце серед європейських країн. Зубожіння населення, пригнічення його духу, хронічна депресивність, падіння творчої продуктивної енергії викликали настрої втоми, соціальної апатії, зниження міграційної мобільності. Серед причин таких наслідків: нерівноправність жінок у соціальному й економічному житті, неефективна політика щодо заробітної плати в країні, зростання безробіття тощо.

Своєрідною реакцією українського суспільства та його керманців на кризові явища та виклики інформаційної цивілізації стала розробка проєктів Концепцій з розв'язання гуманітарних проблем. Починаючи з 2000 р. за ініціативою Президентів України науковці Національної академії наук України почали розробляти проєкти: «Концепція розвитку гуманітарної сфери України» (2001 р.), «Концепція гуманітарного розвитку України» (2008 р.). Остання широко обговорювалася громадськістю і науковою спільнотою всіх регіонів України і прийнята на Всеукраїнському форумі інтелігенції (2008 р.) та подана на затвердження Президента України як основоположний документ внутрішньої політики держави. У 2010 р. почався новий етап у цьому напрямі і підготовлена нова «Концепція гуманітарного розвитку України до 2020 р.» (2011 р.), що теж обговорюється в регіонах України.

Метою Концепцій гуманітарного розвитку є визначення принципів та пріоритетів, обґрунтування соціально-економічних і соціально-культурних засад гуманітарного розвитку України як необхідної передумови реалізації потенціалу кожного її громадянина, забезпечення конкурентоспроможності держави і нації в сучасному світі як чинника інтеграції та консолідації українського суспільства. Сутність Концепцій – забезпечити збереження і розвиток людини як найвищої соціальної цінності, формування її як особистості, громадянина, сім'янина, працівника, щоб досягти гармонії інтелектуального, емоційного, вольового та соціального, морального і фізичного її розвитку.

Як відомо, економічний, соціальний і духовний розвиток нації, країни, особливо в сучасних умовах, залежить від рівня людського потенціалу

та ефективності його реалізації. Людський потенціал вважається важливою складовою національного багатства й рушійною силою соціального прогресу, а його розвиток залежить від якості життя. Якість життя безпосередньо пов'язана з тим, заради чого живе людина (тобто сенсом життя), що вона створює, чи бере вона участь у житті колективу, країни, людства чи обмежується тільки обсягами особистісного споживання.

У концепціях подається, як формувати потенціал людини. Але ж потенціал людини можна використовувати і на користь, і на шкоду суспільству і людині. Факти реального життя свідчать, що інтелект, не занурений у моральність, здатний знищити все не тільки навколо себе, але й самого себе. А як формувати світогляд, його гуманістичну спрямованість (спрямованість соціально-психологічних настанов), інакше кажучи, як формувати духовність громадян, – ці питання залишилися поза увагою розробників концепцій.

Духовність розуміється як узагальнююче поняття ціннісної свідомості людини, що має світоглядне, життєорієнтуюче значення і відіграє особливу роль у сфері моральності, спрямовує інтелектуальний і моральнісний потенціал, розум і волю людини. Йдеться про духовність як засіб подолання егоїзму й вільного сприйняття і реалізації альтруїзму, тобто здатність усвідомлено й добровільно сприймати інтереси іншої людини, колективу, соціуму як власні цінності, що проявляються у безкорисливості, прагненні творити добро, стверджувати справедливість, демонструвати співчуття, милосердя тощо як органічні мотиви дій і поведінки людини.

Моральна криза сьогодення – це глобальна проблема. Про моральну кризу в Російській Федерації, про дефіцит духовних скреп (доброти, милосердя, співчуття) у суспільстві говорив у посланні федеральним зборам 13 грудня 2012 р. президент Російської Федерації В.В. Путін. Моральну кризу переживає й українське суспільство. Стан духовної кризи констатується у концепціях гуманітарного розвитку України (2001, 2008, 2011 рр.).

Богдан Гаврилишин у доповіді Римському клубові «Дороговкази в майбутнє» доводив, що майбутнє людства залежить від того, на які цінності будуть орієнтуватися суспільства. Кожна людина, на думку Б. Гаврилишина, як унікальна частина суспільства покликана «відігравати власну роль у ньому, добровільно підпорядковувати себе вищим цілям, виконувати свої обов'язки і реалізувати своє призначення шляхом кооперативної взаємодії з іншими». Сім'я, родина, трудовий колектив, громада, нація повинні мати пріоритетне значення над потребами і прагненнями індивіда. Індивідові не слід демонструвати свої переваги над іншими; не

принижуючи унікальності кожної людини, він має орієнтуватися на консенсус, злагоду, уникнення конфліктів, гармонію з природою та людьми.

Українське суспільство повинно керуватися загальнолюдськими гуманістичними цінностями – це здоровий спосіб життя, висока духовність (моральність, патріотизм), культура поведінки в сім'ї та суспільстві в цілому, захист конституційних прав і свобод людини і громадянина на основі європейських стандартів. Однією з провідних цінностей має бути усвідомлення національної самоідентичності як приналежності до української політичної нації, розуміння спільності прав, обов'язків та інтересів громадян, що спирається на гордість за свою країну і віру в її майбутнє й зумовлює відстоювання громадянином і суспільством національних інтересів, довіру до держави та її інституцій, солідарність з іншими членами спільноти і, відповідно, спроможність взаємодіяти з ними для досягнення суспільно значущих цілей. Гуманізм як моральний принцип, як ідеологія визнання цінності людини, її буття має пронизувати політику, право, релігію, мистецтво, науку тощо. Важливо також зміцнення морального авторитету та статусу жінки, матері, сім'ї як чинників стабільності та злагоди в суспільстві. Одним із завдань соціогуманітарної політики має бути створення в суспільстві благодійного морально-психологічного клімату, який би позначався на доброзичливих відносинах між громадянами, а в їхній життєдіяльності – домінування оптимізму, впевненості, працелюбності, морального резонансу, моральної і правової відповідальності.

Прийняття й утвердження в життєдіяльності громадян фундаментальних цінностей, а саме: незалежності України, демократії й верховенства права в європейському розумінні, поваги до законів та державних інститутів, забезпечення прав громадян, національної самоідентичності, відповідальності за довкілля, свободи та безпеки людини, справедливості, солідарності, поваги до людської гідності, креативної самореалізації особистості тощо – сприятимуть подоланню негараздів, розбудові демократичної, правової, соціальної держави.

Побудова заможного громадянського суспільства, збереження генофонду українського народу, національна самоідентичність, пріоритетний захист прав та інтересів людини, утвердження принципів гуманізму, патріотизму можна вважати стрижнем гуманітарної політики в Україні. Така політика надасть змогу формувати вільну, духовно багату і національно свідому людину – громадянина незалежної і суверенної України.

Отже, формування духовності, гуманістичних світоглядних засад, утвердження гуманістичних цінностей, високої моральності у кожного гро-

мадянина має бути найсуттєвішою, стрижневою проблемою, основною складовою гуманітарного розвитку суспільства. На цьому стояли, пропагували і, наскільки могли, втілювали в життя видатні письменники-гуманісти: Ф.М. Достоевський, Л.М. Толстой, Леся Українка, І.Я. Франко, А. Швейцер, Т.Г. Шевченко та багато ін.

Вирішувати це завдання повинні і державні органи, і система освіти, і засоби масової інформації, релігійні установи, громадські, мистецькі об'єднання, родина тощо. Вони повинні формувати культурний простір, що функціонує на загальнолюдських гуманістичних цінностях.

*Александр Бобров
г. Москва, Россия*

КОЛЫБЕЛЬ ЯЗЫКА В СВЕТЕ 1150-ЛЕТИЯ МОРАВСКОЙ МИССИИ

Под занавес Года истории

И вот завершился 2012 год, который был с запозданием объявлен еще президентом Медведевым Годом истории, Годом 1150-летия русской государственности. Он честно признался, что долго колебался – надо ли Русь-Россию выпячивать? Указ был подписан только после новогодних каникул, когда уже все бюджеты и сметы крупных мероприятий были сверстаны. Государственные торжества в Великом Новгороде прошли скомкано, без участия первых лиц страны, но многое, например, было сделано к 200-летию Бородинского сражения. Особенно писателями России, которые и фестиваль «Бородинская осень», и свой пленум под кучевыми облаками прямо возле Семеновских флешей провели, и книг немало достойных выпустили. Но ведь об этом ТВ не рассказывает.

Зато профессор кафедры всеобщей истории Поволжской государственной социально-гуманитарной академии Андрей Попов на конференции в Минске заявил, что война 1812 года не являлась народной, на территории Белоруссии, мол, не было массовых выступлений противников наполеоновской оккупации. Книга преподавателя Попова об Отечественной войне 1812 года с таким подходом успешно продается во Франции. Пришлось белорусам уличать россиянина во лжи. Историк и политолог, кандидат политических наук Николай Малишевский доказал, что война 1812 года была именно Отечественной, жители западных регионов Российской империи (в том числе крестьяне белорусских губерний) оказывали сопротивление наполеоновским войскам и пособникам агрессора из числа польской шляхты. Сомнительные попытки переписать историю 200 лет спустя не делают чести ревизионистам, считает белорусский историк: «В партизанской войне против оккупантов участвовали не только мужчины, но и женщины. И даже дети!» Вот так саратовские студенты в Год истории постигали события 1812 года!

«Заканчивается 2012 год, объявленный Годом российской истории, – сказал в послании Федеральному собранию президент Путин. – Но внимание к отечественной истории, просветительским и научным проектам не должно ослабевать. Рассчитываю на активную деятельность недавно воссозданного Российского исторического общества, а также Российского военно-исторического общества и уже работающего несколько лет Географического об-

щества России». Правда, он ничего не сказал о следующем, 2013 годе, о его духовно-культурном наполнении. После полета во главе стаи стерхов Путин издал еще в августе указ, который гласит: «В целях обеспечения права каждого человека на благоприятную окружающую среду постановляю: провести в 2013 году в Российской Федерации Год охраны окружающей среды». Диву даешься!

А дальше «право каждого» – не распространяется? Ведь если не охранять эту среду ежегодно, то даже обитатели Рублевского заповедника умрут, задохнувшись или отравившись. Но факт свершился. Кстати, стерхов пришлось вернуть обратно в заповедник, потому что место их зимовки – Имеретийская долина – теперь изуродована олимпийскими объектами Сочинской олимпиады, продавленной вожаком Путиным.

Встает главный вопрос: как мы будем охранять и очищать культурную, языковую окружающую среду? Что представим миру как самобытная цивилизация, а не сырьевой придаток западных стран? Великий русский писатель Ф.М. Достоевский утверждал: «У России есть две всемирно исторические задачи – это Славянство и Православие». Прежде всего, надо вспомнить, что в наступающем году весь расколотый славянский мир и Россия, как главная составляющая и опора этого мира, будет отмечать несколько сияющих дат: в 863 году, 1150 лет назад, равноапостольные братья Кирилл и Мефодий начали свою Моравскую миссию по созданию нашей письменности. О ней говорится в главной русской летописи – «Повести временных лет»: «И рады были славяне, что услышали о величии Божиим на своем языке». Так что мне совершенно непонятен пассаж форумчанина Спорынина в ответ на мою статью «Страна позабытых Героев»: «Повеление... отмечать 9 декабря День Героев Отечества напомнила историю, как по велению Николая I реакционные церковники в 1848 году придумали сказку о Кирилле и Мефодии. Ни Ломоносов, ни Державин, ни Грибоедов, ни Пушкин, ни Жуковский, ни еще многие-многие деятели русской словесности НЕ ЗНАЛИ о существовании Кирилла и Мефодия, поскольку первое упоминание об этих святых российской православной церковью прозвучало в 1848 году, – к тому времени, когда русская литература уже сложилась... Более того, к тому времени, когда уже сложилась РУССКАЯ ЦЕНзуРА. Но начиная с середины девятнадцатого века каждый получивший образование в церковно-приходской школе наконец-то узнал, откуда появился русский алфавит. В 1864 году в России появился праздник святых Кирилла и Мефодия, который РПЦ и современная эрэфия отмечают теперь ежегодно».

Всё перепутано-перепутино в этом странном отклике, который говорит о полном непонимании азов славянской и отечественной словесности, истории русской культуры. В самой древней русской рукописи – Остромировом Евангелии (книгу заказал новгородский посадник Остромир в 1056 г.) – под 14 февраля значится память святого Кирилла. Находим указание на память о

святых братьях и в Архангельском Евангелии 1092 года. Повесть преподобного Нестора Летописца XII века говорит об апостольских подвигах святых братьев, которые «...поучали нас и протолковали святые книги, бо мы не разумеем». Свидетельством древнего почитания святого Кирилла на Руси является и его изображение на фреске XII века вместе со святым Мефодием в Софийском соборе в Киеве... При чем тут 1848-й – год очередной французской революции? Только из-за того, что царизм испугался европейских потрясений, и 27 февраля 1848 года Министерство народного просвещения получило «собственноручно написанное» императором распоряжение: «Необходимо составить комитет, чтобы рассмотреть, правильно ли действует цензура и издаваемые журналы соблюдают ли данные каждому программы...».

Зачем Пушкину, который, кстати, страдал от царской цензуры гораздо раньше 1848 года, обязательно было упоминать о равноапостольных братьях? Он, по-моему, и о равноапостольной Ольге – землячке-псковитянке – не писал, и «Повесть временных лет» не цитировал. Ну и что? Образованные люди прекрасно знали о святых братьях, о кириллице и глаголице, о старославянском языке, богатство которого они использовали широко и благотворно.

Да, в 1863 году, 150 лет назад, Российский Святейший Синод (кстати, учреждение не только церковное, но и государственное) определил, в связи с празднованием тысячелетия Моравской миссии святых равноапостольных братьев, установить ежегодное празднование в честь преподобных Мефодия и Кирилла 11 мая (24 по н. ст.). Напомним, что в Шумене (Болгария) такой праздник состоялся в 1803 году, 210 лет назад, а сами болгары без всяких «реакционных церковников» утверждают, что празднуют его с незапамятных времен. И впрямь он там – общенациональный праздник. Вот с них надо брать пример, а не с нашей властной элиты, которая все делает для уничтожения родных славянских корней. Но истинные патриоты даже в ЦК КПСС, не говоря уж о писателях, хранили это духовное богатство. В 1985 году в СССР, когда негласно отмечалось 1100-летие преставления Мефодия, день 24 мая был объявлен «праздником славянской культуры и письменности». В 1986 году по инициативе писателей, особенно покойного уже Виталия Маслова, в Мурманске прошел первый праздник под названием «Праздник письменности», а на следующий год в Вологде праздник получил свое полное наименование и более широкое культурное наполнение. Наконец, 30 января 1991 года еще во многом советский Президиум Верховного Совета РСФСР принял постановление о ежегодном проведении «Дней славянской культуры и письменности».

Есть на нашем форуме и откровенные славянофобы. Так, некто *xvilipilipok*, с кругозором толстовского Филипка, пишет в ответ на мою статью: «Настоящее же толкование слов «славяне», «слав» и далее в этом духе весьма прозаично. Как свидетельствуют многочисленные древние источ-

ники, как написанные на латыни, так и греческом языке, и слово «славяне», и приставка «слав» происходят от латинского слова «slavus», что, к нашему сожалению, значит «раб», и не более».

Но я встречал в литературе несколько версий происхождения этнонима «славяне». Основными являются пять: 1) от двух родственных славянских слов, восходящих к общему индоевропейскому корню *kleu – «молва, известность»; 2) «слово», таким образом словѣне – это «люди, говорящие „по-нашему“», в отличие от немцев, «немых», то есть «не владеющих нашим языком», «чужих»; 3) «слава», то есть славѣне – «славные». Однако данная форма (с -а- в корне) – позднее образование, зафиксированное в славянских источниках в позднем Средневековье; 4) от индоевропейского слова *s-laṅ-os «народ» (с индоевропейским «подвижным s»), ср. древнегреч. λαός; 5) от топонима, видимо, названия реки (ср. эпитет Днепра Славутич, реки Служа, Слава, Славница в разных славянских землях). Этой версии отдают предпочтение некоторые лингвисты (например, М. Фасмер) в силу того, что суффиксы - ѣн(ин) и - ян(-ин) встречаются только в производных от названий мест. Но нигде, подчеркиваю, – раб!

Еще и поэтому, из-за таких «хвилипков» единственный государственно-церковный праздник России должен приобрести не только общенациональное звучание, как в Болгарии, но и общеславянское значение. В Болгарии 3 марта 2013 года будет в 135-й раз отмечаться День освобождения от османских угнетателей и воскрешения болгарского государства, когда здесь славили русских воинов, победивших в Русско-турецкой войне.

Болгары убеждены, что святые братья Кирилл и Мефодий начали переводить священные книги именно на древнеболгарский язык. Тут история темна. И по сей день в ученой среде не снят с обсуждения вопрос: какая же из двух славянских азбук была первоначальной? Какую из них создал (сам или при участии брата Мефодия) младший Солунянин? Вроде бы, по логике, по названию Кирилл – автор как раз той азбуки, которая названа его именем – кириллицей. Но в кругу исследователей в XX веке прочно утвердилось и теперь, пожалуй, преобладает противоположное мнение: создатель славянской азбуки изобрел не кириллицу, а глаголицу. Именно она – первоходней. Ее совершенно необычным, оригинальным буквенным строем были исполнены старейшие из славянских рукописей. Приверженцы такой теории считают, что кириллическая азбучная традиция утвердилась позднее, уже после кончины Кирилла – у писателей и книжников, трудившихся в Болгарском царстве в X веке. Через их посредство, как известно, кириллическая азбука перешла и на Русь. Как бы там ни было, а точнее всего об этом творении Кирилла и Мефодия сказал строгий судья – Лев Толстой: «Русский язык и кириллица имеют перед всеми европейскими языками и азбуками огромное преимущество и отличие... Преимущество русской азбуки состоит в том, что

всякий звук в ней произносится, – и произносится, как он есть, чего нет ни в одном языке». Так оно и есть: например, марка автомобиля зовется по-французски «Рено», а пишется невообразимо: «Renault».

В Велеград братьев пригласил великий князь Ростислав, и 1150 лет назад кириллица и глаголица достаточно мирно, хотя вынужденно, сосуществовали в течение всей миссионерской работы солунских братьев в Великой Моравии. Вот сюда-то, в колыбель славянской письменности, я и хотел давно попасть.

Дорога моя началась через Брно. Этот красивый город – ровесник Праги. Именно Брно стал родовым гнездом Пржемысловичей – чешской королевской династии, когда в IX веке произошло объединение княжеств и образовалась Великоморавская империя. Брно в настоящее время – столица Моравии. Я под дождем пришел в известный университет имени Масарика в центре. Мне сбивчиво объяснили, как доехать на трамвае до факультета педагогики, до кафедры русского языка и литературы. Добрался, нашел своих коллег-русистов. Поговорил с заместительницей заведующей кафедрой Евой Моленовой, узнал, что на кафедре всего шесть преподавателей и сто студентов всех курсов: «Но есть тенденция к увеличению». Стал спрашивать про Велеград – средневековую столицу Великой Моравской империи: «А, Велеград! Я там никогда не была...» Я удивился, это все равно, что услышать от москвича (настоящего, а не мигранта): «Я никогда не был в Троице-Сергиевой Лавре». Посмотрели по интернету. Оказывается надо всего-то проехать 60 километров восточнее Брна (название склоняется) до города Угерске-Градиште, а там 9 километров до нынешней деревни Velehrad.

Я поехал под сеющим дождем по холмам, а потом уже и взгорьям Моравии, мимо золотых еще лесов и сплошь возделанных, ухоженных полей (бедная моя Россия!), на многих – зеленели озимые. Побывал и в очаровательном средневековом Угерске-Градиште и легко нашел автобус до Велеграда. Ехал с волнением в груди, ждал встречи с местом своего славянского паломничества. В 863–866 годах здесь-то жили и проповедовали Кирилл и Мефодий, а потом старший брат и вовсе остался тут епископом и нашел свой последний приют. Жизнь Святого Кирилла (Константина до монашеского пострига) оборвалась очень рано – на 42-м году. Мефодий же стал архиепископом Моравии, полностью посвятил себя трудам и борьбе за веру и в возрасте 60 лет был погребен в Велеграде в соборном храме. По дороге открылась перепруженная речка Салашка, центр довольно-таки скромного поселка, с малыми домами которого контрастировал гигантский средневековый светло-желтый ансамбль. В 1205 году здесь вырос Цистерцианский монастырь, а в XIX веке – иезуитское училище и комплекс других культовых построек. Церковь и монастырь возведены на фундаменте романских построек, уничтоженных пожаром в 1681 году (считается, что поджог был устроен протестантами).

Монастырь является одним из главных мест паломничества в Чехии, европейские католики посещают Цистерцианский монастырь и храм Вознесения Девы Марии, Кирилла и Мефодия. Например, 1100-я годовщина смерти святого Мефодия 5 июля 1985 года привлекла сюда более 150 тысяч человек, что официально зафиксировано как самое большое собрание верующих на территории страны! Позже сюда нанес визит папа Иоанн-Павел, в честь его приезда установлен гигантский белый крест.

Не знаю, как часто приезжают сюда не католики-паломники, а просто славянские туристы, но в день моего приезда я был один... Прошел к огромной двубашенной базилике, которая отчасти реставрировалась, открыл коричневую тяжелую дверь, вошел в полумрак костела и двинулся между рядами скамеек к чуть мерцающему алтарю. Справа от него сразу увидел белеющую скульптуру Кирилла и Мефодия. Поклонился первоучителям словенским и отправился восвояси.

На обратном пути я вспоминал рассуждения Фёдора Достоевского о славянском вопросе. Он, в частности, предрекал войну на Балканах и полное освобождение южных славян от турецкого владычества, но предостерегал нас от прекраснодушия: «Распространяться не буду, но знаю, что нам отнюдь не надо требовать со славян благодарности, к этому нам надо приготовиться вперед. Начнут же они, по освобождении, свою новую жизнь, повторяю, именно с того, что выпросят себе у Европы, у Англии и Германии, например, ручательство и покровительство их свободе, и хоть в концерте европейских держав будет и Россия, но они именно в защиту от России это и сделают». Как в воду глядел пророк с польской кровью, когда еще НАТО и ЕС не было в помине...

Конечный пункт просветительского маршрута – Велеград, место поклонения святым Кириллу и Мефодию. Но ведь я там был один не только русский, но и, похоже, один приезжий славянин. Это ли не говорит о том, что сегодня происходит в расколоте, кровотоющем славянском мире. Он всегда вызывал ненависть Запада. Вспомним хотя бы слова Фридриха Энгельса: «Мы знаем теперь, где сконцентрированы враги революции: в России и в славянских областях Австрии...», то есть он говорил о нас, и как раз о чешских и моравских землях, входивших в Австрию. Сын богатого фабриканта, дававший деньги Марксу и на европейскую революцию, насчет России явно ошибся. А вот куда сегодня смотрят западные славяне? Что ждет вообще славянский мир в обозримом будущем? Только ли католики будут совершать паломничество в Велеград?

*Путник, когда ты придешь,
Вспомни про эти вопросы.
Осень в Моравии. Дождь –*

Это славянские слезы.

*Эдуард Братута
г. Харьков, Украина*

ПРАВОСЛАВИЕ КАК ОСНОВА ЕДИНЕНИЯ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

Любое развитие, в том числе и развитие Цивилизации, является глубоко противоречивым процессом. Каким бы странным это не казалось, но именно противоречия различной природы являются главными градиентами движущих сил, определяющими устойчивое развитие.

И, как одно из основных противоречий – постоянно обостряющееся несоответствие между накопленными достижениями науки, литературы и искусства и уровнем духовности человека.

Не вдаваясь в достаточно непростые причины этого противоречия, составляющие особую и глобально обсуждаемую проблему, хочу лишь повторить известную истину: путь к социальному равновесию, помимо прочего – в поиске и реализации точек соприкосновения духовных интересов людей.

Одной из таких сфер духовности является православие как основа единения славянских народов, в которой исключены противоречия любой природы.

Полагая, что поэзия является одной из наиболее легко воспринимаемых форм передачи чувств и мыслей, я издал две книги «Молитвою себя творит молящий» и вторая книга «И в храме праздник, и в душе».

В аннотации ко второй книге сказано: «Этот поэтический сборник пронизан желанием автора привлечь Чувства, Мысли и Надежды людей к религии как части мировой культуры – источнику нравственного формирования, творческого озарения и душевного покоя. Как сказано на первой странице книги, она посвящена всем верующим и к вере идущим».

* * *

Прости, Господь, лихую дерзость –
Коснувшись Храмовых вершин,
Озвучить рифмой многомерность
Тобой дарованных Святынь.

Непостижимостью Вселенной
Дух человеческий томим,

И жаждет разум в Жизни брэнной
Внять повелениям твоим,

Чтобы успеть при жизни этой
Предназначенье оправдать
Своей Судьбы пред тем, как Лета
Сомкнет таинственную гладь.

Внимая Божьей Благодати,
Творю молитву при Свече,
Со мной Христос и Божья Матерь,
И в Храме праздник, и в душе.

Одному из центральных событий Христианства – рождению Христа – посвящены такие строки:

* * *

Всечудотворным повеленьем
Звучат в душе колокола –
Это Мария в Вифлиеме
Вселенной Сына родила!

И Рождество с тех пор Христово
Как главный праздник христиан
Великоблагостно и ново,
Как вечной Жизни океан.

Лазурь плывет над куполами,
Касаясь строгости крестов,
Венчающих Святые Храмы
В триединении Основ.

Бог-Сын пришел во избавленье
Нас от греховной маяты,
Чтобы в душевном просветленьи
Могли мы жить без суеты,

И чтобы истово внимали
Добру, Покою и Любви,
Душой открытой осязали
Наш долг перед Богом и Людьюми.

Взошла Звезда над Вифлиемом,
Та, что послала луч с Небес,
Все осветив над утлым хлевом,
Где случилось Чудо из Чудес.

За воплощенье Воли Божьей
Марию Мир благодарит.
– Вам всем во всем Христос поможет, -
Звон колокольный говорит...

* * *

Посвящение Деве Марии

Рождество Пресвятой Богородицы,
Двадцать первое сентября –
Вдохновенно сегодня поклонится
Люд во Храмах, молитвы творя.

Мать Божья, Царица Небесная,
Заступись и прости нам грехи,
Уповает душа моя грешная,
Что услышишь Ты эти стихи.

Я прошу в этот день необычный,
Когда Ты появилась на свет,
Все о том – ежедневно привычном,
О чем часто прошу много лет:

Дай мне силы, терпенья и разума,
Чтобы людям я мог помогать,
Чтоб и делом, и словом, и фразою
Мысли к Богу сумел обращать.

Дай раздумия мне несуетные,
Дай понять, не испытую страх,
Что же движет все судьбы несметные,
Тех, кто в Вере, и тех, кто в грехах?

Вот гляжу я – стоишь Ты с Младенцем,
Как обычная добрая Мать,
На руках Твоих нежное тельце,
Что так бережно нужно держать.

Его Чудом явила Ты миру:
Чудо Жизни и Чудо Небес –
В нем и плоть Человека, и Диво,
В нем и Смысл мироздания весь!

И ребенок для матери каждой,
Как и Твой – Он основа основ,
Нет мольбы матерей боле важной,
Чем мольба за здоровье сынов.

Помнят Матери страсти Голгофы,
Где холмов распростерта гряда...
Сделай так, чтоб стихий катастрофы
Не коснулись детей никогда.

И во славу Тебя – Богородицы
Двадцать первого сентября
Люд с Надеждой и Верой поклонится,
Пред Тобою молитвы творя.

Я думаю, что каждый человек когда-нибудь задумывается о своем предназначении, о том, зачем он пришел в эту жизнь, что он должен успеть понять и сделать. Об этом следующее мое стихотворение.

БОЛЬШОЙ КАНЬОН

Я стою у Большого Каньона,
К краю бездны боюсь подойти,

Это как бы запретная зона,
Где сужаются Жизни пути.

К краю Истины я подбираюсь
И боюсь заглянуть через край,
Осязательно мыслью касаясь
Всей бездонности подлинных тайн.

К краю Жизни когда-то Дорога
Подведет, в неизбежность маня,
В этот миг попрошу я у Бога
Тайну Истин открыть для меня.

И тогда, может быть, запоздало,
Когда нет уже жизненных сил,
Лишь у Края обрыва узнаю,
Для чего я родился и жил.

А еще попрошу на мгновенье
Удержать мою жизнь на краю,
Чтоб услышать людское прощенье
За провину пред всеми мою.

И вот нет уже страха земного
Нет и края Каньона Большого...

* * *

Грядет Новый Год, и вот ему стихи

Когда бокалов звон и бой курантов
Оповестят, что грянул Новый год,
И эта времени земного доминанта
Все прочие звучанья превзойдет,

Когда, насквозь пронизанный Надеждой,
Возникнет снова Первый Миг,
В стихии вечности безбрежной,
Свершающий свой новый сдвиг,

Тогда, в былом реалии оставив,
Мы чувствуем, что молоды опять
И энтропийным вопреки уставам
В себе готовы время обращать.

Так пусть же эта квазиобратимость
Суммируется в душах каждый год,
Чтоб бытия и лет неумолимость
Удерживал души упрямый свод.

Так переступим в радостном волнении
Сей временной невидимый порог,
И пусть во всех надеждах и свершеньях
Нас не оставит с вами Бог!

В заключении, помня о предсказании Майя и о том, что завтра будет 21 декабря 2012 года, я прочту еще четыре строчки:

* * *

Из всех равновесий Природы,
Что благу Вселенной порука
Главные таинства коды
Лишь в равновесии Духа!

Пусть эта фундаментальная равновесность поможет нам во всех благих начинаниях. Пусть пространство литературы объединяет нас в свершении добра. Спасибо! Храни Вас Господь!

*Александр Пономарев
г. Харьков, Украина*

ТОЛЕРАНТНОСТЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Материальные и духовные условия и качество жизни людей в каждом конкретном обществе в значительной мере определяются характером развития образовательного пространства. Об этом свидетельствует даже беглый анализ социально-экономического положения различных государств. Действительно, все из них, наиболее развитые в экономическом и технологическом отношении, отличаются не только высоким качеством системы образования, но и высоким уровнем ее авторитета в общественном сознании. И наоборот, низкое качество жизни, пренебрежительное отношение властей к развитию образования влечет за собой существенное научно-техническое отставание, упадок духовности и культуры. Не случайно существует мнение о том, что войну выигрывают не генералы, а школьные учителя.

Подчеркнем при этом, что речь идет не только об их профессиональной квалификации и педагогическом мастерстве, не об уровне зарплат и вообще об уровне государственных расходов на образование. Речь идет о том неуловим, но крайне важном феномене, который и является образовательное пространство и который формирует гражданина своей страны. Ведь именно от целей и общей направленности всех четырех векторов – обучения, воспитания, социализации и личностного развития, образующих своеобразный каркас этого пространства, и зависит, какими являются выпускники. Имеется в виду их самоидентификация и степень осознания ими себя свободными людьми или обреченными быть бессловесными исполнителями чужой воли, степень развития инновационного мышления и креативных способностей. Ведь это определяет саму возможность их профессиональной и личностной самореализации, реализации личностного потенциала и успешного достижения жизненных целей.

Образовательное пространство в значительной степени определяет интеллектуальное развитие человека, но и формирует его духовный мир, его мировоззренческие позиции и эстетические идеалы, нравственные принципы и убеждения, отношение к другим людям и к обществу в целом, к самому себе и к окружающей природной среде. И все это определяется особым духом того образовательного пространства, в котором происходит становление и развитие личности человека – профессионала и гражданина.

Важнейшими характеристиками образовательного пространства являются степень его гуманности и толерантности. Они сами зависят от характера тех межличностных отношений, которые доминируют в данном обществе и, в свою очередь, существенно влияют на формирование и развитие этих отношений, на общую социально-психологическую атмосферу в обществе, на его духовность и культуру. Ведь только в обстановке толерантности возможны общественное согласие и плодотворное взаимодействие, неуклонное соблюдение правовых и нравственных норм. А сами эти нормы формируются на принципах системы общечеловеческих ценностей. Именно в такой атмосфере рождаются и успешно реализуются важные масштабные проекты, определяющие стратегию развития страны и общества, в центре которой неизменно находится человек, его цели, стремления и интересы. Толерантность порождает не анархию и прощение всех проступков и прегрешений, а, как это не представляется парадоксальным, ответственность каждого за соблюдение принятых в обществе норм и правил и нетерпимое отношение к их нарушителям. И в этом вновь проявляется значение образовательного пространства как одной из духовных основ социума.

Человеческая цивилизация переживает сегодня далеко не лучшие свои времена. Даже оставляя стороне глубокий экономический кризис, который реально угрожает самому существованию сложившейся системы мировой экономики и международных экономических отношений, следует обратить особое внимание на такие негативные факторы, как терроризм, сепаратизм, экстремизм. Заметно обострение межнациональных и межконфессиональных отношений. Представляется вполне естественным, что на этом мрачном фоне существенно усложняется эффективное решение действительно серьезных проблем человечества, которые все более приобретают глобальный характер. Тем более, что они создают угрозу дальнейшему существованию человека как биологического вида. Имеются в виду все более заметные, к сожалению, необратимые природно-климатические изменения, реальность перспективы исчерпания многих видов природных ресурсов, при этом не только органических энергоносителей, но и таких важных для жизнеобеспечения человека, как в первую очередь чистого воздуха и питьевой воды. Серьезный характер носят также энергетические и продовольственные проблемы, рост народонаселения, распространение новых и возобновление считавшихся уже навсегда побежденными традиционных болезней.

Хотя вполне очевидно, что решение этих и многих других глобальных проблем требует объединения интеллектуальных и материальных ресурсов всего человечества, вражда, конфликты и противостояние различ-

ных стран и народов, терроризм и сепаратистские движения в различных регионах нашей планеты делают достаточно проблематичным достижение так необходимого консенсуса и объединения усилий для успешного достижения действительно общечеловеческих, общецивилизационных целей, во имя лучшего будущего наших детей и внуков. При этом в некоторых регионах вражда зашла так далеко, что даже лучшие умы человечества не видят возможных путей и средств ее преодоления и обеспечения если и не дружбы, то хотя бы мира, прочного и длительного между враждующими сторонами.

По нашему глубокому убеждению, на сегодня существует только два таких взаимосвязанных пути, и оба они могут быть реализованы только в пространстве образования и культуры. Во-первых, необходимо глубокое осознание, прежде всего руководителями, лидерами и авторитетными для широкой общественности личностями противостоящих сторон тупиковости и бесперспективности сохранения состояния враждебности, которое приносит только вред и значительные потери обеим сторонам. Это осознание должно произойти сперва у педагогов, которые учат и воспитывают подрастающие поколения, в том числе будущих политических и государственных лидеров и интеллектуальную элиту нации. Настойчиво и системно прививая им мысль о необходимости поиска выхода из безнадежно затянувшегося противостояния и его преодоления, педагоги могут и должны побудить своих воспитанников к поиску приемлемых путей и средств разрешения ситуации.

Во-вторых, всем необходимо помнить, что многолетняя, а то и вековая вражда не исчезает мгновенно только в результате реализации найденных и обоюдно согласованных политических решений. Ее рецидивы, пусть даже на бытовом уровне, будут еще долго проявляться, отравляя взаимоотношения между участниками как будто уже преодоленного конфликта. Уменьшение их числа и смягчение напряженности будет достигаться только в результате целенаправленного воспитания толерантности как единственно возможного способа не только преодолеть вражду, но и обеспечить сосуществование, затем и сотрудничество между сторонами для их обоюдного блага.

Однако для того, чтобы это стало реальностью, необходимо воспитание толерантности у самих педагогов, чтобы она стала неотъемлемым атрибутом образовательного пространства, его важной духовно-культурной и ценностной характеристикой. Эта же задача является более простой, чем представляется на первый взгляд, поскольку толерантность внутренне имманентна как феномену образования, так и каждому настоящему педагогу,

а через них она и может транслироваться в образовательное пространство, а затем и в общественное сознание, закрепляясь в нем как устойчивая нравственная, духовно-культурная и социально-психологическая норма.

Реальность такого пути убедительно продемонстрировали миру США, где практически на протяжении жизни одного поколения осуществился переход от расовой сегрегации не только к межрасовой толерантности, но и к активному участию афроамериканцев во всех сферах общественной жизни, в том числе в бизнесе и политике. Подтверждением может служить хотя бы избрание Барака Обамы президентом страны. Подобный пример, правда, далеко еще не совсем заверченный, демонстрирует ЮАР. Можно привести также действительно историческое примирение испанцев, воевавших в противоположных лагерях в период гражданской войны, послевоенное примирение немцев и французов, длительное время враждебно относившихся друг к другу.

Однако существуют и примеры достаточно длительной и, к сожалению, непримиримой вражды. Можно назвать хотя бы противостояние Израиля и палестинцев, которые не сумели создать своего национального государства на основе резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 1947 года. И одной из причин сохраняющейся вражды следует считать отсутствие желаемой толерантности в системах образования обеих сторон. Можно привести и другие примеры, где агрессивность и неприятие друг друга определяют отношения сторон. Во всех таких случаях в проигрыше оказываются обе стороны. И чем раньше они это осознают, чем скорее придут к пониманию необходимости сотрудничества во имя достижения общих целей, тем большим окажется их выигрыш. А начинать следует с преодоления враждебности и формирования толерантного отношения к представителям противоположной стороны, начиная с детского возраста, четко и последовательно проводить эту линию на всех уровнях образования.

Образовательное пространство представляет собой один из важнейших элементов общего социокультурного пространства каждого общества и страны. Однако в отличие от других элементов оно оказывает намного более весомое влияние на функционирование и развитие этого пространства, поскольку любая его сфера в значительной мере зависит прежде всего от ее кадрового состава, от профессиональной компетентности и личностных качеств специалистов. А эти качества формируются и развиваются именно в пространстве образования. И от того, насколько в нем культивируется толерантность, будет зависеть характер общей направленности функционирования этой сферы – на человека, его потребности, интересы и стремления или на формальные интересы государства, а точнее его властных и управленческих структур.

Было бы неверным утверждать, что все материальное и духовное бытие человека и общества определяется только пространством образования. Для того оно и существует, чтобы готовить людей к успешной жизни и деятельности, которые проходят вне этого пространства, но под существенным его влиянием, которое могут усиливать или ослаблять другие составляющие целостного социокультурного пространства – пространства литературы и искусства, власти и средств массовой информации в зависимости от направленности их позиций и их отношения к гуманизму и толерантности.

Сама же толерантность в образовательном пространстве начинается с отношения учителей и преподавателей к своим ученикам и студентам. Вполне очевидно, что ее практически невозможно обеспечить в условиях авторитарной педагогики. Только при демократизации учебно-воспитательного процесса и глубоком уважении к студентам, умении видеть в каждом индивидуальную и неповторимую личность можно говорить о существовании предпосылок для развития толерантности образовательного пространства. При этом обязательно следует учитывать, что отношения между педагогом и его воспитанниками всегда в определенной мере противоречивы. Источники противоречий лежат в возрастных, статусных, ценностных и других различиях, вполне естественных различиях в жизненных целях и ценностях, эстетических вкусах и идеалах, в понимании роли знаний и образования для достижения жизненного успеха.

Эти противоречия, наряду с требовательностью преподавателя, вполне способны порождать конфликтные ситуации. Мудрость же педагога состоит в том, что он не дает этим ситуациям перерасти в конфликты. Толерантность, жизненный опыт, педагогическая культура и чувство юмора должны помогать ему эффективные пути и средства их разрешения. При этом важнейшую роль должно играть его умение так уступать, так первому идти на примирение, что в результате именно он становится победителем, а его авторитет среди студентов только повышается благодаря проявлению профессионального мастерства. Это будет способствовать и авторитету его дисциплины, создавать дополнительный канал мотивации студентов к ее изучению.

Таким образом, толерантность как важная характеристика пространства образования способна играть существенную роль в успешном разрешении собственных проблем педагогики, оказывая значительное влияние на процессы общественного развития. Как атрибут системы образования, она преломляется в индивидуальных качествах учащихся и интегрируется в общественном сознании, способствуя улучшению взаимопонимания между людьми.

*Ольга Дольская
г. Харьков, Украина*

УНИВЕРСИТЕТ В СОВРЕМЕННЫХ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ

В период с XVI по XXI вв. сформировались важнейшие параметры современной цивилизации, в которой планете предстоит развиваться в обозримом будущем. В этой цивилизации огромное значение приобрели академические институты и, в первую очередь, – Университет.

Университет – это традиционный центр общественной мысли. Практически вся мыслительная деятельность в обществах западного культурно-исторического типа была сосредоточена в университетах и научно-исследовательских организациях академического типа. Идея университета выражает идею единства образования и науки, а также целый комплекс его характеристик, которые являются отражением его уникальности в цивилизационных процессах.

Сегодня Университет определяется, прежде всего, категорией «пространства», а не «места». Это значит, что мы имеем возможность говорить о самом плодотворном общении и внутри поколений, и между поколениями учителей и учеников. Именно Университет определяет наше будущее.

Университет производит социальный капитал общества: он формирует человека, способного к производству новых знаний. В то же время – это центр духовного роста человека, это центр формирования его целостности. Университет остается самым счастливым и свободным опытом в жизни отдельного человека, мы многое получаем здесь «на вырост», не для непосредственного практического употребления. Сегодня университет – великая ценность современной цивилизации, в определенном смысле – это необходимая роскошь.

Несомненно то, что выпускники университетов – люди с высоким уровнем образования – это яркие индивидуальности. Но сегодня молодого человека нужно готовить не только к конкретной «профессиональной деятельности». В последнее время мы наблюдаем поиск и появление новых форм институционализации мышления. Что это значит? Более ценным становится воспитание участников коллективной мыследеятельности. Университет с его организацией научно-исследовательской деятельности в форме кафедр и институтов, на которых профессора, преподаватели и студенты совместно производят знание, сегодня представляет собой воплощение идеи коллективной мыследеятельности.

Эта идея в современном мире востребована, как никогда. Почему? Двигателями научного прогресса являются всё более крупные организованные коллективы. В связи с этим Университет, который прививают молодёжи такую модель совместной интеллектуальной деятельности, становится звеном и в развитии науки и образования, и в процессе социализации человека. Он активно способствует социальным изменениям, социальной мобильности, наконец, он активно влияет на ход развития общества.

Современный этап цивилизации характеризуется сдвигами, которые меняют «правила игры» в экономике. Усиливается конкуренция на рынке интеллектуальных технологий, повышается роль способностей ориентации в мощных потоках информации, требуется активизация концептуального мышления. Ценятся специалисты, способные принимать нестандартные решения. Поэтому освоение методов творчества становится императивом, нормой выживания и развития предпринимательских структур в условиях современной экономики, современного рынка. Этим методам творчества учат в Университете.

В современном обществе начинают доминировать трудовые процессы, в которых человек расценивается в контексте интеллектуального и творческого роста, что активизирует проблему образования на протяжении всей жизни. Человек начинает брать на себя функции контролера текущего процесса: он не зависит от техники, а, наоборот, делает функционирование техники зависящей от него самого. Его труд начинает характеризоваться присутствием творческих элементов в любом виде производства. В постиндустриальном обществе на смену ориентации на расширение производства материальных товаров и услуг приходит ориентация на расширение производства знания, на тиражирование информации, структурированной особым образом. Вследствие этого происходят изменения в структурных элементах общественного производства. Наряду с основными отраслями промышленности развивается интеллектуальное производство как производство знаний, развиваются коммуникативные средства различного характера в виде информационных сетей, банков данных, рекламных структур, организаций, устанавливающих связи межнационального взаимодействия и т.п. На смену машинному труду с необходимостью приходит труд интеллектуальный, связанный, с одной стороны с использованием компьютерных технологий, а с другой, – направленный на человека.

Тема образования присутствует во многих социальных теориях. Например, разрабатывая теорию трудовых процессов нового общества, социологи М. Пайор и Ч. Сейбл выдвигают тезис о том, что существенными

особенностями и преимуществом нового образа жизни станет распространение гибкой специализации и гибкого производства, основанных на определенных знаниях. Они пишут, что во времена индустриального общества доминировало массовое производство, его огромные объемы стандартизированной продукции требовали специализации оборудования и специализации труда, что приводило к низкому уровню трудовых навыков. Операции сводились к рутинным движениям, присутствовал жесткий хронометраж движений и действий и т.п. Введя термин «гибкая специализация», они предвидят разрыв с рутинным и монотонным трудом, в результате чего будет возрастать разнообразные возможности производства и повышаться квалификация работников любого уровня, предполагающая образование в течении жизни человека [1].

Если раньше господствовало утверждение, что для капитализма не нужны квалифицированные работники, то убеждение о необходимости гибкой специализации все более находит своих приверженцев. Экономисты П. Хирст и Дж. Цейтлин считают, что гибкая специализация может быть сформирована везде, где существуют благоприятные условия для сотрудничества и кооперации, которые обеспечивают необходимый минимум доверия между рабочим и нанимателем [2].

Профессор Гарвардской школы бизнеса, известная исследовательница трансформаций в экономической сфере, С. Зубофф усматривает в развитии последних лет перспективу «серьезных перемен в трудовых навыках» [3, с. 57]. Информации в гибкой специализации отводится особая роль, а информационно коммуникативные технологии служат главным признаком гибкой специализации, и они же и обеспечивают ее. Новые технологии – это «умные» технологии, их отличительная черта – инкорпорирование больших объемов сложной информации. Этот информационный материал обеспечивает гибкость и самого производственного процесса, т.к. для работы необходимо владеть не только просто профессиональными навыками, но и навыками профессиональной адаптивности и гибкости. Теперь не только инженер, технолог должен быть готовым к овладению новыми навыками, но и рабочий. Роль образования становится все более ощутимой на производстве, т. к. внедряются не просто новые технологии: в производство внедряется все больше программируемых технологий. Наличие сложного оборудования требует знания, поэтому информационные технологии не только стимулируют постоянное переобучение, но и нуждаются в работнике, который смог бы овладеть сведениями о внутреннем устройстве системы.

По терминологии социолога Л. Хиршхорна, работники нового типа общества отличаются от работников индустриального общества. Это «постиндустриальные рабочие», которые «должны уметь наблюдать за всем производственным процессом и понимать его настолько, чтобы ликвидировать любую неполадку» [4, с. 2]. Информационные технологии снимают значительную часть физических нагрузок и монотонность работы на конвейере, но взамен требуют «большей мобилизованности и наблюдательности, что необходимо из-за несовершенства кибернетических технологий и сбоев в их работе» [4, с. 2–3]. Поэтому особую роль Л. Хиршхорн отводит образованию «постиндустриальных рабочих», стратегия которого должна быть организована совершенно по-новому. Он отмечает следующее: обучение должно быть организовано так, чтобы оно готовило рабочих к вмешательству во время неожиданных неполадок системы, т.е. им необходимо понимание всей системы в целом и постоянные «переподготовка и обучение». Таким образом, рабочий, который был «контролируемым элементом производственного процесса станет сам осуществлять контроль, контролируя контроль». Другими словами, труд рабочего будет «образованным», а специализация «гибкой».

Именно «гибкая специализация» побуждает работника к участию в планировании работы: компьютеризация обеспечивает оператору «петлю обратной связи», «кинетическую обратную связь», что дает работнику возможность перепрограммирования системы. Таким образом, работник как информационно восприимчивый человек осведомлен в области передовых технологий благодаря им же. Он способен умственным усилием совершенствовать систему в целом. С. Зубофф называет такое умственное усилие «рефлексивностью», которая возникает на основе работы с информационно-коммуникативными технологиями. Такая работа получает статус информирующего процесса, который порождает, как она полагает, «интеллектуальные навыки» [3, с. 10].

Э. Гидденс, вводя термин «рефлексивной модернизации» [5], основное внимание уделял абстрактному и обобщенному знанию, а центральной точкой его интереса стал процесс принятия решения, оценка риска и особый контроль над своей собственной жизнью. С этой точки зрения, теоретическое знание составляет суть современных общественных отношений, и Э. Гидденс, по сути, показывает, что теоретическое знание возникло вместе с современным обществом и его роль неуклонно возрастает в нем. А его потенциал проявляется в том, что оно позволяет влиять на наше будущее.

Роль и значение Университета в формировании теоретического знания непосредственно в Украине начинаешь оценивать, когда непосредственно сталкиваешься с новыми требованиями, которые выдвигает Министерство образования перед будущими специалистами. Современная Национальная рамка квалификаций – системное и структурированное по компетенциям описание квалификационных уровней – подчеркивает такие составляющие компетенций, как Знания, Умения, Коммуникации, Автономность и ответственность. В комплексе они и образуют структуру национальной рамки квалификации (Постановление Кабинета Министров Украины № 1341 от 23 ноября 2011 года). Как видим, к магистрам выдвигаются требования, формирующие у будущего специалиста разнообразные навыки: от профессиональных и компетентностных до нравственных.

Такая составляющая как Знание включает в себя требование ориентироваться в наиболее передовых и концептуальных положениях современности, в области научно-исследовательской или профессиональной деятельности на грани предметной науки, в предметных отраслях. Этот аспект образования предполагает усиленную и углубленную философскую подготовку.

В Умениях как составляющем компоненте компетентностей акцент ставится на критическом анализе, оценке и синтезе новых и сложных идей, а также на разработке и реализации проектов, включая собственные исследования, которые дают возможность переосмыслить наличное и создать *новое целостное знание*. Тут же профессиональная практика расценивается как «багаж», основание, фундамент для решения значимых социальных, научных, культурных и этических проблем.

В Коммуникации подчеркивается умение общаться в диалоговом режиме с широкой научной общественностью, а также и с бизнесом в конкретной отрасли научной и профессиональной деятельности.

Автономность и ответственность предполагают инициирование инновационных комплексных проектов, формирование и активное использование лидерства и полную автономность во время их реализации. Сюда же вводится требование социальной ответственности за результаты принятия стратегических решений, а также способность саморазвиваться и совершенствоваться на протяжении жизни, при этом проявляя ответственность за обучение других.

Естественно такие требования вынуждают говорить о формировании не только способностей выпускника. Сегодня остро встает вопрос о формировании нового типа и преподавателя, ведь новая организация высшего образования – это государственно-частное партнерство. Рынок диктует свои

условия, а это означает, что формы традиционного образца передачи знаний необходимо менять. На смену приходят такие формы, как моделирующие игры, тренинги, проекты, конференции, семинары в виде круглых столов и т.п.

В подавляющем большинстве развитых стран в условиях перехода к «новой» экономике Университет выступает ключевым элементом кластеров. Именно Университет обеспечивает интеллектуально-инвестиционную поддержку развитию предпринимательства в своих регионах. Кластерный подход – это, прежде всего, новая управленческая технология, которая позволяет повысить конкурентоспособность не только отдельной отрасли, но и государства, и региона в целом.

Во всем мире сегодня распространяется практика создания кластеров, как образовательных, так и с участием учреждений образования. Кластерная политика предполагает создание так называемого исследовательского пространства. При этом происходит активное взаимодействие участников кластеров – государства, университета, предпринимателей-производителей и рыночной инфраструктуры.

Примерами роли университетов в кластерной политике, которые выполняют роль связующего звена и ядра всех составляющих звеньев этого сложного объединения, могут выступать следующие факты. Мировая практика свидетельствует, что за последние два десятилетия процесс формирования кластеров происходит довольно активно. В целом, по оценке экспертов, к настоящему времени кластеризацией охвачено около 50% экономик ведущих стран мира. Примеры кластерной политики в разных регионах мира:

Азия.

– Харбинский промышленный университет (Китай) – центр формирования кластерных инициатив в регионе, созданный для того, чтобы превзойти успех Силиконовой долины.

– В 2001 году в Турции был принят закон о зонах технологического развития и высокотехнологических кластерных объединениях вблизи известных университетов мегаполисов.

Европа.

– Наиболее известный биофармацевтический кластер «Биодолина» был создан в 1996 году в долине реки Верхний Рейн (на территории Франции, Швейцарии и Германии), куда входят четыре университета и многочисленные исследовательские центры.

– В Финансовый мегакластер Лондона входит Оксфорд.

В контексте кластерной политики также необходимо разворачивать межрегиональные, приграничные, межуниверситетские проекты. При этом

участниками межрегионального и приграничного сотрудничества могут выступать органы государственной власти, органы местного самоуправления, юридические лица (университеты) и общественные организации.

Еврорегион Слобожанщина не отстает от своих западных и восточных коллег. Подписано Соглашение о межмуниципальном и трансграничном сотрудничестве между Ассоциацией муниципальных образований Белгородской области и Ассоциацией органов местного самоуправления Харьковской области (2012). Проходит подготовка к 10-летию еврорегиона в 2013 году. Создается украинско-российская сеть еврорегионов. Разрабатываются образовательные проекты по развитию приграничных районов Украины и России. Разрабатываются научно-образовательные проекты между университетами России и Украины.

Еще один существенный компонент, который характеризует роль университета в становлении цивилизационного пространства. Каждые 5–7 лет научно-техническая и информационная революции коренным образом меняют структуру материального производства. Меняется социально-общественная жизнь. Чаще всего, особенно этот вопрос обострился в последние 10–15 лет, государство мало занимается прогнозированием своих специалистов на 5–15 лет. Эту роль, чаще всего, берет на себя Университет. Он самостоятельно планирует подготовку специалистов на эти годы.

Итак, Университет ориентируется на открытость и самоорганизацию; в области мышления – на новую интеллектуальную революцию; в области науки – на более инициативные поиски на рынке научно-исследовательских работ; он вынужден ставить ставку на маркетинговые исследования рынка труда своих выпускников. Сегодня мы уверенно говорим: Университет не только определяется с позиции категории «пространство», он сам создает его, которое мы, чаще всего, и называем цивилизационным.

Список литературы: 1. Piore M.J., Sabel Ch.F. The Second Industrial Divide / M.J. Piore, Ch.F. Sabel. – New York: Basic Books, 1986. – 368 p. 2. Zeitlin Paul & Hirst Jonathan ed. Reversing Industrial Decline? Industrial Structure and Policy in Britain and Her Competitors / P. Zeitlin, J. Hirst. – Hardcover ASIN: Berg, 1989. B00159S2ZK. 3. Zuboff S. In The Age Of The Smart Machine: The Future Of Work And Power / S. Zuboff. – New York: Basic Books, 1989. – 468 p. 4. Hirschhorn L. Beyond Mechanization: Work and Technology in a Postindustrial Age / L. Hirschhorn Beyond. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1986. – 200 p. 5. Giddens A. Beyond Left and Right: The Future of Radical Politics / A. Giddens. – Stanford: Stanford University Press, 1994. – 284 p.

*Александр Михилев
г. Харьков, Украина*

РОССИЯ И РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК В ПОЭТИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ А.С. ПУШКИНА

В знаменитой и с детства всем знакомой поэме А.С. Пушкина «Руслан и Людмила», полной сказочных чудес (растущий у лукоморья дуб с золотой цепью; ученый кот, поющий песни и рассказывающий сказки под тем дубом; неприкаянный леший; русалка на ветвях; избушка на курьих ножках; выходящие по утрам из моря тридцать прекрасных витязей; колдун, несущий в облаках богатыря; томящаяся в темнице царевна, которой верно служит бурый волк; Баба-Яга в бредущей сама собой ступе и, наконец, чахнувший над золотом Кощей), есть замечательная строка: «Там русский дух, там Русью пахнет!» [4, с. 654]. Брошенная как бы вскользь в пору беззаботной юности (поэма была начата 1817 и закончена в 1820 году, то есть когда поэту исполнилось чуть больше двадцати лет), строка эта с гениальной силой простоты, естественности и выразительности запечатлела одну из самых характерных черт всей пушкинской поэзии – её глубоко национальный русский характер.

На первый взгляд, замечание о русском духе и Руси в контексте перечисления русских сказочных образов как бы не имеет прямого отношения к оценке Пушкиным своего творчества и меры русского духа в нем. Но тем не менее оно весьма знаменательно, ибо органически вытекает из всего строя именно русской сказочной реальности, столь поэтически воспроизведенной поэтом в её красочности и полноте. Так что Пушкин имел все основания сказать о волшебном полотне, созданным его могучим воображением: «Там русский дух... там Русью пахнет».

В то же время нельзя не отметить, что замечание это отнюдь не случайно, оно вовсе не результат поэтической прихоти или каприза, но скорее плод глубоких раздумий поэта о характере и особенностях своего творчества. На эту мысль нас наталкивает относящееся к тому же периоду небольшое стихотворение «К Н.Я. Плюсковой» (1818). Н.Я. Плюскова – фрейлина императрицы Елизаветы Алексеевны, к правлению которой Пушкин относился благосклонно, считаю, что она воплощала на троне «добродетель с её приветною красой» [6, с. 192]. Говоря о себе как о певце красоты, любви и свободы, поэт гордится тем, что он «не рожден царей забавить» [5, с. 192].

Завершает же он это стихотворение – своего рода первый свой поэтический манифест красноречивым заявлением:

Любовь и тайная свобода,
 Внушали сердцу гимн простой,
 И неподкупный голос мой
 Был эхо русского народа. [5, с. 192].

Осознание своей поэзии как выражения «русского духа», как «эха русского народа», сформировавшееся у Пушкина уже на раннем этапе его творчества, не было пустой декларацией. Это было осознание своего предназначения, осознание природы своего вдохновения и присущая подлинным гениям прозорливость, которая не обманула поэта. Россия, русский человек во всей своей полноте и многообразии своей национальной самобытности, метафорически обозначенные Пушкиным как «русский дух», придают его поэзии то особое очарование, ту глубину и многомерность и в то же время притягательную ясность, которые делают ее общенародной на все времена. Не бахвальство и не похвальба, но спокойная уверенность гения пронизывает строки его «Памятника», написанного за год до смерти:

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
 И назовет меня всяк сущий в ней язык...

 И долго буду тем любезен я народу,
 Что чувства добрые я лирой пробуждал,
 Что в мой жестокий век восславил я Свободу
 И милость к падшим призывал [5, с. 586].

На национальный характер пушкинского гения обратил внимание уже Н.В. Гоголь, который в статье «Несколько слов о Пушкине» (1832) писал: «При имени Пушкина осеняет мысль о русском национальном поэте. В самом деле, никто из поэтов наших не выше его и не может более назваться национальным: это право решительно принадлежит ему. ... Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет. В нем русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла» [1, с. 58].

Пушкин для Гоголя не только величайший русский национальный поэт, но он сам являет собой высший образец русского человека в его развитии, то есть своего рода идеальную проекцию русского человека, которая, возможно, осуществиться через двести лет.

Сходную мысль о Пушкине как о высшем проявлении русского человека – «первом русском человеке» спустя почти полвека высказал и Достоевский. В статье «Смерть Некрасова. О том, что сказано было на его могиле» (1880). Достоевский, говоря о байронизме как о «моментальном, но великом, святом и необходимом явлении в жизни европейского человечества, да чуть ли не в жизни всего человечества», который «появился в минуту страшной тоски людей, разочарования их и почти отчаяния» [2, с. 113] от крушения новых идеалов, провозглашенных французской революцией, отмечает, что он нашел естественный отклик в России и, конечно же, у Пушкина.

Но великий поэт, согласно Достоевскому, отдав дань байронизму – «тому могучему крику в котором соединились и согласились все крики и стоны человечества» [2, с. 114] пошел дальше Байрона.

«Величие Пушкина как руководящего гения, – пишет далее Достоевский, – состояло именно в том, что он так скоро, и окруженный почти всем не понимавшими его людьми, нашел твердую дорогу, нашел великий и вожделенный исход для нас, русских, и указал на него. Этот исход был – народность, преклонение перед правдой народа русского. ... Пушкин был не только русский человек, но и первым русским человеком. Не понимать русскому Пушкина значит не иметь права называться русским. Он понял русский народ и постиг его назначение в такой глубине и в такой обширности, как никогда и никто. Не говорю уже о том, что он, всечеловечностью гения своего и способностью откликаться на все многоразличные духовные стороны европейского человечества и почти перевоплощаться в гении чужих народов и национальностей, засвидетельствовал о всечеловечности и всеобъемлемости русского духа и тем как бы провозвестил и о будущем предназначении гения России во всем человечестве, как всеединящего, всепримиряющего и все возрождающего в нем начала» [2, с. 114].

Здесь же Достоевский отмечает еще одну редкостную черту пушкинского гения – способность полюбить свой народ, разглядеть «великую суть его духа» и «принять эту суть народную в свою душу как свой идеал» [2, с. 115].

Близкую к Достоевскому точку зрения о том, что именно в русском народе, в его истории и в его морали Пушкин обрел всенародное признание выразил и выдающийся православный богослов, церковный писатель и

педагог епископ Антоний в «Слове перед панихидой о Пушкине, сказанном в Казанском университете 26 мая 1899 года» по случаю столетней годовщины со дня рождения поэта. Назвав его «нашим народным поэтом», исключительное свойство поэзии которого «заставляет сердце наше расширяться, сладостно трепетать и возрождать в нашей памяти все доброе, все возвышенное, когда-либо пережитое нами» [3, с. 1], он объясняет художественно-эстетическое и высоконравственное воздействие Пушкина на читателей всех возрастов и сословий его литературным гением, познавшим и принявшим нравственные устои русского народа. «Пушкин, – утверждает он, – действительно находил нравственную опору против ложных устоев общественной жизни в русском народе и в русском историческом прошлом... Пушкин был народник, но прежде всего он был моралист и народником он сделался потому, что был моралистом» [3, с. 3].

Как видим все три оценки пушкинского гения, сделанные с различной временной дистанции и с различных сословно-мировоззренческих позиций, сходятся в одном: Пушкин – величайший национальный поэт воплотивший как в своем творчестве так и в самом себе дух России и русского человека. Этот дух сказывается не только в стихах, в которых в той или иной мере говорится о России или о русском человеке, но он разлит, по выражению Достоевского, по всей его поэзии.

В силу обширности заявленной темы, в данной статье ограничимся рассмотрением лишь отдельных поэтических произведений в которых непосредственно затрагиваются мотивы России и русских людей. Знаменательно, что уже в самых ранних стихах, начиная с 1914 года, Пушкин неоднократно обращается к использованию лексики, свидетельствующей о гордости поэта за свое отечество и его людей: росс, россияне, российский, Россия, русские поля.

В стихотворении «К другу стихотворцу» (1814) он, например, пишет о том, что «Дмитриев, Державин, Ломоносов

Певцы бессмертные, и честь и слава россов,
Питают здравый ум и вместе учат нас,
Сколь много гибнет книг, на свет едва родясь!» [5, с. 18].

Российским Парни (один из любимых Пушкиным французских поэтов. – А.М.) называет он своего современника Батюшкова, который характеризуется им как

«философ резвый и пиит,

Парнасский счастливый ленивец,
Харит изнеженный любимец,
Наперсник милых аонит»

и который,

«постигнутый судьбою,
Как росс, питомцев славы пал!»

(«К Батюшкову», 1814), [5, с. 48, 49].

В написанном в том же году стихотворении «Воспоминания в Царском Селе» Пушкин, славя Царскосельский лицей – «Минервы русской храм» [4, с. 52], слагает восторженную оду деяниям великих царей: Петру I, царствование которого ознаменовалось исторической победой над шведами («Орел России мощной» [5, с. 52]); Екатерине II, когда сразил льва

«под скипетром великие жены
Венчалась славою великая Россия,
Цветя под кровом тишины!» [5, с. 52],

когда её сподвижники и полководцы, своими деяниями создавали славу России:

Бессмертны вы вовек, о русски исполины,
В боях воспитаны средь бранных непогод!
О вас, сподвижники, друзья Екатерины,
пройдет молва из рода в род.
О громкий век военных споров,
Свидетель славы россиян!
Ты видел, как Орлов, Румянцев и Суворов,
Потомки грозные славян
Перуном Зевсовым победу похищали;
Их смелым подвигом, страшась дивился мир [5, с. 53].

Для юного Пушкина история родной страны предстает как история славных побед русского духа и русского оружия, но одновременно и как история повторяющихся противостояний чужеземным притязаниям – «и вскоре новый век узрел и брани новые, и ужасы военны... и быстрым понеслись потоком враги на русские поля» [5, с. 53]. Однако навстречу иноплеменной рати, которой, казалось, нет преград, «России двинулись сыны... Их цель иль победить, иль пасть в пылу сраженья за Русь, за святость алтаря» – и вот уже «в Париже росс!», и этот росс, вместо мщенья за свою

разоренную страну, за сожженную Москву – «мать градов России», «с улыбкой примиренья грядет с оливою златой» [5, с. 54, 55].

Уже здесь русский человек представлен не только богатырем и отважным воином, готовым пожертвовать собой ради спасения родины, но и великодушным победителем, лишенным злобного и мстительного чувства по отношению к поверженному врагу. Тема великодушия по отношению к побежденным становится лейтмотивом пушкинской поэзии. К ней он возвращается в стихотворении «Бородинская годовщина» (1831). Напоминая народам воинственной Европы, для которых «хмельна... славянов кровь», но которые «забыли русский штык и снег, погребший славу их в пустыне» [6, с. 501], поэт предупреждает их о тяжком похмелье, если вновь им захочется испытать мощь русского «колосса». И здесь же, возвращаясь к усмирению Польши, Пушкин, как само собой разумеющееся для русского человека, роняет:

«В боренье павший невредим;
врагов мы в прахе не топтали.
Мы не сождем Варшавы их;
Они народной Немезиды
не узрят гневного лица
и не услышат песнь обиды
От лиры русского певца» [6, с. 501].

Эту черту русского человека – великодушие и готовность прощать обиды – Пушкин подчеркнет и в характере одного из своих самых любимых героев – Петре I. Так, в поэме «Полтава» (1828–1829), рисуя эпизод царского пира после одержанной над шведами победы, поэт упоминает многозначительную деталь – милостивое отношение Петра к пленникам:

«В шатре своем он угощает
Своих вождей, вождей чужих,
и славных пленников ласкает,
И за учителей своих
Заздравный кубок поднимает» [5, с. 260].

Для Пушкина способность ласкать пленников и поднимать «заздравный кубок» за недавних своих врагов как за «учителей своих» – свидетельство душевной широты и щедрости героя – высшего представителя своего

народа. Это свойство столь близко Пушкину, что он посвятил ему целое стихотворение «Пир Петра Великого» (1836), в центре которого необычный, но столь ценимый поэтом поступок Петра Великого – прощение царем своего провинившегося подданного. Неординарность этого поступка усиливается пышным пиром, который Петр задает не в честь очередной победы «русского штыка иль флага», не в честь полтавской годовщины и даже не в честь рождения наследника:

Нет! Он с подданным мирится;
Виноватого вину
Отпуская, веселится;
Кружку пенит с ним одну;
И в чело его целует,
Светел сердцем и лицом;
И прощенье торжествует,
Как победу над врагом [5, с. 146].

Русский человек, будь то «вещий Олег»; «великия жена» Екатерина; «росски исполины» екатерининских времен (Орлов, Румянцев, Суворов); «идол северных дружин, маститый страж страны державной, смиритель всех ее врагов» Кутузов – последний «из стаи славной екатерининских орлов» [5, с. 498]; герой Полтавы, прорубивший для России окно в Европу Петр Великий, – Пушкин изображает прежде всего как строителя и собирателя русских земель, воина и защитника интересов России. Величие осуществляемых ими дел придает величие и масштабность их характерам и поступкам. Таков «вещий Олег», легендарный русский князь, чей «щит на вратах Цареграда» и которому покорны «и волны и суша» [5, с. 273], такова Екатерина II – «Минерва русская», «великия жена», под скипетром которой «венчалась славою счастливая Россия, цветя под кровом тишины» [5, с. 52]. И таков, наконец, Петр Великий, идеальный образ которого как пример для подражания новым русским царям Пушкин запечатлел в «Стансах» (1826):

Самодержавной рукой
Он смело сеял просвещенье,
Не презирал страны родной:
Он знал ее предназначенье.
То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,

Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник [5, с. 386–387].

Но для Пушкина русский человек – это не только герои – полководцы и великие цари, радеющие за Россию, пусть и идеализированные в какой-то мере, в чем в очередной раз сказалась удивительная способность пушкинского гения оценивать события и выдающихся деятелей в исторической перспективе. Русский человек для него – это и безымянные «россы», которые в 1812 году «пред врагом твердыней грозной стали» (стихотворение «Александрю», 1815) [5, с. 97]. Пушкин восторженно называет их «сыны Бородина, о кульмские герои» [5, с. 97], он восхищается их боевой отвагой, бесстрашием и готовностью отдать свои жизни во имя спасения России от французского нашествия и, ощущая духовное родство со всеми своими соотечественниками, ставшими под боевые знамена, горько переживает, что возраст не позволил ему, «сжимая меч младенческой рукою» [5, с. 97], пасть на поле боя.

Русский человек для Пушкина – это и его лицейские друзья А.А. Дельвиг, А.М. Горчаков, Н.А. Корсаков, В.К. Кюхельбекер, И.В. Малиновский, М.А. Яковлев, составляющие цвет и славу современной ему России; это поэты В.Л. Жуковский, П.А. Вяземский, Гусар-поэт Денис Давыдов; генерал А.Ф. Орлов, который, по выражению Пушкина, «сочетал с душою пылкой, откровенной (хотя и русский генерал) любезность, разум просвещенный» [5, с. 199] и, конечно же, Чаадаев, выразительную характеристику которому поэт дал в четырехстишии «К портрету Чаадаева»:

Он вышней волею небес
Рожден в оковах службы царской;
Он в Риме был бы Брут, в Афинах – Периклес,
А здесь он – офицер гусарский [5, с. 234].

Таким образом, для Пушкина русский человек – это личность, сочетавшая в себе как дух «воинственных славян» [5, с. 98], так и высокие нравственные и душевные качества – патриотизм, самопожертвование, великодушные, жизнелюбие и жизнерадостность, а также любовь к свободе и готовность пожертвовать ради нее своей жизнью (декабристы и Чаадаев, который «в Риме был бы Брут») и широту государственного мышления (Петр Великий и

«птенцы гнезда Петрова –

В пременах жребия земного,
 В трудах державства и войны,
 Его товарищи, сыны:
 И Шереметьев благородный,
 И Брюс, и Боур, и Репнин,
 И, счастья баловень безродный,
 Полудержавный властелин» [6, с. 257];

Екатерина II – «росская Минерва» и ее славная когорта вовек бессмертных «росских исполинов»; Чаадаев, который в Афинах был бы Периклом).

Конечно же, русский человек это и пленительный образ Татьяны Лариной, представленный поэтом как абсолютно «русская душой», и няня поэта Арина Родионовна, и яркая плеяда русских женщин, красоту и ум которых он прославил. И, наконец, это сам Пушкин, величайший русский человек, который по слову Гоголя, может быть, явится в своем развитии через двести лет; первый, по Достоевскому, русский человек, и, по точному определению академика Д.С. Лихачева, «гений, сумевший создать идеал нации» [5, с. 18].

Идеал нации – это та полнота выражения «русского духа», прозорливостью пушкинского гения освобожденного от всего мелочного, несущественного, исторически преходящего и представленного в художественно совершенных формах, в высших проявлениях своих сущностных человеческих качеств. «Гений возвышения» [5, с. 18] и гений прозрения, Пушкин, как никто другой, сумел создать универсальный, незабываемый и вечный поэтический канон русского духа, России и русского человека.

Список литературы: 1. Гоголь Н.В. Собр. соч. В 8 т. – Т. 7. / Н.В. Гоголь. – М.: Правда, 1984. – С. 58–64. 2. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. – Т. 26: Дневник писателя 1877. Сентябрь – декабрь; 1880. Август. / Ф.М. Достоевский. – Л.: Наука, 1984. – С. 111–126. 3. Епископ Антоний (Храповицкий). Слово перед панихидой о Пушкине, сказанное в Казанском университете 26 мая 1899 / Епископ Антоний. – Интернетресурс: Информ. – аналит. портал Саратовской епархии Русской православной Церкви / Александр Сергеевич Пушкин: путь к православию. – 5 с. 4. Лихачев Д. Предисловие / Дмитрий Лихачев // Пушкин А.С. Стихотворения. Поэмы. «Евгений Онегин». Драматические произведения. Проза. – М.: Эксмо, 2010. – С. 18–20. 5. Пушкин А.С. Сочинения в 3 т. – Т. 1 / А.С. Пушкин. – М.: Худож. лит., 1985. 6. Пушкин А.С. Стихотворения. Поэмы. «Евгений Онегин».

Драматические произведения. Проза / А.С. Пушкин. – [Вступ. ст. Д.С. Лихачева]. – М.: Эксмо, 2010. – 960 с. і ил. – (Библиотека Всемирной литературы).

*Николай Олейник
г. Белгород, Россия*

**НЕЗАВЕРШЁННЫЕ ЭПИЧЕСКИЕ И ДРАМАТИЧЕСКИЕ
ЗАМЫСЛЫ К.Ф. РЫЛЕЕВА (ТРАГЕДИЯ «ХМЕЛЬНИЦКИЙ»,
ПОЭМА «НАЛИВАЙКО»)**

У Кондратия Федоровича Рылеева с юных лет было особенное отношение к истории. Интерес к украинской старине подогревался, прежде всего, личными отношениями, связывавшими его с украинской интеллигенцией. Исторический материал для разработки сюжетов из прошлой) Украины предоставляла ему «История Малой России» Д.Н. Бантыш-Каменинского, вышедшая в начале 1822 года. Девятый том «Истории Государства Российского» Карамзина решительным образом подвигнул Рылеева искать творческие вдохновения в историческом прошлом своей родины,

Литературный спор Пушкина и Рылеева, касался проблемы историзма. Пушкин не находил в рылеевских героях ничего национального, русского, кроме имен. Для него ценны, прежде всего, картинность, выразительность, поэтическое искусство. Рылееву же дорога агитационная сила воздействия, полнота выражения чувств поэта-декабриста.

Поэмы «Хмельницкий», «Гайдамак», «Палей», «Наливайко» не были закончены поэтом, однако в них он поднялся на новую ступень идейно-художественного развития. По справедливой оценке Н.А. Бестужева, «новые сочинения, начатые Рылеевым, носили на себе печать зрелейшего таланта».

Цельной в историческом отношении и острой в плане гражданском представляется поэма Рылеева «Наливайко».

Стремление найти для поэмы героя, посвятившего жизнь борьбе за народную волю, побудило Рылеева искать его в среде деятелей украинского национально-освободительного движения XVI–XVII вв. Таковым стал Северин Наливайко, возглавивший восстание, поддержанное крестьянами, Прогни польских магнатов. Войска Наливайки были разбиты, а сам он в 1597 году казнен в Варшаве.

Рылеев начал работать над поэмой «Наливайко» в конце 1824 г. Работа над поэмой шла очень быстро до весны 1825 г. Затем Рылеева оторвали от «Наливайко» его новые эпические замыслы и организационно-политическая деятельность в Северном обществе.

Краткая программа поэмы: «Сельская картина. Нравы Малороссии. Киев. Чувства Наливайки. Картина Украины. Униаты. Евреи. Поляки. При-

теснения и жестокости поляков. Смерть Косинского. Смерть старосты. Восстание народа. Наливайко гетман. Новые жестокости поляков. Поход. Сражение. Тризна. Мир. Лобода и Наливайко в Варшаве. Казнь их. Эпилог.

Помимо раскрытия субъективных помыслов героя («Молитва Наливайки» и др.), поэт воссоздавал украинские нравы, рисовал польских угнетателей и, наконец, широкую картину вооруженной борьбы двух лагерей. Автор «Наливайко» стремился рассказать о различных сторонах украинской жизни XVI в., не передоверяя при этом герою функции повествователя. Дошедшие до нас отрывки поэмы свидетельствуют, что Рылееву удалось верно показать тогдашнее состояние Украины. Он начал «Наливайко» с изображения древней украинской столицы, попавшей под пяту угнетателей. В отрывке «Киев» было выразительно показано блестящее прошлое этого города, центра торговли и оплота христианства в древней Руси. Вслед за этим поэт-декабрист создал картину весны на Украине, подчеркивая контраст между ликованием природы и тоской поработенного народа. Рылеев занят был по преимуществу раскрытием образа свободолюбивого героя. Он писал поэму вразброс, стремясь, прежде всего к созданию тех ее частей, которые доставили бы особенно красноречивый материал или декабристской агитации. Рылеев с исключительной настойчивостью подчеркивал в характере Наливайко те черты, которые объединяли его с украинским народом, и делали его выразителем самых заветных чаяний украинцев.

Наливайко живет мыслью об освобождении родины. Сын Украины, кровно связанный с народом, он должен был явиться его защитником и мстителем за его попорченную свободу. Наливайко оказался побежденным в неравной борьбе. Причины поражения Наливайко: родной ему народ забит, поработен и не может еще подняться на борьбу со своими угнетателями.

Образ Наливайко был наделен Рылеевым многими привлекательными качествами – храбростью, вполне раскрывавшейся в его схватке с римским старостой, благородством и главное – безграничной преданностью родине. Герой Рылеева религиозен – Наливайко посещает Киев Лавру; преклоняясь перед иконой Марии, он молится об «угнетенных ляках». Эта черта его духовного облика ни в какой мере не противоречит действительности: шляхетская Польша стремилась уничтожить на Украине влияние православной церкви, которую ревностно защищали украинские патриоты XVI–XVII вв. Сила стихов «Исповеди Наливайки» – и образа героя, и всей поэмы в целом – в том состояла, что она раскрывала глубоко верную мысль об исторической прогрессивности даже неравной борьбы, если она ведется за передовые идеалы своего времени. Ни в одном произ-

ведении Рылеев не раскрыл этой идеи с такой силой и выразительностью, как в «Наливайко».

Повествование «Наливайко» отличается спокойным ритмом, поэтической речью, стремлением к простоте. Возросшее мастерство поэта ярко иллюстрируется «Смертью Чигиринского старосты». Читатели 20-х годов по достоинству оценили этот отрывок поэмы «Наливайко». «Смертью Чигиринского старосты» восхищался Дельвиг, отрывок этот понравился и Пушкину.

Традиция романтической поэмы подвергалась в «Наливайко» дальнейшему обновлению. В центре поэмы образ политического борца, сознательного и деятельного. Любовная интрига отсутствует. Рассказ от лица автора. Язык свободен от диалектных слов.

В конце своего творческого пути поэт возвращается к образу Хмельницкого, вождя массового казацко-крестьянского движения середины XVII в. деятельность которого, судя по прологу, он предполагал показать на широком народном фоне. Очевидно, Рылеев ставил своей задачей воспроизвести причины недовольства, охватившего крестьян и казаков, их стремление к сопротивлению, обусловившее выдвижение на авансцену гетмана вскоре возглавившего вооруженную борьбу с польским владычеством. Одной из наиболее тяжелых форм гнета поляков над украинскими землями было предоставление ими права сбора доходов от православных церкви ростовщикам-арендаторам, чаще всего евреям, что для украинцев оборачивалось обременительными поборами, оскорблением их религиозных чувств.

Первоначально Рылеев хотел воплотить свои декабристские идеи в поэме, состоящей из шести песен. Но к середине 1825 г. замысел «Хмельницкого» претерпел существенные изменения жанрового характера: вместо поэмы Рылеев решил писать трагедию. Драматическая форма и ранее привлекала его внимание. К осени 1825 г. Рылеев начал работу над трагедией.

Действие «Пролога» происходит на площади в Чигирине. Польский шляхтич Чаплицкий всеми средствами стремится получить подати с бедных украинских крестьян. Пока они не заплатят, все православные храмы в городе будут закрыты и никаких церковных треб в них не будет.

Национально-освободительное движение в Украине XVII в. показано в трагедии «Хмельницкий» в «религиозной одежде», которая была неизбежна для той поры. В 1596 г. на правобережной Украине была введена уния, подчинявшая православных мощному влиянию католической церкви.

Автор «Хмельницкого» в значительной мере изжил свой прежний романтический псевдоисторизм, превращавший образы прошлого в своеобразные «рупоры» декабристских идей.

Самое крупное достоинство этого отрывка заключается в том, что Рылееву во многом удается дать конкретно-историческое изображение украинского народа. Среди представителей украинского крестьянства центральное место занимает Свырыд. Свырыд обладает политической сознательностью. Он знает, что «воловоє терпение» украинских крестьян мешает им подняться на борьбу. Речи этого казака чужда какая-либо романтическая аффектация, но в том немногом, что он говорит, раскрывается суровая правда жизни. О Свырыде можно говорить, как об определенном характере, раскрытом, правда, только в политическом плане. Можно предполагать, что в трагедии Свырыду и подобным ему суждено было большое будущее: на таких людей и должен был в первую очередь опираться Богдан Хмельницкий.

В отрывке из «Пролога» героя, в сущности, нет. На протяжении почти 200 стихов ни разу не появляется та исключительная по своим дарованиям личность, без которой раньше не обходилась ни одна рылеевская «дума». Народ, правда, скорбит о том, что, «нет головы, нет гетмана у нас», но он говорит именно о голове, которая нужна для успеха украинского освободительного движения. Однако движение это существует, народная масса негодует и бурлит. Герой в трагедии, конечно, должен был появиться. Но, во-первых, примечательно уже то, что Рылеев начал «Хмельницкого» с образов социального фона, чего вовсе не было в «думе», а в «Наливайко» было лишено конкретности. Во-вторых, даже и появляясь в ходе дальнейшего действия, герой должен был теперь уже выглядеть по-иному. Его выдвигала масса, он с нею спаян был кровной связью, и в этом заключен был залог грядущей победы.

Автор «Пролога» проявляет большой интерес к бытовым подробностям. Он указывает, что действие трагедии происходит летом, т.к. хлеб еще не собран, и крестьянам нечем заплатить за отправление церковных треб. Уже первые реплики украинцев полны бытовых подробностей. И отец Карпо, не имеющий разрешения арендатора крестить сына Юрко, и Начыпор, тщетно ожидающий позволения женить Грыцько на Настусе, и умирающая мать Свырыда, третий день молящая об исповеди, – все эти образы словно выхвачены из повседневной жизни Украины той поры, овеяны колоритом среды и эпохи.

Для речи этого драматического отрывка характерна простота образных средств, лишенных какой бы то ни было приподнятости и декламационности. Пролог «Хмельницкого» написан нерифмованным «белым» стихом; размер цезурованного пятистопного ямба заставляет вспомнить о «Бо-

рисе Годунове», писавшемся одновременно с трагедией Рылеева, но, конечно, неизвестном поэту-декабристу.

Таковы основные черты пролога к «Хмельницкому». Не подлежит сомнению, что в движении к реалистическому стилю и методу, автор «Хмельницкого» опередил всех без исключения декабристских писателей писавших на исторические темы: Ф.Н. Глинку, В.К. Кюхельбекера, А.А. Бестужева-Марлинского, О.М. Сомова и др. Все они, в общем, ограничивались созданием образов, служивших рупором декабристских идей тогда как в «Хмельницком» впервые начала говорить история.

К.Ф. Рылеев оставил после себя много неоконченных произведений. Возникает вопрос: почему он их не завершил? Возможно, бурная революционная деятельность не способствовала литературному творчеству, отнимала немало сил. Да и произведения свои он в основном делал выразителями декабристских идей.

Рылеев погиб задолго до полного расцвета своего таланта, не завершив спора с Пушкиным, не осуществив едва ли не большей части своих замыслов. При всем том вклад его в развитие русской поэзии является поистине уникальным.

Список литературы: 1. Коровин В.И. Поэты пушкинской поры. М., 1980. – 363 с. 2. Цейтлин А.Г. Творчество Рылеева. М., 1955, – 281 с. 3. Базаров В.Г. Литературное наследие декабристов. Л., 1975, – 436 с. 4. Базаров В.Г. Поэты декабристы. М., 1950. – 521 с.

*Анатолий Долгарев
г. Харьков, Украина*

ВОССТАНОВИВ ПАМЯТЬ – ВОССТАНОВИМ ГОРДОСТЬ

В прошлом году мне, благодаря моему заведующему кафедрой А.Г. Романовскому, удалось побывать с ним на 16 Всемирном русском народном Соборе, который возглавляет Патриарх сия Руси Кирилл, а его заместителем является Валерий Николаевич Ганичев, один из учредителей наших конференций по Переяславской Раде и Пространству литературы. В этот раз темой проведения Собора были «Рубежи истории – рубежи России». Лейтмотивом всех выступлений звучало то, что установление границ между странами бывшего Советского Союза не означает возникновение духовных границ и барьеров между нашими братскими народами. Многие выступавшие высказывали мнение, что народы стран СНГ не только не хотели, но даже в мыслях не предполагали того, что натворили зарвавшиеся политики, зараженные разрушительными идеями заокеанских политиков. Одним из прочных фундаментов, на которых держится братская духовность наших народов – это победа наших отцов и дедов, одержанная в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. На каждом митинге в ХПИ, посвященных Дню Победы ветераны вспоминают участников Коммунистического батальона, сформированного на территории этого старейшего вуза в 1941 году. Половина студентов и преподавателей, записавшихся в этот батальон, отправились на защиту города Киева, а другая – на защиту Москвы. Бывший участник этого батальона А.И. Эпштейн в своих воспоминания о студбатавцах приводит выдержку Олеса Гончара, который также был участником этого батальона, написавший о тех, кто встал на защиту своей Родины следующее: «Это всё идут завтрашние солдаты, простые обычные люди от верстака и плуга, большинство из них не слышали о фресках Софии Киевской, может – не слышали и о Рафаэле, но все эти друзья Рафаэля, друзья Пушкина и Гоголя, единственные их теперь защитники. Только все, такие как вы, как мой сын, как те, которые маршируют по улицам из военкоматов, дают нам ещё надежду». Именно этим характером войны, пишет А.И. Эпштейн, – в которой довелось защищать и себя, и всю мировую цивилизацию, был заключен дух добровольцев и, особенно, отряда студбатавцев. Студенты сдавали свои документы о своей отсрочке о призыве на воинскую службу и требовали зачисления их в армию добровольцами [1, с. 71–72].

В честь 70-летия разгрома немецких войск под Москвой и обороны города Тулы мне довелось участвовать в международной конференции, посвященной этим великим событиям. В двухтомнике «Мы помним», опубликованном к этой конференции представлены материалы старшей дочери

маршала Жукова – Эллы Георгиевны Жуковой, правнучки выдающегося конструктора легендарной тридцатьчетверки Виктории Бояриновой, председателя Белорусского отделения Международного общественного фонда имени полковника Г.К. Жукова Д.С. Сенько и многих других родственников участников, свидетелей и очевидцев грозных событий. Эта конференция была проведена по инициативе Правительства Тульской области, Центра общественных наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Тульского филиала Российского государственного торгово-экономического университета при поддержке Международного общественного фонда имени Жукова во главе с его президентом В.П. Чуриным. Авторами данного проекта стали Ю.М. Осипов и Л.И. Ростовцева. В каждом выступлении и в каждой публикации этой конференции была только правда о войне, которую хотят извратить сегодня те, кто негативно относится к самой дружбе наших народов. Сейчас, когда человечество вступило первую фазу Глобальной Экологической Катастрофы, – считает А.И. Субетто, – императив её преодоления связан в своей реализации с переходом к управляемой социоприродной или ноосферной эволюции на базе общественного интеллекта и образовательного общества, где действует закон опережающего развития качества человека, качества общественного интеллекта и качества образовательных систем в обществе [2, с. 350]. «В эпоху ноосферы, – писал академик Н.Н. Моисеев, – сможет вступить лишь по-настоящему высокообразованное общество, понимающее свои цели, отдающее отчет в трудностях, стоящих на пути его развития, способное соизмерять свои потребности с теми возможностями, которые дает ему Природа» [3, с. 351]. Как известно, возможности Природы не бесконечны и существует объём допустимых хозяйственных возможностей биосферы. Только объединив свои усилия в поиске совместных решений для расширения хозяйственного объёма биосферы, человечество сможет продлить срок своего существования на Земле. Настало время перехода от всякого рода военных угроз к исключительно мирным способам взаимодействия всех стран и народов. Появление новых информационных технологий позволяет нам раскрыть пространство для общения между людьми всех континентов. На всех сайтах должна стоять одна проблема: как ликвидировать имеющиеся между людьми разногласия, и как найти способ сближения людей планеты.

Недавно по инициативе президента Российского географического общества, нынешнего Министра обороны России С.К. Шойгу на каналах российского телевидения появился фильм «Алсиб», рассказывающий о том, как американцы посылали в годы войны свои новые самолеты «Аэрокобра» через Аляску на аэродромы Сибири, а затем к линии фронта. Фильм построен на материалах, опубликованных корреспондентом газеты «Известия» Анатолием Клёвой в начале 80-х годов в журнале «Дальний Восток». За пуб-

ликацию этого материала бывший Президент США Ричард Никсон подарил А.Г. Клеве американский галстук в благодарность о статье, в которой показано величие дружбы между народами двух стран в период Великой Отечественной войны. В прошлом году мы с членом президиума ассоциации выпускников ХПИ, участником ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС В.М. Авершиным и художественным руководителем национального харьковского театра оперы и балета, профессором университета искусств имени Котляревского, народным артистом Украины В.А. Болдыревым посетили места сражения харьковских студбатовцев под Наро-Фоминском. У села Щепотино стоит мемориал защитникам Москвы в честь 4-й дивизии ополченцев Куйбышевского района столицы. Этот мемориал воздвигнут прямо на трассе, соединяющей столицы двух братских народов, двух городов – Героев Москвы и Киева. Это трасса, скрепленная боевой дружбой и кровью наших братских народов, должна всегда напоминать украинской и российской молодежи о наших общих победах, которые были совершены под руководством Великого полководца, Маршала Победы Г.К. Жукова.

Как-то в одном из своих обращений Президент Российской Федерации В.В. Путин сказал, что сегодня российское общество испытывает явный дефицит духовных скреп: милосердия, сочувствия, сострадания друг к другу, поддержки и взаимопомощи – дефицит того, что всегда, во все времена исторически делало нас крепче, сильнее, чем всегда гордились. Хотелось, чтобы эта гордость существовала и между нашими народами бывшего Советского Союза, а для этого нужно сделать очень много. Наличие сегодня харьковского отделения Союза писателей России – это большой вклад в укрепление нашей дружбы, но и другие творческие организации должны восстановить духовное пространство между нашими народами: и союз журналистов, и союз художников, и союз композиторов и другие, кто хочет мира и созидания на своей планете Земля.

В 2003 году в разных издательствах вышли две монографии. Одна написана Самюэлем Хантингтоном под названием «Столкновение цивилизаций», а вторая Юрия Владимировича Яковца «Глобализация и взаимодействие цивилизаций». Уже в самом названии видно, кто все время пытается сталкивать людей, делая из них разрушителей среды своего обитания, а кто пытается найти формы сближения и сотрудничества народов в новых для нас условиях.

*Инна Титаренко-Качура
г. Бургас, Болгария*

О ВЛИЯНИИ СЛАВЯНСКОЙ И ЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИЙ НА БОЛГАРСКУЮ КУЛЬТУРУ (В РАМКАХ ПРОЕКТА РОССИЙСКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ)

Проблема поиска путей улучшения методов обучения русскому как иностранному была всегда актуальной. Для современного этапа развития модернизация обучения русскому языку обрела особое значение в связи с принятием Советом Европы страсбургского соглашения «Общеевропейская компетенция владения иностранным языком» и вхождением России в европейское образовательное пространство.

Эти идеи гуманитаризации образования находят поддержку у представителей различных отраслей знаний – культурологов, лингвистов, методистов, – всех, кто поддерживает идею лингвокультурологического подхода в методике обучения русскому языку как иностранному. Учитывая вышесказанное, сегодня по-другому следует определять и стратегическую цель обучения русскому иностранных студентов (особенно в неязыковом ВУЗе). Как и ряд современных исследователей – А.С. Ахиезер [1, с. 38], Т.А. Дмитренко [2, с. 121], В.А. Маслова [4, с. 56] – мы полагаем, что акцент следует делать на формировании «вторичной языковой личности» [3, с. 30], владеющей навыками межкультурной коммуникации.

В рамках данного проекта в российской и зарубежной методике преподавания иностранных языков особую актуальность обретают проблемы взаимоотношения народного творчества и языка, фольклора и национального менталитета. Использование материалов УНТ – народной сказки в особенности – в процессе обучения русскому языку давно вызывает большой интерес у практиков и теоретиков.

Каждый народ имеет свой особый неповторимый сказочный репертуар. Вместе с тем, в сказках разных народов, очень далеких друг от друга в географическом и этническом отношении, можно обнаружить не только общие образы, но даже сходные художественные приемы. Определение лингвокультурных особенностей сказочных текстов мы предлагаем осуществлять путем сравнительно-типологического анализа болгарских, английских и русских сказок: их повествовательной манеры, структурно – композиционных элементов (образов, мотивов, сюжетов, концептов), антропонимических характеристик, стилистической характерности.

«Современная Болгария, – как отмечает доктор Рональд Хытын, – находясь на перекрестке между Востоком и Западом, имеет трех основных этнических предков: фракийцев, славян и болгар. Хотя эти народы изначально были отдельны и этнически и культурно, и религиозно, но именно эта смесь, которая внесла свой вклад в богатое наследие современной Болгарии, до сих пор оживленно подпитывает фольклор и традиционную болгарскую культуру» (перевод мой – И.Т.) [5].

Ряд современных фольклористов находят фольклорные и сказочные традиции различных европейских народов в русской сказке. Это исследование Егорова О.А. выявляющие традиционные формулы как явления народной культуры в русской и европейских сказках; работы Новикова Н.В., обращенные к общности поэтической образности и национального менталитета в русской и болгарской сказках, исследования Р. Ляховецкой, В. Гоп-мана, И. Гейнце и многих других, затрагивающих различные аспекты межкультурной коммуникации.

Мотивы и образы русской сказки о Коте в сапогах встречаются в разных вариантах сказок южнославянских (болгарского) народов: «Силниятльв и малката мишка», «Котката и глупавите селяни». А трогательный сюжет об оклеветанной сестре, например, известный в XII веке, на юге Англии, вплоть до XVI века, подвергался многочисленным литературным обработкам на английском, французском, немецком, русском, болгарском и других языках, – английская «Тростниковая шляпка» сразу воспроизводит в памяти русскую «Золушку» или болгарскую «Дъщерята на Говедаря», героиня которой не только покорила сердце великолепного принца своим трудолюбием, но смогла привить и ему любовь к труду.

Болгарские сказки своеобразны и по разработке национального сюжета, и по своей повествовательной манере, но они в значительной степени ближе к русским по некоему славянскому духу. Например, английский Том, резко отличается от своего болгарского собрата («Педея Човек») и русского «мальчика с пальчика». Мы бы сказали, что английский «мальчик с пальчик», по сравнению с русским и болгарским, которые совершают множество проделок, иной раз даже весьма озорных, – характер созерцательный, пассивный, сам он ничего не затевает, но когда волею судьбы попадает в какие-нибудь передряги, то спасается благодаря своему маленькому росту. В то время как русская и болгарская – славянские – сказки, прославляя ум и находчивость героя, как бы говорят: вот, что можно сделать, если изловчиться; английская просто утверждает: вот из каких положений можно выйти, если ты маленького роста.

Таким образом, тексты народных сказок обладают огромным потенциалом, обращение к которому позволяет студентам, изучающим русский язык как иностранный, глубже понять особенности национального менталитета, социальных поведенческих норм, – что, безусловно, формирует навыки их лингвокультурной компетенции.

С середины 1990-х гг. Союз переводчиков и Институт литературы Болгарской Академии наук работали над проектом по изучению рецепции переводов европейских литератур в Болгарии, результаты которого будут представлены в восьмитомном издании. Второй том, включающий работы о русской литературе, содержит 47 статей-персоналий и 5 обзорных, посвященных влиянию русских писателей на болгарскую культуру с середины XIX в. до конца XX в.

Среди сборников докладов и статей, предлагающих сравнительно-типологические исследования вопросов русской и болгарской литератур, особо следует выделить серию факультета славянской филологии Софийского университета «Св. Климент Охридский», где на протяжении нескольких лет были опубликованы работы, посвященные А.С. Пушкину (Л. Димитров), А. Платонову (Т. Георгиев), Д. Хармсу (И. Захариева), И. Бродскому (Р. Евтимова), куртуазным маньеристам (М. Костова-Панайотова), модернистской и постмодернистской версиям апокалипсиса в русской литературе (Р. Божанкова), В. Войновичу (Н. Черняева). Два сборника представили работу международных конференций, проведенных в других болгарских университетах – Велико-Тырновском («Западноевропейский модернизм и славянские литературы») и Шуменском («Русский язык и литература в современном обществе»). Среди специализированных изданий следует отметить также журнал «Болгарская русистика», который охватывает широкий спектр научных проблем, рассмотренных с разных методологических позиций: «Язык тела в драматической трилогии А.К. Толстого» Румяны Корсемовой; «Лермонтовский герой: проблемы онтогенеза» Радославы Илчевой; «Мифологизация поэта в России конца XVIII – первой трети XIX века и аспекты сакрализации Пушкина: «К проблеме русской ментальности» Денки Крыстевой; «Жизнь человека» и «Анатэма» Л. Андреева в контексте русского экспрессионизма» Татьяны Федь. Эти материалы могут быть предметом особого изучения на занятиях по русскому языку.

Кроме использования материалов *УНТ*, на наш взгляд, одним из средств активизации познавательного интереса студентов может быть обращение к *комическому, неолгизмам, окказионализмам и пр.*

Неологизмы приобретают характеристику общественно узаконенных номинаций и, появившись в определенный период, постоянно воспроизводятся и в конце концов принимаются языковой традицией. Окказионализмы – это индивидуальные авторские образования, существующие лишь в том контексте, в котором они появились. Они всегда создаются непосредственно в тексте, а не воспроизводятся как готовые единицы. Они даже потенциально в языке не присутствуют, системной, языковой и общественной потребности в них нет, но творчески создаются они по имеющимся в языке моделям. На основе этих словообразовательных новаций возникает и новое РСК, которое мы условно назовем «окказиональной этимологизацией». Этот прием, как и многие РСК, основан на неожиданной для читателя подмене привычной семантики или стилистической тональности чем-то другим, ситуационно неоправданным: «Быстрота смены ожидаемого более или менее противоположным есть неременное условие смеха» (А. Потебня) [6, с. 32]. Например, М. Слободской, высмеивая словесную абракадабру городских вывесок, заставлял своего оглушенного каскадом новых словообразований героя задавать себе вопрос: «Кто шьет в артели «Индпошива»: индус, индеец или индюк?» [7, с. 23]. Читатель неожиданно получает новое, контрастирующее со знакомым значение лексемы, превращенной в омоним известного ему слова. Пример из постсоветских реалий: барбос – хозяин кооперативного бара, стричь купоны – получать деньги, пенкосниматель – шеф-повар, главбух – командир батареи. Или более современное: колбаски – поклонницы Коли Баскова или абрамовничать – не бриться несколько дней. Пример использования: «Пошли с друзьями в поход, так я всю водную часть *абрамовничал*, а как только вышли на сушу, все-таки побрился», лужкануть – уйти в отпуск и потерять работу по возвращении. Пример использования «Знаешь, как Серега *лужканул*: приехал с Мальдив, а весь его отдел разогнали» и т.п.

Зачастую аббревиатуры паронимически сближаются с частицами. Так появляются комические фразеологизмы: НИИ рыба и НИИ мясо, НИИ то и НИИ се, НИИ пуха и НИИ пера; или аббревиатура как пароним заменяет первую часть составного слова – ВНИИбрачный институт.

Современная языковая ситуация постмодерна характеризуется стремлением к использованию юмора, проявляющегося в различных бытийственных сферах, – что является специфическим феноменом, создающим предпосылки окказиональной этимологизации. Тот, кто хорошо понимает анекдот, тот знает в совершенстве язык.

Образование неологизмов по ранее продуктивным моделям может по ряду причин затухать, и, наоборот, в современный словообразовательный процесс могут вовлекаться непродуктивные в прошлом модели. Причинами таких перетрубадий являются либо потребности самого языка – недостаточность или избыточность тех или иных образований, либо определенный социальный заказ, наконец, просто языковая мода. Например, при развитии техники, технологий, производства возникает необходимость в новых наименованиях, которые создают абстрактные существительные с набором характерных для них суффиксов. Введение новой бытовой техники приводит к образованию необычных глаголов: *пылесос - пропылесосить*; *ксерокс – отксерить* и пр.

Таким образом, тексты народных сказок, как и словообразовательные новации, обладают огромным потенциалом, использование которого позволяет студентам, изучающим русский язык как иностранный, глубже понять особенности национального менталитета, социальных поведенческих норм, – что, безусловно, формирует навыки их лингвокультурной компетенции.

Список литературы: 1. Ахиезер А.С. Философские основы социокультурной теории и методологии. // Вопросы философии. 2000. – № 9 – С. 29–45. 2. Дмитренко Т.А. Профессионально ориентированные технологии обучения. Монография. М.: Прометей, 2003. – 327 с. 3. Каменская О.Л. Вторичная языковая личность – методологическая основа межкультурной парадигмы в лингводидактике. М.: МГЛУ, 1998, – Вып.440. – С. 30–35. 4. Маслова В.А. Лингвокультурология. Учебное пособие. М.: Издательский центр «Академия», 2001, – 208 с. 5. Роналд Хътън Български Мит и фолклор. <http://www.spellintime.fsnet.co.uk/folklore.htm>. 6. Потебня А.А. Мысль и язык. // Потебня А.А. Собрание трудов. М.: Лабиринт, 1999. – С. 32. 7. Слободской М.Р. Сатирические стихи. // Библиотечка Крокодила. М., 1957, № 165. – С. 23.

*Леонид Мачулин
г. Харьков, Украина*

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА СЛОБОДСКОЙ УКРАИНЕ

Харьковская крепость фактом своего рождения обязана двум параллельным процессам: начатой несколькими десятилетиями прежде модернизации Московского царства и национально-освободительному движению украинского народа от польского гнета. Преобразование Харьковской крепости в город формально состоялось по указу русской императрицы Екатерины II и стало возможным благодаря освоению его населением (преимущественно казаками) торгово-хозяйственной деятельности.

Исследование городской культуры Харькова невозможно без понимания факторов социокультурной динамики городской жизни на протяжении определенного времени. Современные украинские города на Левобережье Украины сформировались, в основном, во второй половине XVII–XVIII вв., а их становление имело определенную специфику. На протяжении пяти столетий, начиная с Киевской Руси, основными атрибутами города были его военно-политический и административно-торговый статус. Уже в Киевской Руси города представляли собой незаурядное явление. В источниках того периода упоминается около трехсот (!) городов. В тот феодальный период Русь, безусловно, еще не знала понятия «столица», да и Киев был не столичным градом, а местом «сидения» главного князя. Города представляли собой хорошо укрепленные центры торговли и ремесла, и лишь в двух десятках из 300 находились резиденции уездных князей. «Большинство из них, – пишет Лев Гумилёв, – безусловно, были маленькими поселениями, но среди них были большие города, если судить по стандартам того времени. Совокупное население трех наибольших городов – Киева, Новгорода и Смоленска – составляло, возможно, не менее четырехсот тысяч человек <...> городское население составит тринадцать процентов от общей численности населения, эта цифра значительно выше аналогичной в московский период и схожа только с ситуацией конца девятнадцатого века» [1].

С началом татаро-монгольского нашествия процесс урбанизации на Руси более трёхсот лет был «заморожен». Впоследствии, с освобождением от татаро-монгольского ига и перемещением политико-экономического центра государственного строительства славянского народа в Москву, дальнейшая политика урбанизации славянских земель стала формироваться с учетом военно-политических интересов Московского княжества.

Русские средневековые города в XIV–XV вв. характеризовались преимущественно феодальным землевладением – княжеским, боярским и церковным. А основным признаком успешности города в этот период была принадлежность его Московскому царю. Владея городом, Государь отдавал его с землями в «держание» (военное, белое, оброчное, черное) своим государевым «холопам» – служилым людям и «сиротам» – черным «тяглецам» (представителям не родовой знати). Мелкие собственники городских «данных» земель (т.е. плативших дань за неё) занимались преимущественно ремеслами и торговлей, но не порывали окончательно и с сельским хозяйством.

Переход на новые сельскохозяйственные технологии (введение паровой зерновой системы с трехпольным севооборотом, использование сохикосули) привел к перепроизводству. Следствием стало удешевление сельхозпродукции и рабочих рук. Эти два фактора привели к росту численности русских городов в XVI ст. и миграцию в них сельского населения. Одновременно росла роль и влияние «посадских людей» – ремесленников и торговцев, чья честь по царскому судебнику (1550) ценилась в пять раз выше чести и весы «пахотных крестьян».

«Город раннего феодального периода XIV–XV вв. был, прежде всего, укрепленным поселком земель владельцев – феодалов (князей, бояр, монастырей)... Городские стены оберегали от внешнего врага именно эту часть городского населения, а также и его власть над социально зависимыми от него элементами: слугами, крестьянами, городскими ремесленниками. Последние обычно жили в незащищенных слободах, посадах, селах возле города и только в минуты опасности бежали внутрь укрепленных городов» [2, с. 72].

Таким образом, наиболее распространенной целью приобретения двора в городе в рассматриваемый период была необходимость иметь «осадный двор», куда в случае вражеского набега могли бы спрятаться уездные крестьяне вотчин. Городской двор также использовался во время приездов вотчинной власти.

Итак, городские дворы XIV–XVI вв., со временем образующие город, имели значение как военные убежища, центры сельскохозяйственных предприятий, административно-судебные центры государственного значения.

Слободы, поселки или группы поселков, примыкавшие к городам, располагались на собственнических землях. Их заселение проводилось под «девизом» освобождения от холопства и других форм зависимости. Они являлись центрами ремесленной и торговой деятельности и, сохранив своё значение, со временем превращались в посады – поселения подле укрепленного двора (крепости, замка и т.п.).

Возникновение слобод стало возможным благодаря ряду привилегий: отвод владельцам своих земель под слободу, признание личной воли приходивших со стороны людей на поселение, право на самоуправление, на промыслы и рынок, финансовые льготы. До конца XVII в. слободы в Московии по мере укрепления центральной власти теряют свои привилегии, но на Слободской Украине эти привилегии сохранялись еще несколько десятилетий. Одновременно, на посадских людей Слобожанщины – горожан – начинают распространяться много привилегий, прежде всего – освобождение от повинностей.

Наиболее ранним известным нам примером строительства целого города по заранее разработанному плану служит Тула, которая была заложена по указу Василия III в 1509 г.

Строительство Москвой городов на новых землях, в основном, приходится на конец XVI–XVII вв. Это было связано с военно-политическими и экономическими успехами Московского царства в деле централизации государства; после поражения татарских ханств в противостоянии с Москвией, границы русской земли отодвинулись к самому низу Дона и Волги, включали Урал и часть Сибири.

Наученное горьким опытом, московское правительство на присоединенных территориях строило новые города как военные крепости; лишь со временем они трансформировались в хозяйственно-экономические, торговые и культурно-религиозные центры новых земель. «...О постепенности заселения, в сущности говоря, не может быть и речи: русские города и разные типы поселения появлялись почти одновременно на всем огромном пространстве...» [2]. Современные исследователи утверждают, что уже к середине XVII в. у московского правительства была своя, хорошо разработанная стратегия освоения новых земель с методом строительства городов, и их основание шло по заранее разработанным планам [3, с. 11]. Н. Оглоблин, изучая сибирские архивы, обратил внимание на «роспись против черчения», датированную 1668 г., с указанием, где надлежало стоять новым городам [2, с. 2–11]. Практика составления карт градостроительного освоения земель характерна не только для всех новых территорий, присоединявшихся к Москве. В архиве Разрядного приказа значится большое количество такого рода документов [5].

Первая волна освоения земель сопровождалась строительством разного рода временных поселений. В Сибири, например, это были зимовья, небольшие, наскоро поставленные острожки. В зоне степного юга европейской части будущей Российской империи строились поселения типа стани-

цы, разъездной станицы, сторожевого разъезда. Такого же рода временные укрепленные поселения строились по всему Поволжью. Но в скором времени они заменялись городами-крепостями.

Хотя основным типом поселения на новых землях были города-крепости, их население, включая и служащих разных чинов, в свободное время занималось преимущественно земледелием, имея надел в крепости или за её пределами. Эта практика была распространена практически во всех поселениях [6, с. 165–183]. С созданием сети пограничных городов-крепостей, которые надежно обеспечивали безопасность новых земель, возрастало и число городов земледельческого и торгово-ремесленного назначения.

На новых землях градостроительное дело находилось исключительно в руках государства. Благодаря этому она развернулась в невиданном прежде масштабе и проходила непривычно быстро. XVI–XVII вв. стали кульминацией в градостроительной деятельности Московского царства. Такая по-литика стала адекватным ответом на внешнюю военную угрозу. За указанное время было построено много новых городов. Только в XVI в., с учетом неточностей, эта цифра колеблется в пределах 45–70 городов. В некоторых документах указывалось, что в начале XVII в. (1620 г.) число новых городов превышало 180 единиц, а к середине столетия достигало 226. Только на середину XVII в. приходится строительство 45 новых городов [7]. Основной прирост дали оборонные границы юга, Поволжье и Сибирь [8]. Все они строились по царскому приказу, по заранее разработанному плану, с применением сметной росписи и чертежей, что подтверждается архивной документацией Разрядного и Сибирского приказов [9].

Удивляет не только число сооруженных и перестроенных городов, но и скорость, с которой эта работа осуществлялась. Большие города-крепости возводились за полтора-два года, а малые города – всего за 2–3 недели [10, с. 50].

Следует отметить, что градостроительная политика Московского царства распространялась не только на новые земли, но и на старые города Руси: Белгород, Старую Русь, Елец, Курск, Рыльск, Большой Устюг, которые постепенно перестраивались.

Случаи самовольного строительства городов довольно редки, однако они были, что вызвало недовольство Москвы. «Так как Роговой городок был основан без указа из Москвы, то не только пустозерский воевода получил за это выговор, но и самый городок было запрещено впредь посещать ради торговли, и он... запустел...» <...> «... Лозвинскому городу впредь не быти, а быти ему разорену, а на его место на верхотурской дороге быти городу на

старом Иоцком городище...» <...> «Тот город и острог пригодится к старому пельимскому городу на поделку или на хоромную ставку...» [11, с. 200–201].

В Европейской части России почти всюду осваивались открытые степные районы. Для защиты их от набегов ногайских и крымских татар, турок Московское правительство вынуждено было сооружать дополнительные препятствия в виде защитных линий – «засечных черт», прикрывавших от набегов степной юг и большие районы на востоке вдоль Волги, Камы и на Переднем Урале. Приказы заранее проектировали всю оборонительную систему новоземельных районов европейской части страны. Специалисты планировали не только расположение городов в виде больших и малых (промежуточных) крепостей, но и «засечных черт» со всеми их сооружениями, которые должны были простирались на много сотен верст. Предполагалась и очередность их строительства по мере освоения новых районов.

Как и города-крепости, оборонительные сооружения «засечных черт» строились по заранее разработанным чертежам, довольно точным, особенно когда это касалось возведения земляных валов на регулярный «голландский» манер. Такого рода сложные и многокилометровые сооружения требовали тщательно составленных смет, так как расходы на них были немалыми. Это была еще одна сфера проявления процесса модернизации – организованное строительство под контролем государства «по указу» с применением проектных чертежей и сметных «росписей» по европейскому, «цивилизованному» образцу. На «засечных чертах» стояла масса «крепостиц», предназначенных лишь для размещения дежурных гарнизонов. Крепости были при слободах, селах и других типах поселений. Со временем только некоторые «крепосцы» превратились в большие опорные военные пункты [12, с. 284–296].

Белгородская «черта», строительство которой завершилось до 1653 г., имела важное значение для внешней и внутренней политики России. Она позволила закрыть русские земли от татарских набегов, заселить большие южные районы и подготовиться к войне с Польшей в 1654–1667 г.: в отличие от Смоленской войны 1632–1634 г. южный фланг русских войск был надежно защищен нововыстроенным оборонительным сооружением.

Строительство Белгородской линии создало благоприятные условия для дальнейшего освоения южных окраинных земель, за которые в скором времени закрепляется название Слободской Украины. Этому процессу содействовало самовольное переселение с востока в 30-х годах XVII в. многотысячного отряда украинцев из Литвы и Польши. Ситуация была использована московским правительством для создания новых укрепленных районов на пути крымцев и ногайцев, ходивших через эти земли в центральные

районы Московии. Правительство всячески оказывало содействие украинцам в переселении их на южные и юго-западные границы. Прибывшее население пользовалось многочисленными «жалованными» привилегиями: получало значительные наделы земли, освобождалось от налогов и податей, пользовалось правом «заимочного» владения разными угодьями. Одной из главных привилегий, «дарёное» украинским переселенцам московским царём, было сохранение традиционного казацкого самоуправления на полковой основе.

Приток населения на «пустопорожние» земли создавал условия для строительства новых и расширения существующих городов и слобод. За полстолетия на территории слободских полков было основано свыше трехсот разных поселений. В 1654 г. мужское население Слободской Украины составляло больше 80 тыс., а общее число жителей – около 200 тыс. чел., из которых 15% приходилось на долю горожан. Это было приблизительно в пять раз больше, чем в среднем по европейской части России. К середине 50-х годов XVII в. были построены такие города-крепости, как Чугуев, Сумы, Ахтырка, Лебедин, Харьков, восстановлен Царёв-Борисов, основан Маяцкий городок, Тор – центр добычи соли и др.

И хотя споры о точной дате основания Харькова не утихают, очевидно, что город как крепость имеет точную дату своего появления и назначение – оборонительное: «Новое поселение на земле, которая находилась под контролем чугуевского воеводы Григория Спешнева, казаки в 1654–1656 годах обнесли, руководствуясь выданным им чертежом, земляным валом. <...> 28 марта 1656 года царь Алексей Михайлович подписал Указ, которым основал Харьковское воеводство, и направил туда воеводой Воина Селифонтова «со служилыми людьми» [13, с. 12].

Новому воеводе был дан царский приказ построить «добротный острог» (т.е. крепость). Прибыв на место, Воин Селифонтов нашел сооружение поселенцев ненадежным и потребовал перестроить острог. Этот факт показывает, насколько строго московское правительство относилось к качеству защитных сооружений и своеволию новых поселенцев.

Кстати, некоторые исследователи рассматривают основание Харькова не в качестве форпоста московского царства, а сразу в качестве торгового города только на том факте, что через несколько лет после возведения крепости его население получило право на проведение ярмарок и торгов [14, с. 347]. Такой подход, на наш взгляд – ошибочный, поскольку изначально назначение харьковской крепости было оборонным и таким оставалось более полвека. Не относим же мы Чугуев, Змиев, Ахтырку, Изюм или

другие крепости и слободы к торговым городам только на том основании, что там также проходили ярмарки?!

Земли слободских полков, которые вначале были своеобразным военным плацдармом на южном направлении, уже в 70-х гг. XVII в. стали играть новую роль в государственном строительстве – они вошли в число основных районов-поставщиков хлеба. Всего за полвека на Слобожанщине значительное развились цеховое ремесло и торговля. На наибольшие Харьковскую и Сумскую ярмарки приезжали не только московские, но и купцы из-за границы – польских городов Шленска, Гданьска, немецкого Лейпцига и др. На Слобожанщине развивалось производство селитры. В царских угодьях, занимавших часть слободских земель, выращивались виноград, арбузы, размещались пасеки и «государевы ловы».

В 70-е годы XVII ст. над краем нависла военная опасность. В связи с московско-турецкой войной союзники Турции – крымские татары активно стремились вторгнуться в пределы Московии. Правительство приняло решение продлить Белгородскую линию по территории Слобожанщины. Новое строительство превратилось у сооружение 530-километровой оборонительной линии, протянувшейся по рекам Валую, Осколу, Северскому Донцу и Мже к верховью реки Коломак. К строительству линии правительство привлекли, в том числе казаков Харьковского полка под руководством полковника Григория Донца. Основные работы были закончены к 1681 г. Изюмская линия прошла через построенные прежде города к самой южной на то время точке Московского царства – крепости Царёв-Борисов. Её возведение позволило в условиях военного времени практически за два строительных сезона создать большой фортификационный комплекс в составе 20 городов и укрепленных слобод, расположенных на расстоянии 20–30 км один от другого.

Важное значение, при строительстве Изюмской линии, отводилось равномерности заселения всех её участков, вплоть до принудительного переселения «строителей» на малопригодные в хозяйственном отношении земли. В результате фортификационно-градостроительной деятельности во второй половине XVII в. южнее Белгородской линии появляется новый плотно заселенный район. Он отличался рациональной системой размещения поселений, которая базировалась на групповом (вокруг полковых городов), и полосном расселении – вдоль «засечной» линии.

Историческая ситуация на южных границах Московского государства к середине XVII ст. и последующее воссоединение т.н. Малоросии и Московского царства объясняет действия центрального правительства. Мно-

го городов за Белгородской линией, а некоторые и в её границах, строились украинскими переселенцами под руководством московских воевод, назначаемым центральным правительством. Города Слободской Украины имели двойное назначение: они служили, с одного стороны убежищем для населения, искавшем лучшей судьбы от притеснений польско-литовских господ, а с другой являлись опорными пунктами обороны южных и юго-западных рубежей Московского государства.

Заселение новых территорий и значительный рост населения, с одной стороны, а также двойное управление населенными пунктами (полковое устройство и московская подчиненность), с другой, привели к тому, что в конце 1680-х гг. московское правительство вынужденно было совершенствовать управление пограничными территориями. С этой целью была создана специальная управа – Приказ, которой передавалось в управление всё население полковых городов – Ахтырского, Сумского, Харьковского и Изюмского. Впрочем, Приказ просуществовал недолго – только до рубежа столетий. Первой административной реформой Петра I относительно городов было создание особого ведомства – Московской ратуши, которая ведала всеми городскими ратушами московского царства (1699). Ратуша контролировала поступление денежных средств в казну из городов, а также осуществляла общий надзор за органами самоуправления – там, где они были. Во главе Ратуши стоял обер-инспектор ратушного правления. Указами Петра I вводилось самоуправление для городского купечества. Отменялась власть воевод. Судебными делами и сбором налогов стали ведать выборные бурмистры.

В Слободской Украине эта административная реформа вошла в конфликт с полковым устройством городов. Как известно, московское правительство еще в середине XVII ст. предоставило ряд экономических и политических льгот новым территориям. В том числе – «полковое устройство», согласно которому населением города и слобод, находившихся на землях казачьего полка, управлял полковник и казацкая старшина. Одновременно в этих же населенных пунктах проживали подданные московского царя – купцы, «служилые люди» и др. Управлял ими воевода, который назначался из Москвы. Он следил за соблюдением «царских указов», сбором налогов и др. Естественно, жизнь не вкладывалась в простую схему «свои-чужие», и потому конфликт интересов между полковником и воеводой был перманентным.

Новая реформа поделила слободских казаков на «выборных» – тех, кто ходит в походы и несет службу, и тех, кто постоянно остается на месте дислокации. Последние назывались «подпомощниками», в их обязанность вхо-

дило вещевое и продовольственное обеспечения «выборных». Избегая городских повинностей, которые накладывались московским воеводой на мещан (цеховиков, купцов и др.), практически все харьковчане легально записались в «подпомощники». За короткое время мещан в городе не осталось и поэтому у воеводы почти не осталось вверенного ему «населения». Чтобы не углублять конфликт, а также имея ввиду возможные военные действия со Швецией, Петр I издал указ от 28 февраля 1706 г., которым велел воеводам и «приказным людям» покинуть полковые города, а городские здания, дела, ключи, «зеленую и свинцовую казну» (порох и ядра), принадлежавшие правительству, передать Харьковскому полковнику. Подданные московского царя – 164 мужчины, проживавшие в Харькове и ближних слободах (Тишки, Борщовое, Липцы), были переданы в подчинение полковнику Донец-Захаржевскому, а других населенных пунктов – чугуевскому воеводе.

Вместо должности воеводы была введена должность городничего для администрирования системой жизнеобеспечения – санитарным состоянием, благоустройством, тюрьмой, торговлей, таможней, и т.п. [13, с. 41]. Первым городничим в Харькове стал в 1706 году Тимофей Голухович. Это он по доверенности Петра I укреплял Харьковскую крепость накануне Северной войны. В 1709 году, инспектируя окраины империи, Петр I прибыл в Харьков. Осмотрев крепость, он распорядился укрепить её, а также построить новый острог. Наверное, новая должность и персонально её выборный подошли харьковцам, поскольку Тимофей Голухович вместе с сыном Леонтием (городничий в 40-х гг.) управлял «городским хозяйством» почти полвека.

В конце второго десятилетия Петр I провёл еще одну реформу казачьего (читай – городского) самоуправления. Согласно Указу от 29 мая 1719 г. полковник, который к тому времени избирался полком, дополнительно утверждался в Москве. В случае несогласия с кандидатурой старшины и казаков, царь сам назначал полковника. В скором времени назначение полковников московским царём стало правилом, а не исключением, но казачья старшина, к тому времени уже разбогатевшая на Слобожанщине, была не в состоянии протестовать.

Аналогичная ситуация сложилась и в последнюю четверть XVIII в. Екатерина II продолжила модернизацию системы государственного управления Российской империи. Она провела административную реформу (1775), согласно которой крупные и целесообразно размещенные города, приобрели статус губернских. При Екатерине продолжилось укрепление самодержавия, усиление бюрократического аппарата, централизации государства и унификация системы управления. И хотя городское устройство екатери-

нинского образца оставался неизменным до конца XIX в., историки утверждают, что в России, несмотря на значительное количество городов, не было полноценного городского общества. При этом они, прежде всего, имеют в виду города, жившие по Магдебургскому праву. Согласно ему, экономическая деятельность, имущественные права, общественно-политическая жизнь и словное деление горожан регулировались собственной системой юридических норм, что отвечало роли городов как центров производства и товарно-денежного обмена.

В конце XVIII в. территория нынешней Украины была поделена между империями – Австрийской (20% площади) и Российской (80%). Число городов в России еще больше возросло. Таким образом, за полтора века Россия пережила «урбанистический бум», в том числе – за счет Слободской Украины, когда вчерашние крепости и полковые городки пополнили реестр русских городов. Всего за время правления Екатерины (1762–1796) было построено 144 новых города. И хотя целевое назначение этих городов значительно отличалось от появившихся при Алексее Михайловиче, «урбанистический бум» взят в кавычки потому, что это был искусственный «рост».

Вопрос о причинах возникновения городов в исследуемый нами период дискутируется с начала XX в. Так, Милюков П.Н. [15], к позиции которого мы склоняемся, считал, что русский город не был естественным продуктом внутреннего экономического развития страны. За единичными исключениями, русский город возникал не в месте сосредоточения населения, занятого промыслами и торговлей, а был, прежде всего, центром правительственной и военной администрации.

Ряд историков придерживается другой концепции появления и развития городов в рассматриваемый период. Они считают, что существовала объективное экономическое основание возникновения городов, как центров товарного производства всюду, где властвовал феодализм. Приверженцы этой концепции утверждают, что «искусственно существующих городов быть не может». По их мнению, созданные для государственных целей города со временем исчезли. Но, таким образом, ими отрицается роль государства в создании средневековых городов и сами факты строительства новых городов-крепостей на Левобережье и Юге Украины и т.д.

XVII–XVIII вв. – период бурных перемен на территории Московского царства и Российской империи. За полтора века её площадь выросла в несколько раз. Соответствующими темпами происходили и социокультурные изменения. Ярким примером тому служит Харьковская крепость. Если первые ярмарки здесь были разрешены при отсутствии налаженной тор-

говли, то через несколько десятков лет именно они помогают городу изменить свой статус.

Известное выражение «Харьков – город купеческий» справедливо связывают с ярмарочной торговлей, сыгравшей выдающуюся роль в истории города. Первым, кто определил роль и значение украинских, в том числе харьковских ярмарок, дал им историческую оценку, был, как ни странно, писатель – Иван Сергеевич Аксаков. В московском журнале «Русская беседа» в 1858 г. он показал роль торговли в развитии Слободского края [16, с. 87]. Его обзор условно разделен на две части. В первой описываются места проведения ярмарок, во второй прослеживается движение основных товаров – кто торгует, откуда привозят, кто покупает, сезонные колебания и т.п.

Об определяющей роли ярмарочной торговли в трансформации полкового города в губернский центр писал также Д.И. Багалей. Он осветил многие вопросы, в том числе главный – почему на протяжении двухсот лет харьковские ярмарки выжили и продолжают приносить деньги в город [14, с. 20].

Оба исследователя указывают важный для развития Харькова факт: местные жители получили разрешение на проведение ярмарок почти одновременно со строительством крепости. Переселенцы принесли на новую родину «зачатки» ремесленной, промышленной и торговой деятельности, ведь они прибыли не с «дикого Запада», а из «европеизированной» Польши, где, как известно, много городов пользовались Магдебургским правом. Вместе с казаками переселялись и простые мещане, развившие привычки своей хозяйственной деятельности на Слобожанщине. Причем, в тот период, как отмечал Багалей, «масса населения была еще недифференцированной», т.е. не существовало строгого распределения на казаков и торговцев – все занимались, по возможности, и тем, и другим, льготы распространялись на всё население.

Анализируя социокультурную динамику на Левобережье Украины в XVII–XVIII вв. в целом, выделим следующие виды социокультурной трансформации. Во-первых, изменился функциональный профиль территории и, вследствие этого, ролевого профиля поведения людей на данной территории. На месте т.н. «дикого поля» приблизительно за сто лет образовался плотно заселенный район, в котором были представлены почти все виды человеческой деятельности. Во-вторых, изменилась социальная структура населения: полуказаки – полуагрии за полтора века стали аграриями, ремесленниками, торговцами, регулярными воинами, мещанами и т.д. В-тре-

тых, произошло изменение значений и содержаний, которыми обладают предметы, территории, ситуации – всей архитектонике городской среды. В Харькове с ликвидацией казацкого самоуправления военный быт постепенно заменялся хозяйственно-ремесленным, что находило отражение в культуре как городского, так и крестьянского населения. В четвертых, на довольно компактную территорию прибыло население с разными социокультурными характеристиками. Это имело следствием рождение мультикультурного городского общества. В пятых, социокультурная трансформация всей территории вообще и городов Левобережья в частности, характеризуется демографическими изменениями – составом населения вследствие рождения, старения, вступления в брак и т.п. В шестых, состоялась территориальная трансформация – изменились количественные и качественные параметры Левобережья вообще и всех её городов: площади, плотности населения, интенсивности застройки и т.д. и т.п.

Перечисленные выше процессы урбанизации Левобережья Украины, наряду с процессами модернизации Московского царства – Российской империи, стали факторами, определившими формирование городской культуры Харькова и других её городов.

Список литературы: 1. Гумилев Л. Экономические основы Киевской Руси [Электронный ресурс] / Л. Гумилев – Режим доступа: <http://gumilevica.kulichki.net/VGV/vgv205.htm>. – Загл. с экрана. 2. Оглоблин Н. Источники чертежной книги Сибири Семена Ремезова / Н. Оглоблин // Библиограф. – 1891. – № 1. – С. 2–11. 3. Буцинский А. Заселение Сибири и быт ее первых насельников / А. Буцинский. – Харьков, 1889. – 345 с. 4. Градостроительство Московского государства XVI–XVII вв. / под общ. ред. Н.Ф. Гуляницкого. – М.: Стройиздат, 1994. – 318 с. 5. Культурологія: теорія та історія культури. За ред. І.І. Тюрменко, О.Д. Горбула / Київ: Центр навчальної літератури, 2004. – 368 с. 6. Семенов-Тян-Шанский В. Город и деревня в Европейской России : очерк экономической географии с 16 картами и картограммами / В. Семенов-Тян-Шанский // Записки Императорского русского географического общества. – СПб., 1910. – Т. 10, вып. 2. – 110 с. 7. Неволин К. Полное собрание сочинений. Т. 6 / К. Неволин. – СПб., 1859. – 643 с. 8. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I / Г.Ф. Миллер. – М.: Л., 1937. – 607 с. 9. Оглоблин Н. Источники чертежной книги Сибири Семена Ремезова / Н. Оглоблин // Библиограф. – 1891. – № 1. –

С. 2–11. 10. Алферова Г. Организация строительства городов в Русском государстве в XVI–XVII вв. / Г. Алферова // *Вопр. истории.* – 1977. – № 7. – С. 50–66. 11. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции: документы Разрядного приказа. – М., 1894. – 161 с. 12. Орлова Э.А. Современная городская культура и человек / Э.А. Орлова. – М., 1987. – 264 с. 13. Багaley Д.И. История города Харькова за 250 лет его существования (с 1655 по 1905 год). В 2 т. Т. 1 / Д.И. Багaley, Д.П. Миллер. – Репр. изд. – Харьков, 1993. – 568 с. 14. Багaley Д.И. Краткий исторический очерк торговли, преимущественно ярмарочной, в Харьковском крае в XVII и XVIII вв. / Д.И. Багaley. – Харьков, 1888. – 25 с. 15. Милуков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформы Петра Великого / П.Н. Милуков. — СПб., 1905. – 700 с. 16. Аксаков И.А. Украинские ярмарки / И.А. Аксаков // *Русская беседа.* – М., 1858. – Кн. 10, ч. 2. – С. 85.

*Ирина Глебова
г. Харьков, Украина*

**СЛОВО, НЕСУЩЕЕ СВЕТ И ДОБРО
(ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЗАМЕТКИ
О МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ХАРЬКОВА)**

МИРЫ ТАЗРЕТА БЯЗРОВА

В русской культуре есть уникальное явление: большой пласт литературы на великолепном русском языке создан писателями не русской национальности. Ещё в 18-м веке творили во славу русской литературы несколько подзабытые молдаванин Дмитрий Кантемир, турок Фёдор Эмин. Но вот уже в 19-м – любимый всеми украинец Николай Гоголь. Мои ровесники, чья молодость проходила в семидесятые-восемидесятые годы теперь уже прошлого века, жили в трепетном ожидании новых книг своих любимых писателей – Фазиля Искандера, Чингиза Айтматова, Олжаса Сулейменова... Абхазец, киргиз, казах, они писали рассказы, повести, романы, поэмы и стихи на русском языке. Я рада, что творчество этих великих мастеров слова, после некоторого искусственного забвения, вновь возвращается к новым поколениям читателей.

Автор книги «Мученик чести», которая вышла недавно в городе Харькове, тоже родился в далёкой горной Северной Осетии-Алании. Молодые его годы прошли там, на Северном Кавказе: он окончил Дагестанский государственный медицинский институт, затем аспирантуру, работал сельским врачом в Кабардино-Балкарии. Если бы тогда, в молодые годы, Тазрет Бязров начал писать прозу, уверена: он сейчас был бы так же известен и любим, как и его именитые ровесники – названные выше писатели. Но он взялся за перо сравнительно недавно, уже будучи на пенсии. Однако, роман «Мученик чести» – книга зрелого, талантливого мастера, которая волнует и трогает, заставляет негодовать и любить. Что особенно подчёркивает мастерство автора, это то, как он русским языком передаёт колорит иных традиций, иного народа. Это Тазрету Бязрову удаётся так же здорово, как и Айтматову, Искандеру...

Северная Осетия-Алании, место, называемое Дигорией... Это – родина Тазрета Александровича. Там, в селении Новый Урух, прошло его детство, там он слышал от своей матери легенду о герое своего народа – Гуймане Цалкосове. Эта легенда и легла в основу романа.

Мир Дигории интересен нам своей необычностью: аулы в горах, обращение к жене – «Наша женщина», и к мужу – «Наш мужчина», всеаульский кувд (пир), ритуалы с жертвенными животными, жестокие абреки... Но это лишь внешняя сторона. По-настоящему интересна жизнь дигорцев теми человеческими, нравственными ценностями, которые близки и всем нам... Главный герой, Гуйман, переживает многие трудности, но это не ожесточает его сердце. Он ещё мальчиком видел гибель отца в горах, потом его ждал тяжёлый крестьянский труд, зависимость от алдаров (феодалов), многодетная семья. Роковым становится для Гуймана день, когда, на охоте, он видит случайно, как угоняют всё аульское стадо. Дальше его жизнь отравлена подозрением земляков, но, однако, когда Гуймана арестовывают, на его выкуп собирают деньги всем аулом... Герой повести сдержан, немногословен, как будто замкнут в себе, но его характер выписан автором настолько психологически достоверно, что когда повесть подходит к концу, когда в день похорон Гуймана раскрываются все тайны – тот подвиг, который он совершил ради своих односельчан и о котором всю жизнь молчал, – от волнения перехватывает горло! И мы, читатели, по-новому видим и оцениваем одинокого, мрачноватого человека, который слышал песни и легенды, уже ходившие в народе о нём, – и не признавался...

Хочу вспомнить ещё одну книгу писателя. Но сначала – небольшое разъяснение. Газрет Александрович Бязров, врач-фтизиатр, кандидат медицинских наук, в семидесятые годы несколько лет заведовал кафедрой медицинской патологии в столице Гвинейской Республики. Он занимался там и практической деятельностью, и вёл обширную научную и преподавательскую работу. Достаточно сказать, что там, в Гвинее, вышли два его сборника «Актуальные проблемы медицины в Гвинее», издавались работы: «Рентгенологическая диагностика туберкулёза лёгких», «Диагностика туберкулёза лёгких у взрослых» и другие. Им были написаны несколько учебных пособий для студентов (причём, написаны на французском языке), по которым до сих пор учатся студенты-медики в Гвинее (Бомако), Гвинейской Республике (Конакри), Конго.

Книга «Точка на карте Африки» – художественное произведение, но виденное и пережитое автором лично, конечно же, легло в её основу. Интересна книга и тем, что дело происходит именно в чужой африканской стране, и тем, что главные герои – советские врачи, работающие и преподающие в Конакрийском университете. И, надо сказать, этот собственный опыт автора делает повествование таким достоверным и увлекательным. И во многом неожиданным.

Неожиданности начинаются с первых страниц книги: в Конакрийском аэропорту идёт досмотр вещей прилетевших и улетающих европейцев. Таможенники медлительны и высокомерны, вот один из них замечает: один из болгарских строителей, работавших в стране, а теперь отбывающий на родину, пытается тайком провезти попугайчика-неразлучника. Он знает, что существует строгий запрет на вывоз этих птиц из Гвинеи, но попугая подарили ему местные друзья ещё птенцом, они – птица и человек, – привязались друг к другу. Болгарин пытается объяснить это таможеннику, а вырвавшийся и летающий по зданию попугайчик словно подтверждает это: доверчиво садится на плечо своего хозяина. И тогда таможенник хватается за птицу, отрывает ей голову, а окровавленное тельца кладёт в ладонь болгарину – мол, вот таким образом можешь увозить... Эта сцена шокирует не только жестокостью: она как бы предупреждает читателя – не так просто будет героям в этой экзотической стране, куда они приехали помогать африканцам, только-только обретшим свободу... И дальше в повести очень много интересного и неожиданного: стройные, красивые гвинейцы, дивная экзотическая природа, океан... А на фоне этого: загадочная история с телом Кваме Нкрума, стрельба в университетских коридорах, солдаты, отбирающие шпаргалки у студентов на экзаменах, аресты советских специалистов, запрет фотографировать на улицах...

Я помню эти годы: шестидесятые – начало семидесятых. Мы были такими искренними интернационалистами, читали в газетах об угнетённых африканский «братьях», радовались их освободительной борьбе, переживали убийства конголезца Патриса Лумумбы, первого президента Ганы Кваме Нкрума, вождя Гвинеи (Биссау) Амилькара Кабрала... Когда освободившееся африканское государство избирало «социалистический» путь развития, были просто счастливы, готовы помочь, прийти на помощь. И, казалось нам тогда, – африканцы тоже любят нас, как старших братьев и учителей. И только теперь, читая книгу Тазрета Бязрова, я с удивлением узнавала, что не очень-то нас любили и жаловали в Африке. Герои повести, советские врачи, постоянно сталкиваются с грубостью, пренебрежением, ответами вроде этого: «Замечания будете делать людям своей страны!»...

«Несколько дней назад был в музее на художественной выставке и сразу же обратил внимание на картину Д. Бассано (16-й век) «Моисей иссекает воду из скалы». Там на переднем плане изображена собака... Измученная и тощая, она жадно пьёт долгожданную воду из человеческой миски... Что хотел сказать художник, поместив собаку среди людей на перед-

ний план? Видимо, он хотел сказать, что люди любили собак ещё с глубокой древности, никогда их не покидали, даже в несчастье, даже на грани гибели народа, а собаки оставались преданными и верными, готовыми погибнуть вместе с человеком»...

Это цитата из любимой нами всеми повести «Белый Бим Чёрное ухо» писателя Гавриила Тропопольского. Её любят все, кто любит собак. Но вот парадокс: в нашем городе тоже вышла книга такой же пронзительной эмоциональной силы, и тоже о трагической судьбе собаки – но кто знает о ней? А ведь получи это произведение широкий доступ к читателям, и я уверена – оно стало бы любимым многими и многими. Это книга Тазрета Бязрова «Дворняжка». Она – о трагической доле собаки Даши, оказавшейся не просто без хозяина, но и в далёкой чужой африканской стране. Её хозяин, врач из Харькова, трагически погиб, собака осталась одна, ждала и искала его. Местное население, от маленьких детей до взрослых, устраивали на неё облавы... Впрочем, не стану описывать приключения Даши, её трогательное доверие к белым людям, особенно говорящем на русском языке, её поистине необычное и радостное возвращение в Харьков, в семью хозяина, и её, увы, печальную участь, напрямую связанную с Африкой. Это всё надо читать, потому что лучше, чем рассказал об этом писатель Тазрет Бязров, я рассказать не смогу.

Тазрет Александрович Бязров ушёл из жизни в 2012 году, прожив 88 лет. Но он успел завершить и издать книгу, над которой трудился последние годы. У неё интересное название – «Из Секерского этюдника». Секер – так называлось селение, именуемое ныне Новый Урух. Секером оно было в годы детства автора, а начинается он как раз с детских воспоминаний. Потом он уходит в ещё более давние времена, к середине 20-х годов прошлого века: первая часть книги посвящена интереснейшим записям, найденным автором в архивах, забытым и заброшенным. Они касаются как раз жителей Секера, их быта, их традиций и обычаев. В те годы, когда так резко менялся социальный строй и сама жизнь, трудно происходило соединение старого, векового, и новых веяний... Тазрет Бязров рассказывает об этом просто увлекательно. Оказывается, и нам, людям славянской культуры, читать эту книгу очень интересно. По жанру я определила бы её как «роман-быль», потому что написана книга средствами художественного произведения, но основана на реальных событиях. Отталкиваясь от упоминания в первой части семьи бедняка Аслангерия, автор во второй части продолжает рассказ о судьбах этих простых людей. Потому что Аслангерий – его отец, и это его, Тазрета Бязрова, семья...

В книгах Тазрета Бязрова есть и добро, и зло. И не всегда добро побеждает – в этом правда жизни и правда настоящей литературы. Но в душах читателей эти книги оставляют самые добрые и светлые чувства, которые от переживаний и печали становятся ещё более светлыми. В этом высокий гуманизм творчества писателя.

«НЕТ КРЫЛЬЕВ, НО ВЗЛЕТАЮ ВВЫСЬ...»

В конце тридцатых годов Харьков, перестав быть официальной столицей Украины, несомненно оставался её литературной столицей. Помимо того, что в городе работали выдающиеся писатели, в те довоенные годы здесь издавалось около тридцати журналов на самых разных языках, не считая украинского и русского – татарском, армянском, польском, молдавском, выходили книги. Сейчас, через много лет, эта традиция возрождается в нашем городе. И связано это, в первую очередь, с именем поэтессы Анаит Саркисян. Её книги в наших харьковских издательствах выходят в оригинале – на армянском языке, в переводе на русский, украинский. Она, являясь несомненно армянским литератором, в то же время – член Национального Союза писателей Украины.

Анаит Саркисян родилась в армянском городе Степанаване. Детство вспоминается ей счастливой порой: свой большой дом, сад, большая дружная семья. В доме любили книги, музыку, детям старались дать хорошее образование. Анаит окончила Ереванский университет, экономический факультет. Но, сколько она помнит себя, всегда писала стихи. Однако в молодые годы ей пришлось столкнуться с пристрастием чиновников от литературы, с непонимание начальства: почему она, преподаватель экономики в техникуме, собирает ребят в какую-то «литературную студию», говорит с ними о поэзии...

Выйдя замуж за харьковчанина, Анаит стала жить в нашем городе. К этому времени она окончила, учась заочно, ещё один факультет Ереванского университета – филологический. Тоскуя по родной земле, по родному языку, она организовала в Харькове клуб общения армян и изучения армянского языка. Ведь многие армяне, родившись и всю жизнь прожив в Украине, не знали своего родного языка, хотя и хотели этого. К ней потянулись соотечественники, и вскоре клуб общения стал настоящим армянским культурным центром. Концерты и выставки, фестивали и дни письменности – это лишь малая часть вклада Армянского Культурного Центра и его президента Анаит Саркисян в культурную жизнь Харькова и других городов Украины. Несколько лет назад Анаит Саркисян созда-

ла при своей организации клуб «Солнце Востока», который собрал под крыло не только живущих в Харькове представителей восточных наций: «Солнце Востока» щедро греет и приветчает русских и украинцев, немцем и поляков, эстонцев и белорусов.

Анаит прекрасно поёт песни на армянском языке – песни, к которым она сама сочиняет не только слова, но и музыку. Недаром первая её книга «Дороги, дороги» имеют подзаголовок «песни». Эти песни много раз звучали в концертных залах города, с телеэкранов, вышли две кассеты. И всё-таки главное в творческой жизни Анаит Саркисян – это её поэзия, её книги.

В 1916 году вышла в свет знаменитая антология Валерия Брюсова «Поэзия Армении с древнейших времён до наших дней». Именно тогда и состоялось по-настоящему первое серьёзное знакомство русского читателя и с армянским народным творчеством, и с армянскими авторами. И сразу стало ясно – это прекрасная, высокая поэзия. С того времени никогда не угасал интерес к армянской поэзии. Анаит Саркисян – истинная преемница лучших армянских авторов.

Поэзия – это слово, обращённое к самым сокровенным чувствам человека, к его душе. Поэтому поэзия не знает границ, но, в тоже время, у неё есть яркие национальные черты. Армянской поэзии присущи мотивы изгнания и скитальчества, плача и грусти, любви и жертвенности, ведь многим армянам судьба уготовила жизнь на чужбине. Присущи эти темы и поэзии Анаит Саркисян. Автору не раз приходилось слышать: зачем такие мелодраматические названия даёт она своим книгам: «Разбитые мечты», «Начало конца»? Но стоит начать читать книгу, и приходит понимание того, насколько органично это название, как отвечает оно духу и пронзительной откровенности стихов поэтессы!

Без конца горят мои мосты
 На дорогах, тянущихся к дому.
 Сердце и душа мои пусты,
 Выжжены до тла, от боли стонут!
 В стене этом – мой печальный зов,
 Родины печальная улыбка,
 Привкус догорающих костров,
 Песня цвета пепла и полыни.

Но помимо традиционной горечи и любви к потерянной земле, в стихах есть острое современное чувство протеста. Оно выражено не риторически, а в присущей автору манере поэтического раздумия.

Кто не плакал горько тёмными ночами,
Не терял рассудок от тоски-печали,
Что такое счастье – просто не поймёт!

Кто, родную землю навсегда покинув,
Не мечтает больше жить в краю любимом,
Что такое родина – просто не поймёт!..

Кто чужою болью сердце не печалит,
Как свою, чужую радость не встречает –
Как живёт он в этом мире, полном света?
В этом грешном мире – как же он живёт?

В стихах Анаит Саркисян много грустной любви, но это светлая, добрая грусть.

В тех краях, где ты ищешь меня,
Я давным-давно не бываю.
Там живёт лишь печаль моя,
И твоя тоска там витает...

В её стихах много огня – от горящей свечи до огненных, испепеляющих чувств, вплоть до настоящих поэтических «заклинаний», которые полны чародейского очарования и жажды жизни.

Как замирает душа
В чудном мерцании свеч!
Каждую ночь, чуть дыша,
Сладко на них мне смотреть...
Пусть же усталый взгляд
Таёт в святом огне!
Свечи сладко горят
Каждую ночь во мгле...

Меня судьба несколько раз сводила с Анаит в одних компаниях, на одних вечерах и даже на конференции в Киеве. Оказалось – это не случайно: я стала переводить её стихи. Как-то в Харькове гостил армянский писатель Левон Мириджанян. Он – известный поэт и переводчик ещё с советских времён. Его связывает давняя дружба с украинскими писателями Иваном Драчем, Виктором Кочевским, Александром Божко. Интерес к украинской литературе воплотился в конкретное творчество: Левон Мириджанян перевёл на армянский язык «Заповіт» Тараса Шевченко, другие стихи и поэмы Кобзаря. Он первым донёс до армянского читателя сочинения Григория Сковороды, переведя стихи из сборника «Сад божественных песней» и басни из сборника «Басни харьковские». Ему, армянскому писателю, была присуждена высокая украинская литературная премия имени Григория Сковороды. В Харьков он приехал впервые, чтобы побывать на Слобожанской земле, в местах, где прошла большая часть жизни философа и поэта Григория Сковороды. Он высоко оценил и поэзию Анаит Саркисян, и мои переводы. Но несомненно переводы удались потому, что оригиналы по-настоящему хороши. Работая над переводами, я увидела и глубину поэзии Анаит Саркисян, и её мудрую доброту, и сердце, полное любви. Я ощутила мелодию стиха, впитавшего печаль каменистой армянской земли, прозрачность горного озера Севан, золото осенних садов, холод одиноких горных вершин.

Писательница много и плодотворно работает. В Харькове выходили у неё книги: поэзия «Дух пещер» (где есть и её переводы на армянский стихов харьковских поэтов), проза «По дорогам борьбы» – документальная повесть о судьбе армянской семьи, сосланной из Армении в Сибирь. Обе книги – на родном для писательнице армянском языке.

Стихи Анаит уже переводили на украинский язык поэтессы Лидия Доценко и Елена Зорич. Украинский поэт Виктор Бойко, для того, чтобы сделать эту работу, специально учил армянский язык. В Киеве вышел сборник на армянском и украинском языках «Дорога вечности».

С 2009-го по 2011-й годы Анаит Саркисян жила в Армении. Помимо того, что она там много выступала – и как поэт, и как общественный деятель, – она, конечно же, много писала. Написана интересная документально-художественная книга «Глазами духа»: это путевые заметки, перемежающиеся поэтическими вставками, посвящённые трагической истории и современной жизни армян в Сирии. «Песня бытия» – это поэма, состоящая из четверостиший на каждую букву армянского алфавита, по сути – рассказ о том, как письменность спасла от гибели армянский народ. Поэма «Мать»...

Об этом произведении я хочу сказать подробнее, поскольку именно я её переводила на русский язык.

Поэма уникальна. По сюжету она кажется даже простой: описаны несколько последних дней жизни пожилой армянской женщины, матери автора. Но как много вместило в себя это небольшое произведение! Судьбу нескольких поколений трудолюбивой армянской семьи, жизненный путь героини – от детских лет до последних минут, историю армянского народа – трагическую и героическую одновременно, испытания войной, испытания землетрясением... Как ярко высветлен характер главной героини, в котором её чудесные индивидуальные черты олицетворяют высокий дух всех армянских женщин! А как эмоционально окрашена поэма личными переживаниями и воспоминаниями самого автора – дочери у ложа умирающей матери! Так написать не просто, и очень хорошо, что это произведение стало доступно русскоязычному читателю.

У поэтессы есть прекрасное стихотворение: в восьми строчках – и характер её, и судьба, и высокий творческий дух.

Мне от рожденья крыльев не дано,
 Но, не склоняясь перед злою силой,
 Не падала, как камень я на дно,
 А птицею я в небеса парила.
 Я знаю боль – она во мне живёт,
 Изранена душа и плачет горько.
 Но я горда – моих не видно слёз.
 Нет крыльев, но взлетаю ввысь – и только!

В этих строчках есть и предвосхищение будущего поэтического взлёта Анаит Саркисян.

«ВЕЛЕНЬЮ БОЖИЮ, О МУЗА, БУДЬ ПОСЛУШНА»

Много лет я была слушателем программы «Слово пастыря» на первом российском канале – бесед, которые вёл митрополит Калининградский и Смоленский Кирилл. Я восхищалась великим философским умом, мощной пасторской силой этого человека, и простым, доступным словом, которым он разъяснял самые сложные вопросы. Тогда ещё я не знала, что он станет нашим Патриархом. В одной из таких бесед тогда ещё митрополит Кирилл говорил о том, что наш век – это век постмодернизма. Того, что признаёт не одну Истину, а множество истин (то есть, каждый имеет право на

свою истину). Законодательства многих стран поддерживают самый откровенный грех – двуполые браки, эвтаназию (самоубийство и убийство одновременно), и нам, людям, внушают, что это и не грех вовсе, а одна из истин. Вот так постепенно в сознаниях людей, незаметно для них самих, происходит переоценка ценностей, и уже зло кажется не злом, а даже добром. А это перевёрнутое, постмодернистское сознание, и есть признак приближения времени Антихриста, приближение Апокалипсиса.

Поразительно, что на службу такому перевёрнутому сознанию становится и литература – то есть, то самое Слово, которое «было вначале». То, которое имеет огромную силу воздействия на человека. И вот уже приверженцы литературного перформанса, концептуализма, суперматизма – всех этих порождений постмодернизма, – заявляют, что новый век требует изменения писательских ориентаций. И вот уже они упоённо воспевают и собственную блевотину после ночной пьянки, и половые извращения, и истекающие кровью человеческие внутренности. А имена этих «литераторов» варьируются во всех средствах массовой информации, навязываются нам, читателям, как образец истинно современной поэзии. Классика, мол, устарела, вот оно – то, что нужно людям сегодня. Книги подобных творцов пытаются внедрить даже в школьную программу! Слава Богу, учителя становятся преградой их доступа в детские души.

Есть вечные истины. Одна из них звучит так: поэзия – это прекрасно! Как бы умело ни переворачивали наше восприятие мира, читатель, беря в руки сборник стихов и открывая его, настраивается на встречу с чувствами возвышенными, образами светлыми, добрыми. И чудо происходит – завораживая, совпадая с ритмом человеческого дыхания, льются строки:

Никуда спешить уже не надо.
Вот и речку одолела лень.
На моста облокотясь ограду,
провожаю августовский день.

От дыханья тихих вод пьянею.
Плеск донёсся. Рыба? Нет, волна.
В окнах солнца отблески тускнеют.
Холодает. Явственной луна.

Лунный диск в реке волной расколот:
хоть кусочек, речка, подари!

Сумерки окутывают город.
Город зажигает фонари.

Это – одно из стихотворений поэтического сборника Леонида Пилипенко. Свою книгу автор назвал «Причал романтиков». Вот так откровенно и естественно он обозначил суть своего творчества – романтизм. И этим сразу же вступил в полемику со всяческими поэтическими «ниспровергателями», сразу же стал на сторону добра, которое есть свет, вера, открытое сердце, любовь. А значит – романтика.

То, что у автора открыто сердце всему, что его окружает, понимаешь, листая страницу за страницей. Гроза ли это над ржаным полем – «что-то запоёт в моей душе», брошенный у дороги столетник в старом горшке – «Так протяни надежды руку... ну, хоть бездомному цветку», березняк, в который автор входит, как в «дивную библиотеку» с желаем «доверить, не таясь, берёсте и сокровенное, своё»...

Да, конечно, автор «Причала романтиков» в первую очередь тонкий лирик. Но когда человек принимает близко к сердцу и саму жизнь, и все её признаки, он просто не может быть аполитичным. Реалии современности присутствуют в стихах. Только автор говорит об этом не в «лоб», не декларативно. Словно бы мимоходом. Вот, по пути в лес, он видит «пруд, что требует ухода...». Или мысли о том, что «Вот так домашнюю собаку на произвол судьбы тайком бросают люди...». Или строки из стихотворения «Кленовый лист»: «... Мужества хватило на невесёлый в общем переезд на склоне жизни в меньшую квартиру». А как окрашивает иным светом стихотворение «Скворечник» неожиданная концовка: «А вдруг скворцы уже не прилетят? Их дом всё лето был необитаем...» Это всё – о нашем времени, когда многое рушится и меняется. Но, повторю, поэт говорит об этом не обличительно – это не его стиль. Он словно бы вводит в свои светлые стихи нотки грусти. И эта грусть – тот воздух, который витает между строк. А это ведь и есть признак мастерства, признак истиной поэзии... Здесь мне хочется привести полностью стихотворение, которое как бы концентрирует авторское восприятие мира – веру в то, что жизнь непрерывна, и что она побеждает все невзгоды.

СЛИВА

Спилили сливу, но не сдался пень –
дал жизнь упрямец ладному побегу.

А годы шли. Уж новой кроны тень
к усадьбе ветхой тянется без спеха.

Плоды роняет слива. А потом...
потом настало время расставанья:
вконец пришёл в негодность скромный дом –
вот и разрушен был до основанья.

А слива, как и прежде, на виду.
Садовый столик – всё её наследство.
Когда-нибудь хоромы возведут
с раскидистою сливой по соседству.

Необычайно слива хороша.
Её венчает ворон горделивый.
Быть может, дома старого душа
жива – переселилась в эту сливу?

Один из завершающих циклов сборника называется «У древних стен монастыря». О том, что автор – человек верующий, православный, догадываешься и раньше: из всего строя, из всей тональности его стихов. Хотя и здесь он не изменяет себе – никакой велеречивой декларации, а простые, скромные слова признания. Как, например, в стихотворении «Дом скворцам верну», когда рассказ о сделанном добром деле автор завершает словами: «Я не пощусь – хоть так очищу душу». И это откровенное признание очень трогает и запоминается: да, не всегда мы соблюдаем церковные каноны и правила, но ведь главное – это стремление жить по Божеским законам... Стихи цикла посвящены нашему Харьковскому Свято-Покровскому мужскому монастырю, где автор, похоже, бывает часто: «Снег с лавочки смахну – присяду. О, яркий небосвод какой!» Здесь он отдыхает. Здесь, в монастырском дворе он любит розами: «светом храмов осияны розы дивно хороши», дубами: «Три дуба по воле судьбы – три стража двора монастырского», щебетом птичьих стай:

Сугробы всё ещё упрямы.
Великий пост. Весна в пути.
А на берёзке возле храма
кормушка для весёлых птиц.

Но поэт так устроен, что не может просто наблюдать и констатировать, не может только радоваться и наслаждаться. Его поэтическое восприятие мира настроено на многоголосие струн: тронешь одну – отзываются другие. Ассоциации, воспоминания, связь времён... И вот уже автор признаётся: «Влечёт меня к стене алтарной мемориальная доска». И вспоминает одну из трагических историй, которая, увы, была не единственной для монастырей и храмов нашей страны в 20–30-е годы минувшего века.

...Здесь, под алтарною стеной,
где воздух городской – хрустальный,
где личная печаль мала,
покоились в могиле тайной
монахов этих двух тела...

Леонид Пилипенко писал стихи в юности. Потом были долгие годы молчания, хотя работа его была связана с литературным творчеством – журналистика. Но тот, кто «причастился» поэзии, непременно к ней возвращается, сколько бы времени ни прошло. И вот с книгой «Причал романтиков» к читателям вернулся уже зрелый и состоявшийся поэт. Поэт, чьё кредо – лучшие традиции классической русской поэзии. Те самые, которые назвал ещё Александр Сергеевич Пушкин в своём «Памятнике»: «...чувства добрые я лирой пробуждал» и «Веленью божию, о муза, будь послушна».

И, коль речь пошла о русской классической поэзии, хочу вспомнить ещё и Александра Трифоновича Твардовского. У него в истинно русской и истинно народной поэме «Василий Тёркин» есть строки:

«И читатель вероятный
Скажет с книжкою в руке:
– Вот стихи, а всё понятно,
Всё на русском языке».

Твардовский уже тогда словно бы давал отпор нынешним постмодернистам, препарирующим язык себе в угоду. И я просто рада тому, что читатель, который возьмёт в руки книгу Леонида Пилипенко, сможет произнести подобную фразу: «Всё понятно, всё на русском языке».

Алексей Иванов
г. Могилёв, Республика Беларусь

ЛИТЕРАТУРА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ В ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАНАХ КАК ФАКТОР САИДЕНТИФИКАЦИИ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

Объем понятия «русская литература» на протяжении последних десятилетий неоднократно изменялся. Распад СССР породил новую, почти двадцатипятимиллионную русскую диаспору со своими сложными проблемами, что ощутимо сказывается на политических, экономических и гуманитарных процессах на постсоветском пространстве.

Почти весь XX века русская литература была насильственным образом разделена на литературу метрополии и литературу эмиграции. История русской литературы последних двух десятилетий позволяет констатировать продолжение подобного разделённого, параллельного существования, но уже со значительно увеличившейся писательской и читательской диаспорой в бывших советских республиках.

Конечно, по сравнению с советским периодом можно констатировать, что современная система коммуникации, почти полное отсутствие идеологической и эстетической цензуры позволяют интересующимся писателям и читателям постсоветского пространства иметь хотя бы поверхностное представление о литературном процессе в новых независимых государствах.

Два последних десятилетия истории развития литератур на постсоветском пространстве характеризуются стремительным сужением сферы использования русского языка. Исключение, разумеется, составляет Российская Федерация и Беларусь, где русский язык является одним из государственных.

После распада Советского Союза судьбы русскоязычных литератур в молодых государствах сложились по-разному, что было связано с изменением вектора внутренней и внешней политики, законодательно закреплённым изменением статуса русского языка, выстраиванием новых приоритетов в сфере образования и культуры. Эйфория, связанная с обретением независимости, процессы поиска культурной идентичности коренными и некоренными нациями привели к возникновению сомнительных представлений, что *художественно ценные* произведения, написанные гражданами этих стран, могут возникнуть почти исключительно на языке титульной нации.

Существенно ухудшилось положение русскоязычных писателей, проживающих в неславянских постсоветских странах: резко сузились воз-

возможности опубликовать свои произведения, эмиграция значительной части русского населения из вновь образовавшихся стран привела к потере потенциальных читателей, да и сами литераторы вынуждены были по целому комплексу причин покинуть места, в которых, зачастую, прошла вся их жизнь.

Писателей, которые создавали свои произведения на русском языке в национальных республиках (а затем в постсоветских странах) можно условно разделить на две категории. Во-первых, это этнические славяне (русские, украинцы, белорусы), постоянно проживающие в этих государствах. Во-вторых, представители коренных этносов, начавшие писать на русском языке.

Например, в азиатских постсоветских странах судьба русского языка и, соответственно, русской культуры достаточно сложна и связана с экономическими и культурными трансформациями, поставившими язык и литературу коренного этноса в заведомо привилегированное положение.

Практически отсутствует русскоязычная литература в современной Туркмении, где и в советский период русское население составляло десять процентов. За годы, прошедшие после обретения страной независимости, многие русские вынуждены были эмигрировать. Формально за русским языком закреплён статус языка межнационального общения, но на практике это положение не выполняется. Русские телеканалы не транслируются с середины 1990-х годов, тогда же стали закрываться русские школы. В стране издаётся единственная русскоязычная газета с красноречивым названием «Нейтральный Туркменистан». Но в последние годы власти страны, постёгиваемые экономическими проблемами, вынуждены были резко увеличить поступление молодёжи в вузы славянских постсоветских стран, где она получает образование на русском языке.

На момент развала Советского Союза в Киргизии было более 20% русского населения. За пятнадцать лет независимости доля русского населения упала до 10%. Русский имеет статус языка межнационального общения, разрешено делопроизводство на русском языке, доступно высшее образование, выходят газеты. Но русскоязычный литературный процесс почти сведён к нулю, хотя, в годы советской власти становление русскоязычной литературы Киргизии началось в 1930-40-е годы, значительна была роль поколения, пришедшего в литературу в 1960-е годы. Конечно, не следует обольщаться на счёт качества литературной продукции того времени, большая часть которой была в русле топорной соцреалистической эстетики. Для нас важен сам факт почти полного прекращения русскоязычной литературной традиции в этой стране.

Ещё более печальна судьба русского языка и русскоязычной литературы в Таджикистане, где, начиная с 1989 года, русское население сократилось очень резко: с 500 тысяч человек до 50 тысяч. Русский язык в этом государстве, как и в других азиатских постсоветских странах, имеет статус языка межнационального общения, что, тем не менее, не обеспечивает создания надлежащей социокультурной обстановки для удовлетворительного функционирования литературы на русском языке.

Насыщена литературная жизнь современного Казахстана. Значительная часть художественной литературы издаётся на казахском языке. Второе место по степени распространённости занимает русскоязычная литература. Показательно, что в вышедшей не так давно коллективной монографии «Литература народов Казахстана» [3] два больших раздела посвящены русской и русскоязычной литературе Казахстана. Деление на русскую и русскоязычную литературы авторами монографии осуществляется по этническому признаку. Творчество этнических русских, рассматривается в разделе «Русская литература», а творчество этнических казахов, пишущих на русском языке, анализируется в главе, посвящённой русскоязычной литературе.

Содействует обмену национальными духовными ценностями, публикуя произведения, созданные на русском языке и переведённые на русский с казахского и других языков, русскоязычный литературный журнал «Нива», выходящий в Астане. Культурную поддержку русской диаспоры Казахстана осуществляет русскоязычный журнал «Простор», известный ещё с советских времён.

Значительным художественным явлением стала русскоязычная узбекская поэзия. «Ферганская школа» получила широкую известность в середине 1990-х годов. Это было объединение русскоязычных поэтов, возникшее в 1980-е годы в узбекском городе Фергана. Сейчас участники этой поэтической группы почти все разъехались из Узбекистана, обосновавшись в России, Америке, Израиле, Финляндии.

Заявила о себе в Узбекистане и Ташкентская поэтическая школа, включающая русскоязычных поэтов. Их объединяет обострённое чувство прошлого, поэтизация детства, обращение к традициям философской лирики. Совместно они выпустили пять номеров поэтического альманаха «Малый шёлковый путь». С советских времён издаётся в Узбекистане русскоязычный литературный журнал «Звезда Востока».

Приметой времени стало активное использование писателями сетевых ресурсов. Показательно, что представители «ферганской школы» создали несколько сетевых проектов: «Библиотека Ферганы», «Ферганский альманах»,

«Библиотека ферганской школы поэзии». В настоящее время – это, наверное, наиболее простой способ обратиться к своему потенциальному читателю.

Для современного этапа осмысления литературы, создающейся на русском языке не в Российской Федерации, характерно использование, в качестве равнозначных, терминов «русскоязычная» и «русская»: «русскоязычная литература Беларуси» и «русская литература Беларуси»; «русскоязычная поэзия Украины» и «русская поэзия Украины», «белорусская литература на русском языке» и т.п. Во вновь образованных странах в последнее десятилетие происходит своеобразный сдвиг сил, выражающийся в подготовке антологий и сборников, что предшествует научному изучению феномена русскоязычной литературы. При всех сложностях, связанных с противоречивыми процессами обретения независимости, можно с удовлетворением отметить, что, начиная с середины 1990-х годов, в постсоветских славянских странах появляются первые серьезные издания и проекты представляющие и анализирующие состояние русскоязычной литературы.

В 1996 году в Киеве выходит сборник под названием «Какие мы? Попробуем понять... Киевская школа русской поэзии». В 2003 году в Ивано-Франковске опубликована антология русскоязычной литературы Прикарпатья, называемая «Ткань и ландшафт». В Казахстане прошел круглый стол «Русская литература в Средней Азии: пути и перспективы». Организован «Среднеазиатский фронт русскоязычной литературы», объединяющий поэтов, писателей, драматургов и литературных критиков Казахстана и Средней Азии. В Москве в 2004 году вышел сборник «Освобожденный Улисс. Современная русская поэзия за пределами России», включающий произведения 244 авторов.

В Беларуси заметное место занимает белорусский литературный союз «Полоцкая ветвь», выходят журналы «Неман», «Новая Немига литературная», «Западная Двина». В 2003 году вышла антология «Современная русская поэзия Беларуси», составленная одним из самых интересных поэтов Анатолием Аврутиным. Эта подборка стихов, многозначительно начинается стихотворением одного из основоположников русского символизма Николая Минского, родившегося на территории современной Беларуси. В краткой аннотации к антологии указано, что в нее вошли произведения 222 авторов, наиболее ярко зарекомендовавших себя за последние два десятилетия. Степень известности представленных поэтов, конечно, разная: у кого-то вышло уже несколько сборников, другие – не могут похвастаться обилием публикаций, вниманием критики. Не будет большим преувеличением утверждение, что выход данной антологии стал знаковым событием белорусской литера-

турной жизни. В стране, большинство граждан которой общаются, получают образование, читают преимущественно на русском языке, русскоязычная литература Беларуси лишь недавно получила возможность участвовать в культурном полилоге, обеспечивающем полноценное историко-литературное образование. Несколько лет назад в программы по русской литературе в средних школах введён раздел «Русскоязычная литература Беларуси».

Не имеет аналогов на постсоветском пространстве вышедшая в 2010 году книга «Русские в Беларуси». Показательно, что автором-составителем книги является доктор филологических наук, профессор кафедры теории литературы БГУ Анатолий Андреев. Он член Союза писателей Беларуси, член Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России, прозаик, драматург, чьи произведения публиковались в таких ведущих российских изданиях, как «Дружба народов», «Наш современник», «Литературная газета», «Дон», «День и ночь», «Второй Петербург». Один из разделов книги посвящён современной русскоязычной литературе Беларуси [1].

Авторитетны украинские журналы «Родник», «Союз писателей», ориентированные на авторов, пишущих на русском языке. Как раз в журнале «Радуга» в 2006 году была опубликована статья, в которой обосновывалась необходимость создания истории русскоязычной литературы Украины [2]. Эту идею выдвинули ведущие научные сотрудники Института литературы им. Т.Г. Шевченко НАН Украины доктора филологических наук П.В. Михед и Н.Р. Мазепа. Стоит отметить, что больше нигде в постсоветских странах столь детальной научной предварительной проработки проблемы не было осуществлено.

Созвездие имён русских писателей XX века, чья жизнь и творчество связаны с Украиной впечатляет. Не менее ощутимо присутствие в современной русской литературе, включая литературный процесс Российской Федерации, русскоязычных авторов Украины. Но и здесь, как и в Беларуси, сильны голоса тех, кто не считает литературу на русском языке значительным явлением украинской культуры, отказывает ей в образовательном потенциале.

Русскоязычные тексты, создаваемые вне географически и политически очерченной зоны функционирования русского языка в рамках Российской Федерации, ориентированы на богатейшие традиции русской литературы и культуры в целом, которая не потеряла своего центрального места в восточнославянской культурной традиции.

Выявление собственно русского компонента, системы религиозных, эстетических, философских идей, нашедших творческое преломление в произведениях русскоязычных авторов, их взаимодействие с базовыми куль-

турными представлениями коренного этноса дают основание конструктивным поискам идентичности для личности, оказавшейся в зоне активного взаимодействия разных культур. Идентификация человека с такими большими, исторически устойчивыми объединениями, как нация, государство, религиозная конфессия предполагает стимулирование чувства солидарности с ними на двух уровнях.

С одной стороны, эта причастность воспринимается глубоко лично, основывается на повседневном опыте бытовой, семейной традиционности, языковой общности с близкими людьми. С самого рождения человек входит в определённую языковую стихию, национальный коллектив, в котором начинает формироваться его духовная сущность, закладываются трафареты поведения. Далеко не всегда этот коллектив монолитен в этническом отношении.

С другой стороны, посредством системы образования, воздействия средств массовой информации, чтения человек открывает для себя иные горизонты, позволяющие ему взглянуть на своё существование через призму пребывания нации в большом историческом времени, сопоставить свой земной путь с зарождением, развитием, взлётами и падениями надличностных сообществ. Это побуждает человека оторваться от повседневной, рутинной жизненной практики, переживать трудности растворяясь в некоем высшем единстве с другими личностями, воспринимаемыми в качестве духовно близких, озабоченных аналогичными проблемами.

Чем более динамичным становится человеческое существование благодаря развитию техники, активному использованию информационных технологий в повседневной жизни, тем более иллюзорной представляется возможность изоляции этноса, государства. Опыт разностороннего общения распаивает духовный горизонт личности многообразным вариантам культуры, заставляет сопоставлять, выбирать то, что в наибольшей степени отвечает целям, которые она ставит перед собой.

Подобный выбор может быть достаточно драматичным в том случае, если внациональная самоидентификация индивида, его религиозные поиски, самоутверждение в творчестве, знакомство с высокими образцами других национальных культур пробуждают в нём критические настроения по отношению к достижениям своего этноса. Эти критические взгляды могут быть вызваны также неосведомлённостью человека, серьёзными перекосами в образовательной политике многонационального государства, в котором одним из факторов консолидации общества является соответствующая язы-

ковая политика, требующая особой чуткости в случае взаимодействия достаточно далёких по своим истокам культур.

Требуется отдавать себе ясный отчет, что литература на русском языке в славянских постсоветских странах является не менее национальной, чем литература на языках титульных наций (ситуация в неславянских странах требует отдельного разговора). Осознание этого обстоятельства научным филологическим сообществом давно назрело. Изучение национальной русскоязычной литературы призвано оказывать влияние на становление патриотических установок личности, приобщить к культурным ценностям, воспринимаемым в качестве базовых для данного общества, дать представление о единой системе образов, понятий, связанных со своей страной. Это должно сказаться на формировании национального самосознания, национального единства и конструктивных стандартов поведения граждан. Поэтому интерес представляют не только ценности, отражающие устоявшиеся этические, идеологические, социальные представления, доказавшие свою значимость в качестве инструментов формирования определенных жизненных установок, но и новые, отвечающие задачам разумной модернизации социокультурных приоритетов.

Современные русскоязычные писатели Беларуси и Украины не менее авторов, пишущих на белорусском или украинском языке ценят государственную независимость, и не в меньшей степени озабочены всем спектром проблем, стоящих перед странами. В стратегиях самопрезентации русскоязычных авторов этих государств существенное значение играет то, что литературное творчество их представителей приобретает знаковую, характеризующуюся способностью привнести в национальную культуру ценности, которые будут благосклонно восприняты не только политической и художественной элитой, но и смогут проникнуть в массовое сознание.

Список литературы: 1. Иванов А.В. Русская изящная словесность в современной Беларуси // Русские в Беларуси. / сост. А.Н. Андреев. – Минск: Макбел, 2010. – С. 150–162. 2. Козлик И. История русскоязычной литературы Украины: Какова она? // Радуга. – Киев, 2006. – № 3. – С. 138–149. 3. Литература народов Казахстана. – Алматы, 2004.

Тетяна Агеєнко, Олена Ярошенко
м. Харків, Україна

ІНТЕРПРЕТАЦІЯ АРХЕТИПІВ І СИМВОЛІВ СЛОВ'ЯНСЬКОЇ КУЛЬТУРИ В ПРОЦЕСІ ВИВЧЕННЯ ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОГО МИСТЕЦТВА

Постановка проблеми. У глобальному просторі, у який інтегрується студентська молодь, передбачається засвоєння надбань культури різних народів.

За умов сьогодення, коли наша держава входить до нового етапу свого розвитку, зв'язаного зі зміною менталітету суспільства й особистості, освітянами активно здійснюється пошук нових пріоритетів і ціннісних установок для виховання молодого покоління. Орієнтація суспільства на аксіологічні задні моделі, поряд із позитивними факторами розвитку гласності, прозорості, свободи й демократії, призводить загострення таких соціальних негативів, як байдужість, егоїзм, раціоналізм, замкненість людини на власних проблемах. За таких умов проблема збереження духовних цінностей, що є актуальною для суспільства загалом, найбільшої гостроти набуває саме в молодіжному середовищі. Тож сучасне художньо-естетичне виховання має бути зорієнтоване «на розв'язання актуальних проблем розвитку естетичних потреб і почуттів, художніх здібностей і творчої діяльності; формування в молоді естетичних поглядів, смаків, що ґрунтуються на українських народних традиціях і кращих надбаннях світової культури; вироблення вмінь примножувати культурно-мистецькі надбання народу, відчувати й відтворювати прекрасне в повсякденному житті» [4]. Національне виховання має стати надійним підґрунтям становлення світогляду молодої людини, на якому будуть формуватися фахові знання та професійна відповідальність майбутнього педагога.

Метою цієї статті є обґрунтування доцільності вивчення майбутніми педагогами на заняттях з декоративно-прикладного мистецтва архетипів і символів слов'янської культури як оптимальної умови для успадкування духовних надбань народу та гармонійного творчого розвитку особистості.

Аналіз досліджень і публікацій. Аналіз психолого-педагогічної літератури, вивчення масової та інноваційної практики став підставою для висновку, що мистецтво є найбільш ефективним засобом розвитку духовної культури юного покоління (М. Бердяєв, П. Флоренський, Б. Неменський). Завдяки науково-теоретичним дослідженням і методичним рекомендаціям педагогів Н. Лисенко, Н. Миропольської, Л. Шевчук дозволяють розкрити роль

мистецтва у збагаченні естетичних почуттів особистості, у розвитку оцінних суджень, в організації творчості на прикладі фольклорних матеріалів.

Творами декоративно-прикладного мистецтва виховують у молоді культуру сприйняття матеріального світу, розвивають естетичне ставлення до навколишнього світу, допомагають глибше пізнати художньо-виразні засоби інших видів образотворчого мистецтва. Мистецька спадщина, «акумуючи емоційно-естетичний досвід поколінь, утілює та передає ціннісне ставлення до світу крізь призму етнонаціональної специфіки, тому вона є ефективним засобом виховання» [2, с. 162].

Виклад основного матеріалу дослідження. Народне декоративно-ужиткове мистецтво так, як і мова, є невід'ємною складовою життя людини, полягає в основі нашої сучасної культури. Традиційна орнаментальна символіка образів у різних витворах народного вжиткового мистецтва безпосередньо пов'язана з усвідомленням людиною природи, філософським осмисленням світу.

Стародавні образи в народному мистецтві. Казковий птах, жіноча постать, диво-дерево, кола, лінії, риси... Намагаючись розібратись у тому, як улаштований світ, віднайти пояснення незрозумілого, загадкового, таємничого, наші давні пращури оздоблювали свої витвори найпростішими орнаментами, привертаючи до себе увагу добрих сил природи. Своє розуміння про світобудову людина виражала умовними знаками: пряма горизонтальна лінія позначала землю, хвиляста горизонтальна – воду, вертикальна перетворювалася на дощ; вогонь, сонце зображувались хрестом. Із цих елементів вибудовувався візерунок [5]. Наділяючи природні явища якостями, почуттями, діями, притаманними живим істотам, давній майстер також зафіксував ці, народжені уявою образи, у своїх орнаментах і візерунках. Вони продовжували своє життя, переходячи від покоління до покоління.

Традиція розмальовувати навесні яйця у слов'янських народів сягає епохи язичництва [1, с. 312]. Наші предки – слов'яни називали фарбовані (крашені) яйця «красними яечками». Починаючи новий рік, вони обдаровували один одного такими крашанками. Задля милості язичницьких богів люди, разом із іншими дарами, приносили й пофарбовані яйця. Як символи сонця, вони мали охороняти власників від недуг, нещастя, злого ока, стояти на сторожі цілого народу [3].

Раніше в Україні не було жодної родини, де б не писали писанок. Однак за радянської доби у зв'язку з забороною народних звичаїв розмальовувати курячі яйця з нагоди Великодня, на Слобожанщині цей вид народного мистецтва був майже повністю втрачений. Традиції українського писанкарства зберігалися лише в сільській місцевості. Сьогодні цей пласт на-

ціональної культури все більше цікавить сучасне місто. Організуються клуби, гуртки писанкарства, влаштовуються майстер-класи.

Поступове накладання воском усе нових і нових елементів орнаменту й послідовне зафарбовування яйця барвниками дає можливість писанкарям створювати ефектні й багаті за кольором орнаментальні композиції. Для розпису поверхня яйця найчастіше ділиться на дві половини тонкою горизонтальною смужкою, а потім уже двома-чотирма лініями по вертикалі. Одержані в такий спосіб трикутники заповнюються елементами геометричного або рослинного орнаменту: «курячі лапки», «вітрячки», «сонечко», «ружа», «маків цвіт», «гребінчики», «барильце», «дубовий лист» тощо.

Композиційні схеми писанок, у яких основу складають рослинні мотиви, значно простіші. Орнамент таких писанок складається переважно з «квітів у вазоні» – мотив дуже поширений у настінних розписах, кераміці й килимах.

Слов'янська вишивка – не просто оздоблення одягу, рушників. Вишивка в наших пращурів мала велике оберегове значення. За допомогою вишивки на тканину наносилися священні слов'янські символи (рунічні написи). Вишивка створювалась у певний час, за певними правилами, головним серед яких мав бути відповідний настрій. Вкладаючи в працю всю свою душу, турботу та любов до того, для кого робилася вишивка, майстри створювали насправді сильні обереги, здатні зберігати й оберігати.

У вишивці, як і в народній пісні, відбивались заповітні мрії про краще майбутнє, споконвічне прагнення до прекрасного. В узорах вишивки народні майстри виспівували про свої думки й почуття, сподівання та страждання.

Геометричні орнаменти у вишивці дуже прості: кружальця, трикутники, ромби, кривульки, лінії, хрести (прості й подвійні). Сьогодні на їх основі в народній вишивці широко використовуються такі мотиви, як «баранячі роги», «кучері», «гребінчики» тощо. В орнаменті подільських вишивок трапляється мотив «кривульки», або «безконечника», який відомий ще з часів трипільської культури, тобто значно раніше, ніж славнозвісний грецький меандр.

В основі рослинного орнаменту вишивки лежить прагнення втілити красу природи. Найчастіше наявні такі мотиви, як «виноград», «хміль», «дубове листя», «барвінок» тощо. Деякі з них несуть на собі відбиток стародавніх символічних уявлень народу. Так, мотив «барвінку» є символом немеркнучого життя, узор «яблучне коло», поділений на чотири сектори, із вишиванням протилежних частин в одному кольорі – символом кохання. У сучасній вишивці трапляється й древній символ «дерево життя», що здебільшого зображується стилізовано у формі листя або гілок.

У зооморфних орнаментах вишивки зображуються тварини: кінь, заєць, риба, жаба; із птахів – півень, сова, голуб, зозуля; комахи: муха, метелик, павук, летючі жуки. У багатьох випадках зооморфні орнаменти є своєрідним, властивим саме цій вишивальниці, зображенням, у якому відбивається її індивідуальне бачення візерунка. Часто в композиціях зустрічаємо такі, збережені в традиціях елементи, як «заячі» та «вовчі зуби», «волове око», «коропова луска», «баранячі роги» тощо.

Витинанка («вицинянка», «вирізанка», «вистриганка», «вибиванка») – іще один вид народного декоративно-вжиткового мистецтва, широко відомий на території України, Польщі, Росії, Білорусії. Здавна, за сталими традиціями, слов'янські народи оздоблювали витинанками інтер'єри свого житла до найбільших свят: Коляди (Різдва) та Великодня (Пасхи). Асортимент народних ажурних прикрас із паперу широко представлений різними «фіранками», «квітками», «мереживом», «серветками» тощо. Серед сюжетів найбільш популярними є «Дерево життя» («Дерево життя», «Дерево життя»), композиції з букетами та вазонами, фігуративні композиції зображувального характеру: «Жіноча доля» (Женская доля), «Жаночая доля») тощо.

У Комунальному закладі «Харківська гуманітарно-педагогічна академія» ознайомлення студентів з архетипами та символами слов'янської культури відбувається безпосередньо на заняттях із «Декоративно-прикладного мистецтва», «Художньої праці», «Художнього текстилю».

Вивчаючи стилістичні особливості писанкарства, вишивки, килимарства, гончарства, майбутні педагоги виконують замальовки з оригінальних творів народного вжиткового мистецтва, світлин, репродукцій. На підставі вивчених аналогів, студенти розробляють ескізи для власних композицій. Після остаточного визначення ідеї, розпочинається робота в матеріалі. Майбутні вчителі й вихователі залюбки займаються вишивкою, писанкарством, витинанням із паперу, низанням із бісеру.

Часом зацікавлення студентів народним образотворчим фольклором стає вагомим аргументом при виборі напряму науково-дослідницької діяльності, теми курсової й дипломної роботи, художньої творчості.

Здобуті під час навчання в гуманітарно-педагогічній академії знання з витоків народної художньої творчості, закономірностей організації декоративної композиції, як і відповідні практичні вміння працювати в різних традиційних техніках ужиткового мистецтва, майбутні фахівці з радістю будуть передавати своїм вихованцям – дітям.

Висновки дослідження й перспективи подальшого розвитку. Історичний досвід слов'янського народу має яскраве втілення в художніх ціннос-

тях, традиціях естетичного освоєння навколишнього світу. Усе це зобов'язує національну вищу школу активно запроваджувати естетико-виховний потенціал народного образотворчого мистецтва. Гуманістичною природою ужиткового мистецтва передається створений століттями чуттєво-практичний досвід поколінь, демонструється розуміння закономірностей і фундаментальних цінностей життя.

За умов сьогодення, коли освоєння навколишнього світу за законами краси набуває особливого змісту та значення, декоративно-прикладне мистецтво генерує ідеї добра й краси, любові до світу навколишнього, сприяє формуванню високої духовності молодого покоління, збагачує його моральні цінності, розвиває творчу активність.

Список літератури: 1. Богуш А.М., Лисенко Н.В. Українське народознавство в дошкільному закладі: Навчальний посібник, – К.: Вища шк., 1994. – 398 с. 2. Книга вчителя дисциплін художньо-естетичного циклу: Довідково-методичне видання. / Упорядники: М.С. Демчишин; О.В. Гайдамака. – Харків: ТОРСІНГ ПЛЮС, 2006. // Концепція художньо-естетичного виховання учнів у загальноосвітніх навчальних закладах та Комплексна програма художньо-естетичного виховання у загальноосвітніх та позашкільних закладах. – 768 с. 3. Манько В. Українська народна писанка. – Л.: Свічадо, 2001. – 46 с. 4. <http://lp.edu.ua>. Концепція національного виховання студентської молоді. Додаток до рішення колегії МОН від «25» червня 2009 р. Протокол № 7/2–4. 5. <http://svarga.dp.ua>.

*Любов Анучина, Валентин Грицаненко, Оксана Стасевська
м. Харків, Україна*

РОЗДУМИ ПРО ФЕНОМЕН НАРОДНОГО МАЛЯРСТВА

Погляд, звернений у минуле, здебільшого має прагматичні мотивування, бо ж для тверезого розуму надає можливість побачити проблематику раціонально вибудованого, технократизованого сьогодення рельєфніше, відчути в її чіткіших, так би мовити, еволюційно-динамічних константах.

Та часто-густо буває, що давнє, крите патинами й пліснявою часу, огортає очі нашого серця такими туманами, такими солодкими мороками, такими фата-морганами, що ми геть відкидаємо прагмати і безоглядно перетікаємо на ті метафізичні терени, на оті далекі сільські вигони, де... де нас, на жаль, уже нема...

Ці умоглядні території, що їх культурологічна наука красиво визначає як «мнемотичні» і які, кажуть, ще донедавна достоту засипані були емоційними артефактами, тепер уже всі поприватизовані напористими й цілеспрямованими «археологами-прагматиками» та метушливими й галасливими любителями-старателями. Прислужуючи якимсь щонайвищим доцільностям, вони вщерть позаповнювали спільні комори нашої пам'яті такою кількістю потрошеного, пошарпаного сумнівно-археологічного мотлоху, а найбільш такими Монбланами і Джомолунгмами «новоделів», що нам, пересічним мандрівцям-мрійникам, залишаються хіба що ілюзії пошуків...

Пошуків між забитим хламом стелажів та полиць картинкосховищ, бібліотек-пінакотек, факторій-територій, понапихуваних минулим...

Минулим, що відредаговано і прокоментовано іншими...

Нам залишається лише крихітні комірчини селянського раю та медитативні, сомнамбулічні блукання...

Бувають, зрідка трапляються поодинокі ентузіасти-сталкери, одинакі-диваки, що всерйоз дивляться на картинки з минулого не як на крам для торжищ, а як на себе самого, на того, хто проживає своє життя не лише «тут і тепер», але водночас живе уповні «там і колись».

Ще донедавна в колах високовчених інтелектуалістів і високоповажних поціновувачів художнього все наївно-ідилічне, мало усталене, безапеляційно-визначене, поблажливе (а бувало і зневажливе) мало наймення – примітив. Хоча траплялося, що декотрі з найтолерантніших, з найбільш розчухнутими душами в бік українського посполитства, зважаючи на напівселянське походження, архетипічність образного ряду, спрощеність пласти-

чних узагальнень, стилістичну і змістову фольклороподібність, анонімність, готові були, не без осмішечки, зрозуміло, покваліфікувати подібне картинкове видимо-марево як явище фольклорного кшталту.

Насправді не те щоб прискіпливець-інтелектуаліст, але й пересічний картинколюб не міг би не бачити, що картинко-видива і картинко-марева аж ніяк «не тягнуть» на первинність – первинну чистоту і первинні незакалумечені змісти фольклорної культури. Їх вторинність хоча б у тому, що продукувались вони вже в контекстах і в контактах зі зразками професійної навченості художнього картинкотворення, що найчастіше не в селах, а переважно на околах повітових чи губернських містечок, в осередках такого собі провінційно-міщансько-ремісничого урбанізму – Покотилівках, Москалівках, Іванівках та Журавлівках...

І відповідна думка – о, як далеко цьому наїву, як безкінечно далеко йому до «патріархальної величі», «епічної цілісності», «космогонічної зорієнтованості» та «принципово стверджуючого духу» фольклорної культури.

Можливо тому в текстах етнорозвідок академічної виваженості й ліберально-посконної коректності картинко-масив наївного малювання називали «народним примітивом» чи навіть запроваджували паліативну дефініцію – «другий фольклор».

Очевидною для пуританського ока була й інша «вторинність», вторинність у вимірах студійно-артистичної культури. Оцінки тут базувались позаконтекстно, позаісторично, на твердих доктринальних переконаннях про іманентне існування абсолютних критеріїв, таких собі ідеальних на всі часи мистецьких еталонів, досягнутих в античності й остаточно сформованих у добу Високого Ренесансу. Захмарність фахової навченості, технічної віртуозії, артистичної маестрії, а також сюжетно-академічна змістовна освіченість або ж місійна народницько-передвижницька затягість затуманювали оптику художнього поцінування, всіляко підштовхували до зверхнього, часом підкреслено відстороненого, спрощеного, безпроблемного, наївного і, «конєшно же», недолугого та варваризованого.

Дещо пізніше, налаштувавшись на методології культурологічних вимірів, «теоретизуючі во мистецтві» заговорили вже про «другу», декотрі з них навіть про «третю культуру», а хтось швиденько сподобився й на монографійку...

Проте... якось ураз, несподівано, може, навіть нагально, без паузи на мистецькознавчу адаптацію (для інтелекту визнаного і самодостатнього навіть образливо швидко) вторглися в контексти соціальних поцінувань картинки Піросмані і Т. Руссо, матінки Мозес й І. Генераліча, Никифора і Ю. Чеснякова, К. Білокур і М. Приймаченко...

Так нагально, що вже сьогодні не те що «Козака Мамає» чи іконки «загадкового поліського письма», чи народної картинки релігійного (напр., «Чудесне явлення ікони Божої Матері Озерянської»), або ж жанрового, побутового («Тікай, Петре, з Наталкою, ідуть мати з качалкою») спрямування, ба навіть завалящого автентичного килимка з лебідкою та лебедином ні на якому блошиному ринку не надібаш. Якщо тягнуть за руки, прихваляють, приговорюють-примовляють, віддають за півціни «лише Вам!» – не сумнівайся, читачу – «новодел»!

От, правда, для високовчених драгоманів-тлумачів малярських картин-косвітів – одні незручності й дискомфорти. Бо як же тепер нам роз'яснювати та витлумачувати оте, куди «приткнути» його? Чи до нижнього прошарку «високої» професійної культури, чи до верхнього прошарку культури «низової», тобто фольклорної? З яких полиць, високих чи низьких, набрать критеріїв-еталонів для оціночних потрактувань, де вишукувати технологічні паралелі, стилістичні аналогії та змістові контексти?...

А йдеться ж не лише про феномен кількісних накопичень «примітива» у візуально-культурних рядах XVII–XX ст., про таку собі навалу картинконаїву. Нині багато хто ладен покваліфікувати експансію означеного художнього масиву як культурний вияв латентної, початкової фази так званої «масової культури».

Ситуація системного розгардіяшу і контраверсійності (точніше, поліверсійності) щодо картинкотворення в цілому, а також місця, ваги та ролі в ньому картинконаїву породжує відчутні теоретичні неузгоди (для критиків), концептуально-творчу розгубленість (для художників), більшу чи меншу естетичну дезорієнтацію (для картинколюбів). Досить своєрідно це дається взнаки в спрямованості постмодерністського загалу на універсальну, тотальну систематизацію всього, що навколо нас і що в нас. Ідеться про ідеї, змісти буття, концепції, концепти, символи, конкретику життєвих ситуацій, феномени предметно-природного світу, а особливо опредмечені ілюзії-повтори цього, витворені мистецтвом. Людство кинулося самовіддано і до нестями влаштовувати ряди, шеренги, укладати списки, каталоги, прейскуранти, калькуляції, ранжири...

Умберто Еко стверджує, що це, може, одна із найприкметніших рис сучасної цивілізації. Цивілізації, яка у прагматах і раціях свого поступу стала надавати перевагу завершеним, стабільним, організованим системам. Коли ж їй доводиться зіштовхуватися з навалою розрізненого і деструктованого чи втрачати вестибулярні навички інтелектуально-емоційного прямиостояння в хаотичних динаміках безладу, вона (цивілізація) в пошуках кри-

теріїв, ціннісних орієнтирів, дороговказів починає гарячково вишукувати принципи усистемлення, вибудовувати ієрархії, укладати семантичні й семіотичні ряди тощо.

І все це – на шляху до ілюзії впорядкованості, усталеності буття, конформістського спокою, психологічного комфорту так званої передбачуваності і, може, навіть на шляху до спрощеної картинки дійсності.

Зрозуміло одне: перед нами явище масштабне, важкоохопне і грандіозне...

І мало хто може не погодитися з тезою: те, що ми обережно і делікатно, і дуже умовно називаємо «наїв» чи називаємо «примітив», у дуже багатьох своїх виявах у жодному разі не є примітивом. Таким собі похідним, другорядним, маргінальним епізодиком могутнього тексту-потoku світового малювання.

І звичайно ж, не є чимось невправним, неоковирним і недоладно зіпленим на узбіччях мейстриму.

Воно не є чимось таким, що може бути поясненим недовічністю чи малонавченістю, аматорською незграбністю чи інтелектуально-емоційною убогістю.

І навіть (незважаючи на особливу прихильність до ідеї культурних взаємодій як одного з основних джерел культуротворення) обґрунтовано й достеменно пояснити феномен художньо-пластичного наїву лише дифузійними культурних змісто-форм, тобто взаємодіями і перетіканнями з «високого» професійного до «низького» фольклорно-дилетантського чи навпаки – далєбі неможливо.

Тут узагалі хотілося б припуститися думки про хибність багатьох мистецьких ієрархій як таких. Зокрема, наголосити: поширена налаштованість пересічного мислення, а бува, й освячена в мистецтвознавстві методологічно, практика художньо-естетичних оцінок у контексті еволюційно-прогресивної динаміки може дезорієнтувати і деформувати наші культурницькі почуття. Проблема неоднозначності і відносності ціннісних зіставлень культурних змістів епох і різних за своєю природою мистецьких рефлексій стала в постмодерністських дискурсах чи не найпідступнішою. Одним з каменів спотикання тут є безапеляційно сформульована і тотально впроваджена в суспільну свідомість у ХІХ–ХХ ст. компліментарна для людини ідея прогресивного культурного поступу. Сьогодні ця підсвідома психологічна настанова набула статусу майже абсолютної очевидності й ґрунтується на спрощено-лінійній логіці – те, що було в минулому, є менш доладним і доконалим і, зрозуміло, менш значимим, а те, що існує в наші дні, є більш

довершеним і варте більших поцінувань. Відповідно й свої ієрархії емоційно-художніх рефлексувань щодо мистецьких змістів минулого та теперішнього ми узвичаєно розгортаємо за схемами: архаїка – недолугість, примітив, ближче до нас – прогресивніше й вартісніше.

Ось і явище «примітиву-наїву», до якого з усіх сил намагаються ставитися неупереджено (хоча яка тут неупередженість, коли картинка зимового надвечір'я з самотнім подорожнім час від часу матеріалізується перед очима зі сріблитої порохні пам'ятесховищ грецької богині), звичайно ж, не може бути витлумачене в координатах графічних діаграм прогресистського кшталту, – бачте, «примітив» є малозначимішим лише тому, що архаїзований і не вмонтований у систему академічно-професійного малювання...

Виникає думка, виповнена протиріч і, може, зовсім для когось крамольна.

Чи не варто взагалі дещо відсунути методологічні висоти тлумачення або ж самим дещо передислокуватися і переорієнтуватися у наших пошуках того «дорогоцінного, яке неможливо купити ні за які гроші», того, що за Л. Толстим, «відрізняється як діамант від скла». Тобто відмежуватися від раціонально-логічної операціоналістики, від співвимірів, порівнянь, примірянь, від інструментарію, яким ми послуговуємося зазвичай для визначення міри відповідності художнього тексту еталонам, стандартам, зразкам, тенденціям, загалом усьому тому, що в суспільній думці склалося як достеменні ознаки належного, істинного, «високого». Усе те – освіченість, поінформованість, ерудиція і т. ін. – накопичувалось у нашій свідомості, залягло більш чи менш структурованою ущільненою масою «соціального раціо». Воно в головах кабінетних учених і галеристів, відвідувачів художніх музеїв та їх екскурсоводів, у головах художників, пересічних картинколюбів і ерудитів-знавців-інтелектуалістів. А вже скільки отого в поважних, високочолих головах докторів мистецтва...

Отож, може, дійсно відступимо на крок від раціоналістичної настанови, що наvertsає наші оцінки до порівняльних характеристик, а процеси картинотворення визначає як акти усвідомленого досягнення певного еталонного результату. Щонайчастіше еталонними є зразки технологічного кшталту, професійно-ремісничі маєстрії та віртуозії, у нашому ж випадку йдеться про націленість на вже існуючі пластичні зразки наїву, простодушності, щиросердя. У більшості «високих» малювальних практик ці характеристики і ці якості радше означаються, стилізуються, використовуються як художні засоби чи прийоми.

Спробуймо подивитися на наївну картинку очима серця її творця, людини витонченої душі, неупередженої формально-академічними настановами (у цьому сенсі, можливо, навіть професійного невігласа) і вивільненої від малювальних доктрин уяви, яка з особливим внутрішнім хвилюванням долучалася до найсокровеннішого, найголовнішого, усіма доступними їй засобами намагалася втілити щонайглибше приховані, як би ми тепер сформулювали, підсвідомо-чуттєві вияви архетипичного ідеального, власне, створювала ця людина особистісні й, водночас, кореспондентовані та співзвучні з ментальними рефлексіями загалу картини уявно-ідеального світу, такі собі «українські ідилії».

Список літератури: 1. Білокур Катерина. Малярство і проза. – К., 2009. 2. Грицаненко В. Метафізика «наївної» картинки. – Х., 2010. 3. Полевой В.М. Двадцатый век. – М., 1989. 4. История красоты / под ред. Умберто Эко. – М., 1989.

*Тамара Бившева, Ірина Овчарова
м. Харків, Україна*

ПОЛІКУЛЬТУРНЕ ВИХОВАННЯ ОСОБИСТОСТІ ЗАСОБАМИ МУЗИЧНОГО МИСТЕЦТВА

У системі сучасної освіти чільне місце посідає полікультурне виховання. І суспільні, і державні, і особисті інтереси в майбутньому зможе задовольнити лише людина нової формації, у якої розвинені інтелектуальна та почуттєва сфери, яка б легко і вільно почувала себе патріотом своєї країни і громадянином світу, знала та цінувала досягнення національної культури і володіла надбанням світової культурної скарбниці.

Саме тому глибокого вивчення і впровадження у практику потребує концепція полікультурного виховання, необхідність якого диктується реаліями суспільного буття. Проблеми полікультурної освіти цікавлять сьогодні все більше вчених, діячів культури, освіти та політики.

Полікультурне виховання передбачає оволодіння особистістю системою національних і загальнолюдських цінностей, що дозволяють їй здійснювати міжкультурну взаємодію і виявляти розуміння інших культур.

У наш час розвиток суспільства не можливий поза зміцненням міжкультурних зв'язків. Вивчення культурних цінностей інших народів, розуміння їх відмінностей та спільних рис, шанобливе ставлення до них сприяють активізації міжкультурних контактів. Водночас толерантне ставлення до традицій, культури та мистецтва інших народів допомагає людині чіткіше усвідомлювати та відчувати свою причетність до певного етносу.

Українська музична етнопедагогіка становить цілісну педагогічну систему зі своїми ідеалами, традиційними засобами, які знайшли втілення в народній пісні, інструментальній музиці, фольклорній творчості.

Впровадження цінності української музичної етнокультури є обов'язковою умовою реформи змісту музичної освіти, що сприятиме духовному, громадському, інтелектуальному відродженню національної школи. Народна музична творчість, породжена українським народом увійшла в культурно-історичний вимір як світоглядна проекція етносу на навколишній світ, вимір його діянь, інформацію що з ним трапилося, з його дітьми і народом, історією.

Музичне етнопедагогіка українського народу своїми витокami сягає давніх часів. Функціонувала, як фольклор у народній педагогіці.

Центральне місце у навчально-виховній системі української музичної етнопедагогіки займає принцип зв'язку навчання і виховання з життям нації.

Форми виховної системи музичної етнопедагогіки тісно переплітаються з історичними національними, мистецькими особливостями життя народу в минулому і сучасному. Музична спадщина українців – це унікальне джерело історико-культурних досягнень, безцінний виток збагачення сучасної педагогіки. Оскільки в народній пісні відбиваються почуття народних мас, то можна сказати, що через неї ми безпосередньо розмовляємо з давніми поколіннями, не тільки історичних, а і передісторичних часів [1]. Витвір народного пісенного мистецтва є могутнім і дієвим засобом становлення, формування та розвитку високоморальної, естетично-спрямованої особистості, засобом пробудження людського в людині. У цьому полягає ефективність виховання музикою – вражаючі почуття, вона викликає численні асоціації, приводить до стану емоційного резонансу з музичним символом [2].

За результатами експериментальних досліджень клітини людського організму перебувають у постійному коливальному русі. Через музичну ритмічну пульсацію вони організуються у відповідно систему відчуттів, що сприяє підвищенню життєвого тону. З ритмічними почуттями розпочинається і втілюється музична етнопедагогіка. Вона дає змогу виявити педагогічно-національні цінності, відображені у принципі мелодизації, який має непересічну виховну вартість і пов'язаний з гуманістичним процесом нації. Саме тут закладена сила музики, де головне місце належить мелодії.

Особливі генетичні якості українця, його ментальність постійно поверталися до пісні як порадики, почуттєвого вияву та ставлення до своєї національної долі, історичного минулого, бажання майбутнього.

Порятунок для нації, позбавленої державності, стали народні звичаї і традиції. Важливіші з них для українців були оспівані в піснях засобами музичної етнопедагогіки, збережені і передані для кожного вікового цензу людини.

Українська етномузична педагогіка як важливий компонент народної педагогіки у вихованні особистості через формування її моральної культури найбільше впливає на дитячий та юнацький вік є найсприятливішим початкового становлення особистості. Формування моралі українця визначає система поглядів, норм і оцінок, що регулюють його поведінку, як одну з важливих форм суспільної свідомості. В основу музичного етнопедагогічного ідеалу покладена гуманність поглядів, благодійність думок, чистоту помислів, кришталеву чесність і правдивість, духовну щедрість і красу почуттів.

На уроках музичного мистецтва, учні, вивчаючи твори класичної та народної музики, знайомляться з історією і культурою народів, розвивають на класичних зразках свої смаки та інтереси, формують критерії естетичних оцінок [3].

Музика не має кордонів. Так говорять тому, що мова музики інтернаціональна. Завдяки інтонаційній природі вона не потребує іншомовного перекладу.

Чи існують межі між музикою різних народів?

Щоб відповісти на це запитання звернемося до деяких творів світової класики, які входять до шкільної програми зі слухання музики.

Мистецтво Ф. Шопена розквітло в роки боротьби Польщі за незалежність і стало своєрідним виразом гордого вільнолюбивого духу польського народу. Фортепіанний етюд до-мінор «Революційний» композитор написав у важкі для його Вітчизни часи. У 1830 р. польський народ повстав проти насилля російського царизму. Повстання було жорстоко придушено. Композитор, який знаходився у цей час у Відні, всією душею був зі своїм народом.

Сприймаючи цей твір та історію його написання, слухачі пронизаються духом героїчної боротьби польського народу, трагедією поразки, скорботою, яку відчував Шопен за загиблими друзями. Героїчні інтонації твору бентежать душу кожного слухача, незалежно від того, якою мовою він розмовляє.

Зовсім інша за своїм образним змістом симфонія № 40 австрійського композитора В.А. Моцарта. Світла, схвильована, романтична музика головної партії першої частини свідчить про надзвичайний оптимізм композитора. Вона зрозуміла усьому людству протягом трьох століть і не втрачає своєї популярності і досі.

Знайомлячись з творчістю німецького композитора Л.В. Бетховена, учні поступово усвідомлюють, що героїчні боротьба, прагнення до світла та радості скидають основу бетховенської творчості.

«Обійміться, мільйони!» – такі слова у хоровому фіналі дев'ятої симфонії закликають до миру без війни, до об'єднання всіх людей світу.

Так, музика не має кордонів. Твори світової класичної музики спрямовані на формування свідомості особистості цілісної картини світового простору, особистісно-ціннісного ставлення до мистецтва, розуміння специфіки художньо-образної мови музичного мистецтва різних народів.

Таким чином, зв'язок національних і світових музичних цінностей сприяє формуванню світоглядних орієнтацій, полікультурних уявлень і поваги до культури інших народів.

Список літератури: 1. Іваницький А.І. Український музичний фольклор. – Вінниця: Нова книга, 2004. 2. Горбенко С.С. Історія гуманізації музичної освіти. – Кам'янець-Подільський: Парус, 2007. 3. Франко І. Вибрані статті про народну творчість. – К., 1955.

Наталья Водолажченко
г. Харьков, Украина

ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕЛОСТНОЙ КАРТИНЫ МИРОВОСПРИЯТИЯ НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ

Мировоззрение – система взглядов на мир и место человека в этом мире, во многом определяющее отношение человека к этому миру, другим людям, себе самому.

Мировосприятие возникает как сложный результат практического взаимодействия психически нормального человека с окружающей действительностью – природой и обществом.

Миропонимание предстает в виде целостной, многоуровневой, сложно организованной системы социальных установок, обладающей фундаментальными для жизнедеятельности личности функциями.

В системе мировосприятия слиты воедино мысли и чувства, волевое начало и социальная практика, сознательное и бессознательное, слово и дело, объективное и субъективное [2].

Осознанный характер мировосприятию придают идеи, идеалы, мислеформы, ценности, цели.

Элементами мировоззренческого уровня являются: знания, умения, навыки, способности, способы организации деятельности личности.

Система мировосприятия – это внутренние личностные законы, которые утверждаются в результате сложного процесса познания окружающей действительности, самопознания, самооценки, самоактуализации.

Каждый человек самостоятельно формирует свой внутренний субъективный мир и свои жизненные принципы, сознательно выбирают условия своего социального существования. Мировоззренческая система – это социальное «ядро» личности, которое обуславливает ее целостность, ответственность, рациональную и адекватную позицию в обществе.

В сознании каждого человека есть некая проекция мира, в котором он учится жить, мыслить, чувствовать, постигать свой природный потенциал.

Какие условия необходимы для самопознания, самоактуализации? Как создать на уроках литературы единое смысловое, культурологическое пространство?

В современных программных требованиях к уроку литературы реализован целостный подход к изучению художественных произведений. Составляющим элементом целостного подхода к изучению художественных текстов является эмоционально-ценностная линия, которая предусматривает развитие читательского интереса учащихся [3].

Важно, чтобы современный школьник умел ориентироваться в мире классической и современной литературы (в том числе умел работать в библиотечных фондах, находить адекватную информацию в Интернет-ресурсах).

Необходимо рассматривать на уроках этические и эстетические аспекты художественного текста. Вдумчивое, творческое, осознанное чтение на уроках литературы дает возможность получить целостное эстетическое и эмоциональное восприятие, формирует умение и навыки читательской культуры.

Эмоционально-ценностная линия обеспечивает развитие творческого потенциала читателя, учит видеть эстетическую ценность произведений мировой литературы [5].

Польский мыслитель Станислав Ежи Лец утверждал: «Обо всем уже сказано. К счастью, не обо всем подумано». Поэтому так важно воспитать вдумчивого, мыслящего читателя, чтобы работая над новым художественным текстом, ученик чувствовал себя счастливым первооткрывателем.

Эмоционально-ценностная линия нацелена на формирование духовно – эмоционального мира учеников, их этических позиций, мировоззренческих концепций.

Есть такая современная культурологическая концепция, согласно которой каждый человек является текстом. Постигая глубокий смысл бытия, люди читают друг друга как тексты, пытаются понять смысл каждого поступка, каждой фразы, каждого дня, каждого действия.

В своем новом произведении «SNUFF» Виктор Пелевин рассматривает актуальную проблему «Что нас делает людьми: умение общаться, личностные качества, сознание, душа? Что происходит, когда мы с кем-то говорим? Мы оцениваем услышанные слова, выбираем подходящий ответ и произносим его вслух. Если мы хотим обидеть собеседника, мы делаем наши слова острыми и ядовитыми, если мы хотим ему польстить, мы подсыпаям сахару, и так далее. Это просто обработка входной информации на основе культурных кодов, биологических императивов и личных интенций» [6].

В рамках антропоцентрической парадигмы современного образования системообразующим, ключевым понятием является ученик как формирующая культурная личность, субъект индивидуальной картины мира как основы мировидения – собственной «мысли о мире». В основу формирования такой личности положена идея целостного человека в его отношении к миру и самому себе. Сущностными характеристиками культурной личности является триада: чувство, мысль и действие, отсюда мы определяем личность ученика чувствующего, мыслящего и действующего [1].

Список литературы: 1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. 2. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М.: Искусство, 1984. 3. Иванов П.Б. Диалектика иерархии. – Троицк, 1983. 4. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. – М.: Искусство, 1970. 5. Серебrenников Б.А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. – М.: Наука, 1988. 6. Пелевин В. «SNUFF». – М.: Эксмо, 2011.

*Ганна Гаряєва
м. Харків, Україна*

ФРАНЧАЙЗИНГОВІ ВІДНОСИНИ У СФЕРІ ОСВІТНІХ ПОСЛУГ

Розвиток сучасних вищих навчальних закладів залежить від тенденцій, що складаються на ринку праці, на якому формується потреба в спеціалістах з вищою освітою. Основною тенденцією розвитку тих сегментів ринку праці, на яких представлені фахівці з вищою освітою, є перенесення акцентів з проблем виробництва освітніх послуг на задоволення потреб споживачів. У зв'язку з цим в якості перспективного напрямку ринкової інноваційної діяльності у вищій освіті виступає франчайзинг.

Освітній франчайзинг – це система відносин (напрямок діяльності) суб'єктів ринку (франчайзера та франчайзі) щодо формування пропозиції, виробництва (надання) і просування освітніх і/або супутніх їм послуг і продуктів під назвою франчайзера в обмін на фінансову винагороду зі сторони франчайзі на умовах і в період дії спеціально створеного договору.

Франчайзер – вищий навчальний заклад, який має відому назву та високий імідж на ринку освітніх послуг і який здійснює адміністративну, інформаційну, навчально-методичну, технічну, правову, маркетингову координацію освітніх структур (франчайзі).

Франчайзі – самостійний навчальний заклад, що за певних умов і в певний термін та на обмеженій території має виняткове право на ведення освітньої діяльності з використанням відомої назви, репутації та досвіду діяльності франчайзера в обмін на фінансову винагороду. В деяких випадках франчайзі можуть виступати філіалами базового закладу, представництва.

До обов'язків франчайзера за договором комерційної концесії у сфері освіти слід віднести:

- надання користувачу сприяння в організації учбового процесу;
- видачу користувачу передбачених договором ліцензій і проведення акредитації освітніх програм;
- передачу користувачу учбових матеріалів, які видаються студентам;
- надання користувачу сприяння в науково-методичній роботі, підготовці викладачів і тьюторів (викладачів), їх атестації;
- контроль якості освітніх послуг, що надаються користувачем на підставі договору комерційної концесії;
- здійснення реєстрації студентів і слухачів;

- проведення проміжної і підсумкової атестації;
- видачу документів про освіту.

Користувачами (регіональними центрами) є самостійні освітні установи, що уклали договір комерційної концесії.

Регіональні центри на базі місцевих учбових закладів за договором франчайзингу зобов'язані:

- використовувати при здійсненні освітньої діяльності комплекс виключних прав по реалізації освітніх послуг під фірмовим найменуванням і (або) комерційним позначенням франчайзера вказаним в договорі чином;
- забезпечувати відповідність якості освітніх послуг якості аналогічних послуг, що надаються безпосередньо франчайзером;
- займатися всіма питаннями, що стосуються набору слухачів в регіоні за програмами франчайзера;
- забезпечувати і організувати учбовий процес;
- приймати оплату за навчання, заяви і інші реєстраційні документи від студентів, а також пересилати їх франчайзеру у вказані терміни;
- організувати проведення консультацій для студентів;
- вести, сумісно з правовласником, науково-методичну роботу, брати участь в підготовці викладачів і тьюторів, організувати їх атестацію.

Суть освітнього франчайзингу полягає у тому, що між учбовими закладами полягає договір комерційної концесії, в якому обмовляються основні умови співпраці, права і обов'язки сторін, фінансові домовленості, термін дії договору і т.д. Навчання учнів, зарахованих як слухачі (студентів) в заклади франчайзера, проводиться за учбовими планами і програмами франчайзера силами сертифікованих, тобто допущених франчайзером до учбових занять, тьюторів.

Тьютор – це викладач, що веде учбовий процес в дистанційній формі і виконує одночасно функції викладача, консультанта і організатора (менеджера) учбового процесу.

За кожною учбовою програмою є спеціально розроблена франчайзером учбово-практична допомога.

Заняття за окремими курсами (дисциплінами) учбового плану користувача, який відповідає учбовій програмі франчайзера, проводять тьютори. Користувач також здійснює організацію учбового процесу по окремих курсах.

Після вивчення кожного окремого курсу слухачі складають іспит тьютору, який зараховується як складений іспит у франчайзера.

Освітній франчайзинг знайшов своє застосування в Україні завдяки розвитку інтернет-ресурсів через упровадження методів дистанційного навчання як нового напрямку розвитку системи освіти. В Україні є декілька десятків освітніх установ, що реалізують дистанційні технології навчання (МЕСІ, ЛІНК, СГУ, МГУ і багато інших).

Під дистанційними технологіями мається на увазі сукупність методів і засобів навчання, яка дозволяє здійснювати цілеспрямоване і методичне керівництво учбово-пізнавальною діяльністю осіб, що знаходяться на відстані (дистанції) від освітнього центру з необхідною якістю.

Учбовий процес для студентів, що навчаються за дистанційними технологіями, організовується через систему регіональних учбових центрів, в основі якої закладені принципи освітнього франчайзингу.

На початку 90-х років найбільше поширення набули освітні франшизи, що імпортуються. Низка українських вузів в рамках освітнього франчайзингу пропонували програми англійських, американських і французьких освітніх організацій. Так, в 1998 році Міжнародний інститут менеджменту ЛІНК одержав право на реалізацію британських освітніх програм Відкритого університету. Інститут адаптував до українських умов технологію і програми дистанційного навчання, а також підготував викладачів, здатних застосовувати активні методи навчання. Потім була створена мережа з 80 учбових центрів по всій Україні, завдяки чому за цими програмами більше 25000 фахівців змогли підвищити свою кваліфікацію.

Популярність франчайзингу останнім часом постійно зростає. Він дозволяє нарощувати джерела доходу і, тим самим, надає освітнім установам нові потенційні фінансові вигоди, роблячи вплив не тільки на форму і об'єм вищої освіти, але й на його географію, забезпечуючи доступність вищої освіти у тих частинах країни, де раніше воно було недоступне. Освітній франчайзинг дає можливість отримати вищу освіту мешканцям сільської місцевості, регіонам, які віддалені від вузівських центрів; представникам професій, які пов'язані із частою зміною місця проживання та які не мають можливості навчатись у стаціонарних умовах (інваліди, особи із обмеженими можливостями), іноземцям.

Пряма співпраця коледжів, шкіл із вищими навчальними закладами, шляхом включення в навчальний розклад університетських предметів, дозволяє розширити та забезпечити доступ до вищої освіти для своїх учнів та відкрити нові можливості для свого викладацького складу.

Оскільки студентами можуть виступати мешканці сільських місцевостей та регіонів, які віддалені від вузівських центрів, представники профе-

сій, які пов'язані із частою зміною місця проживання та які не мають можливості навчатись у стаціонарних умовах (інваліди, особи із обмеженими можливостями), іноземці, важливим є гнучкий розклад занять (ранковий, денний, вечірній час) та індивідуальні способи викладання із залученням відповідних спеціалістів чи технологій.

Отже, основне завдання для франчайзера в освітньому франчайзингу полягає в «клонуванні» своїх освітніх продуктів і послуг без втрати якості. Зацікавленість у франчайзера у франчайзингу виражається в: можливості розширення територій для надання освітнього продукту і послуг і подальша матеріальна вигода, можливість отримання додаткових матеріальних вигод за рахунок франчайзі, за допомогою продажу франчайзі технологій, ноу-хау; збільшення можливостей впливу на ринок освітніх послуг, можливість виводити ексклюзивні освітні продукти і послуги на нові ринки, зменшення впливу на ринок з боку конкурентів; збільшення авторитету на ринку освітніх послуг і одночасно розвитку бренду навчального закладу, створення позитивної думки у споживачів освітніх продуктів і послуг; економія адміністративно-господарських та управлінських витрат, за рахунок франчайзі.

Проте при роботі з франчайзі у франчайзера можуть виникнути певні труднощі: низька кваліфікація персоналу франчайзі для надання освітніх продуктів і послуг, що може погіршити імідж франчайзера в даному регіоні; відсутність або нестача фінансових коштів у франчайзі для повноцінного клонування бізнес-процесів, необхідних для якісного надання освітніх продуктів і послуг; відсутність лояльності керівництва франчайзі по відношенню до франчайзера, наприклад, одночасно укладання декількох договорів франчайзингу з різними навчальними закладами; адміністративний тиск з боку органів влади (виконання лобістських інтересів), з метою створення штучних перешкод і створення негативного іміджу франчайзера в даному регіоні.

Франчайзі можуть бути незалежними освітніми установами, що уклали договір франчайзингу (комерційної концесії) з франчайзером, на отримання прав визначених у даному договорі. До таких належать, як правило, закріплена територія для надання освітнього продукту і послуг, сума винагороди франчайзі за належні виконання договору і термін дії договору.

Основна зацікавленість у франчайзі в франчайзингу виражається в тому, що за допомогою невеликих інвестицій і при цьому залишаючись незалежною компанією є можливість входу на ринок освітніх продуктів і послуг; існує можливість придбання технологій франчайзера, розроблених методичних матеріалів, тестів, відеоматеріалів, тощо; завдяки придбанню бренду франчайзера за короткий період часу придбати впізнаваність у спожи-

вачів освітніх продуктів і послуг; наявність «ексклюзиву» роботи на відведеній території, якщо це передбачається договором, захист від виникнення внутрішньої конкуренції; отримання економічних компенсацій за рахунок розкручування бренду франчайзера.

Але так само присутні і певні складнощі у франчайзі при роботі з договором франчайзингу: наявність певних обмежень на прийняття самостійних рішень з боку франчайзера, за договором франчайзингу; економічна залежність від франчайзера, у разі рішення франчайзера прийняття рішення про зміну винагороди франчайзі за договором франчайзингу; нав'язування виконання клонованих технологій зі 100% умовами або наближеними до них; споживачем освітніх продуктів і послуг є будь-яка фізична особа, зацікавлена в придбанні знань.

Зацікавленість споживачів у розвитку освітнього франчайзингу виражається в: появі конкуренції на ринку освітніх продуктів і послуг, які сприяють розвитку якості надання освітніх продуктів і послуг, а так само поява можливості вибору освітньої установи; можливість появи нових освітніх продуктів і послуг на освітньому ринку.

Можливими негативними наслідками від освітнього франчайзингу для споживача можуть бути: можливе розорення франчайзі, недоотримання освітніх продуктів і послуг; неякісний викладацький склад, нижча якість освіти у порівнянні з отримання освіти безпосередньо у франчайзера; збільшення вартості навчання з боку франчайзі, для забезпечення економічної доцільності роботи франчайзі.

*Георгий Геращенко
г. Харьков, Украина*

ПОСТСОВЕТСКОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО 90-Х ГОДОВ. ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ УРОДСТВА

ЧАСТЬ № 1: ТОВАР ЛИЦОМ

Зададимся старым вопросом: «Камо грядеши?» Он далеко не праздный! И в самом деле: «Куда идём?» В какую пропасть скатывается наше общество? Данное исследование было написано и опубликовано в мае 1995 года на волне яркости отвратительных впечатлений от происходящего процесса разрушения общественного порядка и человеческой порядочности. Жизнь доказала полную справедливость утверждений и выводов этой статьи-характеристики страшных, разрушительных 90-х годов.

Всем известно, что будущее государства – это молодое поколение. И от того, каким его вырастят, во многом зависит мощь этого государства: экономическая, политическая и военная. Ведь сегодняшние двадцатилетние – это будущее политики, бизнесмены, генералы, адмиралы, режиссеры и актеры, ученые и инженеры, скульпторы и художники, простые рабочие и конторские клерки разного рода: люди, которые каждый в своей области, должны двигать свою страну вперед по пути мирового прогресса. Поэтому понятно, что в нормальных государствах подросткам, детским и молодежным программам уделяют не меньше внимания, чем обеспечению безопасности страны. Можно смело утверждать, что это одно из важнейших стратегических направлений внутренней политики любой страны, живущей не только сегодняшним днем. И такие страны как США, Германия, Франция, Швеция, Япония и многие другие достаточно уверенно смотрят вперед. Чего нельзя сказать об Украине в частности и СНГ в целом, если рассматривать будущее хоть только в этом аспекте, так как наблюдается массовая крайняя маргинализация целых социальных слоёв. Прежде всего, это справедливо для соли земли – рабочих и крестьян! Для людей, которые своими честными руками создают все те товары, которые лежат на полках магазинов. Ныне этих людей превратили в презираемую нищету!

Для того, чтобы явственно осознать всю зыбкость и опасность нашего будущего достаточно среди дня просто выйти в город. Каждая пятая земля забита лотками и киосками: возраст многих продавцов лежит в пределах где-то от 17–35 лет. На многих лицах торгующих, особенно это касается овощников, разлита главенствующая мораль беспринципной торговой

изворотливости и хитрости. Но если лотки и киоски, при всем их невероятном количестве, рассеяны островками в местах скопления народа и впечатление не такое сильное, то базары – это, в самом деле, потрясающе жутко. Это могила нашего перспективного будущего, это торжественные похороны самых радужных надежд наших политиков. Широкие возможности для торговли, пришедшие вместе с извращённо-рыночными временами, это, конечно, хорошо, но только при реальной свободе выбора, а не тогда, когда после развала производства миллионы квалифицированных специалистов из разных областей были вынуждены заниматься торговлей исключительно ради выживания в океане «дикого» капитализма.

Возраст продавцов, которых там десятки тысяч колеблется приблизительно в тех же пределах, может несколько шире. Этим несчастных людей чудовищный режим выживания этапа дикого капитализма выгнал с рабочих мест и студенческих скамей за базарный прилавок. Но, самое главное, что этих людей – молодых, здоровых, полных сил и энергии – уже никогда не вернуть в русло общественного производства. Подростки, держащие в руках дневную выручку, равную месячной зарплате инженера, уже никогда не пойдут учиться дальше. Ведь торговать проще, чем учиться в институте и решать сложные задачи, ведь обманывать и обвешивать легче и доходнее, чем корпеть над научной работой и годами ждать результата.

Особого внимания заслуживают расплодившиеся повсеместно мелкие и крупные бандитские группировки чаще всего молодого состава до 30 лет и подростковые банды. Тлетворное влияние новой общественной элиты экзовского происхождения выражено повсеместным распространением тюремного сленга в разговорной речи и почти поголовной бритоголовостью молодёжи и не только. Если раньше человек попадал в тюрьму, особенно в первый раз, где его тотчас стригли налысо в качестве знака отлучения от общества, то он чувствовал резкий дискомфорт и желание поскорей вернуться домой. Ныне же преступник просто меняет большую зону на маленькую: в той и другой царит одинаковая жизнь по понятиям. Последний факт вызывает особое беспокойство в свете мегапопулярности киногероев типа Саши Белого. Они тоже привыкли жить за счет других, но уже с помощью насилия, запугивания. Выбивать дань, распространять поддельную водку и наркотики тоже легче, чем думать, и уж намного доходнее труда какою-нибудь инженеришки. Более того, в нашем, по-настоящему больном, обществе количество денег в карманах и иномарка под подъездом вне зависимости от источников доходов стали обеспечивать уважение и ценность знакомства для окружающих. Это ярко свидетельствует о деградации нашего общества.

Все эти и подобные им занятия требуют определенной, часто глубокой, перестройки мышления, губительно влияют на изменение мировоззрения и мироощущения, страдают мораль и нравственность, значительно снижается порог критической оценки собственных поступков. Когда вашему ребенку недостает необходимого, и в детских глазах застыл немой вопрос «Почему?», то тут уж не до тургеневской щепетильности. Но, самое страшное, что эти люди, как все другие, женятся и выходят замуж, и у них тоже, как у всех, рождаются дети. И вот за души и умы этих вот малышей должна вестись самая настоящая битва, поскольку родителей их уже не изменишь, не заставишь жить по другим принципам. Это первоочередная и важнейшая задача государства, если оно хочет иметь другую и счастливую историю, твердую уверенность в будущем. Но, а пока, такой уверенности нет и быть не может, учитывая ту безрадостную картину современного общества и характеристику принципов, на которых оно строится: обогатиться любым способом, озолотиться, оквартириться и обавтомобилиться, невзирая ни на что, напролом.

ЧАСТЬ № 2: КАПКАНЫ «ИСКУССТВА»

Современное кино в комплексе с ожесточившимися условиями изменившейся жизни внесло просто «неоценимый» вклад в формирование типичной личности именно для такого общества с волчьими законами.

Истоки сегодняшнего кинобеспредела на наших экранах лежат в середине 80-х, когда началась и успешно завершилась блистательной победой стремительная атака западной кинопродукции нового девственного кинопространства, тогда еще Советского Союза. Возможно, она не имела бы столь разрушительную силу, если бы не был предварительно подготовлен и прочно удерживался плацдарм. Плацдарм по праву и справедливости завоевали фильмы А. Челентано, А. Делона, Ж. Марс, П. Решара, Ж. Депардьё и особенно Ж.П. Бельмондо, практически монополюльно представлявшего стиль экшн в то время и, прямо таки, околдовавшего нашего человека. Эти фильмы-диковинки были превосходно сделаны, легки, красивы и динамичны; уж конечно, сильно отличались от продукции советской киноиндустрии. И, как следствие, обеспечивали кассовый сбор кинотеатров: искусственный дефицит информации о той жизни сделал свое дело. Именно в силу своей исключительности на общем фоне для наших зрителей эти отличные ленты стали визитной карточкой привлекательного Запада – как яркая обёртка для невкусной конфеты. Но конфета оказалась ещё и отравленной! И, хлынувшая после уничтожения этим Западом моей Родины, Советского Союза, зарубежная кинопродукция значительно более низкого качества, типичные кинопомои, оценивалась уже с этих, привычно высоких, позиций, и, к сожалению, автоматически к ним приравнивалась.

Все выше сказанное явилось едва ли не главным условием для агрессивного распространения всяческих зубодробительных кинодешёвок и оказало решающе-пагубное влияние на подрастающее поколение. Это нынешние молодые (до 35 лет) тогда были детьми и подростками и во все глаза, вместе с неразумными мамами и папами, смотрели и восхищались дешевыми, стандартными похождениями супергероев всякого рода и вида. Содержание подобных фильмов общеизвестно и нет нужды лишней раз писать об этом. Поэтому понятно, что такие бездумные, тупые фильмы, где основное – это умение набить физиономию заклятому врагу и главная героиня спит с кем попало и где попало, не могут не повлиять на неокрепшее мировоззрение маленького человека. Такие фильмы, которые смотрятся изо дня в день, провозглашают сомнительные жизненные ценности и принципы, основанные на насилии, легко доступном сексе, мордобое и дутой крутизне. Такие фильмы никогда не научат думать – очень полезная привычка. А явный приоритет физической силы, восхищение романтическим героем, ловко разбирающимся с бандитами одной левой, приводит их в секции бокса, каратэ и других восточных единоборств: во многих случаях содружество пустой головы, не привитых норм морали и нравственности и накачанных бицепсов ведет прямой дорогой на скамью подсудимых.

Причем, на детей и подростков одинаковое влияние оказывают как великолепно поставленные боевики, заслуживающие всяческих похвал, так и откровенно гадкие, низкопробные. Они еще не могут найти, почувствовать ту грань, отделяющую талантливую работу от грубой коммерческой киноподелки. Основное для них в любом боевике всегда остается короткопримитивное «а он как дал». Плохо только, что слишком часто интеллект таких чересчур юных любителей крутых драк и погонь так и остается на том же уровне и верхом мечтаний становится служба охранником какой-нибудь в темной мафиозно-коммерческой фирме. А охране знать и понимать Достоевского вовсе ни к чему, лишь бы кулаки были крепкими. Цель одна – заработать денег как можно больше, но так, чтобы работать как можно меньше. Я уж не говорю о том, что регулярное созерцание сцен насилия, вида льющейся крови, оправданной и неоправданной жестокости, постоянных убийств на экране создает почву для более чем лояльного отношения ко всему выше перечисленному в жизни. И если не начать вплотную и серьезно заниматься проблемами воспитания молодежи, а ему, как известно, некогда отрываться по «пустыкам» от раздувания украинского великодержавия и насильственной бандеризации, то очень скоро мы будем пожинать плоды Бразилии, где 9 из 10 наемных убийц – несовершеннолетние. Ну а пока мы

семимильными шагами идем к криминализации общества. И это страшно, когда какой-нибудь третьеклассник, моя вместо занятий в школе «Мерседес» крутого босса, палец о палец не ударившего в своей бесполезной жизни, мечтает стать таким же, а машину будут мыть уже ему.

ЧАСТЬ № 3: ПАТОЛОГИЯ «МЫЛЬНОЙ» ОПЕРЫ

Девчонки попадают в другой капкан. Если мальчишки от жестоких, весьма и весьма недалёких Тома и Джери, прямо попадают в смертельную, хорошо смазанную петлю боевиков, то девчонок сразу же принимают и мягко усаживают в кресло бархатные объятия всевозможных «мыльных опер» или «изаур», тоже не отличающихся высотой художественного уровня. Но в отличие от боевиков, где есть потрясающие режиссерские и актерские работы, говорить о хорошем телесериале просто кощунственно, поскольку, по мнению автора, сия «тележвачка» всего в пару тысяч серий, повествующая о посекундной жизни нескольких патологических невротиков – это ядовитый, паразитический нарост на теле киноискусства, изъывляющий и расплавляющий своим вроде бы безобидным ядом мозги попавших на удочку. Существование этого жанра является жесточайшим оскорблением великого дела кино, уже столетнего дедушки. Характерные черты жанра: явная низость интеллектуального и художественного уровней, патологическая плаксивость, повальная истеричность героев. То есть все стандарты и штампы плохой мелодрамы, растянутой как резинка от старых, порванных трусов, очень часто плохая игра второразрядных актеров, космическая оторванность от реальной жизни. Герои сих «произведений искусства» только и говорят о своей несчастной любви и личных проблемах, даже на работе – других тем не существует – и поэтому не понятно за что им деньги платят. Каждый факт, каждое слово, для тупых и глухих, обсасывается со всех сторон. Главная героиня всегда вначале Золушка и стыдлива, как монашка-францисканка. Поэтому, каждый, особенно первый, поцелуй как гром среди ясного неба, а беременность сродни взрыву атомной бомбы. Правда, появление великих «бевежли-хи-лзов» и т.п. раскованной непотребщины заполнили нишу другой крайности – полная сексуальная вседозволенность и вызывающее вседемонстрирование. Если уж ревность, то по шекспировски и к каждому встречному столбу. Такие мексиканские, бразильские, эдерские и барбарейские «шедевры» буквально заполонили экраны телевизоров и мозги наших женщин всех возрастов.

Несмотря на кажущуюся безобидность, эти фильмы приносят много вреда. Они окончательно отучают логически мыслить, размягчают мозги, поскольку информация пережевывается до кашицеобразного состояния содер-

жимого желудка. Слава и богатство приходят очень легко и сами собой, что часто переносится на текущую жизнь. А это приводит человека, уверовавшего душой и сердцем в сладкие миражи, либо к оглушительному краху, либо к принятию облегченных, не осложненных лишними мыслями, решений. Это, безусловно, опасно, поскольку девочки-подростки смотрят не только сексуально закомплексованные сериалы, но и диаметрально противоположные американские фильмы, которые медленно, но уверенно прививают очень уж упрощенный взгляд на интимные сексуальные отношения. Такие девочки быстрее становятся на путь проституции в любом виде, чем те, которые, принимая решения в сложной жизненной ситуации, полностью осознают всю меру ответственности. Поэтому не случайно отмечается резкое помолодение древнейшей профессии и 12–13-летние проститутки уже не вызывают удивления. При этом бросается многозначно-пустая фраза, что, мол, время такое пришло, хотя все всё прекрасно понимают и за каждым горьким антисоветским явлением лежит одна или несколько вполне определенных причин.

Все причины происходящего беспредела в одной этой статье осветить нельзя, тем более что она имеет узко поставленную задачу: раскрыть роль современного кино и формирование нашего извращенного общества. О том, каково его истинное лицо, превосходно показано в фильме С. Говорухина «Криминальная революция» с весьма нелицеприятными и страшными выводами. И если даже нынешние 15–16-летние уже неисправимы, то за то, чтобы малыши выросли настоящими людьми и стали полноценными членами нормального общества, надо бороться не щадя сил и не жалея денег. Важное значение, в этом благородном деле, имеет всемерное развитие детского кино, чтобы всякие каратисты не могли стать дешевыми кумирами не созревших душ и примером для подражания. Но детское кино в загоне! И не только на территории СНГ, но и во всем мире – не приносит сверхприбылей. И пока это так, будет любимым сказочным героем детворы Фредди Крюгер, а не Иван Царевич или Карлсон. Государство же, кроме всего прочего, должно неуклонно повышать престижность труда вообще и высшего образования в частности. Но для этого необходимо, чтобы оно само уважало людей работающих, адекватно условиям жизни повышая уровень заработной платы. Тогда ряды баракольщиков и других антисоциальных элементов поредеют. Ну, а сейчас, они шумно празднуют победу и откровенно смеются над нормальными людьми, не оставившими своих рабочих мест, и получающих за свой труд униженные гроши. И каждый трезво мыслящий человек, оглядываясь вокруг себя, с содроганием будет задаваться вопросом: «Так куда

же мы идем...?» И тут же ответим: «Катимся по наклонной плоскости, заботливо смазанной западными ненавистниками православного русского мира!

*Людмила Голова
г. Москва, Россия*

ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОСПИТАНИЯ В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ УЧРЕЖДЕНИИ

В настоящее время в общеобразовательных учреждениях страны гражданско-патриотическому воспитанию уделяется большое внимание. Цикл мероприятий, направленных на воспитание «гражданина», обязательно отражается в годовом плане воспитательной работы. Необходимость формирования патриотического сознания у подрастающего поколения вытекает из самой сути процесса модернизации образования. Это можно увидеть и в Законе Российской Федерации «Об образовании», и в Национальной доктрине образования и в других нормативно-правовых актах, ориентирующих школы на патриотическое воспитание детей. Так, вновь утверждена государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011–2015 годы».

Для того чтобы разобраться в гражданско-патриотических аспектах воспитания, необходимо понять, что такое гражданская позиция. Это понятие в педагогике является достаточно новым и точного определения пока из исследователей и педагогов никто не дает, хотя данный аспект проблематики воспитания можно увидеть еще в трудах А.Н. Радищева, В.Г. Белинского, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова, А.И. Герцена, В.А. Сухомлинского и др.

Слово гражданин семантически близко горожанину, соответственно корень происходит от «города» – ограниченного пространства для совместного проживания. Одно из определений, данное в словаре Даля, звучит следующим образом: «Гражданин – это член общины или народа, состоящего под одним общим управлением» [1]. Это подчеркивает безоговорочное принятие этим человеком правил и норм, принятых в этом обществе, без чего не может происходить социальное управление. Причем Даль выделяет следующий тезис: «Гражданские обязанности двойки: к правительству и к ближнему». То есть, говоря современным языком, гражданин находится в двухмерной системе координат, где важна его позиция по отношению к власти и системе государственного управления, а во-вторых, по отношению к его ближайшему окружению.

Когда стали появляться первые публикации на тему гражданского общества, то доминировала такая трактовка, что гражданин – это человек, «заведомо продвинутый, который осознает свое место в обществе, который за-

нимает активную, в том числе и в политическом смысле, позицию» [2]. Считалось, что гражданское общество – цивилизованное общество, гражданин – это цивилизованный человек. А тот, кто не осознает своей активной позиции, в том числе по отношению к власти, – не гражданин. Но, исходя из этимологии слова, гражданин – это человек, который осознает свою идентичность с тем местом, где он живет, причем многопланово – в национальном, культурном смысле, в экономическом и т.д.

В советское время гражданской позиции уделялось огромное внимание. Воспитание в этот период можно разделить на несколько направлений. Во-первых, общественно-политическая грамотность, которая реализовывалась увеличенными часами на предмет историю и обществоведение; еженедельная политинформация на разных уровнях; вечера памяти; участие в интернациональных проектах, например в поддержку народных движений в угнетенных странах или в борьбе за мир; а также система политпросвещения, как система повышения квалификации. В учебных заведениях развивалось музейное дело. Поддерживалась связь поколений через утверждение, в качестве почетного звания, имен героев Отечественной войны. Оно могло присуждаться любой структуре образовательного учреждения, как самой школе, так и отдельному пионерскому отряду.

Второе направление – социально-трудовое, т.е. труд во имя общего блага, а именно субботники, сбор макулатуры, металлолома, «тимуровское движение», изготовление скворечников, кормушек для птиц и т.п.

Следующее направление связано с формированием общей культуры школы, связанное с ответственностью каждого перед коллективом. Это проявлялось в разных формах шефского движения, старшие патронировали младших, отличники слабоуспевающих; внутришкольное дежурство, вплоть до взаимного контроля за гигиеной каждого учащегося; посещение членами актива учащихся на дому (при болезни или пропусках). Механизм воспитания базировался на совокупности внутришкольных детских общественных организаций: октябрятская, пионерская, комсомольская.

Что же касается современной воспитательной системы, то значение понятия «гражданская позиция» значительно изменилось, так как изменилось само общество.

В общеобразовательном учреждении вопрос о гражданской позиции только возрождается, ведь в 90-х годах в образовательной системе воспитательная функция была девальвирована. В результате нарушена преемственность педагогических методов к процессу воспитания. В то время были отдельные фрагменты воспитательной работы в виде встреч с вете-

ранами и редкие походы в музеи. Преемственность к подходам воспитания разрушена, тем более в отношении формирования гражданской позиции.

Итак, «гражданская позиция» – это осознанное участие человека в жизни общества, отражающее его реальные поступки в отношении окружающих, направленные на реализацию общественных задач. Это тот путь, который должен пройти сегодня молодой человек, чтобы занять достойное место и стать гражданином своей страны.

Гражданскую позицию можно рассматривать в двух диспозициях: на макро-уровне по отношению к обществу в целом, к государству, к Родине, и на микро-уровне по отношению к ближайшему окружению.

На макро-уровне это качество должно основываться, прежде всего, на любви к Родине и к своему народу. Тема патриотизма достаточно подробно изучена в трудах отечественных педагогов (А.К. Быковым, В.И. Лутовиновой, О.И. Волжиной и др.) Но нам хотелось бы обратить внимание на то, что слово любовь – абстрактное понятие, его очень трудно идентифицировать, и в воспитательном процессе не имеет четких границ и параметров. Чтобы структурировать воспитательный процесс по формированию этого чувства можно выделить несколько звеньев.

Во-первых, любовь связана с познанием. Чем глубже ты узнаешь личную жизнь человека или историю своей страны, больше проникаешься, сопереживаешь ему. Во-вторых, чувство сопричастности, когда ты ощущаешь себя частью чего-то большего. И это большее с одной стороны защищает, а с другой поддерживает тебя в выборе и в делах. А в-третьих, именно чувство благодарности, ответственности, гордости являются компонентами этой любви.

В итоге можно подобрать конкретные педагогические инструменты: на первом этапе развития помогают музеи, экскурсии, уроки истории и обществознания, классные часы, краеведческие программы. На втором уровне, через совместную деятельность отрабатывается взаимовыручка, взаимосоординация, распределение обязанностей, чувство коллектива. И главная педагогическая цель – показать значимость совместной деятельности. Современные технологии позволяют сегодня находить новые формы организации мероприятий, которые могут проходить в виде тренинга, ролевой игры, экскурсии, фестиваля, ярмарки и т.п. А тематические концерты, торжественные линейки, митинги, уроки мужества, встречи с ветеранами – живыми носителями истории помогут развить чувство благодарности и

гордости за свою страну. Сопрягая разные подходы, возможно получить запланированный результат.

А на микро-уровне гражданская позиция будет связана с чувством сострадания и с чувством ответственности каждого гражданина страны. Здесь в качестве педагогических приемов может использоваться опыт волонтерских движений, которые популярны сегодня в зарубежной практике. Например, в Испании учащиеся работают в трех направлениях: посещение больниц, домов престарелых, и сбор вещей для бездомных. Сегодня волонтерство рассматривается как один из эффективных способов привлечения граждан и общественных объединений к реализации социальной политики и развитию гражданского общества в целом. Но, к сожалению, по статистике в настоящий момент волонтерством в России занимается лишь 5% населения, тогда как в Европе это число переваливает примерно за 60% [3].

А ведь волонтерское движение в современной школе предполагает участие школьников в различных социально-значимых проектах и акциях, например, посвященных профилактике употребления наркотиков, пропаганде здорового образа жизни, охране памятников и зеленых зон и др. В этом прослеживается связь с Тимуровским движением.

Так, можно выделить несколько явных проблем в этом направлении. Во-первых, в системе воспитания сопряжены усилия семьи и образовательного учреждения, но с точки зрения гражданской позиции семья перекладывает ответственность на школу, а также старается изолировать ребенка от любых социальных обязательств. Родители концентрируются на правах, сужая спектр обязанностей до единственного – учения. Поэтому все, что вне учебного процесса трудно реализуется, и часто не одобряется родителями. Эти противоречия мешают воспитанию целостной личности. В результате нарушены ценностные ориентиры, в том числе значение слова «гражданин».

Гражданско-патриотическое воспитание – это многоплановая, систематическая, целенаправленная и скоординированная деятельность. Работа по этому направлению должна начинаться с младенчества, развиваться в школе и продолжаться, наверное, всю жизнь.

Список литературы: 1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1. М.: Прогресс, 1994. С. 962. 2. Лепехин В.А. Гражданское общество, гражданская позиция и СМИ // Толерантность. [Эл. ресурс] // www.tolerance.ru/biblio/mi/1_lepehin.html. 3. Волонтерская организация родилась в школьных стенах. // Мосблагое [Единый информ. ресурс москов-

ской благотворительности] // <http://www.mosblago.ru/articles/show-218.htm>. 4. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011–2015 годы»: Утверждена Постановлением Правительства РФ от 5 октября 2010 г. № 795 // Собрание законодательства Российской Федерации. № 41, 11 октября 2011 года (Часть 2). – http://archives.ru/programs/patriot_2015.shtml. 5. Закон «Об образовании» (в редакции Федерального закона от 13.01.1996 года N 12-ФЗ) (с изм.на 3 декабря 2011 года) (редакция, действующая с 1 января 2012 года). 6. Быков А.К. Российский патриотизм. Истоки, содержание, воспитание в современных условиях. М.: Планета, 2010. 7. Волжина О.И., Гринь А.А. Развитие добровольческого служения российской молодежи. М.: РГСУ, 2008. 8. Гражданское образование: содержание и активные методы обучения / под ред. Шехтера и Н. Воскресенской, при участии А. Иоффе и Ч. Уайта. – М.: Учительская газета, 1997. 9. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / М.: Прогресс, 1994. 10. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1935–1940. 11. Волонтерская организация родилась в школьных стенах. // Мосблаго [Единый информ. ресурс московской благотворительности] // <http://www.mosblago.ru/articles/show-218.htm>. 12. Лепехин В.А. Гражданское общество, гражданская позиция и СМИ // Толерантность. [Эл. ресурс] // www.tolerance.ru/biblio/mi/1_lepehin.html.

Юрій Древаль
м. Харків, Україна

До питання про предмет та зміст політичної психології

Останнім часом у політологічному середовищі все частіше ставиться питання про те, що академічні знання не дозволяють повноцінно з'ясувати сутність складних суспільно-політичних відносин. Дійсно, ознайомлення з політичними інститутами та структурами дозволяє виявити лише так звані «поверхові» фактори політики, залишаючи за полем аналізу її глибинні причини. Саме у такому контексті стають більш зрозумілими і зауваження Дж. Сартторі щодо «даремної наукоподібної начинки» політичної науки [1, с. 7]. Не випадково у фаховій літературі все частіше аналізуються проблеми мікрополітики, політичного дискурсу, політичного життя, політичного простору, політичного процесу, політичної антропології, політичної ризикології та політичної спільноти. Усі вони в кінцевому рахунку стосуються феномену «політичної людини», яка самостійно чи в групі політичних однодумців і творить політику. Власне й сучасне розуміння політики (в її інструментальному, ієрархічному та когерентному проявах) також базується на активній участі особистості у сфері розподілу ресурсів влади.

Тематика політичної психології якраз і охоплює комплекс питань, пов'язаних з внутрішнім світом «політичної людини» та її настроєністю на політичну участь. Це, зокрема, концепти політичної свідомості, політичних цінностей, політичних установок, стереотипів та політичної культури. А. Андреев, зокрема, підкреслює: «Політична психологія не займається державними інститутами, співвідношенням реформ та революцій, механізмами реалізації суверенітету, конституціями чи розподілом владних повноважень. Її предмет – думки та почуття людини, втягнутої в політичні процеси (у тому числі, й поза її волею та бажанням)» [2, с. 5].

Виділяються, відповідно до аналізу М. Вебера, три якісно різні ступені участі індивіда в політиці: як пересічної людини («політик за випадком»); як партійного активіста (політик «за сумісництвом»); як політичного лідера та партійного функціонера (професійний політик) [3, с. 652, 653, 655]. Проте не менш важливими видаються й політико-психологічні аспекти соціалізації різних угруповань (груп, мас, масових рухів), які постійно знаходяться в центрі уваги дослідників. Не втратила актуальності, зокрема, дискусія між Г. Тардом та Г. Лебоном, яка велася ще на межі XIX–XX ст. і стосувалася соціально-психологічних факторів колективної поведінки. Г. Тард,

зокрема, поставивши під сумнів песимістичне прогнозування Г. Лебона щодо появи «епохи натопу», перспективи політичного розвитку пов'язав з розповсюдженням друкованого слова та появою «політичної публіки» [4, с. 12].

Водночас ще немає остаточної ясності у визначенні предмету політичної психології, що першочергово завдячує багатоманітності психологічних компонентів політики. Сучасні дослідники вже загалом порозумілися у питання назви наукової галузі, відмовившись від назв на кшталт «психологія політики» та «соціально-політична психологія» (як таких, що надміру звужують предметне поле, не відображаючи усього спектру психологічних підвалів політичного процесу). Проте ще тривають дискусії стосовно так званих «суб'єктного» та «поведінкового» підходів до тлумачення політичної психології. Якщо першому із зазначених підходів властивий наголос на закономірностях становлення та функціонування суб'єктів політики, то другому – на політиці як особливому виді людської діяльності. Зазначені підходи гармонійно втілюються у наступному визначенні: «Політична психологія – це наука, яка вивчає психологічні компоненти і феномени, що формуються у людей в процесі соціально-політичних відносин і реалізуються в політичних діях окремих індивідів, соціальних груп, класів, народів і націй» [5, с. 11]. Проте, очевидно, і воно остаточно не вирішує проблему змістовного і водночас лаконічного тлумачення доволі складних взаємозв'язків «психології» та «політики».

Остаточно не розв'язана і проблема міжпредметних зв'язків, зокрема, співвідношення політичної психології із загальною психологією та політологією. Формально, навіть з урахуванням назви наукової дисципліни, мова має йти про співвідношення «конкретного» та «загального», про тлумачення політичної психології як складової частини загальної психології (прийнято вважати, що основою політичної психології є власне психологія як наука про психічне відображення дійсності у процесі життєдіяльності, внутрішнього світу людини, а також її взаємовпливів з «оточуючим середовищем»). Проте аналіз їхніх тематичної та змістовної складових не підтверджує дану оцінку. Б.Ф. Ломов, зокрема, стверджує: «Логіка розвитку суспільних наук веде до того, що на їхніх кордонах з психологічними науками формується цілий «кущ» спеціальних наукових дисциплін і напрямів. Передовсім це – соціальна психологія, а також щільно пов'язані з нею історична, економічна, етнічна, юридична, політична психологія, психолінгвістика та психологія мистецтва» [6, с. 13]. Відтак і зв'язок політичної психології з іншими спорідненими науковими дисциплінами має трактуватися наступним чином: не «дерево» з гілками (у вигляді якоїсь «системної» чи навіть «надсистемної»

наукової дисципліни, від якої відбруньковуються так звані наукові «підсистеми»); а окремі «кущі» споріднених наукових дисциплін.

До речі, всім зазначеними спорідненим науковим дисциплінам властиві спільні підсистеми: когнітивна, в якій реалізується функція пізнання; регулятивна, що забезпечує регулювання діяльності та поведінки; комунікативна, що формується й забезпечується в процесах спілкування.

Заслуговує на увагу й питання методів дослідження та вивчення політичної психології, від чого значною мірою залежать орієнтири пошукової роботи. Відомо ж, що хибні або щільно не пов'язані з даною проблематикою орієнтири можуть завести шукачів істини у своєрідний «глухий кут». Не випадково ще в XVII ст. Р. Декарт підкреслював: «Для пошуку істини речей необхідний метод... Значно краще взагалі не думати про пошуки істини будь-якої речі, якщо робити це без методу; оскільки цілком безперечно, що внаслідок безладних занять такого роду і невиразних роздумів розсіюється природне світло та засліплюються уми» [7, с. 85–86]. Дослідження проблем політичної психології не може обмежуватися так званими класичними методами, зокрема, інституціональним аналізом, методом системного аналізу, структурним підходом та біхевіоризмом. За допомогою методу системного аналізу та структурного підходу, наприклад, чітко простежується взаємозв'язок політичної психології та деяких інших споріднених наукових дисциплін, натомість за залишається за полем аналізу суто суб'єктивний (людський) фактор політики. Не випадково у сучасній літературі такі методи отримали назву «жорстких», адже їм властиві однозначність, надмірна конкретність та послідовний методологічний детермінізм [8, с. 171]. Якраз для з'ясування людського фактору в політиці так звані «жорсткі» методи мають обов'язково доповнюватися підходами синергетики та політичних мереж, які й відзначаються наголосом на нелінійних впливах та горизонтальних зв'язках у сфері політичної взаємодії.

Отже, політична психологія, вивчаючи психологічні аспекти політичних відносин і форм діяльності різноманітних суб'єктів, є самостійною і відносно новою галуззю знань. Зазначені психологічні феномени, що формуються у людей в процесі соціально-політичних відносин і реалізуються в їхніх політичних діях, складають суб'єктну основу інших політичних наук. Ознайомлення з основами політичної психології має непересічне значення і для викладання дисциплін соціогуманітарного профілю у вищій школі, надаючи спорідненим дисциплінам змістовний прикладний матеріал, а також дозволяючи позбутися повторів та тематичних нашарувань у міжпредметних зв'язках.

Список літератури: 1. Сартори Дж. Проблемы и перспективы политической науки / Джованни Сартори; пер. с англ. // ОЙКУМЕНА: Альманах сравнит. исследований политич. ин-тов, социально-экономических систем и цивилизаций. – Х., 2010. – Вып. 7. – С. 5–9. 2. Андреев А. Политическая психология / Андрей Андреев. – М.: Изд-во «Весь мир», 2002. – 240 с. – (Весь Мир Знаний). 3. Вебер М. Избранные произведения / М. Вебер; пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с. – (Социологич. мысль Запада). 4. Тард Г. Личность и толпа. Очерки по социальной психологии / Г. Тард; пер. с фр. Е.Е. Предтеченский. – СПб.: Изд. А. Большакова и Д. Голова, 1903. – 178 с. 5. Політична психологія: Конспект лекцій до навчального модуля / уклад. М.М. Логунова, М.І. Пірен, В.А. Ребкало. – К.: Вид-во УАДУ, 2002. – 64 с. 6. Василенко И.А. Политическая философия: Учебное пособие / И.А. Василенко. – М.: Гардарики, 2004. – 240 с. 7. Декарт Р. Сочинения: в 2 т. / Рене Декарт; пер. с латин. и фр. В.В. Соколова. – М.: Мысль, 1989. – Т. 1. – 1989. – 654 с. 8. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / Б.Ф. Ломов. – М.: Изд-во «Наука», 1984. – 445 с.

Юрий Жаданов
г. Харьков, Украина

РУБЕЖ ВЕКОВ (КОНЕЦ XX – НАЧАЛО XXI ВВ.) КАК НОВЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ АНТИУТОПИИ

Двадцатый век прошел под всепобеждающим знаменем антиутопии. Теперь, с высоты уже второго десятка лет нового двадцать первого столетия, мы это можем утверждать с полной уверенностью. Всего лишь сто лет понадобилось молодому перспективному жанру, чтобы пройти путь рождения-взросления-зрелости, который его славный предшественник – жанр позитивной утопии – преодолел за две тысячи лет – двадцать столетий. Воистину, в духе энергичного XX века. Особенно напряженной, с точки зрения жанрового становления, выдалась вторая половина прошлого столетия, ознаменовавшаяся интенсивным поиском новых тем, решением вечных и злободневных проблем, выработкой особенностей жанрового воплощения и, наконец, созданием подлинных шедевров, достойных стоять рядом с классикой жанра – бессмертным романом Дж. Оруэлла.

Последние десятилетия уходящего столетия показали, что традиция негативной утопии, сменившая двухтысячелетнюю традицию позитивной утопии и ставшая доминирующей в этот период, находится в постоянном обновлении, трансформации, принимает самые разнообразные формы и проявления (вспомним, что первая половина века прошла под эгидой одного вектора – тоталитарного). Литература негативной утопии существенно расширила тематическое разнообразие произведений о возможном будущем: на смену доминирующей сюжетной линии о тоталитарном обществе приходит множественность видения авторами антиутопий традиционного конфликта Личности и Общества: опасность ядерного самоуничтожения человечества, проблемы взаимоотношений людей разных поколений, трансформация морально-этических норм в семье и обществе, экологические проблемы, гендерные аспекты жизни обществ будущего, опасности интенсивного научно-экономического развития цивилизации...

Целью данной статьи является исследование новых тенденций в развитии жанра антиутопии второй половины XX века (на примере творчества Р. Бредбери и Э. Берджесса, внесших существенный вклад в становление жанра посторужелловской эпохи) в сравнении с классической антиутопией первой половины прошлого столетия.

Творчество вышеназванных писателей стало предметом тщательного исследования зарубежных ученых (Х. Блум, М. Гадн, Дж. Дикс, Дж. Де Болт,

А. Де Витис, С. Коул, Р. Льюис, Р. Эванс), в отечественной науке имеются редкие научные изыскания творческого наследия Р. Брэдбери и Э. Берджесса (Г. Безкоровайний, А. Кабаков, Н. Криницкая, Г. Сабат).

Начнем исследование с творчества выдающегося американского писателя современности – Рэя Брэдбери, ушедшего в июне этого года и не дожившего два с половиной месяца до своего девяностодвухлетия, ставшего живой легендой двадцатого века и во многом предопределившим своими произведениями основные пути развития научной фантастики и антиутопии.

Известность и мировое признание Рэймонд Дуглас Брэдбери (Raymond Douglas Bradbury, 1920–2012) обрел в возрасте Иисуса Христа после выхода в свет «Марсианских хроник» и «451° по Фаренгейту».

Научно-фантастический роман-антиутопия «451° по Фаренгейту» (Fahrenheit 451°, 1953) явился итогом многолетнего осмысления автором современной действительности, которая, по его мнению, характеризуется культом машины, постепенным, но неуклонным сползанием к технизированному обществу, состоящему из разобщенных и отчужденных людей, что в свою очередь, неизбежно порождает тиранию, не оставляет места для человеческого самовыражения.

Написанный через пять лет после знаменитого оруэлловского «1984», ознаменовавшего классическое завершение жанровой традиции первой половины XX века, роман «451° по Фаренгейту» стал, по нашему глубокому убеждению, ключевым произведением антиутопического жанра второй половины прошлого века, предопределившим новый подход к сложившимся канонам жанра.

Роман Р. Брэдбери посвящен художественному исследованию отчуждения человека в современном мире, где восторжествовал культ силы, культ машины, культ бездуховности. Автор-гуманист описывает общество, опирающееся на массовую культуру и потребительское мышление, в котором все книги подлежат уничтожению (сожжению, нередко вместе с домом и хозяевами) и хранение книг является тягчайшим преступлением, а граждане, имеющие собственное мнение на происходящее, считаются изгоями, которых травят специально натренированными механическими псами.

Главный герой романа «451° по Фаренгейту» – Гай Монтэг – является проводником идей автора и показан в развитии. В начале произведения это типичный усредненный добропорядочный гражданин нового идеального мира, искренне верящий, что сжигая книги, он приносит пользу обществу. Тут он чем-то схож с героем замятинского «Мы», Д-503, поющим хвалебные гимны сверхрациональному обществу. Но Монтэг склонен к са-

мосовершенствованию и любой внешней толчок (таковым становится встреча с Клариссой) может стать, и становится срабатывающим механизмом, который возрождает спящую в главном герое Личность, по законам жанра, вступающую в конфликт с Обществом. Итог развития героя – полный разрыв с враждебным ему обществом, бегство из города и приобщение к тайному сообществу людей-книг, заучивающих тексты классических книг, спасая тем самым их для будущих поколений. Уже на уровне проблематики и основных сюжетных линий ощущается новаторство Брэдбери. Писатель смело вносит новые современные и злободневные темы (например, тема ядерного противостояния, появившаяся в литературе после событий в Хиросиме и Нагасаки), изменяет традиционную, обязательную для антиутопии первой половины XX века пессимистическую концовку, когда герои погибают: либо физически (Замятин, Хаксли), либо духовно (Оруэлл). Впервые роман-антиутопия заканчивается надеждой на перемены к лучшему, к возрождению здравого смысла, а значит, весь жанр перестает быть фатальным приговором, неверием в лучшее будущее человечества.

Выдающийся английский писатель прошлого века Джон Энтони Бёрджесс Уилсон (John Anthony Burgess Wilson, 1917–1993) среди многочисленного творческого наследия оставил три образца антиутопического жанра – романы «Механический апельсин» (*A Clockwork Orange*, 1962), «Вожделенное семя» (*The Wanting Seed*, 1962) и «1985» (1985).

Первый роман оказался визитной карточкой писателя на долгие годы, затмив все последующие произведения автора. Острота и трагичность традиционного антиутопического конфликта Личности и Общества в «Механическом апельсине», дискуссионный характер проблемы допустимости вмешательства государства в личностное пространство индивидуума, намеренно провокационный подход к созданию главного героя – нравственно отталкивающей, этически неприемлемой личности – подлинного антигероя и, наконец, невероятный успех экранизации романа в 1971 году (режиссер С. Кубрик) привели к тому, что эта антиутопия не только в глазах рядового читателя, но и большинства исследователей стала олицетворением творческого начала и апогеем художественного развития Энтони Бёрджесса. В силу этого в тени научных поисков оказались две другие антиутопии автора.

Вышедший в один год с «Механическим апельсином» роман «Вожделенное семя», по-нашему мнению, внес даже более значительный вклад в развитие жанра антиутопии второй половины XX столетия. Во-первых, роман значительно расширил традиционную жанровую проблематику, отразив реалии нового времени (экологические катастрофы; пробле-

ма соотношения природных ресурсов земли и возможности создания достаточных пищевых запасов, чтобы прокормить все человечество; резкая деградация и возврат к мрачным временам каннибализма; проблема неотвратимости применения вредной для здоровья синтетической пищи; новое понимание войны как средства избавления от лишнего населения и возможности заготовки консервированных мясных продуктов из погибших во время «сражений» и т.д.). Во-вторых, в «Вожделяющем семени» Бёрджесс развивает специфические антиутопические начала (разработка эволюционной циклической картины мира обществ будущего, психологизация и индивидуализация типичных характеров идеальных миров, иронично-полемичный характер повествования, акцент на важности семейных ценностей...). В-третьих, вслед за Брэдбери у автора «Вожделяющего семени» появляется новая важная черта обновленного жанра – возможность позитивной счастливой для главных героев концовки романа-антиутопии.

Последним из антиутопических прогнозов Энтони Бёрджесса стал роман «1985» написанный в 1985 году. Произведение намеренно создавалось автором как сиквел романа Джорджа Оруэлла «1984», где в первой части дана жесткая критика бессмертного творения Оруэлла, а вторая строится как берджессовский вариант последующего развития общества Старшего Брата. Книга важна и интересна, прежде всего, с точки зрения соотнесения, сравнения, сопоставления двух подходов к изображению идеально несовершенного общества.

Подводя итоги исследования, следует отметить, что антиутопия во второй половине XX века претерпела ряд существенных изменений. Во-первых, литература негативной утопии существенно расширила тематическое разнообразие произведений о возможном будущем: на смену доминирующей сюжетной линии о тоталитарном обществе (первая половина XX в.) приходит множественность видения авторами антиутопий традиционного конфликта Личности и Общества: опасность ядерного самоуничтожения человечества, проблемы взаимоотношений людей разных поколений, трансформация морально-этических норм в обществе, гендерные аспекты жизни обществ будущего... (вторая половина XX в.). Романы Р. Брэдбери и Э. Берджесса (как писателей нового этапа развития жанра антиутопии) в полной мере воплотили эти тенденции.

Во-вторых, для посторужелловского развития жанра негативной утопии стала характерной еще одна особенность: если писатели I половины XX ст. выражали свои сокровенные взгляды на опасности грядущих обществ, как правило, в одном романе, то во второй половине века распро-

страненным явлением среди писателей стало многоразовое обращение к жанру антиутопии на протяжении творческой деятельности, в каждом новом романе авторы разрабатывают новые аспекты их видения антиутопической проблематики.

И, наконец, в-третьих, антиутопия второй половины XX века обогатилась разнообразием авторских решений, художественных приемов и методов воплощения традиционных утопических вопросов.

В последующие цели автора входит продолжение разработки намеченных направлений исследования современной англоязычной антиутопии.

Список литературы: 1. Г. Берджес / Г. Безкоровайний // Зарубіжні письменники. Енци. довідник. У 2 т. Т. 1: А – К / [За ред. Н. Михальської, Б. Шавурського]. – Тернопіль: Навчальна книга – Богдан, 2005. – С. 129–131. 2. Бёрджесс Э. Заводной апельсин / Э.Бёрджесс. – С.-Пб., 2001. – 230 с. 3. Брэдбери Р. 451° по Ф / Р. Брэдбери – М.: Эксмо, 2012. – 880 с. 4. Сабат Г. У лабіринтах утопії й антиутопії / Г. Сабат. – Дрогобич: КОЛО, 2002. – 158 с. 5. Хабибуллина Л.Ф. Литературно-критическая деятельность Энтони Берджесса 60-х годов в свете его мироощущения / Л.Ф. Хабибуллина // II Международные Бодуэновские чтения: Тр. и материалы. – Казань, 2003. – Т. 2. – С. 189–192. 6. Энциклопедический словарь английской литературы XX века / отв. ред. А.П. Саруханян: Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького РАН. – М.: Наука, 2005. – 541 с. 7. Энциклопедия фантастики / [под. ред. Вл. Гако-ва]. – Минск: ИКО «Галаксиас», 1995. – 694 с. 8. Burgess A.A. Clockwork Orange / A.A. Burgess. – Harmondsworth: Penguin, 2000. – 240 p.

*Тетяна Ісаєва
м. Харків, Україна*

ШЛЯХИ ВПРОВАДЖЕННЯ ГЕНДЕРНИХ ПІДХОДІВ У ВИКЛАДАННІ ГУМАНІТАРНИХ ДИСЦИПЛІН У ВНЗ

Досвід багатьох країн світу свідчить, що при досягненні 40% присутності жінок на рівні прийняття рішень посилюється соціальна орієнтація державної політики, знижується рівень корупції, що сприяє демократизації всього суспільства, покращенню соціально-економічного рівня розвитку країни та якості життя, досягненню миру та безпеки.

З моменту створення ООН (1945 р.) 200 країн-членів прийняли більш ніж 500 конвенцій, угод та норм, серед них більш ніж 100 спрямовані на досягнення рівності за ознакою статі.

В низці цих документів особливе місце займає Декларація тисячоліття Організації Об'єднаних Націй, яку було затверджено у вересні 2000 р. на Саміті Тисячоліття в Нью-Йорку.

Україна підписала «Декларацію тисячоліття» ООН та адаптувала цей документ з урахуванням особливостей національного розвитку, взявши на себе зобов'язання досягти Цілей Тисячоліття в галузі розвитку в період до 2015 року за шістьма напрямками, одним з яких є забезпечення гендерної рівності.

Таким чином, Україна визнала забезпечення гендерної рівності пріоритетом державної політики.

Після Самміту Тисячоліття (2000 р.) в Україні прийнято низку документів, що регламентують сферу забезпечення гендерної рівності та протидії насильству в сім'ї, а 8 вересня 2005 р. (після шести років активного лобювання з боку жіночої громадськості) Верховною Радою України прийнято Закон України № 2866-15 «Про забезпечення рівних прав та можливостей жінок і чоловіків», який набув чинності з 1 січня 2006 року. З цього часу задля усунення всіх проявів гендерної дискримінації та досягнення гендерної рівності в Україні впроваджується державна гендерна політика, метою якої є встановлення гендерної рівності у всіх сферах та на всіх рівнях українського суспільства.

«Гендерна рівність – рівний правовий статус жінок і чоловіків та рівні можливості для його реалізації, що дозволяє особам обох статей брати рівну участь у всіх сферах життєдіяльності суспільства».

Закон України «Про забезпечення рівних прав і можливостей жінок та чоловіків», ст. 1 [1].

Впровадження принципу гендерної рівності у всі сфери життєдіяльності, в тому числі, в освіту є невід'ємним компонентом побудови сучасного демократичного толерантного суспільства. «Сучасне розуміння педагогіки як системи взаємопов'язаного педагогічного впливу, впливу та взаємовпливу в межах суб'єкт-суб'єктних відносин педагогічного процесу та соціалізації особистості потребує перегляду самого поняття виховання з гендерних позицій гендерного підходу, який передбачає гармонізацію статево-рольової взаємодії на основі егалітаризму як принципу рівних прав та можливостей особистості незалежно від статі», – писала в статті «Гендерна освіта й педагогіка» видатна гендерна дослідниця Людмила Смоляр [8, с. 493]. «Гендерний підхід має розкрити та проаналізувати наявні відмінності в освіті між хлопчиками та дівчатками, проблеми упереджень в змісті шкільної програми, гендерний дисбаланс в системі освіти в цілому. Для цього необхідна подальша інтеграція гендерних досліджень у систему вищої освіти України, розвиток гендерно-збалансованих навчальних планів шляхом введення нових знань про жінок у традиційні соціальні та гуманітарні дисципліни, що потребує змін в ідеології вищої освіти в країні [8, с. 500].

Але ці підходи не тільки не впроваджуються у навчально-виховний процес системно, а й часто викликають опір на всіх рівнях та на усіх ланках системи освіти взагалі, що викликано відсутністю інституалізації системи гендерної освіти. Сьогодні впровадження гендерного компоненту в систему освіти взагалі, а зокрема вищої відбувається спорадично, в більшості своїй в закладах соціально-гуманітарного профілю завдяки діяльності та ентузіазму окремих викладачок та викладачів, ініціативі громадських організацій за підтримки міжнародних організацій та фондів. В технічних ВНЗ ці підходи майже не використовуються.

Наслідком цього процесу є фемінізація таких сфер як освіта, медицина, соціальна сфера, бухгалтерський облік та маскулінізація органів влади, воєнної справи, правоохоронних органів, технічних професій та сфери інформаційних технологій. В сучасних умовах технічного та інформаційного прогресу, підвищення рівня доступності усіх сфер соціальної самореалізації людини незалежно від статі, орієнтація на традиційні «жіночі» та «чоловічі» ролі та відповідні професії гальмує розвиток особистості, не дає людині реалізувати власний потенціал.

Ситуація, що склалася у системі освіти, і зокрема у вищій школі, пояснюється недостатнім рівнем поінформованості та упередженого ставлення щодо гендерних питань педагогів та управлінців, які працюють та приймають рішення у системі освіти. У більшості з них ідеї та принципи гендерної

рівності не сприймаються як питання загальних прав людини, а асоціюються та обмежуються окремими проблемними гендерними питаннями (насильство в сім'ї, відстоювання прав жінок та прав сексуальних меншин тощо).

Гендерний підхід в педагогіці є новим методологічним інструментом аналізу й проектування особистісних змін, що ґрунтується на врахуванні «фактору статі» в змісті освіти та характері міжособистісної взаємодії «викладач – студентська аудиторія».

За оцінкою гендерних експертів проблема впровадження гендерного підходу у систему сучасної освіти, зокрема вищої, є на сьогодні однією з найменш розроблених у вітчизняній практиці [5, с. 9], але в той же час у даній сфері отримані певні результати [3, с. 326]:

- вдосконалено чинний термінологічний апарат гендерної освіти через запровадження в науковий обіг поняття «гендерна компетентність»;

- законодавство, що регулює сферу вищої освіти, є гендерно нейтральним, тобто воно не підкреслює різні фізичні та соціальні характеристики обох статей. Однак нормативно-правова база системи освіти потребує переходу від гендерно-нейтральної до гендерно-чутливої моделі з урахуванням рекомендацій експертів;

- долучення гендерного підходу до забезпечення студентів належними умовами для навчання має враховувати комплекс заходів, а саме: корекцію змісту навчальних програм та навчальних курсів, створення належних умов організації навчально-виховного процесу, підготовку гендерно позитивних кадрів;

- розпочато упровадження гендерних підходів у навчальні програми дисциплін циклу гуманітарної та соціально-економічної підготовки національної освіти;

- базовими курсами для впровадження гендерних підходів у систему вищої освіти є загальні нормативні курси дисциплін циклу гуманітарної та соціально-економічної підготовки, оскільки саме вони є основою підготовки не лише спеціаліста, а й узагалі людини з вищою освітою. Інтеграція гендерного компонента в нормативні навчальні курси не виключає інтеграцію гендерного компонента в інші навчальні курси, а також запровадження окремих суто гендерних курсів.

У розділі III «Рекомендації щодо вдосконалення гендерних підходів у навчальні програми гуманітарної та соціально-економічної підготовки вищої освіти» видання «Гендерні стандарти сучасної освіти», Ч. 1 колективом авторів надається рекомендація доповнення стандартів вищої освіти з урахуванням проблеми перевантаженості навчальних програм змістовими модулями за скорочення кількості виділених для їх вивчення кредитів шляхом:

- органічного включання гендерних аспектів до змісту нормативних та вибіркових навчальних курсів;
- долучення окремих тем гендерної проблематики до нормативних курсів соціально-гуманітарного циклу;
- уведення гендерного компоненту до контексту викладу окремих тем означених курсів;
- уведення окремих гендерних курсів (за професійним спрямуванням) до варіативної частини навчальних планів;
- надання можливості студентам та студенткам обирати спецкурсів гендерного спрямування;
- розширення гендерної тематики наукової роботи студентів (навчальні проекти, доповіді, наукові статті, курсові та дипломні роботи);
- урахування гендерних особливостей студентської аудиторії під час підготовки навчальних занять;
- унесення гендерної проблематики до переліку виховних заходів вищої школи [3, с. 287].

Метою гендерного навчання та виховання студентської молоді є формування розуміння сутності норм та установок взаємодії статей на засадах гендерної рівності та партнерства та потреби керуватися ними в усіх сферах життєдіяльності. В той же час, сучасний педагог має бути гендерно-компетентним, що вже давно стало професійною нормою педагогів в демократичних країнах.

Координувати діяльність у цьому напрямі, надавати інформаційно-методичну підтримку у вирішенні цих задач у ВНЗ може Центр гендерної освіти (ЦГО) вищого навчального закладу.

Центр гендерної освіти (Гендерний центр) ВНЗ – інституція, що створюється задля надання методичної та науково-практичної підтримки викладацькому складу та студентській молоді ВНЗ щодо впровадження у навчально-виховний процес гендерних підходів та ідей гендерної рівності шляхом організації науково-дослідної роботи, виховних заходів для забезпечення рівних прав та можливостей жінок і чоловіків, ліквідації всіх форм дискримінації, запобігання насильству у всіх сферах життя суспільства та протидія торгівлі людьми

У 2011 р. у Харківській області за ініціативи Обласного гендерного ресурсного центру у партнерстві із Фондом імені Фрідріха Еберта, представництво в Україні та підтримки Департаменту у справах сім'ї, молоді та спорту ХОДА почав реалізовуватися проект «Створення центру гендерної освіти ВНЗ – крок на шляху впровадження гендерних підходів в систему вищої освіти».

Завдяки спільній співпраці та взаємодії впродовж було проведено декілька інформаційно-просвітницьких заходів щодо створення та діяльності Центрів гендерної освіти у ВНЗ, в результаті яких було створено Мережу центрів гендерної освіти ВНЗ м. Харкова, до якої з січня 2012 р. доєдналися гендерні центри ВНЗ інших міст України: Тернополя, Дніпропетровська, Маріуполя, Житомира, Ужгорода.

На кінець 2012 р. Всеукраїнська мережа центрів гендерної освіти нарахувала центри та кафедри 18 ВНЗ різних міст України <http://gendercenter.net.ua/index.php/aboutus>.

Цими центрами впродовж 2011–2012 рр. спільно було розроблено низку документів щодо створення та діяльності центру гендерної освіти, як базису для впровадження гендерних підходів у систему діяльності вишу:

- алгоритм створення ЦГО;
- моделі ЦГО у виші;
- типові Положення про Центр гендерної освіти, що може бути використано при створенні ЦГО з урахуванням особливості ВНЗ;
- концепція діяльності Всеукраїнської мережі;
- загальна «скарбничка», в яку увійшли авторські проекти гендерних центрів різних ВНЗ www.gendercenter.net.ua.

В процесі розробки програма пілотного навчального модуля «Основи знань про гендер» до курсу «Введення до спеціальності» та рекомендації щодо його впровадження в освітній процес та Концепція гендерно-чутливого ВНЗ з обґрунтуванням індикаторів, за якими можна вимірювати індекс гендерної чутливості освітнього закладу.

Для Всеукраїнської мережі волонтерами ЦГО ХНУРЕ створено спільний сайт <http://gendercenter.net.ua>, видається гендерний он-лайн журнал «Ми» <http://gendercenter.net.ua/index.php/library>, у партнерстві із Фондом імені Фрідріха Еберта, представництво в Україні регулярно проводяться навчання та інформаційно-просвітницькі заходи <http://gendercenter.net.ua/index.php/news>.

Список членів Мережі – відкритий. До неї можуть залучитися існуючі та новостворені центри, що поділяють мету Мережі, напрями діяльності та завдання.

Координує діяльність мережі Харківський обласний гендерний ресурсний центр.

У спільній скарбничці мережі зібрані нароби центрів:

1. *Тернопільський національний педагогічний університет імені Володимира Гнатюка, кафедра педагогіки та гендерної рівності.*

Інтегрований курс для студентів II–IV курсів педагогічних спеціальностей «Гендерна освіта: теорія та практика».

Курси: «Гендерна педагогіка», «Історія гендерної педагогіки», «Психологія статі», «Гендерна психологія», «Гендерні аспекти дошлюбної підготовки молоді», «Підготовка молоді до сімейного життя».

2. *Запорізький національний університет, факультет соціальної педагогіки та психології.*

Дистанційний навчальний курс для студентів II курсу «Теоретико-методичні засади гендерної освіти».

3. *Маріупольський державний університет, Центр гендерних досліджень і освіти.*

Спецкурси: «Гендерна безпека», «Гендерна політика в міжнародних відносинах», «Гендерна освіта в сім'ї та в дошкільних учбових закладах», «Проблеми гендерної освіти».

4. *Черкаський національний університет імені Богдана Хмельницького, Центр гендерної освіти.*

Курс «Гендерні аспекти в освіті та науці».

5. *Харківська гуманітарно-педагогічна академія, Центр гендерної освіти.*

Курси: «Методика гендерної освіти», «Основи соціально-педагогічної діяльності з вирішення гендерних проблем в Україні», «Методика проведення уроків гендерної рівності».

6. *Харківський національний педагогічний університет імені Г.С. Сковороди, Гендерний центр.*

Курс «Гендерна лінгвістика».

7. *Харківський національний університет радіоелектроніки, Центр гендерної освіти.*

Курс «Гендерна психологія». Гендерний компонент у курсах «Філософія», «Філософські проблеми інформаційного суспільства», «Політичні проблеми сучасного суспільства».

8. *Харківський національний університет внутрішніх справ, Центр гендерної освіти.*

Курс «Гендерна психологія». Гендерний компонент у курсі «Психологія управління».

9. *Харківський національний університет сільського господарства імені П. Василенка, Центр гендерної освіти.*

Гендерний компонент у курсі «Основи психології та педагогіки», «Соціологія», «Філософія людського спілкування».

10. *Харківський національний університет архітектури та будівництва, Центр гендерної освіти.*

Гендерний компонент у курсах «Історія України», «Історія української культури», «Політологія», «Україна в сучасному світі», «Історія університету».

У 2011 р. Українським Центром гендерної освіти при НТУУ «КПІ» за підтримки Програми рівних можливостей та прав жінок в Україні ЄС-ПРООН було розроблено Програмне забезпечення для оцінювання знань з гендерних модулів відповідно до системи ECTS. <http://gender.at.ua/load/10-1-0-154>.

Співробітницями центрів розроблені авторські методики виховних заходів:

- Спортивне гендерне орієнтування як метод гендерної просвіти: авторська розробка Закарпатського обласного Центру гендерної освіти при Ужгородському національному університеті.

- «Студентський лелека. Ініціатива «Університет, дружній до сім'ї»: авторська розробка Гендерного ресурсного центру Сумського державного університету.

- Школа гендерного волонтерства: авторська розробка Центру гендерної освіти Харківської гуманітарно-педагогічної академії.

- Гендерний кінозал: авторська розробка Центру гендерної освіти Харківського національного університету внутрішніх справ.

- «Гендерні студії для студенток та студентів-іноземців, які навчаються в Україні»: авторська розробка Центру гендерної освіти Харківського національного університету радіоелектроніки.

На допомогу Всеукраїнській мережі Харківський обласний гендерний ресурсний центр надає ресурси проекту «Створимо музей про себе», що має на меті створення та розвиток першого та єдиного в Україні гендерного музею – Музею жіночої історії, історії жіночого та гендерного руху як осередку гендерної освіти та інформування.

Використання у процесі професійної підготовки студентської молоді інтерактивних експозицій, візуалізація інформації, наочність, використання сучасних технологій, оригінальні експонати, а також віртуальна версія музею, доступна на www.gendermuseum.com дозволяють створити сприятливі умови для адекватного сприйняття молоддю широкого спектру інформації з гендерної проблематики.

У 2013 р. у партнерстві із Фондом імені Фрідріха Еберта, представництво в Україні заплановано проведення низки інформаційно-освітніх заходів щодо розбудови Всеукраїнської мережі та впровадженню гендерних підходів в систему вищої освіти. Також заплановано проведення опитування щодо результатів впровадження гендерного компоненту у навчально-виховний процес ВНЗ-членів Всеукраїнської мережі. За попередньою оцін-

кою співробітниць центрів, робота в даному напрямку сприяє підвищенню гендерної чутливості студентської молоді, гендерній компетенції викладацького складу, і через це – розбудові в Україні гендерно-чутливих ВНЗ, що безумовно приведе до позитивних якісних змін у суспільстві.

Список літератури: 1. Закон України №2866-15 «Про забезпечення рівних прав та можливостей жінок і чоловіків» <http://zakon1.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=2866-15>. 2. Гендер і ми: інтегрування гендерного підходу в освіту та виховання: навч. – метод. посібник для шкільної та студ. молоді. – К.: МГО «Школа рівних можливостей», 2009. – 160 с. 3. Гендерні стандарти сучасної освіти: збірка рекомендацій Ч. I – К., 2011. – 328 с. 4. Гендерні стандарти сучасної освіти: збірка рекомендацій Ч. II – К., 2011. – 260 с. 5. Гендерні стандарти сучасної освіти: збірка рекомендацій Ч. III – К., 2011. – 282 с. 6. Основи теорії гендеру. – К.: Видавництво «К.І.С.», 2004. – 536 с.

*Марина Киян, Марина Окладна, Людмила Перевалова
м. Харків, Україна*

СУЧАСНІ ТЕНДЕНЦІЇ РОЗВИТКУ ВИЩОЇ ОСВІТИ В УКРАЇНІ

Оновлення усіх сфер життя українського суспільства призвело до необхідності реформування системи освіти, зокрема це стосується вищої освіти, яка повинна відповідати потребам суспільства та освітнім тенденціям у сучасному світі. ХХІ ст. характеризується підвищенням вимог до освіти, що пов'язано з переходом до високотехнологічного інформаційного суспільства, у якому якість людського потенціалу, рівень освіченості і культури всього населення набувають вирішального значення для економічного і соціального поступу країни. Інтеграція і глобалізація соціальних, економічних і культурних процесів, які відбуваються у світі, перспективи розвитку української держави на найближчі два десятиліття вимагають глибокого оновлення системи освіти, зумовлюють її випереджувальний характер.

Проблемам реформування вищої освіти та перспективам її подальшого розвитку присвячені дослідження багатьох вчених: В. Андрущенко, Ю. Жука, Л. Зязюн, П. Кралюк, О. Навроцького, Н. Пасічника, В. Суханцевої та ін.

На думку Ю. Жука у нашому суспільстві відсутнє глибоке розуміння того, що освіта, і вища зокрема є основою розвитку держави [1]. Сьогодні до пріоритетних завдань, що постають перед суспільством, належить проблема підтримки розвитку освіти, яка безпосередньо пов'язана з системою національних інтересів і національної безпеки [2].

Згідно з прогнозами ЮНЕСКО в ХХІ ст. цивілізованого рівня добробуту досягнуть тільки країни, в яких 40–50% працездатного населення буде мати якісну вищу освіту. Сьогодні в Україні приблизно 13% населення мають повну і 16–18% – неповну вищу освітою [3]. Можна констатувати, що низький професійний й загальнокультурний рівень значної кількості населення, особливо молоді, становить загрозу не тільки перспективам економічного росту, але й соціальної стабільності. Тому проблема реформування системи вищої школи є актуальною, а мета її – забезпечення потреб держави у фахівцях і наукових розробках.

В Україні склалась достатньо складна ситуація у сфері освіти. Розвал СРСР наніс удар по тій системі освіти, яка існувала. Недостатність державного фінансування призвела до того, що державні навчальні заклади вимушені значну частину коштів, одержаних за рахунок плати за навчання, використовувати на власні потреби, які раніше фінансувались з державно-

го бюджету. Автономізація університетів поки що існує на паперах. Виникла велика кількість недержавних вищих навчальних закладів, які не в змозі надати якісну освіту та не відповідають необхідним стандартам. Спроби міністерства освіти навести порядок у цій сфері поки ще не дали необхідних результатів.

Приєднання до Болонської системи призвело до зближення нашої системи вищої освіти до європейської, розширилися контакти з університетами Західної Європи, США, підвищилась мобільність студентів та викладачів, з'явилась практика одержання двох дипломів: українського та європейського. Слід констатувати, що в цьому напрямку робляться певні кроки, але вони не носять системного характеру, тому що, на погляд багатьох фахівців, у нас відсутня реальна програма інтеграції освіти в європейський освітній простір [4].

Одним з важливих елементів Болонської декларації є мобільність студентів та викладачів. Так, у країнах Євросоюзу вже стала традиційною практика, коли студент один семестр або навіть один рік навчається в іншому університеті (бажано в іншій країні!). Для цього розроблені спеціальні механізми, зокрема стипендіальні програми. У нас же таких механізмів немає – не лише для навчання студентів за кордоном, але навіть усередині країни. Щодо мобільності викладачів, то в країнах Євросоюзу вітають залучення до навчального процесу зарубіжних спеціалістів. Деякі університети мають таку практику, але вона не є нормою. Крім того у західноєвропейських країнах вважається бажаним участь іноземних науковців при захисті дисертаційних робіт. У нас зробити це практично неможливо, оскільки сформована складна процедура нострифікації дипломів про вищу освіту, а особливо докторських дипломів.

Серед багатьох проблем, з якими стикаються вищі навчальні заклади у XXI ст., найбільш важливою та складною є проблема якості освіти. Якщо в минулому діяльність системи вищої освіти оцінювалась кількісними показниками: кількість студентів на 10 тис. населення, доля ВВП, що виділяється на вищу освіту, обсяг фінансування наукових досліджень та інше, то в епоху глобалізації та інтернаціоналізації первинного значення набуває оцінка якості підготовки фахівця, відповідність сучасним вимогам та світовим показникам професійної компетенції.

Вища освіта здійснюється як процес передачі знань, навичок, вмінь, суспільного досвіду та традицій, тому вирішальним тут виступає науково-викладацький склад вищої школи. Від кількості та якості науково-педагогічних кадрів залежить ефективність та перспективи розвитку кожного конкретного вищого навчального закладу.

В умовах кризових явищ, нестабільності, невизначеності, обмежених фінансових ресурсів вимагати від науково-педагогічних кадрів якості освіти, зацікавленості у професійному рості було б нерозумним. Заробітна платня професорсько-викладацького складу потребує суттєвих змін. Висловлювання керівництва держави про необхідність підвищення матеріального становища вчителів шкіл та викладачів вищих навчальних закладів безумовно є вірними. Але у дійсності ті незначні зміни в оплаті їх праці, що передбачаються діючим законодавством, ефекту не дадуть.

Процес формування та розвитку кадрового потенціалу вищої школи, досягнення конкурентоспроможності потребує створення ефективного механізму підвищення кваліфікації її науково-педагогічного складу. Існуюча система підвищення кваліфікації викладачів не здатна забезпечити потреби вищої освіти. Більшість вищих навчальних закладів здійснює підвищення кваліфікації науково-педагогічних кадрів шляхом внутрішньо вузівської системи, тобто створюються семінари, відповідні курси, де викладач протягом певного часу проходить підвищення кваліфікації. Ця система не ефективна. Сьогодні викладач не має можливості пройти стажування у провідних вищих навчальних закладах, тому що це потребує певного фінансування з боку вищого навчального закладу.

Ще однією важливою проблемою для нашої країни є подальше вдосконалення системи підготовки та атестації наукових та науково-педагогічних кадрів вищої кваліфікації, мається на увазі підвищення ефективності аспірантури та докторантури, вимог при вирішенні питань про присудження вчених ступенів та присвоєння вчених звань.

Багато спорів та дискусій ведеться з приводу зовнішнього незалежного оцінювання. Це американська технологія. У США університети можуть ігнорувати ЗНО, доповнювати його, воно має суто добровільний характер, крім того ЗНО проводять недержавні інституції. У нас же зовнішнє незалежне оцінювання є державною справою, як, до речі, у Росії та Білорусії. Російське освітянське співтовариство виступає проти його абсолютизації, критикує різні його аспекти, але державні органи не звертають на це увагу [5]. В Україні аналогічна ситуація, проти ЗНО неодноразово виступали відомі вчені, керівники вищих навчальних закладів, які звертали увагу на необхідність зміни тих завдань, що пропонуються учням з багатьох предметів, наголошували на тому, що надані тести не відповідають необхідним вимогам, не в змозі оцінити рівень знань абітурієнта. Однак к цим пропозиціям поки ще ні хто не прислуховувався. Є навіть прагнення закріпити ЗНО на законодавчому рівні.

Практика найбільш економічно розвинутих країн світу свідчить, що освіта з вторинної галузі перетворюється на ключову галузь, а інтелектуаль-

ний потенціал та праця викладачів стає у цьому сенсі вирішальними. Однак реалії сьогодення потребують і змін по відношенню до студента. Освітня модель «вчитель – вчить, а учень – навчається» не впливає ні на зміст, ні на навчальний процес та не можуть дати необхідного ефекту. «Співробітництво», «взаємодія», «залученість студента у процес формування та передачі знань» повинні стати основоположними у педагогічному процесі. Без цього освіта не буде відповідати викликам і вимогам «суспільства знань».

Вирішальними для вищої школи повинні стати відповіді на запитання: які знання необхідні студенту для успішної професійної діяльності? Здобуття вищої освіти не є гарантією працевлаштування майбутнього фахівця. Більшість наших випускників не можуть знайти роботу за одержаною спеціальністю. Це пов'язано з тим, що система вищої освіти недостатньо орієнтована на ринок праці, і, як наслідок відсутня зацікавленість підприємств і організацій у проведенні виробничих практик та запрошенні молодих фахівців на роботу. Крім того відсутня сучасна система працевлаштування випускників вищих навчальних закладів. Необхідно створити таку модель системи вищої освіти, у якій державне замовлення би точно відповідало обсягу та спеціальностям, які затребувані на даному етапі розвитку суспільства, з урахуванням перспектив його розвитку на найближчі 10 років.

Таким чином, важливими завданнями для України, політика якої спрямована на формування та розвиток суспільства, орієнтованого на знання, є розробка та реалізація чітко продуманої стратегії перетворення вищої школи, де головним буде кардинальна зміна змісту і технологій навчання заради формування у молоді нової якості освіченості, компетентності, уміння і установки безперервно вчитися і добиватися в своїй діяльності високої ефективності.

Список літератури: 1. Жук Ю. Треба вміти дивитись у вічі, або в Болонський процес слід входити з українським позитивним досвідом, враховуючи реалії. // Вища школа. 2005. – 16–23 березня. – С. 12–17. 2. Андрущенко В. Основні тенденції розвитку вищої освіти України на рубежі століть (Спроба прогностичного аналізу) // Вища освіта України. – 2001. – № 1. – С. 11–17. 3. Андрущенко В. Модернізація педагогічної освіти України в контексті Болонського процесу. // Вища освіта України, 2004. – № 1. – С. 5–9. 4. Кролюк П. Вища освіта в Україні: куди йдемо? // Дзеркало тижня», № 3, 27 січня 2012. 5. Плаксий С.И. Высшая школа на изломе. Высшее образование для XXI века: VI Международная научная конференция. Москва, 19–21 ноября 2009 г.: доклады и материалы. Ч. 1 / под. общ. ред. И.М. Ильинского – М.: изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2009. – С. 131–137.

Михайло Красіков
м. Харків, Україна

З СУЧАСНОЇ МАГІЧНОЇ ПРАКТИКИ УКРАЇНЦІВ (ЗА МАТЕРІАЛАМИ ФОЛЬКЛОРНО-ЕТНОГРАФІЧНОЇ ЕКСПЕДИЦІЇ 2012 РОКУ У ВЕРХОВИНСЬКИЙ РАЙОН ІВАНО-ФРАНКІВСЬКОЇ ОБЛАСТІ)

Традиційна народна культура гуцулів й досі зберігає багато архаїчних рис. Одним із найфундаментальніших принципів «первісного мислення» є жадібний пошук аналогій, паралелей, тотожностей у світі людському й природному (наслідком цього є психологічний паралелізм в усній народній творчості і навіть цілі фольклорні жанри, наприклад, загадки, частково – тлумачення сновидінь), створення або, навпаки, запобігання «ідентичних» ситуацій у сакральному та профанному хронотопах.

Імітативна, за С. Токаревим (або «сімільна», за Є. Кагаровим, чи «гомеопатична», за Дж. Фрезером), магія на Гуцульщині, як і скрізь у сучасній Україні (і взагалі у слов'янському світі), широко представлена такими видами як *господарська* або виробнича (переважно сільськогосподарська), *торгова*, *лікувальна* та *профілактична*, *апотропеїчна* (захисна), метеорологічна, шкідлива та ін. Сфера її застосування – більшою мірою приватне життя.

Поруч із суто *магічною практикою* необхідно розглядати й пов'язані з «магічним мисленням» явища: *прескрипції* (приписи та табу), *мантичні звичаї* (напр., дівочі ворожіння), певні *світоглядні уявлення*, що знайшли відбиток у фольклорі та у безмежному світі прикмет.

Різновиди імітативної магії можна класифікувати за подібністю: - форми; - дії (акціональний); - якості (властивості); - стану; - просторової орієнтації (географічного напрямку); - звучання (фонетичний); - чисельності та ін.

Звісно, у реальному побутуванні ці види імітативної магії можуть поєднуватися один з одним (наприклад, подібність форми і дії або дії та властивості суб'єкта), а також діяти вкупі з іншими принципами – наприклад, ініціальним – магією початку.

Схожість за формою – частотний фактор у звичаєвості та повір'ях, пов'язаних із вагітністю. Деякі вагітні гуцулки спеціально крадуть на полі трохи гороху з бадиллям, аби діти народилися кучеряві [7]. Інші з цією ж метою кладуть огудину гороху («горошіну») у першу купіль дитини [2].

На цьому ж принципі базується й безліч табу для вагітних. Наприклад, їм не можна «паце» (поросся) бити, бо на плечах у дитини виросте «щчотина», що її колотиме; немовля буде «йорзатись», плакати, погано спати [1].

Напівжартівливий характер має весільний імітативний прогностичний звичай розривання калача: «кому більша частина дістанеться – той і буде командувать, і буде більше грошей приносити» [12].

Подібність форми має неабиякий сенс для тих, хто дбає про врожай і вірить у певну «городницьку магію». Є таке поняття на Верховинщині: «порожні дні» – це дні, коли Місяць тільки народжується, його ще майже й не видно. Якщо посадити у ці дні – порожньо буде на вгороді. «Бараболю» (картоплю), капусту і усе, що нагадує кулю, радять садити на повний Місяць [22]. «Цвітуще» садять на повний Місяць (квіти), а «не цвітуще» (бараболю, гарбуз) – на старий. «Гарбуз, огірки, кабачки як на новий Місяць посадили, будуть цвісти, а не будуть в'язатись» [5].

Широко розповсюджений і зараз на Гуцульщині весільний звичай молодим дивитися крізь дірку у калачі також оснований на подібності форми: робиться це, «щоб дітки біли круглесенькі, гарнесенькі» [12]. Втім, – не тільки задля того, щоб діти були круглолиці (хоча етнографи саме так трактують необхідність цієї дії), адже коло – універсальний оберіг, символ гармонії та досконалості, тобто давній сенс цього звичаю, який зараз не усвідомлюється носіями традиції, значно глибший.

Уподібнення людини тварині – характерне явище у промисловій магії ще з часів первісних мисливців. У с. Красник жінки, коли «підсипають» квочку (підкладають під неї яйця), пов'язують хустку таким чином, щоб спереду на голові були маленькі хвостики, а зверху надівають чоловічу шапку (у багатьох регіонах України вважається правильним нести яйця під квочку у чоловічій шапці, і краще взагалі це робити чоловікові – тоді виведуться не півники, а курочки). Робиться це, «щоб курята були в шапках – чубаті» [1], такі кури «красивіші».

Звуконаслідування голосам тварин у сакральний час, як і скрізь в Україні, відбувається на Гуцульщині у селянських хатах на Різдво. «На Светвечор дітва під стіл лізе і кльохкають» (квокчуть) [17].

Однак на Верховинщині зустрічаються й досить рідкісні господарські магичні дії, зокрема: «Коли підсипають квочку, треба називати жіночі імена: Марійка, Єлена, Василина – називаєш ім'я і кладеш яйце, – і будуть курочки. Одна казала: «А я забула і не називала – і половина когутів у мене!» [6].

Імітація дії – найхарактерніший спосіб магичного впливу на обставини. Швидкість руху у певних обрядових ситуаціях є запорукою добробуту. «Коли продають корову зі стайні, скоро двері закривають, щоб скоро корова була знову» [1]. Так само швидко закривають двері, коли винесли покійника (цей звичай є і у інших регіонах України) – але з протилежною інтен-

цією: щоб скоро не було покійника у хаті. На Верховинщині побутує також такий звичай: як тільки зняли з лавки домовину й виносять небіжчика, уся родина, швидко закривши двері швиденько сідає на лавку, де тільки-но лежав мрець – за одним тлумаченням, щоб скоро ніхто не помер з родичів [5], за іншим – «щоб гаразд дома сідав, аби не пішов за померлим на цвинтар» [12].

Швидкість певних дій під час сакрального акту – весілля – має прогностичну спрямованість щодо подружнього життя.

На Гуцульщині, як і скрізь в Україні, побутує прикмета: хто першим стане на рушничок у храмі, той і буде «першим» (тобто головним) у родині. Однак є моменти під час церемонії, коли швидкість – зайва. Молодий і молода за звичай під'їжджають до храму окремо, і вважається: якщо ти швидко під'їдеш (раніше, ніж другий екіпаж), «будеш під п'ятов» у чоловіка (жінки) [2].

Є ще один приклад імітативної магії, пов'язаний із прискоренням дії: щоб швидше прийшли гості, гуцулки іноді замітають хату від порогу [24] (завичай так і підмітають, аби добро йшло до хати).

«Наочність» дії присутня у такій регламентації побутової поведінки: «Віником не можна бити – не буде триматися хати; як віник ходє у руках, так і людина або тварина буде бігати через плоти, штрикати через забори...» [16]. Така сама переконлива «очевидність» – у добре відомій прикметі по всій Україні: «жаринка вилетить з печі – гості будуть» [1] як і у такій суто гуцульській прикметі: «Якщо почнеш підметати, а на половині кинеш – тебе кинуть на половині данцю (танцю – М.К.), а це ж сором, ганьба, неповага!» [2].

На свято Василя верховинці робили калач з глини, втикали у нього «патички» (позначали, де чий) і підпалювали їх. Якщо паличка схилилась або падала вбік – її власникові жити, а якщо у яму (дірку всередині калача) тому цього року вмирати [17]. Падіння у яму досить виразно пророкувало – імітувало похорон.

Цікаву магичну імітацію руху спостерігаємо у поведінці пасічника під час застілля: «У кого є бджоли, тому на застіллях треба виходити у той бік, у який заходив, інакше бджоли можуть втікти, коли рояться, а так вони вернуться до вас на пасіку, десь близько сядуть, що ви познімаєте, а як далеко – то ні» [5].

В інших регіонах України ми часто фіксували це правило: виходити з-за столу у той же бік, що заходили, однак вперше зустріли таку професійну регламентацію.

Акціональний принцип майже завжди використовується у шкідливій (шкідницькій) магії. Причому певна фізична дія передбачає викликання відповідної дії у *переносному (метафоричному) значенні*. Наприклад, коли по-

чинають будувати хату, старший майстер робить перший удар сокирою і кладе у кишеню першу трісочку від дерева, що йде на підвалину. Після розрахунку з будівельниками, якщо теслі задоволені, старший віддає газді цю трісочку з добрими побажаннями. А от якщо майстри незадоволені (їм недоплатили, погано годували, ображали...), то старший майстер «може кинути трісочку на крутіж (де крутиться вода) [водоверть на річці – М.К.] – і той газда нічого не заведе – ні сім'ї, ні господарства, – усе буде крутитися, як крутиться вода» [5].

Так само метафоричний, *символічний* характер має широко відомий по всій Україні звичай «розв'язування розуму», що фіксується у кожному верховинському селі. Пуповину після народження дитини зазвичай зберігали, зав'язували, а у віці 6–7 років давали дитині розв'язати – «щоб розв'язалося усе в голові» [7]. Причому робити це треба було за спиною – «бо так складніше» [7], а ще для того, щоб «пам'ять розв'язалася» [5]. Дехто вважає, що найкраще розв'язати пуповину на базарі, тоді «дитина буде спритна, буде швидко гроші рахувати, буде, як єврей, їй все буде легко вдаватися і торгівля і все...» [2].

Серед пояснень відомої заборони підливати ввечері звернемо увагу на таке, цілком поетично-метафоричне: «щастя виливаєш» [18]. Розповсюджене на Гуцульщині заборона замітати у хаті, де лежить небіжчик [22], пов'язана з уявленням, що його таким чином передчасно «вимітають» з хати – він, відповідно, може «образитися» й помститися нечемним родичам.

На Верховинщині, як, наприклад, і на Київщині, є люди, які одразу ж після того, як винесли мерця, підмітають і миють підлогу у кімнаті, де він лежав «вимітаючи»; виганяючи Смерть з дому, однак достатньо й таких, хто не поспішає цього робити. Дехто 40 днів після смерті рідної людини замітає сміття у кути і не виносить із хати (бо душа покійного до цього часу – тут), а дехто й рік так робить, і якщо білять у цей рік хату, то «у кутиках не білять» [1], що кореспондує з християнськими уявленнями про «роковини» і є проявом культу предків.

Магічна акціональність – основа апотрокеїзму. Коли «чародійниці» «насилають» жабу (велика чорна жаба лізе у хату), її мечуть на грань «(вогонь) і вона «пукає» (тріскається) – і у ту ж мить, вважається», «пукне» корова відьми [12] або «ту бабу круте» [17].

У торговій практиці певні дії теж набувають символічного – магійного значення. Наприклад, коли люди купують корову, то, за звичаєм, продавець повинен віддати їй зі своїм налигачем («курмиком», як його називають у Головах, або «петелькою», як кажуть у Замагері) – це означає, що «він від-

дає з молоком, з усім»; однак є люди, які не віддають свій налигач, бо бояться, що не буде молока від наступної корови [13], або взагалі вважають, що віддавши мотузку, можуть «віддати удачу» [15]².

К.Г. Дроняк так висловлюється з приводу того, чому треба, за звичаєм, віддавати покупцеві налигач: «не йде в руку без мотузки» [17].

Вочевидь, висловлювання, що стало фразеологізмом, походить саме від старовинного магічного звичаю торгівлі худобою: тварина повинна йти у руку» у прямому значенні його слова – даватися (передавати) у руку нового господаря з налигачем.

Втім, курмик зазвичай не передають з руки у руку (бо так продавець може передати своє щастя): часто покупець його кидає, а продавець лове [17].

Оптимальним є такий варіант: господар виводить корову на своєму налигачі, знімає його, а покупець налигує корову своїм, спеціально принесеним [18].

Характерний приклад метеорологічної імітативної магії – спосіб боротьби з градовою хмарою за допомогою «чарівної палички». Взагалі цей метод ми фіксували у багатьох експедиціях по Україні та у Белгородській області Росії, однак на Гуцульщині є своя специфіка посилення чудодійних властивостей інструменту управління погодою.

Відомо: якщо почуєш незвичайні крики жаби – значить близько вуж, що її «загіпнотизував», і у пащу якого вона сама лізе; треба узяти гілочку і мерщій розігнати жертву й ката – тоді ця паличка буде «дуже помічною»: нею можна розганяти хмари, сміливо йти з нею до суду – й судді мирно розведуть вас у тим, хто тебе в чомусь звинувачує; з нею добре йти й на ринок торгувати – ви «благополучно» розійдетесь з покупцем. В експедиції по Верховинському району ми записали інформацію тільки про метеорологічне використання «чарівного патика»: «Є у Криворівні така баба, що град відвертає – махає бечков (освяченою у Вербну неділю гілкою верби – *М.К.*). Гапія жебу розгонила і гадину, і тим патиком град розгоня» [10].

Симптоматично, що на Гуцульщині, де церква має неабиякий вплив на життя мешканців (особливо літнього віку), суто язичницька магічна практика підкріплюється своєрідним церковним «благословенням»: «Вужа з жебою треба роз'єднати й тим патичком можна град розганяти. Але треба, щоб обидва залишилися живі, а той патик внести в церкву, підсунути туди, де ікону цілують (аналой – *М.К.*), і щоб 12 служб відправили, а тоді забрати, і вже буде відганяти. Як перехрестить тим патиком град, коли він з'явиться з-за гори, він верне назад» [5]. Втім, на Верховинщині не пішов із життя й інший старовинний спосіб боротьби з градом (відомий також по всій Україні). Наприклад, мешканка с. Краснопілля Василина Федорівна Савчук, 1918 ро-

ку народження, коли хоче відігнати градову хмару, викидає з хати на подвір'я кочергу та хлібну лопату («заміталку») – так, щоб вони лягли навхрест (див. фото 1). Вочевидь, здатність цих предметів (до того ж освячених приналежністю до Свята Святих хати – печі) згрібати, «замітати» й зробила їх популярними магічними знаряддями «вимітання граду»¹.

Використовують у цій функції також віник, який при наближенні грози викидають з порогу, «аби віник град замітав» [25].

Подібність дії та схожість за формою нерідко об'єднуються у свідомості носіїв традиційної культури. Вагітні гуцулки не переступають мотузку, або «ланц» (ланцюг), бо дитина буде перевита пуповиною [12, 13]. Щоб цього не трапилося з немовлям, не можна також лізти у дірку в плеті (огорожі) – втім, у цьому випадку, за іншим повір'ям, дитина народиться «три душна» – «живіт буде вздувати, сильно боліти і до року дитина буде плаксива» [13].

Схожість дії та «матерії» бачимо й у такому табу: вагітній не можна вилити воду з порога – «дитина буде зригувати молоко» [13]. Такі табування добре відомі й у інших регіонах країни.² Поєднання цих двох факторів – й у заборонах, пов'язаних із святом Головосіка: у цей день не можна різати усе, що нагадує голову (капустину, картоплину, цибулину...), а також висмикувати на вгорді головку часнику (бо вона так і називається – «головка») [13].

Імітативний принцип чітко простежується й у такій весільній прикметі: якщо у печі калач сідає після того, як піднявся, робиться значно меншим – подружжя буде жити бідно.

Подібність у двох хронотопах дії та форми (опозиція ціле пошкоджене) яскраво виражена у наступній прикметі і «як коровай вийде попуканий (тріснутий – *М.К.*) – лихо жити будуть» [17], тобто «трісне» родинне щастя, подружжя може розійтися або «розумертися» – хтось може овдовіти.

«Магічно» «програмується» життя молодих також такою прикметою: «на весіллі файна погода – файно будуть жити» [17].

Властивості об'єкту (предмету), за традиційним «магічним» світоглядом, легко можуть передатися суб'єкту. На Гуцульщині, як і скрізь по Україні, селяни переконані: «Мержину сухим не можна бити, бо всохне» [3]. Тобто не можна поганяти худобу сухою гілкою. З тих самих міркувань нікого «не можна бити віником – буде сохнути» [4].

Інша асоціація за формою: «Бити віником не можна, щоб не був худий, як віник» [12].

Припис не бити худобу сухим іноді звучить так: «Лупленим прутом не можна гнати маржину, не можна без кори, треба не лупити, аби у корі був» [21]. Тут «закодована» ще є «магія багатства»: згадаймо дівочі воро-

жіння по типу (вони мали місце й на Гуцульщині): якщо попадеться кілочок у корі – чоловік багатий буде.

Як і інші народи, українці здавна широко використовують залізо в якості апотропею: сенс магічних ритуалів у даному випадку – у тому, щоб той, кого захищають, став міцним, «як залізо». У селах Верховинського району, «як спарувалась корова з биком, через залізяку (кавалок заліза) або сокиру переходе» [23]. Роблять це, коли заводять тварину додому.

Задля здоров'я і благополуччя присутніх сокиру на Свят-вечір «під стіл підсовують», а перед цим на неї стають колінами й моляться – тоді вона вас не порубає «протягом року» [5].

Дитині на Верховинщині перший раз дають пити води з дзвіночка – одного з тих, з якими ходять колядники, – «аби дзвінкий голос був» [7]. Магічну дію дзвіночка підсилює й те, що це особливий дзвінок – атрибут сакралізованого ритуалу. У даному звичаї ініціальна магія поєднується з імітативною.

Таємничий, але досить міцний зв'язок є у людини традиційного суспільства з інструментами, якими вона користується. Анімізм та аніматизм простежуються у багатьох повір'ях гуцулів. Наприклад, сокиру «не добре закету лішети» (тобто встромлену у щось) – «мозолі будуть робитися, руки будуть терпнути: його (майстра – *М.К.*) ремесло не відпочиватиме» [6].

М.І. Дудедра розповідав, що у одного лісоруба була звичка встромляти під час відпочинку сокиру у смереку, яку мали рубати. Михайло Ілліч знав, що так не можна робити, що «має віддіхати ремесло», тобто лежати під час перерви (як і люди), однак «не міг йому сказати, бо він старший був». Цей лісоруб невдовзі «заслабів і на операції загинув», тобто у лікарні йому зробили невдалу операцію – «зарізали» медичними інструментами [9]. Інформант, як бачимо, пов'язує передчасну смерть колеги з аномативністю його поведінки і розглядає її як «помсту» ображеної сокири: не випадково він вжив слово «загинув», а не «вмер».

Потенційна здатність ножа різати може призвести до того, що вагітна, яка їсть з ножа, «відріже язик» майбутній дитині, тобто народить її німою [7].

Властивості таких стихій, як вода та вогонь здавна зробили їх улюбленими атрибутами *очисної магії*. Однак у деяких ритуалах апотропеїчна здатність води може відходити на другий план, а на перший виходити інша – наприклад, можливість води текти. У с. Красник, коли проводжають до армії, на дорозі розбивають повну пляшку горілки (де-не-де це робить сам «герой дня»), «щоб йому хорошо велося» (служилося) і примовляють: «Скоро вернешся!» Швидкість розлиття горілки викликає асоціацію з швидкістю

повернення солдата (тут має значення й локус дії – дорога, оскільки саме вона повинна привести хлопця додому).

Втім, у с. Яблуниця існувала трохи інша традиція: коли хлопець вже сів у машину, на неї кидали «флешу» (пляшку) з горілкою: «лихо буде, як розіб'ється»; якщо вціліла – віддавали бідній людині або п'яниці [16]. Це своєрідне ворожіння, основане на паралелізмі: вціліє пляшка – вціліє й солдат в армії.

Раніше ж (ще кілька десятиліть тому) був інший звичай: брали повне відро, ставили його за порогом і новобранець його переступав, приказуючи: «Аби мені так служба йшла легко, як йде вода!» Добу ця вода стояла у хаті – нею не користувалися [1]. Цікаво, що тут нема «наочної дії», однак потенційна здатність води текти усім відома й мається на увазі.

Плинність води враховується й у пересторозі при виборі місця для будівництва хати: не можна будувати хату там, де близько вода – й не тільки тому, що хата мокрітиме, а ще й тому, що тут «як би тяжко не працював господар, вода все забере, гроші уходитимуть, як в пісок» [18].

Трапляється на Верховинщині під час проводів до армії й звичай «переливати дорогу» призовників: «через дорогу перед ним сипали воду з відра» [5] – це, власне, очисна апотропеїчна магія. В.І. Савчук згадував, що коли він йшов до армії, дід-сусід набрав із криниці воду й перейшов йому дорогу з повним відром, побажавши, щоб він спокійно відслужив й назад повернувся. «І правда, я спокійно відбув армію», – каже Володимир Іванович [11].

Перший грім – подія, яку відзначають певними ритуальними діями носії традиційної народної культури у багатьох країнах світу. У гуцулів, як і у всіх українців, цей момент використовують для «магічного» укріплення здоров'я. М.П. Плитка розповідала про роки свого юнацтва: «Були ми у полі. Перший раз загриміло. Дивлюсь: одна жінка кладе камінь на голову, а друга – сапу залізним. – Клади і ти, дівчино, аби й у тебе голова міцна була!» [10].

У центральних та східних районах України у цьому випадку домінує прескрипція обіпертися о щось дерев'яне – хоча бо держак тієї ж сапи – щоб спина не боліла.

Правила етикету у гуцулів певним чином підпорядковуються ідеї збереження добробуту у хаті та базуються на магічній прогностиці. Виявляється, старші люди можуть образитися, якщо гість усе з'їсть зі своєї тарілки: «Обов'язково треба після вгощання щось лишати, аби достаток у хаті був. А то кажуть: «О, прийшов, усьо позмітав!» [2].

За іншою ж версією, якщо гість не залишив нічого на тарілці, «за ним голод буде кєгнується – а це нічого тим, хто прийма» [5].

Досить суворі проскрипції існують у традиційному суспільстві щодо регламентації поведінки різників. Зокрема, тим, хто вбивав гадюк, не можна різати свиней, бо м'ясо буде тверде, оскільки «змія сильно тверда» [12]. Якість м'яса змій, за народними повір'ями, якимсь дивним чином передається забитій тварині, що є своєрідною помстою різникові: він стає «профнепригідним».

Людські якості, за народними уявленнями, впливають магічним чином на, здавалося б, цілковито об'єктивні речі. Не тільки на Гуцульщині, а й скрізь в Україні люди, причетні до торгівлі, зізнавалися авторові цих рядків: якщо зранку першим покупцем виявиться скупа людина, та ще й буде довго торгуватися, вибирати, – у цей день торгівля не піде. Цікаве спостереження зробив один із мешканців с. Яблуниця: одного разу його підстригла скупа людина – 2 місяці волосся не росло, «а дружина підстриже – за 2–3 тижня відростає» [20].

Однією з типових магічних практик є прагнення передати свій стан у певний момент іншим особам. Наприклад, у Свят-вечір дівчина, яка мала ворогів, брала нитку й в'язала вузлики, до кожного приказуючи: «Це Іван..., це Василина..., це Марічка...» А потім сідала на цю нитку з вузликами й сиділа деякий час мовчки – «щоб вороги так мовчали, як вона сидить тихо» [8]. Звичай цей фіксувався у ХІХ ст. у центральних районах України (його наводить, зокрема, О. Воропай у книзі «Звичаї нашого народу»).

На принципі імітації стану заснований такий метод боротьби з «киртицею» (кротом): мерця поміряти по довжині ниткою (мотузкою), відрізати її і, волочачи за собою, обійти город – «не буде киртиці», тобто вона «омертвіє» [5].

«Мертвість» може передатися й під час похорону, живій людині: «Коли ховають, старі завжди кажуть: «Сокотіт (пильнуйте – *М.К.*) дітей, аби, коли піднімуть труну на плечі, не пролізти під нею – не будуть рости!» [5].

Відома на Гуцульщині, як і по всій Україні, заборона вагітній йти у куми, пояснюється інформантами також за магічно-сімільним принципом: «тій дитині дуже важко буде, бо вагітна кежка» (тяжка) [13], тобто стан вагітної «передається» хрещениці або хрещенику, однак не у фізичному, а знову ж таки метафізичному плані – у цієї людини буде важке життя. На аналогічній підставі базується пересторога: «підстригатися не можна вагітній – у дитини короткий розум буде» [13].

Народна прогностика теж дуже часто будується на імітативному принципі, пов'язаному з певними відчуттями. Музиканти, наприклад, кажуть: «Якщо легко гралось на весіллі – значить файно будуть жити, а буває таке весілля, що перемучишся...» [10]. Будівельники вважають: «якщо легко виходить робота – люди ширі, доброзичливі, відкриті, а як важко – господарі тугі, скупі» [2].

Фонетичній подібності слів народна культура надає великого значення. На Гуцульщині збереглося почитання святого Уласія (Власія), якого дуже шанували й у минулі століття як в Україні, так і в Росії (російські селяни називали його «Скотьим богом»), тому що він опікувався худобою. речі, наступником *Велеса Власій* став саме завдяки співзвуччю його імені з іменем язичницького бога.

Ім'я Уласія у свою чергу, співзвучно з назвою тваринки, яка мешкає у багатьох сільських областях і може завдати шкоду худобі, – *ласиця*. Тому деякі завбачливі мешканці Верховинщини у цей день шанують ласицю таким чином: треба дати троє яєць за її здоров'я людині, яка могла б виказати «Отче наш» і помолитися за здоров'я цієї тварини, оскільки вважається, що здорова ласиця не чіпає нікого (корову, коня), а як заслабне, може вкусити худобину й та може навіть померти [10].

Усталені символічні значення певних істот та явищ, згідно з народними уявленнями, магічно впливають на перебіг подій у житті людини, особливо коли відбувається актуалізація цих значень у сакральні моменти. Наприклад, коли «зав'езують» хату (закладають підвалини) і старший майстер зарубує монету «на щастя» – усі прислуховуються: якщо собака гавкне – «не буде щастя у хаті» [14]; «добре, коли чути корови, вівці – це на статок, добре – гомін людей, значить буде людно, весело в хаті [2].

У деяких селах вважається найкращим, коли немає ніякого звуку у момент «зав'езку» [14]: це віщує тишу, мир, спокій у майбутній хаті.

Л.В. Буцянюк розповідала: «Зарубували, а батько у цей час йшов двором і заговорив – і помер того ж року» [19].

Момент зарубування є не тільки сакральним і вкрай відповідальним завдяки своїй «доленосності», а й небезпечним для господарів.

«Хто перший (після першого удару сокири – *М.К.*) обізветься – першим вмере. Як півень – він здохне» [9].

Числова символіка відіграє величезну роль у народній культурі. Традиційна свідомість передбачає магічний вплив на перебіг подій завдяки тотожності цифрових кодів порівнюваних життєвих ситуацій. На Гуцульщині, як у багатьох інших місцевостях України, вважається, що у хаті повинен бути лише один віник, «бо один господар повинен бути дома»; якщо буде два віника – раз да помре, а його жінка вийде заміж вдруге, тобто з'явиться другий хазяїн [15].

Не можна за обідом хлопцю їсти по черзі два кусенця хліба – «дві жінки буде мати» [17].

Як бачимо, традиційна народна культура верховинців надзвичайно багата на архаїчні повір'я та звичаї, значна частина яких базується на «магічному» мисленні, де імітативний фактор відіграє одну з провідних ролей.

Список літератури: *Польові матеріали автора, зібрані у Верховинському р-ні Івано-Франківської обл.:* 1. Записано 21.07.12 у с. Красник від Євдокії Миколаївни Витошук, 1931 р. нар., без освіти. 2. Записано 25.07.12 у с. Довгополе від Марії Михайлівни Маргаль, 1960 р. нар., освіта вища; нар. у с. Старі Кути Косівського р-ну Івано-Франківської обл., живе у с. Устеріки, працює у с. Довгополе. 3. Записано 25.07.12 у с. Довгополе від Євдокії Миколаївни Рубаняк, 1932 р. нар., 2 кл. освіти, нар. у с. Рожнів Косівського р-ну Івано-Франківської обл., з 1956 р. живе у с. Довгополе. 4. Записано 25.07.12 у с. Довгополе від Марії Михайлівни Томащук, 1956 р. нар., осв. вища. 5. Записано 28.07.12 у с. Бережниця від Марії Іванівни Павлюк, 1936 р. нар. 6. Записано 27.07.12 у с. Білоберізка від Олени Павлівни Керащук, 1934 р. нар. 7. Записано 29.07.12 у с. Криворівня від Ганни Дмитрівни Харук, 1942 р. нар. 8. Записано 29.07.12 у с. Криворівня від Аксенії Андріївни Харук, 1958 р. нар.; нар. у с. Селятин Путильського р-ну Чернівецької обл., з 1980 р. живе у с. Криворівня. 9. Записано 27.07.12 у с. Білоберізка від Михайла Ілліча Дудедри, 1922 р. нар. 10. Записано 26.07.12 у с. Криворівня від Марії Петрівни Плитки, 1926 р. нар. 11. Записано 22.07.12 у с. Криворівня від Володимира Івановича Савчука, 1971 р. нар. 12. Записано 23.07.12 у с. Голови від Марії Василівни Фергіль, 1972 р. нар., освіта 10 кл. 13. Записано 23.07.12 у с. Голови від Олени Петрівни Фірсової, 1958 р. нар., освіта 10 кл. 14. Записано 23.07.12 у с. Голови від Василя Михайловича Місюка, 1937 р. нар., освіта 7 кл. 15. Записано 23.07.12 у с. Голови від Марії Юріївни Маглич, 1951 р. нар., освіта вища. 16. Записано 24.07.12 у с. Яблуниця від Дмитра Григоровича Михальчука, 1922 р. нар., без освіти. 17. Записано 24.07.12 у с. Яблуниця від Катерини Гнатівни Дроняк, 1931 р. нар., без освіти. 18. Записано 23.07.12 у с. Голови від Марії Іванівни Максим'юк, 1949 р. нар., освіта середня. 19. Записано 24.07.12 у с. Яблуниця від Любові Василівни Буцянок, 1980 р. нар. 20. Записано 24.07.12 у с. Яблуниця від Василя Івановича Дроняка, 1959 р. нар. 21. Записано 21.07.12 у с. Красник від Олекси Гнатовича Бобрюка, 1926 р. нар., 2 кл. освіти. 22. Записано 22.07.12 у с. Краснопілля від Василини Федорівни Савчук, 1918 р. нар. 23. Записано 25.07.12 у с. Довгополе від Михайла Миколайовича Петріянчука, 1940 р. нар. 24. Записано 23.07.12 від мешканця м. Коломна Віталії Петрівни Волошинюк, 1989 р. нар. *Примітки:* 1. Докладніше див.: Красиков М.М. Українські народні звичаї, пов'язані з купівлею корови: сучасна магічна практика / М.М. Красиков // Народна творчість та етнологія. – 2010. – № 6. – С. 62–67; Красиков М. Жіночі таємні знання: Купівля корови та догляд за нею / М. Красиков // народна культура українців: життєвий цикл людини: історико-етнологічне дослідження: у 5 т. за

наук. ред.. М. Гримич. Т. 3: Зрілість. Жіноцтво. Жіноча субкультура. – К., 2012. – С. 273–292. 2. Див., напр.: Иванов П. Этнографические материалы, собранные в Купянском у. Харьковской губ. / Підготовка тексту, публікація, коментарії М. Красикова // Народна творчість та етнологія. – 2010. – № 6. – С. 62–67; Красиков М. Жіночі таємні знання: Купівля корови та догляд за нею / М. Красиков // народна культура українців: життєвий цикл людини: історико-етнологічне дослідження: у 5 т. за наук. ред.. М. Гримич. Т. 3: Зрілість. Жіноцтво. Жіноча субкультура. – К., 2012. – С. 397–398. 3. Докладніше про цей звичай див.: Красиков М.М. Культурний сенс навчального етнографічного музею / М. Красиков // Інформаційна та культурологічна освіта на зламі тисячоліть: матеріали між нар. конф. до 70-річчя ХДАК. – Х., 1999. – Ч. 1. – С. 94–98. 4. Див.: Воропай О. Звичаї нашого народу: етнографічний нарис / О. Воропай. – К., 1993. – С. 46.

*Оксана Коваленко
г. Харьков, Украина*

ГАРРИ ПОТТЕР КАК ВЫРАЗИТЕЛЬ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ

Проблема общечеловеческого в гуманитаристике является весьма актуальной. Проблема интернационального – это проблема общечеловеческого в культуре. Интернациональное – это те ценности, которые объединяют народы. Сегодня интенсивно идут процессы интернационализации в экономике, социальной сфере, политике и культуре. Этот процесс, при всей своей противоречивости, отражает тенденцию к единению, взаимосвязям, сотрудничеству и взаимопомощи различных стран и народов. Интернационализация культуры означает обогащение культур на почве взаимодействия и сотрудничества, всемерного развития каждой национальной культуры.

Быть гражданином мира для современного писателя сегодня легко и приятно. Многие писатели (и их читатели) живут на два дома, на две страны, на два континента. «Национальная принадлежность стоящего писателя – дело второстепенное. Искусство писателя – вот его подлинный паспорт» [Набоков В.В.]. Литература является общенародным средством общения и отражает не мировоззрение какой-либо социальной группы, а общие черты восприятия мира всем говорящим коллективом, т.е. нацией. Таким образом, литература народов отражает их национальную культуру, национальный взгляд на мир [2].

Культура и общественное сознание очень тесно взаимосвязаны. Более того, они вообще нераздельны, когда речь идет о духовной культуре и сознании определенных общностей людей. Это объясняется тем, что духовная культура включает совокупность всех знаний. Знания, имеющие идеологический характер, составляют формы общественного сознания.

Прежде чем приступить к рассмотрению заявленной проблемы, необходимо уточнить суть основных понятий выбранной темы – «интернационализм» и «сознание» – и определить для себя связь этих понятий.

Интернационализм (от лат. *inter* – «между» и *patio* – «народ») – идеология, проповедующая дружбу и сотрудничество между нациями.

«Интернационализм – идейно-политический принцип, провозглашающий, в противоположность национализму, равенство, солидарность и сотрудничество всех народов» [4, с. 217]. Это «международная солидарность людей различных наций и рас, основа их взаимопонимания, взаимного доверия, взаимопроникновения культур, ценностей, знаний и технологий» [3, с. 204].

Из данных определений следует, что интернационализм – понятие социально-политическое. Но каждому из нас ясно, что именно интернационализм должен стать основой взаимоотношений людей разных национальностей, поскольку он предполагает взаимопонимание между конкретными людьми, укрепление связей между народами и «взаимопроникновение культур» [3, с. 204], духовно-нравственных ценностей, созданных на протяжении всего исторического развития любого народа. Словарь синонимов дает следующие синонимы к слову «интернационализм» – это «взаимопонимание», «доверие» [5, с. 79].

«Сознание, одно из основных понятий философии, социологии и психологии, обозначающее человеческую способность идеального воспроизведения действительности в мышлении. Сознание – высшая форма психического отражения, свойственная общественно развитому человеку и связанная с речью, идеальная сторона целенаправленной деятельности. Выступает в двух формах: индивидуальной (личной) и общественной» [6]. Калашников В.Л. в своей работе «Русское национальное сознание и самосознание» [1] обосновал положение о том, что духовная жизнь подвержена интеграционным и интернациональным процессам. Он выделил ряд форм национальных отношений. Базируясь на применении ряда объективных характеристик, таких как экономический строй общества, форма собственности, исторические формы общности людей, внешние отношения, язык, тип сознания, В.Л. Калашников сгруппировал категории по общественно-экономическим формациям, соединив историко-генетический, историко-эволюционный аспект рассмотрения с гносеологическим и социальными аспектами. Им была предложена основа для системы категорий национального и интернационального сознания. Он считает, что исходная категория – патриотизм, центральная – национальное сознание, промежуточная – интернациональное сознание и завершающая категория – общечеловеческое сознание. В гносеологическом плане национальное и интернациональное сознание, будучи специфическими формами общественного сознания, существуют как синтез мировоззренческих, философских, социальных, экономических, политических, исторических, моральных и эстетических взглядов. В онтологическом аспекте формы сознания являются частью духовной культуры или стороной духовной жизни общества [1]. В этом вопросе необходимо учитывать то, что интернационалистское сознание развивается и как индивидуальное сознание /индивида, личности/ и как общественное /социальных, национальных общностей людей, трудящихся всего социалистического общества/.

Таким образом, можно сделать вывод, что, интернациональное сознание это формирование чувства единства, дружбы, равенства и братства, объединяющих народы; культуры межнационального общения; нетерпимости к проявлениям национальной ограниченности и шовинизма. Ведущее место в процессе становления интернационального сознания занимает содержание образования, а именно, изучение истории, культуры, правовых основ и др. Одним из наиболее действенных способов формирования интернационального сознания как в истории человечества, так и в современном обществе была и остается литература.

Стремление актуализировать универсальные ценности в мультикультурном мире есть попытка обозначить доминанты, характерные для типологически схожих культур, определить схожие векторы развития, подчеркнуть особую важность наличия базовых ценностей: добра/зла, жизни/смерти, мира/войны и т.п. в каждой культуре вне зависимости от ее территориального и географического положения, истории и прошлого, масштаба и актуальности.

Актуальность данной работы определяется тем, что авторское сознание, изучаемое в рамках творчества Дж. Роулинг, представляет собой сложную, многоуровневую единицу, на стыке таких дисциплин как: философия, культурология и литературоведения, осмысление которой в современном литературоведении нуждается в уточнении ее границ и определении основных смыслопорождающих механизмов, выявляемых в художественном целом.

Джоан Роулинг создала целостный мир, внутри которого мы находим ответы на вопросы, которые актуальны во всех культурах и волнуют всех нас: как относиться друг к другу, как принимать предлагаемые изменения, как принимать смерть и тяжелую утрату, что делает человека плохим или хорошим. Автор всегда умело обращает внимание читателя к общему и вечному – к противостоянию Добра и Зла и судьбе человека. Серия Дж. Роулинг достойно учит нынешних подростков и взрослых многим понятиям общечеловеческими понятиям. Благодаря чувству долга, необычайному мужеству и поддержке верных друзей Гарри удаётся преодолеть все препятствия, возглавить сопротивление Пожирателям смерти, одолеть, проявив готовность пожертвовать своей жизнью, Тёмного Лорда и восстановить нарушенный порядок жизни.

Этот тезис подтверждает и структура названий произведений, которая несёт в себе философско-концептуальное содержание, свидетельствующее о преимущественном внимании к человеческой личности, а не к событийной стороне повествования. В этом плане показательно, что уже в самих заглавиях отчётливо выражена ценностно-эстетическая установка,

определяющая характеры и специфику сюжетов всех романов, которые можно отнести к архетипической модели, где действие неизменно движется от завязки к развязке через различного рода конфликты, разрешаемые героем на протяжении определённого периода своей жизни.

Это мир, одним из многочисленных аспектов которого, как и в реальном мире, является борьба идеологий. Гарри Поттер и его друзья выступают на стороне идеологии интернационализма, отстаивая права самых различных групп на сохранение своего культурного своеобразия и достойного места в обществе. Так, Гарри Поттер однозначно считает, что «маглы», «полукровки», «великаны» ни сколько не хуже волшебников – они просто другие, и их социальное положение в обществе не должно ущемляться. Этой позиции придерживаются и другие положительные герои произведения. Можно вспомнить, например, слова Гарри в поддержку прав Римуса Люпина, создание Гермионой Грейнджер общества защиты прав домовых эльфов, а также проталкивание отцом Рона Уизли в Министерстве магии документов в поддержку «маглов».

В то же время, противостоящий Гарри Волан-де-Морт пытается насадить унифицирующую идеологию тоталитарного типа, которая требует разделить населяющих мир Роулинг существ по ранжиру, принципом которого является чистота крови. Безусловно, книги Роулинг – отражение своего времени.

Многие учёные отмечают множество других остроактуальных и интернациональных тем в книгах, порой более завуалированных, как, например, наличие политических подтекстов. Проблемы справедливости, угнетения, выживания и борьбы в неравных условиях можно рассматривать как доминантные для всей серии [9]. Сказка во многом стала былью, созданное фантазией Роулинг «Министерство магии» есть в каждой стране, вот только называется оно иначе (департамент... администрация... и т.п.). Сегодняшние технологии власти – это и есть реальное «волшебство», которое оказывается возможным тогда и только тогда, когда многие миллионы взрослых людей ведут себя, как дети – верят в чудо и послушно и зависимо ожидают от власти «даров».

В своих произведениях Дж. Роулинг заостряет внимание и на социальных проблемах, которые чрезвычайно актуализировались в современном мире и свойственны всем народам. Указывая на сложность их разрешения, писательница, тем не менее, исповедует оптимистическое видение будущего. В борьбе за справедливость ее герои проявляют свои лучшие качества, а присущие им слабости, их страхи, их слабости, их физические и душев-

ные боли и переживания, выступают как средства выражения действительности современного мира, автор, таким образом, стремится объективно воспроизвести реальность. Гарри Поттер как протагонист не всегда выступает как безупречный положительный универсальный герой, что делает его полно уровневым художественным образом [9]. На наш взгляд, причинами трансформации образа героя также могут быть и культурно-цивилизационные изменения, и гендерное перераспределение ролей, и внедрение технических инноваций. Таким образом, определены некоторые формы трансформации и восприятия интернационального сказочного героя в интернациональном сознании общества.

Таким образом, мощное воображение писательницы с помощью многочисленных художественных деталей и образов создает достоверную и рельефную картину волшебного мира, который обладает способностью формировать мировоззрение читателя, образуя в сознании читателя новое, расширенное представление о взаимосвязях, сотрудничестве и взаимопомощи различных стран и народов независимо от их национальности и вероисповедания.

Список литературы: 1. Калашников В.Л. Русское национальное сознание и самосознание / В.Л. Калашников // Русская нация и обновление. – 1990. – С. 14–19. 2. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О.А. Корнилов. – М.: КДУ, 2002. – 350 с. 3. Новая иллюстрированная энциклопедия [редактор А. Горкин]. – М.: Мир книги, 2006. – 5200 стр. (Научное изд-во «Большая российская энциклопедия»). 4. Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М.: Русский язык, 1987. – 2170 стр. 5. Словарь синонимов и антонимов русского языка [сост. Л.П. Алекторова и др.]. – М.: Славянский дом, 2002. – 762 стр. 6. Современная энциклопедия [электронный ресурс Академик: dic.academic.ru] Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc1p/44402>. 7. Rowling J.K. Harry Potter and the Deathly Hallows / J.K. Rowling. – London: Bloomsbury Publishing Plc, 2007. – 607 p. 8. Rowling J.K. Harry Potter and the Chamber of Secrets / J.K. Rowling. – London: Bloomsbury Publishing Plc., 1998. – 254 p. 9. Shafer Elizabeth D. Exploring Harry Potter / Elizabeth D. Shafer. – London, 2002. – 482 p.

*Светлана Кумпан
г. Харьков, Украина*

ГЕНДЕРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ГЛАЗАМИ АНГЛИЙСКОГО САТИРИКА ИВЛИНА ВО

Гендерные исследования являются важным направлением научного интереса XXI века. На сегодняшний день нельзя выделить единственную науку, которая бы занималась изучением этого вопроса. Термины «гендерное равенство», «гендерный мейнстриминг», «гендерные отношения», «гендерные стереотипы» всё больше проникают во все сферы жизни человечества. Научный интерес к исследованию гендера проявляет и философия, и культурология, и социология, и экономика, и политология, и лингвистика, получившая название «гендерной лингвистики»; и, конечно же, литературоведение. Анализ литературного произведения с точки зрения гендерных отношений, даёт возможность проследить формирование и развитие гендерных стереотипов и их отношений в социуме, так как именно литература является зеркалом своей эпохи, пропуская через восприятие автора окружающую действительность. С другой стороны, художественная литература формирует собственные образы, что в свою очередь влияет на формирование гендерных стереотипов в обществе. «Анализ текстов, обращенных к коллективному адресату, и текстов различных ситуаций общения позволяет выяснить, какие гендерные стереотипы встречаются наиболее часто на данном историческом отрезке и как меняется их динамика в диахронии». [2, с. 144]. Таким образом, мы считаем, что исследование литературного произведения с точки зрения гендерных отношений может помочь лучше понять гендерные отношения и проследить их развитие в обществе, что вносит определённый вклад в разработку гендерного вопроса в целом. Это и обуславливает актуальность исследования и определяет задачи статьи – проанализировать гендерные стереотипы, представленные в произведениях малой формы выдающегося английского писателя-сатирика Ивлина Во (1903–1966). Выбор писателя обусловлен тем, что его творчество развивалось в начале прошлого века, когда и произошли значительные изменения гендерной парадигмы общества, что позволяет проследить состояние вопроса в Англии 1930-х.

Для проведения исследования уточним термины гендер – «социальные, культурные, психологические аспекты «женского» в сравнении с «мужским», то есть выделение всего, что формирует черты, нормы, стереотипы, роли, ти-

пичные и желаемые для тех, кого общество определяет как мужчин и женщин» [3, с. 16]; и гендерные стереотипы – «социально конструируемые категории «маскулинность» и «фемининность», которые подтверждаются различным в зависимости от пола поведением, различным распределением мужчин и женщин внутри социальных ролей и статусов». [1, с. 108].

Писатели Англии проявляли интерес не только к разработке традиционных мужских образов, но и женская тема всегда находила своё отражение в их произведениях [4]. Особенное развитие женские образы получили в викторианском романе у Ч. Диккенса, У.М. Теккерея, Т. Гарди, и Джейн Остен, сестёр Шарлотты и Эмили Бронте, Джорджа Элиота, Э. Гаскелла. С уходом викторианской эпохи, крушением патриархальных идиллий и взглядов проблема роли и места женщины в обществе стала ещё более острой [5]. Геополитические изменения в мире привели к необходимости изменения гендерной парадигмы – процесс, который начал набирать обороты с начала XX века. Женщина, получив больше свобод и возможностей, начинает переосмысливать приоритеты, выдвигая проблемы женской эмансипации на передний край, зарождается феминизм. В начале XX века произошло крушение старых и зарождение новых поведенческих стереотипов, касающихся женщины. Большую роль в создании новых стереотипов и понимании места женщины в обществе сыграла художественная литература.

Тема отношений мужчин и женщин, брака и супружеской измены была очень близка Ивлину Во с самого начала его творческой карьеры. В своём творчестве Ивлин Во не раз обращался к комическому переосмыслению гендерных отношений своего времени. В рамках данной статьи рассмотрим один из рассказов 1930-х годов «Любовь в период экономического спада» («Love in the slumps», 1932). Рабочее название рассказа «Любовь в период экономического спада» – «Патриотический медовый месяц», словосочетание-оксюморон, что уже настраивает читателя на ироничный лад. «Газета написала: «В соответствии с новой модой проводить отпуск в Британии, невеста и жених проводят патриотический медовый месяц на западе Англии» – и этим всё было сказано».

Главные герои рассказа – Том Уотч и Анжела Тренч-Траубридж, типичные представители холостяцкой Англии. Том, получив обычное образование, попал в офис надёжной фирмы, где с тех пор и работал. Зарабатывал восемьсот фунтов в год, «снял неряшливую, но дорогостоящую квартиру на двоих с парнем, который был богаче его, и немного выходил в свет, ведь холостой молодой человек никогда не обесценивается в Лондоне». [6, с. 64].

Представляя Анжелу, Ивлин Во рисует ироничный портрет типичной англичанки нового поколения: «Анжеле было двадцать пять, она была хорошенькая, доброжелательная, подвижная, умная и популярная – именно такая девушка, которая по каким-то мистическим причинам, корни которых уходят глубоко в англо-саксонскую психологию, с трудом удачно выходит замуж»; «она успела сделать всё, что типично для девушек её типа – ходила танцевать по вечерам четыре дня в неделю, ... занималась благотворительностью в трущобах, работала в шляпном магазине, написала роман, одиннадцать раз была подружкой невесты и один раз крестила ребёнка, дважды влюблялась, продавала своё фото, засветилась в колонке жёлтой прессы со всеми вытекающими неприятностями, играла в утренних благотворительных спектаклях, дважды работала в предвыборной кампании кандидата-консерватора, ... и как любая девушка на Британских островах была несчастной дома», так как весь выбор её жизни заключался между «печальной жизнью с родителями или печальной жизнью с мужем» [6, с. 63].

В рассказе представлено еще одно новшество XX века – смена полоролевых стереотипов – предложение руки и сердца, которое должно было поступить от молодого человека, делает Анжела, в совершенно неромантической обстановке: «Они вышли из особенно переполненного и скучного танцевального холла, и ели копчёную рыбу в ночном клубе. Они были в том задумчивом и немного нежном настроении, которое всегда между ними возникало, когда Анжела вдруг тихо сказала: «Ты всегда ко мне относился гораздо лучше, чем кто-либо другой, Том; интересно, почему?» и прежде чем он успел поменять тему разговора, сделала ему предложение» [6, с. 65]. И прежде чем Том осознал, радуется ли это или нет, о помолвке было уже объявлено. Они оба принесли в жертву часть своей холостой жизни: Тому пришлось отказаться от охоты, на которую он время от времени выбирался, а Анжела осталась без своей прислуги.

Типичная, английская свадьба – сильный дождь и меланхолично прибывающие гости, за которой последовала типичная вечеринка; и уже в 16.30 молодожёны сели на поезд, который должен был унести их в нетипичное свадебное путешествие на запад Англии. Обмен самыми яркими впечатлениями свадьбы свёлся к фразам: «Хорошо, что никто из нас не опоздал» и «Мама так суежилась...» [6, с. 66].

С началом свадебного путешествия Ивлин Во описывает своих героев посредством ситуаций, в которые они попадают. Так, Том отстаёт от поезда – какой же мужчина откажется от компании старого друга, даже если он совершенно не помнит, как того зовут. Это им совсем не мешает пропустить по

паре стаканчиков виски а, опоздав на поезд, отправиться к своему другу домой и продолжить ужин за бургунди, портвейном и бренди. Дав телеграмму Анжеле, Том быстро успокоился: «Неловкое начало медового месяца – но, в конце концов они же с Анжелой знают друг друга так хорошо ... Ведь это же не то, что какая-то случайная любовь» [6, с. 68]. Из-за неожиданных испытаний, обрушившихся на голову Тома, он лишь временами вспоминает о том, что женат. «Конечно, они же с Анжелой знают друг друга так хорошо...» [6, с. 69].

В последующие дни медового месяца Анжела и Том регулярно обменивались телеграммами. Том всё ещё пытался догнать Анжелу, но она, получив сообщение о его болезни, отправляется к его другу, откуда Том, естественно, уже давно уехал. И опять продолжается обмен телеграммами. Попав в поместье к другу Тома, Анжела, в конце концов, прекрасно проводит с ним остаток медового месяца. Том, ужасно больной, остаётся в замке тётушки, что сильно его не беспокоит. «Конечно, они же с Анжелой знают друг друга так хорошо ...» [6, с. 69].

В финале рассказа молодожёны наконец-то встречаются. Ивлин Во проводит параллель между семейными парами нового века – Том и Анжела, и века уходящего – её родители. Все отметили, что медовый месяц пошёл Анжеле на пользу. Кроме этого, из разговора родителей Анжелы, мы узнаём, что у них появился коттедж в Девоне, рядом с домом друга Тома, куда Анжела теперь планирует регулярно наведываться, когда ей захочется перемен. Ничего не меняется, и семейное счастье так же призрачно в новую эпоху, как и поколение назад.

Ивлин Во, используя лексические повторы, преувеличения, сравнения, комически показал гендерные отношения и гендерные стереотипы Англии 1930-х сквозь призму комического. Дальнейшая разработка творчества Ивлины Во с точки зрения изучения гендерного вопроса является целесообразной, и будет способствовать лучшему пониманию сути гендерной стереотипизации в Англии в первой половине XX века.

Список литературы: 1. Введение в гендерные исследования: Учеб. пособие / Костикова И.В. и др.; под общей ред. И.В. Костиковой. – М.: Аскет Пресс, 2005. – 255 с. 2. Кириллина А.В. Гендер и язык / А.В. Кириллина. – М., 2005. – 624 с. 3. Словарь гендерных терминов / под ред. А.А. Денисовой / Региональная общественная организация «Восток-Запад: Женские Инновационные Проекты». – М.: Информация XXI век, 2002. – 256 с. 4. Eagleton T. The English Novel. An Introduction / T. Eagleton. Oxford: – Blackwell Publishing, 2004. – 376 p. 5. The English World: History, Character and People / ed. by R. Blake. London: – Thames

and Hudson, 1982. – 268 p. 6. Waugh, E. The Complete Stories of Evelyn Waugh / Evelyn Waugh // ed. by Antony Lane. – Backway Books, 2000. – С. 62–72.

*Анжела Курганська, Ганна Гаряєва
м. Харків, Україна*

ТЕКСТ ЯК ОСНОВНЕ ЛІНГВІСТИЧНЕ ПОНЯТТЯ В РОЗВИТКУ КОМУНІКАТИВНИХ КОМПЕТЕНЦІЙ ШКОЛЯРІВ

Курс української мови – важлива складова загального змісту початкової освіти, оскільки мова є не тільки окремим навчальним предметом, а й основним засобом опанування всіх інших шкільних дисциплін.

Основна мета цього курсу полягає у формуванні ключової комунікативної компетентності молодшого школяра, яка виявляється у здатності успішно користуватися мовою (всіма видами мовленнєвої діяльності) у процесі спілкування, пізнання навколишнього світу, вирішення життєво важливих завдань.

Своє втілення ця мета набуває у мовленнєвій змістовій лінії, яка є основною, передбачає розвиток усного і писемного мовлення учнів, їхнє вміння користуватися мовою. З цією метою вчитель розвиває, удосконалює усні види мовленнєвої діяльності (слухання-розуміння, говоріння), а також формує, вдосконалює види мовленнєвої діяльності, пов'язані з писемним мовленням (читання вголос і мовчки, письмові види робіт).

Програма початкової школи передбачає набуття учнями елементарних знань про мовлення: усне і писемне, діалогічне і монологічне; про особливості висловлювань, зумовлені їх комунікативними завданнями, ситуацією спілкування.

В основі розвитку різних навичок мовленнєвої діяльності лежить вміння слухати і розуміти усне мовлення. Школярів необхідно вчити стежити за розвитком думки, адекватно сприймати емоційно-оцінну інформацію; помічати в тексті слова, найважливіші для розуміння висловлювання; усвідомлювати значення загального тону, тембру, темпу, сили голосу.

Формування та розвиток навичок мовленнєвої діяльності передбачає роботу над побудовою діалогічних і монологічних висловлювань – усних і письмових. Мається на увазі переказ готових текстів і побудова своїх висловлювань на добре знайомі учням теми: на основі прочитаних чи прослуханих творів, розповідей родичів, знайомих про ті чи інші події, про випадки із повсякденного життя школярів тощо.

Підвищити ефективність навчання монологічного мовлення молодших школярів можна шляхом поглиблення знань про текст. Цей шлях надасть змогу школярам формувати і розвивати свої мовленнєві вміння більш свідомо з опорою на систему орієнтирів, а не методом «проб та помилок». Система орієнтирів – це чітко окреслене коло умінь і знань, а саме:

- знання ознак тексту (інформаційність, смислова цілісність, зв'язність, завершеність, наявність схеми побудови і заголовка);
- вміння визначати і розуміти тему тексту, розвивати її в своїх висловлюваннях, розуміти основну думку «чужого» мовлення і розвивати її в своєму;
- вміння розташовувати речення в потрібній (за логікою думки) послідовності, зв'язувати речення між собою.

Практика показала, що молодші школярі розуміються на ознаках тексту, вміють визначати тему тексту, розуміти основну думку «чужого» мовлення і розвивати її в своєму. Проте, досить часто власні учнівські твори мають наступні недоліки:

- а) предмет мовлення в заголовку не співпадає з предметом, який висвітлено в тексті;
- б) відсутня основна думка, той елемент, котрий об'єднує всі речення в єдине ціле (учнівський твір не текст, а набір речень);
- в) є предмет повідомлення, є основна думка, але ця думка не розкрита.

Щоб усунути зазначені недоліки, на уроках української мови доцільно систематично виконувати такі вправи: визначати тему і основну думку творів, виділяти в темі творів мікротеми, визначати широкі і вузькі теми, проводити вправи на редагування, звертати увагу на інформативність і завершеність текстів. Але найефективнішими є вправи на контроль і оцінку тексту щодо кожної його конкретної ознаки. Цю роботу найкраще проводити, аналізуючи власні учнівські твори. В цьому випадку в учнів мають бути критерії аналізу тексту, а саме – картки-схеми з ознаками тексту, картки-схеми побудови різних типів тексту.

Практика свідчить, що молодшим школярам найскладніше усунути недоліки щодо ознак зв'язності і смислової цілісності. Головним тут стає порядок речень, який висвітлює логіку розвитку думки, і порядок слів у реченні, який підпорядковується комунікативній меті висловлювання. Порядок речень у тексті і порядок слів у реченні пов'язується з лінгвістичним поняттям – актуальним членуванням речення, а саме – поділом речення на дві смислові частини: те, що далі, і те, що ми хочемо повідомити, заради чого будемо речення. Схематично це має наступний вигляд:

Із схеми видно, що те, що було новим, стає даним у наступному реченні. Завдяки цьому розвивається думка і порядок слів у реченні стає виразником його актуального членування.

У програмі початкової школи розглядається тема «Речення. Структурні частини речення», але не передбачено тему «Актуальне членування речення». А саме актуальне членування речення є ключем до формування вміння будувати текст. Тому роботу над актуальним членуванням речення бажано запланувати в системі уроків української мови і розпочати одночасно з введенням поняття «текст».

Будуючи зв'язне висловлювання (усне чи письмове), мовець спирається на наявний у нього запас слів і граматичних моделей. Процес творення тексту включає такі необхідні 4 етапи:

1. Орієнтування в умовах спілкування.
2. Планування ходу думки.
3. Добір найбільш необхідних мовних засобів для їх вираження.
4. Забезпечення зворотнього зв'язку.

Всі ці етапи монологічного мовлення постійно змінюють один одного, перебувають у постійній взаємодії.

Виділяють 4 групи узагальнених умінь зв'язного мовлення, яким треба навчити школярів, щоб вони могли викладати свої думки і почуття повно, чітко:

- інформаційно- змістові;
- структурно-композиційні;
- граматико-стилістичні;
- редагування.

Ці способи мовленнєвої діяльності співвідносяться з основними етапами творення тексту (орієнтовний план, реалізація, контроль).

Група інформаційно-змістових умінь забезпечує оволодіння змістом повідомлення. Вона включає вміння орієнтуватися в умовах спілкування та добирати необхідний матеріал.

Будь-яке висловлювання розпочинається з орієнтації у ситуації спілкування, аналізуються умови, мотиви мовлення: з'ясовується для чого створюється дане висловлювання (з метою спілкування, повідомлення чи впливом на співбесідника), для кого воно призначене. Якщо ж аналіз умов здійснено правильно, будувати саме висловлювання уже неважко.

Розпочинаючи роботу над побудовою тексту, будь-який мовець повинен чітко уявляти, про що він хоче розповісти, для чого, як, яким способом буде викладати свої думки.

Завдання усвідомити тему і її межі, підпорядкувати свій виклад основній думці вимагає оволодіння вміннями добирати матеріали для висловлювання, фіксувати його, користуватися ним у творчій праці.

У дітей ще недостатньо сформовані вміння порівнювати схожі явища, робити висновки, узагальнювати. Тому під час підготовки до складання монологічного висловлювання їм важко підібрати з того, що вони бачать, найістотніше, те, що стосується теми, відкинути другорядне, що не відповідає задуму. Потрібно прищепити дітям навички самостійної роботи над книгою, картиною, навчити способам фіксації своїх спостережень, вражень, роздумів.

Збір матеріалу для висловлювання безпосередньо зв'язаний із систематизацією.

Потрібно навчити дітей:

- аналізувати зібраний матеріал, відбирати в ньому те, що необхідно для розкриття задуму;
- групувати зібраний матеріал, пов'язуючи між собою факти, думки в окремі частини висловлювання (мікротеми);
- визначати, у якій послідовності доцільно розташувати ці логічно завершені частини;
- продумувати смислові зв'язки між частинами тексту і сусідніми реченнями та знаходити словесне вираження цих зв'язків;
- виділяти особливо значимі для висловлювання думки слова (за допомогою граматичного та інтонаційного засобу).

Ці способи діяльності називаються структурно-композиційними.

Уміння добирати відповідні лексичні, граматичні та інтонаційні засоби для вираження думки називаються граматично-стилістичними. Критика власного тексту є, за визначенням психологів, рушійною силою для оволодіння монологом. Без уміння відхиляти менш точні слова і синтаксичні моделі та знаходити більш влучні для вираження думки неможливо досягти зрушення в мовленнєвому розвитку.

Молодші школярі, навчаючись творити власний текст, на перших кроках навчання не помічають пропусків головного у змісті висловлювання, порушень логічної послідовності у викладі, невиправданих повторів тих самих слів, одноманітних конструкцій.

Потрібна систематична, цілеспрямована робота, щоб виробити в дітей звичку до свідомого контролю за якістю свого мовлення, прищепити їм уміння редагувати власний текст.

*Оксана Лихожсон
м. Харків, Україна*

КОНЦЕПТ ЄВРОПИ В СХІДНОЄВРОПЕЙСЬКІЙ ЛІТЕРАТУРІ ЯК ЗАСІБ ФОРМУВАННЯ ЄВРОПОЦЕНТРИЧНОЇ КОНЦЕПЦІЇ

Сучасний світ перебуває в умовах переосмислення своєї історії, а поряд з нею своєї ідентичності, національності, кордонів своєї країни. Європа постає новим не лише політико-економічним формуванням, але й культурним чинником, об'єктом міфотворчості багатьох митців. Це зумовлює втрату старих та пошук нових орієнтирів як в Західній, так і Східній Європі.

Письменники Східної Європи починають, як ніхто інший, в своїх творах звертатись до питань: «А що таке Європа?», «Чи є моя країна частиною того величного формування» та ін. Від часів Другої світової війни до початку формування Європейського Союзу ця тема стала особливо актуальною для польських, чеських, українських та навіть німецьких письменників. Поляки Чеслав Мілош, Анджей Стасюк, Дорота Масловська, Мануела Гретковська, чех Мілан Кундера, німець Детлеф Гойова та українець Юрій Андрухович – це лише невеликий відсоток тих письменників, які намагаються за допомогою переосмислення концепту Європи знайти місце своєї держави на політичній та культурній мапі світу.

Детальніше розглянути питання концепту Європи можна на основі творчості сучасних українського та чеського письменників Юрія Андруховича та Мілана Кундери. Вони ставлять у своїй творчості питання про існування Центральної Європи як медіатора між Сходом та Заходом, як стійкого культурного утворення, яке має свої ознаки, свої принципи. Ці письменники прагнуть бачити свою країну в Європі, прагнуть, щоб Європа помічала їхню країну, прагнуть знайти себе і все це виливається в їхній творчості.

Особливістю України та Чехії, їхньою своєрідною драмою є постійне перебування між двома державами з яскраво вираженими імперіалістичними амбіціями: «Перебування між росіянами та німцями – історичне призначення Центральної Європи. Центральноєвропейський страх – це смерть в'язнична або табірна, до того ж колективна, Massenmord, зачистка. Центральноєвропейська подорож – це втеча. Але звідки й куди? Від росіян до німців? Чи від німців до росіян? Добре, що на всі ці випадки на світі ще є Америка [3, 5]» – пише Юрій Андрухович. «Що таке Центральна Європа? – запитує Кундера. Невизначена область між Росією та Німеччиною, що заселена малими народами» [8].

Концепт Європи в творчості заявлених авторів є багатошаровим та рухомим. Він складається з системи образів: образу Європи (Європи загалом та Центральної або Центрально-Східної Європи як праобразу дому, тобто міфологізація Центральної Європи є тяжінням до міленарного міфу) – образу Батьківщини (яка може бути, як у випадку Ю. Андруховича, проєкцією «малої» Батьківщини на «велику»); або ж, як у М. Кундери образом рідної країни загалом) – образу Росії як втілення імперіалізму та уніфікації (обидва автори ототожнюють Росію з Радянським Союзом).

У творчості Ю. Андруховича та М. Кундери ми можемо виокремити такі спільні мотиви: мотив подорожі, мотив ностальгії (Мілан Кундера говорить, що європеець – це той, хто відчуває ностальгію за Європою [7]), мотив свободи, мотив окупації та мотив пам'яті. Обидва письменники подорожують лабіринтами історії, яка для них є втіленням фатуму, дамоклевого меча, що висить над долею їхнього малого народу, існування якого завжди знаходиться під сумнівом. На заваді до омріяного перебування в межах Європи стоїть близькість до Сходу, тобто Росії, яку М. Кундера, та й Ю. Андрухович не відрізняють від Радянського Союзу. Росія постає як втілення зла – імперіалістичних поривань, на протиположності Європі – добру. Страх перед імперією – це страх перед несвободою, а спільним для обох авторів є мотив свободи. Юрій Андрухович під свободою розуміє свободу діяти та думати, Мілан Кундера розуміє під свободою можливість залишитись наодинці. Найвищим втіленням свободи, як зазначено в романі «Безсмертя», – є смерть [5]. А безсмертя – це пам'ять. Тому ми можемо говорити і про наявність мотиву пам'яті. Пам'ятати значить існувати, забуття вбиває цілі народи. Такої думки дотримується і Юрій Андрухович.

Не до всіх імперій автори ставляться однаково. Австро-угорська імперія є втіленням мотиву ностальгії, міленарного міфу. Ця імперія є праобразом ідеальної Європи авторів. Вона є синонімом множинності, багатонаціональності, на відміну від Російської імперії, яка прагне все уніфікувати і створити єдиний чи то російський, чи то радянський народ. Якщо для Юрія Андруховича важливими є географічні межі Європи, то Мілан Кундера таких питань не ставить. Для нього межами «Європи» є культура та малі народи. Письменник постійно звертається до поняття малого народу, який постійно перебуває на межі знищення – це основа його Центральної Європи, тобто його рідна країна тотожна малому народу, а відповідно і є Центральною Європою.

Мілан Кундера поділяє Європу на: Західну, Центральну та Східну. Його Центральна Європа тяжіє до Заходу, Кундера хоче, щоб «його Європа» була синонімом Заходу, проте на Захід він, як і Андрухович дещо ображе-

ний, за те, що той не хоче приймати його країну, помічати її, і захищати, як це відбулося під час Другої світової війни. Саме тому трагедією Центральної Європи є Західна Європа, а не Східна. Андрухович ображений на Захід так само через те, що Захід живе сам по собі, не звертаючи уваги на Схід. Мілан Кундера називає Україну Східною Європою, Андрухович же робить уточнення – Центрально-Східна Європа. Туди він включає Польщу, Словаччину та Україну. Такі номінативи говорять про страх письменників перед Сходом та намаганнями всіляко від нього відмежуватись. Треба зважати на різницю в часі написання творів письменників, адже, коли Кундера писав про Україну, він вважав, що вона вже цілком поглинута Радянською імперією.

Говорячи про різницю між західним та центрально-східними європейцями, Юрій Андрухович говорить, що він вважає себе жителем Центрально-східної Європи, насправді європейцем, але іншим, з іншим досвідом, істотно відмінним від того, що прийнято вважати європейським досвідом, автор має досвід європейця окупованого [2, с. 40]. Андрухович вважає, що для одних жителів України Європа, як майбутнє, є раєм, а для інших раєм є минуле в складі СРСР, яке у них відібрали. Письменник хоче, щоб історична справедливість була відновлена і «остання територія» таки приєдналась до своїх історичних лав.

Якщо говорити про географічні межі Європи Андруховича, то з західним кордоном він погоджується, адже ця територія не викликає сумніву, але східна межа в офіційній науці викликає сумніви, тому письменник висуває власне бачення кордону. На його думку, Європа закінчується «... на правому березі Рейну. Бо так казав Конрад Аденауер. За огорожею Меттерніхового саду. Бо так казав князь Меттерніх. Або – східніше уявного берлінського муру ... це західний кордон колишнього есересер. Або – межиріччя Дунаю й Дону. Пардон, Дніпра і Дністра [2, с. 411]», але тут таки автор говорить, що кордони обмежені людським відчуттям – Європа там, де людина думає, що вона в Європі. А її письменник поділяє на: справжню або Західну Європу та «свою Європу» – Центрально-східну. Західна Європа – гідна захоплення, вона «переважно щільно обжита і доглянута, коридори, зали й покої аж блищать після чергового євроремонту», проте в ній все: «настільки стерильно, що страшенно хочеться влаштувати п'яний дебош». Східна Європа – це нашарування руїн, які так любить автор: «Це територія постмодернізму, наділеного пам'яттю і надією. Це територія, повна руїн. Це рухома територія, яка дрейфує на схід. Це моя остання територія [1, с. 87]».

Мілан Кундера говорить, що «в Європі існують малі та великі нації: одні вирішують долі за столом переговорів, інші сидять всю ніч в прийма-

льні, чекаючи рішення» [6]. Тобто великі нації «творять» долі малих. В своєму есеї «Трагедія Центральної Європи» [8] говорить, що для жителів цієї «Центральної Європи»: угорців, чехів, поляків, вона не є географічним явищем, а це духовне поняття, синонімічне до слова «Захід». Вони готові померти за Європу, вбачають у ній значно більшу фундаментальну цінність, ніж західноєвропейці, або ж росіяни. Центральноєвропейці брали участь чи не в усіх історичних подіях у складі Європи, це – складова їхньої ідентичності. Географічно Європа завжди поділялася на дві частини: та, яка була по-в'язана з Римом та католицтвом, інша – з Візантією та православ'ям. 1945 року кордон між двома Європами було нівельовано, він пересунувся на Захід, і кілька держав, які завжди асоціювали себе з європейцями західними, стали східними. Кундера говорить, що центральноєвропейці опиралися і «жоден з місцевих режимів не зміг би захистити себе більше трьох годин без підтримки Радянського Союзу». І те, що сталося в Центральній Європі є драмою не лише Східної Європи, але то драма й Заходу: «того самого Заходу, який, обкрадений і переміщений, усе ж таки наполягає на тому, що він захищає свою ідентичність» [8, с. 25].

В есеї Кундери «Трагедія Центральної Європи» поняття «Європа» тлумачиться не як географічний об'єкт, а як сфера духу, що заснована на культурі Римського християнства та є синонімом мислення «Заходу». Таким чином, події Празької Весни 1989 року доцільно трактувати не як трагедію Чехословаччині, Східної Європи, СРСР і комунізму, а як драму «Заходу», якому погрожують та пригнічують [5]. Тут таки автор зазначає, що Європою цікавиться лише та Європа, яка вже поглинута Сходом, бо Захід зациклений на собі, що і трагедією Центральної Європи, яку віддали на поталу ті, кого вона так щиро любила [8]. В цьому випадку віра в Європу є міфологізацією її, а зрада Заходу призводить та розвінчання цього міфу.

Обидва письменники і Юрій Андрухович, і Мілан Кундера мають справу з мотивом пам'яті, який, на їхню думку, зберігає їхні країни на мапі світу. Присутній також мотив подорожі: Андрухович подорожує Європою та Історією, Кундера має справу з Історією, як фатумом і подорожує бібліотекою-лабіринтом, де зустрічається з культурними діячами, які справили на нього враження, і, найчастіше, це європейці, тобто історія кожного народу – це його культура. І для Кундери культура – це Європа. А. Кола слушно назвав Кундери «мандрівником вигаданими світами» [4]. Отже, розробка концепції Європи в творчості обох письменників – це спроба визначення власної ідентичності, місця своєї країни в історії та спроба її переосмислення. Автори намагаються вписати свою батьківщину в загальноєвропейський контекст, що є спробою створити європоцентричну концепцію.

Список літератури: 1. Андрухович Ю. Московіада. Роман жахів / Юрій Ігорович Андрухович. – Івано-Франківськ Лілея-НВ, 2005. – 256 с. 2. Андрухович Ю. Таємниця: (Замість роману) / Юрій Ігорович Андрухович. – Харків: Фоліо, 2007. – 476 с. 3. Андрухович Ю. Центрально-східна ревізія / Юрій Ігорович Андрухович. – Івано-Франківськ Лілея-НВ, 2005. – 96 с. 4. Кола А. Категорія «Центральної Європи» в творчесті Мілана Кундери, Юрія Андруховича і Анджея Стасюка / Адам Кола // Європа. Журн. польс. ин-та междунар. дел. – 2002. – Т. 2, № 2 (1). – С. 111–15. 5. Криворучко С. Мотив свободи в романі Мілана Кундери «Безсмертя» / С.К. Криворучко // Питання літературознавства: Науковий збірник. – Чернівці: Рута, 2009. – Вип.77. – С. 41–48. 6. Кундера М. Європа: максимальное разнообразие на минимальном пространстве [Електронний ресурс] / Мілан Кундера // Лебедь. – 2007. – № 510. – Режим доступу до статті: <http://www.lebed.com/2007/art487.htm>. 7. Кундера М. Семьдесят три слова / Мілан Кундера // Урал. – 2001. – № 5. – С. 161–177. 8. Кундера М. Трагедія Центральної Європи / Мілан Кундера // Ї. – 1995. – № 1. – С. 24–42.

*Руслана Мариняк
м. Харків, Україна*

«AD FONTES!»: ХАРАКТЕР ТВОРЧОСТІ УКРАЇНСЬКИХ ШІСТДЕСЯТНИКІВ ТА МИТЦІВ – ПРЕДСТАВНИКІВ КРАЇН СОЦТАБОРУ

Художня історіософія – це втілена в ідеях та образах художньої літератури, в індивідуальній людській долі цілісність історії. У художній історіософії показується, як людина детермінована її емоційно-чуттєвою природою, культурою, віросповіданням тощо.

Історіософська концепція літературного твору – це доповнення «історіографічного міфу» індивідуально-особистісного фактора історії (як, приміром, пам'ятаємо, звучало гасло творчої української інтелігенції 1960-х – «До джерел!»). Історіософію коректно шукати у конкретних сюжетах, у мотивах, в образах, у міфологічних структурах (бо все це складові історії).

Метою нашої статті є показ схожої історіософської парадигми в літературі українських та угорських митців (угорська література взята з усього пласту текстів як презентант загальних тенденцій у літературі країн Варшавського договору, оскільки саме «Угорська революція» 1956 року спричинила в соціалістичній частині Європи певні опозиційні рухи, які згодом мали значний вплив на перебіг культуротворчих процесів у цих країнах) у добу «відлиги 1960 років», базованої на закоріненні в національній історії.

У ХХ ст. формування історіософських поглядів вітчизняного шістдесятиництва здійснювалося на основі глибинного аналізу історіографічного матеріалу, що стосувався питань національної історії [3, 5, 8]. Як зазначає О. Забужко, «головним наслідком «відлиги» була втрата «імітат-культурою» монопольного характеру» [2, с. 59]. Це спричинилося до того, що у вітчизняній історичній науці, в історіософії та епістемології цього періоду погляд на історичну подію, факт як на такий, що існує об'єктивно, незалежно від суб'єкта (постулат марксистсько-ленінської філософії), втрачає свою аксіоматичність. Фактологія відступає на другий план, питання історії все більше пов'язуються з сучасністю [7, с. 11]. У колізіях минулих століть відшуковують пояснення складнощів у новому, змінному світі.

Філософський аспект української історіософії другої половини ХХ ст. становлять проблеми цивілізаційного місця (історичного простору) України, факторів дискретності, стрижня українського історичного процесу, його періодів, рушійних сил (суб'єктів) і законів історії. Сцієнтистський пласт вітчиз-

няної історіософії стосується проблем осягнення поняття «український народ», тлумачення ролі державності, боротьби між «лісом» і «степом» в цивілізаційній історії Східної Європи, історичного призначення і ролі різних станів чи інституцій – церкви, козацтва, шляхти тощо. Аксіологічний пласт – це морально-етичні або світоглядні якості й пріоритети, це ставлення до ми-нулого і майбутнього як до етично чи естетично вартісних реалій. Даний аспект історіософії складається також з національних і соціально-політичних чи культурно-історичних програм і прогнозів, з прагнень до практичного втілення декларованих вартостей та ідеалів [7]. Ця найбільш емоційно й ідеологічно заангажована ланка історіософії найповніше реалізована в публіцистиці та художній літературі.

Погляди шістдесятників щодо з'ясування специфіки тяглості української історії характеризуються досить чіткою концептуальною єдністю. Так в українській історії шістдесятники простежують тенденцію до дискретності. Найбільш виразно розірваність історичного процесу демонструють два періоди – «символи ями» – небезпечні в історії України: період між XIII–XV століттями і час між другою половиною XIX ст. – 1917–20-м роками. Перший період поставив під загрозу самобутність існування українців. За словами М. Грушевського, через ігнорування капіталу доби Київської Русі. Покоління за поколінням українці втрачали навички самостійного державного життя, складалося враження, «ніби поколінням відбило історичну пам'ять», що було на руку Москві: знищення старокиївських традицій імперським урядом без жодних перешкод з боку місцевого населення допомогло творенню загальновідомих фальсифікацій. Українська еліта демонструвала поверхове зацікавлення досягнене спочатку через відсутність ґрунтових історичних розвідок про ці часи, пізніше – через довіру спекулятивним історичним концепціям російських істориків. Це спричинилося до помилкових поглядів на лінеарність української історії, до виникнення необ'єктивних історіософських підходів у з'ясуванні причин кризових моментів в історії України. Шістдесятники аналізують період між XIII і XV століттями як час, коли даремно було шукати на нашій землі сильних типів і сильних почувань. Окреслений період став істотною перешкодою на шляху збереження лінеарності традицій, започаткованих княжою федеративною системою правління, що й призвело до подальших схиблень на шляху державотворення, консолідації українського етносу й уповільнило період його переходу у стан свідомого національного буття. Більш серйозно загрожував збереженню національної ідентичності другий період (XIX ст. – 1917–20 рр.). В. Мороз назвав його епохою, коли Україна вперше втратила власну державотворчу лінію роз-

витку, виявилася спроможною хіба що на виплекання типу «безхребетного рутенця», людини з «мишачим характером» і з породженням концепції абсолютної «опори на Москву» [4, с. 22]. Позиції В. Мороза співзвучні з поглядами М. Грушевського, який вбачав трагічність ситуації історії України в попаданні ще після 1654 р. під вплив російської православно-християнської цивілізації, коли наша вітчизна «не знайшла опертя в якимсь новім циклі: ні в католицькім, ні в протестантськім» [1, с. 21].

Філософсько-гносеологічний підхід, обраний шістдесятниками у процесі пізнання минулого, базувався на усвідомленні передумов самого історичного пізнання, можливості перемоги історичного мислення над обмеженістю фактів, а тому вимагав певної світоглядної визначеності. Висновки, зроблені в історіософських студіюваннях цього покоління можуть розглядатися нами як гіпотези, але свою справу вони зробили – стимулювали пошук у царині науки щодо з'ясування характеру тяглості українського історичного процесу.

Отже, дискретність вітчизняної історії пояснюється як результат відсутності філософського обґрунтування пріоритетів національної ідеї, оскільки національне життя мало тільки короткі хвилини, такі, що могли спалахнути сильним огнем, а переважно тільки тліло непомітно під попелом, і національне почуття слабло й завмирало [1, с. 16].

Процес десталінізації суспільства, що активно відбувався в УРСР, безумовно, змінив і орієнтацію вітчизняної історіософії. Її репрезентувало у 1960-х роках покоління творчої інтелігенції Києва, Львова та інших міст України (Л. Костенко, І. Драч, В. Симоненко, М. Брайчевський, В. Чорновіл, А. Горська, І. Калинець, І. Світличний та ін.).

Фальсифікування радянських історіографів вже з 1947 р. зачіпають й історію тих країн Західної Європи, які ввійшли до складу соцтабору. Правда, тут політика радянського уряду не так відверто декларує «російську ідею» (хоча й підкреслюється постійно синонімія понять «російський – багатонаціональний – універсальний»). Активне втручання у внутрішнє життя країн соціалістичного блоку пояснюється як захист завоювань соціалізму, як протидія «проголошеній у 1947 році президентом Труменом доктрині «стримування комунізму», протидія «американському мілітаризмові». 1947 рік – «рік викриття внутрішньої контрреволюції», «антидемократичної змови» в Угорщині, йдеться про звинувачення Імре Надя в ревізюнізмі ідей Маркса – Леніна; саме Надя став «одним із перших, хто в повоєнній Європі, виходячи з глибини самого марксизму-ленінізму, зрозумів, що на практиці комунізм – це жорстока химера, а більшовизм в окремо взятій країні – народна трагедія» [3, с. 16].

Художня література Угорщини 50–60-х років не уникала безпосереднього впливу, викликаного подіями 1956 р. – ряд угорських письменників іде до осягання сучасності через історію. В їх творчості з'являється нове трактування історичної тематики. Є. Умнякова, дослідниця прози і драматургії Угорщини, відзначає абсолютно новий підхід у трактуванні подій періоду національно-визвольної боротьби угорців 1848–1849 років (йдеться про роман А. Томаші «Дзеркало вітчизни», драму Д. Уйнша «Полум'я факела», творчість К. Шандора, Т. Дері, І. Добозі). Грізний час випробувань, болісні роздуми, сумніви й суперечки людей, які не виявили справжнього ворога, внутрішня боротьба людини, що заплуталася в лабіринті політичних та етичних шукань (драми Й. Дарваша «Небо в кіптяві», 1959, «П'яний дощ», 1963), переосмислення подій 1956 р. у творчості Я. Фалдека (роман «Розгублений», 1960), І. Добозі (роман «Прибій», 1958), життя угорської інтелігенції у післявоєнний період (п'єси Л. Мештерхазі), пошук «істини історії» у Л. Немета (п'єси «Галілей» та «Пансіон Матіас»), філософське переосмислення вітчизняної історії в історичних п'єсах та ліриці Д. Йєша – тематика творів 50–60-х років. 60-ті роки в угорському культурному середовищі – «період національного самопізнання» і навіть період «національної самокритики» [6], це період руху «народних письменників – дослідників села (у своїй творчості вони приділяли активну увагу питанням етнографії, історії, національної традиції; письменників цього руху називають соціографами). Філософське заглиблення в історію (творчість Магди Сабо), рефлексії, пов'язані з філософією свободи для окремої особистості і людства» (так означила свою творчість Дюла Хернаді), апелювання до істин людської історії і спроби осмислити сутність протиріч, питання вибору в різні епохи різними людьми (Т. Дері) складають коло етичних проблем, порушуваних угорською літературою.

Не відстежуючи прямих впливів угорської літератури на вибір історичної тематики як стрижня всього національного відродження в підрадянській Україні 1960-х років, можемо констатувати тотожність обраних тем, засобів, прийомів у створенні національних історіософських концепцій у середовищі культурної інтелігенції як України, так і Угорщини.

Взагалі найбільш опозиційною силою в суспільстві, охопленому радянською імперською владою, «була інтелігенція, а серед неї найактивнішими були письменники, всіх жанрів митці і вчені» [6, с. 101].

Отже, бачимо ідеї національного відродження резонували у всіх слов'янських країнах, що «досить сильно відчували «опіку» СРСР, який під маскою інтернаціоналізму й дружби народів здійснював імперську політику, пригнічуючи й поволі русифікуючи слов'янські народи. Різні кола інте-

лігенції жадали більш творчої свободи, а в політиці цей рух набрав сили ревізійонізму, що виявлялося в «соціалізмі з людським обличчям» (вислів Дубчека).

Список літератури: 1. Грушевський М.С. Історія України-Руси: В 11 т., 12 кн. / Репринт. вид. / М.С. Грушевський – К. Наук. думка, 1996. – Т. 9. Кн. 1: роки 1650–1654. – 871 с. 2. Забужко О.С. Філософія української ідеї та європейський контекст / О. Забужко. – К.: Основи, 1993. – 126 с. 3. Колесников К. Категорія історіософії: епістемологічне наповнення і традиції використання / К. Колесников // *Визвольний шлях*. – 1998. – Кн. 5 (602). – С. 584–590. 4. Мороз В. Есе, листи й документи / В. Мороз. – Торонто: Сучасність, 1975. – 288 с. 5. Наумович С. Історіософічні твори / С. Наумович // *Визвольний шлях*. – 1973. – Кн. 6. – С. 679–684. 6. Неверлій М. Слов'янський контекст шістдесятництва / М. Неверлій // *Сучасність*. – 2000. – № 1. – С. 101–109. 7. Раки-тов А.И. Историческое познание: Системно-гносеологический поход / А.И. Раки-тов. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1982. – 304 с. 8. Ткаченко В.М. Україна: історіософія самоорганізації / В.М. Ткаченко. – К., 1994. – 42 с.

*Ірина Мухіна
м. Харків, Україна*

ПОСТРАДЯНСЬКИЙ ОСВІТНЬО-КУЛЬТУРНИЙ ПРОСТІР В КОНТЕКСТІ МІЖНАЦІОНАЛЬНИХ ТА МІЖОСОБИСТІСНИХ ВІДНОСИН

За роки незалежності національний освітньо-культурний простір зазнав суттєвих змін. На національно-державному рівні ухвалено чимало програм, доктрин, концепцій розвитку системи освіти, методів навчання й виховання, видані різноманітні законодавчі і адміністративні документи, які спрямовані на впровадження нових освітніх механізмів, які б дозволили створити освітньо-культурний простір, який би забезпечив міжнаціональну злагоду, співробітництво та всебічний розвиток особистості. Аксиологічними параметрами пострадянського освітньо-культурного простору є розвиток освіти та культури, спрямованих на гармонійний розвиток людини, на творчу самореалізацію кожного громадянина, на виховання покоління людей, здатних ефективно працювати і навчатися протягом життя, оберігати й примножувати цінності національної культури та громадянського суспільства. Надання кожній особистості доступу до культурних цінностей повинно здійснюватися поза залежності від національної ознаки та віросповідання, але при збереженні специфіки української культури як складової загальнослов'янської культурної спадщини.

Поки що стратегія розвитку національної освіти носить декларативний характер, а національний освітньо-культурний простір знаходиться у стані подальшого формування. Ціннісними домінантами сучасного освітньо-культурного простору України є:

- відродження і розбудова національної освіти як найважливішої ланки виховання свідомих громадян, формування освіченої, творчої особистості, що має фізичне і моральне здоров'я;
- забезпечення пріоритетності розвитку людини, відтворення й трансляція культури й духовності в усій різноманітності вітчизняних та світових зразків;
- виведення національної системи освіти на рівень розвинених країн світу шляхом докорінного реформування її концептуальних, структурних та організаційних засад;
- подолання монопольного становища держави в освітній сфері через створення на рівноправній основі недержавних навчально-виховних закладів;
- демократизація навчально-виховної системи [1, с. 23].

Наукове осмислення трансформацій вітчизняної освіти, експертне оцінювання її здобутків дозволить обрати аксіологічну і концептуальну траєкторію розвитку сучасного освітньо-культурного простору. Дискурс модернізації освіти ряд дослідників розглядають в контексті трансформаційних змін, що не є подібними для вітчизняної освіти, тому заслуговують на наукове вивчення. У цьому аспекті дискурс модернізації освіти – це не довільні висловлювання про змінену освітню реальність, утворену на засадах формально-логічного розмірковування, а це система суджень про динамічні зрушення в освіті, котрими засвідчені смисли, надані науковцями [2, с. 34].

Болонські ініціативи, що викликають палкі дискусії серед науковців, слід розглядати як стимул для співпраці з країнами Європи у сфері підготовки фахівців, проведення наукових досліджень та здійснення технологічних розробок, котрі б влаштовували як Україну, так й її партнерів і сприяли б зміцненню політики добросусідства і співробітництва. Щодо запозичення закордонного досвіду у формуванні українського менталітету засобами освіти й культури, то дослідники відмічають, що, наприклад, американський освітній досвід, заснований на психокulturі, яка не має архетипів тоталітаризму і авторитаризму, котрі були притаманні радянській освітній системі не є доцільним, оскільки пряме упровадження іноземного досвіду на національну освітню ниву є проблематичним для пострадянського суспільства, де архетипи суспільного життя є іншими [2, с. 36]. Ціннісним елементом модернізації освітнього простору є виховання національної еліти, становлення політичної нації, соціалізація молодого покоління, обґрунтування національної ідеї та її трансляція різними елементами освітньо-культурного простору. Європейський вимір не повинен перешкоджати збереженню національної ідентичності, культурних традицій. На жаль, дискурс модернізації вітчизняної освіти свідчить, що трансформаційні процеси в ній не усвідомлені в усій її комплексності.

К. Нужненко, осмислюючи напрями стратегії розвитку вітчизняного освітнього простору в контексті світової системи освіти, відмітила, що зміни, що проходять в освіті, спричиняють процеси, що пов'язані із загальноцивілізаційними тенденціями у виробництві, культурі та духовному житті. Освіта, як і раніше, залишається стратегічним ресурсом поліпшення добробуту людей, забезпечення національних інтересів, здобуття державою конкурентоспроможності на міжнародній арені. Основною метою національного освітнього простору є забезпечення засвоєння цивілізаційних здобутків, з одного боку, та створення бар'єру для культурної гомогенізації, з іншого боку. Отже, національна освіта повинна утверджувати національну ідентич-

ність особи та її культурну самобутність [3, с. 26, 29]. При цьому необхідно запобігати розвитку радикального українського націоналізму, що принижує людську гідність тих громадян України, що мають іншу національну ознаку (росіян, вірменів, кримських татар, євреїв тощо).

Побудова так званого «суспільства знань» передбачає новий освітній рівень громадян, впровадження інтелектуальної складової у виробництво та соціальну інфраструктуру, підтримку інноваційного розвитку всієї освітньо-культурної системи на новому наднаціональному підґрунті. Нова освітня парадигма «суспільства знань» передбачає доступність інформації та знань, зростання особистої участі громадян у продукуванні різноманітних змін в усіх сферах життєдіяльності, тому система освіти повинна створювати умови для того, щоб кожна людина завдяки освіті стала креативною, готовою до змін. Таким чином, національний освітньо-культурний простір повинен формуватися у відповідності до структурних перетворень різних рівнів освіти, насамперед, вищої школи, що готує фахівців інтелектуальних, професійних і духовних. Засоби освіти й культури повинні бути спрямовані на формування ціннісних орієнтирів, здатних об'єднати учасників освітнього процесу через виховання громадянськості, захисту суспільних цінностей, збереження й розвитку національних, регіональних і світових культур в умовах плюралізму і демократії. У відповідності до європейського освітнього простору в національній системі освіти та культури пріоритетною цінністю повинна стати людина, особа, її права і свободи [4, с. 50].

Що стосується ціннісних ідеалів, що продукуються засобами освіти та культури, то базовим принципом європейського освітнього простору є принцип гуманізму та міжнаціонального співробітництва. Недарма ХХІ століття оголошено ЮНЕСКО століттям освіти, а ООН – століттям людини. Але гуманізм, який пропагується засобами освіти та культури, неодмінно пов'язується з освіченістю, компетентністю, свободою саморозвитку особистості та можливістю її самореалізації. У цьому контексті гуманізація національного освітньо-культурного простору потребує нового філософського переосмислення. Не зважаючи на те, що педагогами-новаторами протягом ХХ ст. були запропоновані гуманістичні практики (школа ненасильства, школа радості, школа життєтворчої особистості та ін.), вони залишаються лише острівками гуманізації. Система освіти на сьогодні у багатьох моментах ще залишається авторитарною, пропонуючи радянські традиційні методи навчання й виховання. Як відмітив Ю. Заньковецький, внесок загальноосвітньої школи у гуманітарне виховання молоді недостатній, і ця негативна тенденція передається у сферу професійної та вищої школи. Хоча мета школи, як

і раніше, залишається незмінною – підготовка громадянина-патріота, культурної і моральної особи, що має естетичні смаки й добре здоров'я, але, на жаль, молодь дуже часто проявляє духовну незрілість та відсутність громадянської свідомості. На шляху трансформації національного освітнього простору на заваді стають небажання і невміння багатьох педагогів займатися новою для них справою, відсутність педагогічних методологій ефективного навчання у сфері духовної і професійної освіти, дефіцит навчального часу тощо [5, с. 22]. Старі ідеологічні норми віджили, а мораль радянського суспільства стала здебільшого чужою для молоді людини пострадянського суспільства. Духовний світ батьків стикається у протиріччях з духовним світом молодого покоління, для якого більш близькими й привабливими є західні цінності. З урахуванням цих тенденцій національний освітньо-культурний простір повинен ґрунтуватися на якісно новій гуманітарній освіті, яка виключає формалізм, примушення, догматизм, ортодоксальність старих ідеологічних прийомів. Це висуває нові вимоги й до професійних та людських якостей викладача, як суб'єкта освітнього процесу.

Осмилюючи роль сучасного освітньо-культурного простору в міжнаціональних та міжособистісних відносинах, слід визнати за вищою школою ключову роль у формуванні, розвитку, збереженні та трансляції культури і духовних цінностей. Слід враховувати, що державна ідеологія у сфері освіти тільки у тому випадку може бути «людинозберігаючою» і цивілізаційно ефективною, коли вона буде вбирати у себе світовий досвід і власну історичну спадщину. ХХ століття наочно продемонструвало, що освіта й виховання не можуть бути комуністичними чи буржуазними, вони можуть бути або моральними, або аморальними. Тому ціннісні орієнтири формування системи освіти, культури й виховання будуть визначати й ціннісні та духовні домінанти сучасного багатонаціонального суспільства.

Список літератури: 1. Уваркіна О. Особливості сучасного розвитку української національної освіти // Вища освіта України. – № 1. – 2012 р. – С. 20–23. 2. Жорнова О. Дискурс модернізації освіти: чи впізнана освітня реальність? // Вища школа. – № 1. – 2012. – С. 32–42. 3. Нужненко К. Соціально-економічні позиції української освіти в європейському просторі // Вища школа. – № 4. – 2012. – С. 25–32. 4. Байденко В.И. Болонский процесс: структурная реформа высшего образования Европы / В.И. Байденко. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов: Российский новый ун-т, 2009. – 128 с. 5. Заньковецький Ю. Виховання і навчання. Протиріччя в єдності // Вища школа. – № 2. 2012 р. – С. 20–29.

*Василий Омельченко
г. Харьков, Украина*

ТАМ ЖИЛИ ПОЭТЫ...

*Там жили поэты и каждый встречал
Другого с надменной улыбкой...
А. Блок*

Не так давно прочитал в газете «Время» статью «Поэты нашего двора». О проекте «Харьковские дворики». Уже даже от одного этого слова «дворики», душевного, родного, сразу повеяло теплом воспоминаний. И возникла потребность тоже что-то поведать о «харьковских двориках», так сказать, внести и свою лепту в литературную историю нашего города.

Перед мысленным взором вмиг предстает целая череда «двориков», а стало быть, и знакомых, дорогих лиц...

Дом «Слова»... «Скворечник» на Бурсацком спуске... Панельные «хрущевки» на Павловом Поле... Дом на Веснина... Дома, которых уже нет...

Но прежде, чем продолжать, наверное, стоит несколько слов сказать и о времени, в котором жили наши земляки – «инженеры человеческих душ»...

Сегодня те, не самые далекие времена, о которых намерен поведать, называют одни – «оттепелью», следующее за ними – «застоем». Оттепель – да, была такая, творческим людям частично попустили поводья, позволили писать смелей, правдивей... Появился Солженицын, Варламов... И очереди за чтением их книг. А вот насчет застоя... я бы то время назвал как-то иначе, может быть, – «стабильность». Но о временах позже. Сейчас – о «двориках».

Бесплатная машинка

Дом «Слова», что на улице Культуры. Через дорогу от этого массивного серого здания с высокими окнами раскинулся огромный дом из красного кирпича – во весь квартал. Его, кажется, называли командирским домом, там жили военные, в основном летчики. А в доме «Слова», как известно, жили писатели (сейчас там живут люди других самых разных профессий). Мы, дети военных, почему-то недолюбливали детей из писательского дома, «воевали» с ними (надо же мальчишкам с кем-то воевать!) и дразнили их «письменныки-варэныки». Не думал тогда автор этих строк, что со временем он тоже станет... «варэником» и частым гостем в писательском дворе.

Там, спустя многие года, общался с Борисом Котляровым, Львом Галкиным, Иваном Багмутом, Костем Гордиенко, Владимиром Добровольским, Иваном Шутовым, Робертом Тетьяковым...

Чувствую, что сухое перечисление имен жильцов дома мало будет интересно для читателя. Тут, пожалуй, необходимы запомнившиеся истории общения.

В шестидесятые годы мечтой каждого молодого писателя было занять свою пишущую машинку. Желательно портативную. А у Ивана Шутова их было целых две: миниатюрная «Олимпия», которую он привез после войны из Германии, старенькая, с хромящей буквой «с» и только что купленная мощная и, главное, с крупным шрифтом – «Рейнметалл». Одну он решил продать. А я загорелся приобрести... Иван Никитич, человек мягкий, душевный и очень добрый, как-то виновато развел руками: «Не знаю, как быть... я бы с тебя денег не взял, подарил бы просто, но сегодня рано утром закончил новую повесть «Зеленые жирафы», о стилягах и надо бы это как-то отметить...». Разговор шел в клубе союза писателей. Мы выходили на улицу и решали, куда следовать дальше... Чего скрывать, пишущие люди не чурались чарки. Стали прикидывать, что мы имеем в карманах, оказалось, что не особенно звенело.

Лев Галкин, фронтовик, оптимист, душа компании и мастер каламбуров как бы вскользь заметил:

- Да ты же, Ваня, на днях, кажется, получил за книгу аванс...

- Получил... но ты же, Лева, мою Женю... (Женя – супруга И. Шутова – В.О.), как-то пресно обронил Шутов и недовольный замолчал.

Галкин вдруг расплылся в широкой улыбке и, осененный творческим порывом, деланно пафосно изрек только что возникший каламбур:

- У Жени деньги – уже не деньги!..

То есть отдал и простился с ними...

Потом Шутов сказал, что ждет денежный перевод из Киева и предложил: если сейчас в почтовом ящике у него будет перевод, он дарит мне «Олимпию» и все мы идем ее обмывать... а если нет... – он неопределенно пожал плечами.

Минут через десять мы стояли во дворе дома «Слова» в нетерпеливом ожидании результата – есть перевод или нет? Через пару минут из подъезда выходит наш дорогой товарищ Шутов... Вид у него зажато торжественный. И было отчего: в руке, как чемпион медаль, он держал на виду заветную бумажку-перевод, а в другой руке – пишущую машинку «Олимпия».

- На почту, а потом – в «Кристалл»... – сказал он и протянул мне мою мечту – пишущую машинку: - Дерзай, старик!

Честная компания вмиг оживилась: в «Кристалл» – это дело!»

Стасик Шумицкий, поэт и журналист, прирожденный знаток украинского языка и, как все поэты, мастер на импровизацию, тут же срифмовал:

- Мой друг пристал – айда в Кристалл!

Ваш покорный слуга в тот вечер покинул компанию раньше других – не терпелось поставить на стол драгоценный подарок и начать «дерзать» – по-современному.

Наш Дед

«Старику», то бишь, автору этих строк, как и многим собратьям по перу, тогда не было и тридцати и просто тогда в ходу было это бравадное среди молодых – «старик». Однако был в харьковском писательском сообществе и настоящий старик или как за глаза его почтительно называли – Наш Дед, Кость Алексеевич Гордиенко. Авто знаменитого тогда романа «Буймир», лауреат государственной премии имени Т.Г. Шевченко. Он тоже жил в доме «Слова», правда, большую часть времени проводил он в чудесном местечке с поэтическим названием Лебедин... Маленький городок с красивыми церквями и гоголевским базаром с обязательными козами. Нас сближало то, что в сорока километрах от Лебедина находилось мое родное село – и на малую родину я ездил через Лебедин, и, конечно же, каждый раз навещал нашего Деда.

Когда впервые сказал, где родился, Кость Алексеевич просиял:

- О-о, да в твоих краях имел поместье наш земляк поэт Василий Туманский – друг Пушкина...

Говорить было о чем. О делах в харьковской писательской организации, о рыбалке и охоте, о целебной и вдохновляющей силе природы, о том, каков герой нашего времени – это было тогда актуально.

Помню, однажды при встрече Кость Алексеевич был хмур. Поздоровавшись, тут же пояснил:

- В русской «Литературке» обнародовали наш спор с Паустовским – какого цвета дикие голуби, белые или темные...

И пояснял, почему иногда они кажутся белыми – когда видишь их на фоне черной тучи... Он был знаток природа и человеческой души.

Жил Кость Алексеевич в сосновом бору на окраине городка в небольшом кирпичном доме, который состоял из двух половин: справа от входа в сени – хозяйкина часть (она жила с сыном) а слева – комната писателя, к моему удивлению, одна... Более чем скромная обстановка: большая кровать, застеленная простым покрывалом, письменный стол, возле него огромный сундук, похожий на диван, за которым Дед держал горячее – к нему часто приезжали гости и не только из Украины... а до магазина топать и топать – автомобиля у писателя не было, а человек он был хлебосольный...

Однажды я поинтересовался, почему Кость Алексеевич не приобретет целый дом, к нему же часто приезжают гости... тем более, что человек он вполне состоятельный, книги выходят часто и хорошими тиражами...

Гордиенко лукаво скосил глаза и сказал, по-моему, то, что говорить не очень хотел, но мы уже пригубили по чарке и обстановка располагала к откровенному разговору:

- Если бы у меня был дом, когда бы я работал?.. – спросил он и прищурил глаза, – вот ты заехал ко мне – я рад... ну... перекусили, погутарили по душам... и ...

Он подыскивал слова, чтобы не обидеть собеседника и потому я сам подсказал:

- И я не засижусь...

Дед протянул мне крепкую крестьянскую руку.

- Понимаешь...

Поинтересовался я однажды и почему он живет один, в смысле, без семьи... Такой вопрос, может быть, и не стоило задавать, уж больно он сугубо личный, деликатный, мы были давними... нет, не друзьями, и не приятелями – хорошими знакомыми, к тому же – земляками. И Кость Алексеевич, к моему некоторому изумлению, как-то уж больно твердо произнес:

- Хочешь долго жить – живи один...

Конечно, писатель Гордиенко жил не один... И вместе с тем – один, то есть он был свободен. А свобода так необходима творчеству. А свобода – это воздух для художника.

Кость Алексеевич написал много хороших книг и жил долго – девяносто четыре года, как и положено деду и в жизни, и в литературе – патриарху украинской литературы. Когда еще больше состарился, окончательно перебрался в Харьков и последние дни свои провел в доме «Слова».

«Скворечник» на Бурсацком

Дом на Бурсацком спуске – «скворечник»... Крутые, скрипучие деревянные ступени вели в маленькую квартирку большого поэта – Бориса Чичибабина. Здесь бывали один из первых бардов в Советском Союзе Леша Пугачев, невысокий крепыш, который под гитару пел свирепым голосом свои и чичибабинские песни. Сюда заходила выпить чашечку кофе Александра Лесникова – обаятельная, талантливая... которая со сцены доносила до людей лучшие стихи и прозу любимых писателей. Аркадий Филатов, поэт и киношник, художник Валентин Чернуха (Пругачев тоже рисовал и однажды по его просьбе я привел художника профессионала, чтобы он оценил творчество артиста и певца)...

Словом, в доме на Бурсацком всегда было многолюдно и интересно. Что меня сближало с Борисом Чичибабиным? Оба мы служили в армии – таким людям проще понимать друг друга. Сближало, что мы не были членами партии и мыслили свободней от партийцев. За инакомыслие Бориса Чичибабина пытались отлучить от поэзии – запретили печатать. В то время были списки – кого не печатать. Не печатали поэта Чичибабина почти двадцать лет! Меня тоже на какое-то время перестали печатать, но по другой причине. Шла борьба с тунеядством, а ваш покорный слуга нигде не служил, то есть не работал. Когда об этом узнали «там», то сказали: не печатать его до тех пор, пока не пойдет работать. Не член союза писателей тогда не имел права нигде не работать... Но я же кормил семью... Пришлось пойти работать в «Гидрометобсерваторию», гидрологом. А прекрасный русский поэт, которому самим Всевышним было предписано творить поэзию и дарить ее людям, на долгие годы оказался в трамвайно-троллейбусном парке на далеко не поэтической работе бухгалтера.

Но самое главное, что сближало с Б. Чичибабиным – нашим общим литературным Богом был Пушкин. К тому же автор этих строк тоже грешил стихами...

И получилось так, что мне довелось жить на улице Бориса Чичибабина (жил, когда она носила название «8-го съезда Советов». В-третьих, нас вместе принимали в союз писателей СССР. И потом в то далекое время мы просто были довольно близки. Передо мной его книги с надписями... «Васе Омельченко на добрую память от старого друга – Борис Чичибабин 19.02.1991». «Василию Омельченко в знак давней дружбы – Борис Чичибабин. 1902.1991»...

Помню, рекомендацию в союз Б. Чичибабину давал Маршак и это как-то сразу Чичибабина поднимало в наших глазах – Марша-ак... «Мистер Твистер, Бывший министр... Делец и банкир... Владелец заводов, Газет, пароходов...» Эти строки звучат и сейчас... Да и в союз писателей нас вместе принимали.

Принимали вместе с нами и фантаста Владимира Михановского. Как и положено, после отправились в ресторан «Харьков» – там у нас был знакомый официант Слава Иваненко, который приходил к нам в клуб играть на бильярде, а мы к нему – разговляться. Михановский не захватил с собой денег, что было нехорошо с его стороны: именинник и на халяву... Кто-то посоветовал отослать его за деньгами, ядом, в доме «Слова». Борис заступился:

- Неудобно как-то гонять человека, у нас-то деньги есть...

Борис Чичибабин был человек очень тонкий, добрый и предельно соvestливый. Если в каких-то неловких ситуациях один мой друг говорил: да ничего, переморгаем! И делал то, что ему было нужно, но это шло в ущерб другим, то Борис в таких случаях действовал, как и следует порядочному

человеку – не переступал порог приличия. Мне почему-то врезались в память эти его слова «как-то неудобно это...» И лицо его при этом имело выражение просительно-болезненное: не надо, ребята...

Помню, в конце восьмидесятых, когда полки в магазинах стремительно пустели, и продукты становились явным дефицитом, домашние заботы столкнули нас в большом гастрономе, что напротив завода имени Малышева. В то время слово «рабочий» еще звучало, с рабочим классом еще считались, и если в городе появлялся дефицит, то в первую очередь завозили продукты не в гастрономы в центре города, а в магазины рабочих районов.

В тот день мне кто-то позвонил: «- На Малышева масло дают!».

Через полчаса я – там. В магазине толпа, как на вокзале в трудные времена. Масло отпускали сразу во многих отделах. К каждому из них солидная очередь. Занял, как и другие жаждущие масла, сразу в двух или в трех очередях – где быстрее подойдет очередь, там и стану, да и лишний раз возьму продукт, масла-то давали по полкилограмма...

Где-то через полчаса стояния в галдящей очереди, вижу высокого мужчину с кустистыми бровями, который становится в хвост моей очереди – Борис Чичибабин. Хотелось сказать людям: пропустите поэта без очереди... Но кто внемлел бы моим словам... Да и Борис вряд ли бы стал решиться взять те несчастные пол кило масла без очереди. Подошел к нему, обменялись какими-то незначительными словами, посетовали, что времена настали не лучшие, и я предложил ему стать в очереди впереди меня, скажу, что я на тебя занимал... Борис виновато улыбнулся: «- Да нет, не надо, неудобно как-то...»

Но в более важных делах Борису Чичибабину было удобно.

Цветы для незнакомки

В один из таких вечеров мы шли по Сумской. Не в настроении. У меня не ладилось в семье и у него – тоже. А была весна. А в парке цвела сирень. Из окон домов неслась музыка.

Купите фиалки,
Вот фиалки лесные,
Скромны и неярки,
Они словно живые...

На углу цыганка продавала цветы, правда, не фиалки, а белые крымские подснежники. Борис вдруг приостановился, загадочно и как-то счастливо улыбнулся:

- А давай купим букет и подарим... самой грустной девушке, которая нам первая встретится....

Купить можно, сказал я, но дарить первой встречной как-то...

- Неудобно... – добавил я его же любимой оговоркой.

Поэт взглянул на прозаика так, как, наверное, и должен смотреть поэт на прозаика – с холодной насмешкой, деланно надменно: что, мол, ты понимаешь в жизни... И будто бы нравоучительно изрек:

- Неудобно на потолке спать – одеяло падает!.. А девушке дарить цветы...

Цветы были куплены и вручены девушке, которая стояла в одиночестве на углу, потерянная, грустная. Быть может, ждала парня, который еще не пришел... а может, и вообще не придет...

Девушка смутилась, конечно же, отказывалась от неожиданного подарка, но приняла и улыбнулась.

А что еще надо поэту – чтобы люди, знакомые и незнакомые – улыбались жизни... Если сами мы не всегда можем быть счастливыми, то пусть хоть кого станет чуть счастливей...

Пришло время и свою истинную любовь Борис Чичибабин нашел.

ОНА верна ему и сегодня – Лилия Семеновна Карась-Чичибабина, перед которой автор этих строк низко склоняет голову...

За то, что, благодаря ее заботе, увековечена память большого поэта – в Харькове названа улица его именем, на одном из домов, где жил поэт, установлен его барельеф, открылся и активно действует культурный «Чичибабин-центр» с библиотекой и читальным залом. Для любителей слова тропа сюда не зарастает...

*Галина Павлова, Лариса Семененко
г. Харьков, Украина*

СКВОЗЬ ГОДЫ И ВЕКА

Посвящается студентам и выпускникам Харьковского технологического института 1885–1933 годов.

*Гвозди бы делать из этих людей:
Крепче бы не было в мире гвоздей.
Н.С. Тихонов.*

История Национального технического университета «Харьковский политехнический институт» начиналась с истории Харьковского технологического института и написана она судьбами преподавателей и студентов института.

Национальный технический университет «Харьковский политехнический институт», имеющий 24 основных факультета и ежегодно выпускающий высококвалифицированных специалистов народного хозяйства по 96-ти специальностям, недавно отметил свой 125 летний юбилей. За годы своего существования университет подготовил свыше 150000 инженеров. 22 выпускника стали членами-корреспондентами, действительными членами национальной Академии наук Украины. Свыше 100 – лауреатами Государственной премии [1].

В первый день его университета в 1885 году первокурсниками двух отделений (механического и химического) стали 125 человек. С развитием института количество первокурсников ХТИ увеличивалось ежегодно в среднем от 500 до 1000 человек. В основном в Харьков съезжалась молодежь с Юга России (так до 1920 года называлась область, в которую входили Левобережная Украина, Северный Кавказ, Нижнее Поволжье, а также Бессарабская, Екатеринославская, Таврическая, Херсонская губернии). Диплом «инженера-технолога» гарантировал юношам достойную должность и достойное положение в обществе: табельные и сословные привилегии, и в перспективе – потомственное почетное гражданство [2, с. 348]. Для многих Харьковский технологический институт, любовно называемый «Техноложка», на время обучения стал родным домом, вместе с которым были пережиты годы революций и войн, разрухи и возрождения, поражений и побед, взлет славы и годы забвения.

За этот период истории неоднократно менялось название учебного заведения: Харьковский практический технологический институт (1885–1898); Харьковский технологический институт (1898–1929). В 1929 году состоялся последний набор первокурсников ХТИ, некоторые из которых стали гордостью других институтов.

В конце 1929 года ХТИ был переименован в «Харьковский политехнический институт», а уже в 1930 году произошла реорганизация института. На базе института были созданы:

- Харьковский механико-технологический институт (ХММИ);
- Харьковский химико-технологический институт (ХХТИ);
- Харьковский электротехнический институт (ХЭТИ);
- Харьковский авиационный институт (ХАИ);
- Харьковский инженерно-строительный институт (ХИСИ).

В 1949 году произошло объединение ряда институтов и возрождение Харьковского политехнического института. В 1994 году институт получил статус государственного политехнического университета, а в 2000 ХГПУ был присвоен статус Национального [3].

К концу XIX века с развитием российской промышленности особенно остро ощущалась потребность в инженерах-технологах, которых готовили технологические институты. Чтобы составить успешную конкуренцию иностранным специалистам, работающим на российском фабрично-заводском производстве, молодой специалист должен был иметь достаточно высокую теоретическую и практическую подготовку.

Харьковский технологический институт, основанный известным деятелем науки и образования В.Л. Кирпичевым, славился своей педагогической школой, коллективом высокообразованных и профессиональных специалистов. Высказывание знаменитого ученого, инженер-генерала Н.П. Петрова: «...все достоинство школы зависит от достоинства ее профессоров», – с уверенностью можно отнести к истории развития и становления педагогической школы ХТИ [4, с. 2]. Студенты института слушали лекции и постигали азы практики на занятиях прославленных ученых, таких как В.С. Кнаббе, А.Ф. Мевуиса, Н.Н. Бекетова, П.П. Копняева, Г.Ф. Проскуры, П.П. Карпухина, В.М. Майзеля, П.П. Будникова, В.А. Стеклова и др.

Качественный уровень обучения студентов гарантировал им после окончания института востребованность на рынке труда и дальнейший карьерный рост. Выпускники ХТИ успешно работали в различных отраслях народного хозяйства на всей территории огромной страны. География их местопребывания поражает масштабностью – от Средней Азии до Китая. Любая техническая должность на различных заводах и фабриках была им по плечу. Во время обучения в институте в распоряжении студентов была мощная производственно-практическая база в виде учебно-вспомогательных учреждений. Это позволяло воспитанникам приобретать практические навыки и участвовать в различных технологических процессах. Универсальность подготовки специалистов поражает своей разнопрофильностью и это при наличии лишь двух отделений. Студенты на практике выполняли различные виды работ: выплавляли металл и свечи, конструировали эле-

ваторы и аэропланы, производили рафинад и сахар, перегоняли нефтепродукты, ткали пряжу, делали бумагу, производили спирт и варили пиво, формовали кирпичи, моделировали паровозы и пароходы, белили и красили ситец, перерабатывали кожу и жиры, строили мосты и дороги, варили мыло, превращали зерновые в муку, плавил стекло и обжигали керамику, изучали двигатели внутреннего сгорания и трансмиссии, занимались сельским хозяйством и т.д. К примеру, инженер-технолог механического отделения мог собрать в стенах ХТИ сельскохозяйственную машину, начиная с болта и гайки, сделанными своими руками. Дипломники сдавали проекты заводов, фабрик, электростанций с полной выкладкой («под ключ»). Опыт, полученный на заводах и в мастерских института, студенты закрепляли на выездной практике, которая проходила на крупнейших промышленных предприятиях страны.

Повышению уровня образования студентов способствовало также использование богатейшего фонда библиотеки института – первой технической библиотеки Юга России. Фонд содержал фундаментальные классические труды по естествознанию, многоотраслевую научную и учебную техническую литературу отечественных и зарубежных авторов на разных языках.

Несмотря на неблагоприятные политические события в стране, весь персонал института, состоящий из библиотекарей, механиков, инженеров, лаборантов, аспирантов, преподавателей и профессоров, прилагал максимум усилий для формирования высококвалифицированных специалистов широкого профиля. Бакинский инженер-технолог Л.Н. Абросимов, выпускник ХТИ 1921 года, вспоминал: «Среди профессоров и студентов крепло мнение, что во имя культуры молодежь должна вернуться к науке, серьезно приняться за научные занятия, что студенческая аудитория должна быть не очагом революции, а мастерской познания истины и создания идеалов, способных спасти страну от надвигающегося одичания» [5].

Значительная часть выпускников ХТИ были заняты в промышленности. Питомцев института можно было встретить на должностях директоров, управляющих, конструкторов, техников на разных заводах и фабриках легкой и тяжелой промышленности, как на казенной службе, так и в частном предпринимательстве.

Спустя десять лет после открытия ХТИ первый его директор В.Л. Кирпичев в своем докладе с гордостью отмечал: «Мне приходилось неоднократно слышать от лиц, заведующих крупными техническими предприятиями, похвалы нашим технологам, их солидным знаниям и привычке к работе» [6, с. 20].

Многие из них стояли у истоков создания крупных машиностроительных заводов СССР таких как: Горьковский автозавод, Липецкий трак-

торный завод, Харьковский завод транспортного машиностроения имени В.А. Малышева, Челябинский тракторный завод и др.

Основные места работы выпускников были связаны также с железнодорожной промышленностью. Министерство путей сообщения предоставляло им должности при своих Управлениях. Паровозные мастерские, службы тяги и подвижного состава, службы пути, службы контроля и ревизии – места занятости воспитанников ХТИ. Особый спрос на инженеров-технологов был в начале XX века. В ходе Первой мировой и гражданской войн было разрушено более 60% сети, 90% локомотивного и 80% вагонного парка [7]. Восстановлением и строительством новых магистралей, кроме инженеров путей сообщения, занимались и инженеры-технологи. Служба в МПС была связана с частыми переездами, но имела ряд существенных преимуществ, в частности, обмундирование и казенная квартира, льготы, пенсия и т.д. После революции эти места службы были в подчинении Народного комиссариата путей сообщения РСФСР, который в 1923 году был преобразован в общесоюзный Народный комиссариат путей сообщения СССР.

Инженеры-технологи химических специальностей первых выпусков зачастую работали в Управлениях железных дорог и на машиностроительных предприятиях ввиду слабо развитой химической отрасли. Учебный комитет ХТИ учитывал данный фактор и в программу для химического отделения включал некоторые предметы и курсы лекций, которые преподавали на механическом отделении. Уровень образования был таковой, что некоторые выпускники работали одновременно на химических и механических заводах. Выпускники ХТИ химического отделения делали себе карьеру, в основном, в сахарной, винокуренной и писчебумажной промышленности: от простого химика – до директора предприятия, работали в химических лабораториях казенных винных складов, фабрик и заводов.

С 1896 года институт готовил специалистов для акцизных учреждений Министерства финансов, и многие выпускники работали при налоговой службе России, занимая должности инструкторов, ревизоров, контролеров и надзирателей. Акцизные управления организовывали сбор акцизов с питей, изделий из вина и спирта, дрожжей, табака, сахара, осветительных нефтяных масел и зажигательных спичек. В местностях, где действовала казенная винная монополия, эти учреждения заведовали всей деятельностью монополии производства: закупкой, транспортировкой, хранением и продажей водки.

Департамент торговли и промышленности Министерства финансов принимал к себе на службу выпускников ХТИ на должности фабричных инспекторов. Фабричные инспекции, учрежденные в 1882 году, представляли собой местные государственные учреждения по надзору за исполнением фабрично-заводского законодательства, техническому контролю и статистиче-

скому обследованию промышленности. С 1894 года во многих губерниях России была организована Канцелярия старшего фабричного инспектора, в которой инженеры-технологи ХТИ также занимали должности участковых фабричных инспекторов. В их обязанности входили: надзор за соблюдением трудового законодательства, как со стороны рабочих, так и со стороны работодателей; надзор и выявление правонарушений по охране труда; освидетельствование; сбор налога; технический надзор за паровыми котлами; исполнение поручений губернского или областного начальства по осмотру, описанию, оценке фабричных заведений; сбор и обработка статистических данных по промышленности; наблюдение за исполнением правил, определяющих взаимоотношения рабочих и фабрикантов; рассмотрение и утверждение табелей, расписаний и правил внутреннего распорядка; принятие мер к предупреждению споров и недоразумений между фабрикантами и рабочими, а в определенных случаях – возбуждение преследования, и обвинение на суде [8].

После революции, функции Фабричной инспекции стали исполнять Фабрично-заводские и Контрольные комитеты, которые впоследствии превратились в профсоюзные и другие организации.

Некоторые воспитанники ХТИ являлись членами Губернских по фабричным и горнозаводским делам присутствиям, основанных в 1886 году. Они занимались разработкой законодательной регламентирующей базы по регулированию трудовых отношений, налагали взыскания на заводовладельцев и фабрикантов, рассматривали жалобы на действия фабричных инспекций.

Инженеры-технологи ХТИ принимали деятельное участие в работах Губернских по промысловому налогу присутствиях, учрежденных в 1899 году и Губернских присутствиях по делам страхования рабочих, основанных в 1912 году. Многие из них занимали должности техников-консультантов по производственным вопросам различных Страховых обществ и компаний, действовавших на территории России.

Некоторые выпускники служили в Губернских и земских оценочных комиссиях, применяя свои знания и опыт при оценке фабрично-заводского имущества.

На всей территории России действовали учреждения Министерства земледелия: Управления землеустройства и государственных имуществ, Управления сельским огнестойким строительством, Губернские и уездные землеустроительные комиссии (с 1906 г.), которые руководили мелиоративными, гидротехническими и строительными работами в регионе. Выпускникам ХТИ были предоставлены должности гидротехников, заведующих сельским строительством, уездных техников, специалистов по кирпично-черепичному производству и т.д.

Лучшие архитекторы города, в частности, А.Н. Бекетов, М.И. Ловцов, А.Г. Молокин, С.И. Загоскин, В.В. Хрусталев и др., готовили в ХТИ специалистов по строительному искусству и архитектуре, которые по окончании обучения занимали должности в губернских и земских учреждениях, занимались частной практикой. С Харьковским технологическим институтом связаны имена блестящих архитекторов страны – А.М. Гинзбург, А.А. Тацкий, И.А. Зекцер, А.Н. Душкин, И.А. Игнаткин, Е.А. Лимар и др.

В 1909 году под руководством Г.Ф. Проскуры и А.И. Воротынского, с одобрения Учебного комитета ХТИ, начала свою работу аэросекция, которая и стала отправной точкой в подготовке инженеров по авиационной специальности. В 1909/1910 учебном году для студентов ХТИ Г.Ф. Проскура начал читать факультативный курс лекций по воздухоплаванию. Он включал разделы по таким темам: общий курс воздухоплавания, аэромеханика, теория и расчет летательных машин и воздушных винтов, воздухоплавательные двигатели, теория стабилизации воздухоплавательных и летательных машин. С 1912 года профессор механики И.И. Белянкин ввел в свои курсы лекций новый раздел – «Аэродинамика». В начале 20-х годов его начинания продолжил профессор Б.П. Герасимовский. В 1916 году, после многолетних хлопот Г.Ф. Проскуры, Министерство народного просвещения приняло решение о финансировании курса по воздухоплаванию и аэродинамической лаборатории.

В 1917 году дипломник ХТИ Г.Д. Сендецкий под руководством профессора В.Э. Тира «...впервые в России исполнил главный проект оборудования завода авиадвигателей», который защитил с отличием и получил звание инженера-технолога [9, с. 57]. Первая авиационная катастрофа в России, к сожалению, унесла жизнь талантливого инженера-технолога, пионера в создании авианосцев и гидросамолетов Л.М. Мациевича.

С новым этапом развития авиационной и космической промышленности страны также связаны прославленные имена выпускников Г.А. Ботезата, М.И. Гуревича, А.М. Сойфера, З.И. Ицковича, И.Г. Немана, А.Я. Щербакова и др.

Выпускники ХТИ стояли у истоков становления и развития Харьковского авиационного завода и института. С первых дней создания ХАИ авиационных специалистов успешно готовили Д.Н. Ксандров, А.И. Борисенко, С.Я. Жолковский, Б.Г. Бенинг, Л.Д. Арсон и др.

Вклад выпускников ХТИ в развитие Харькова и Харьковской области, поистине огромен. Сегодняшняя Харьковщина хранит их труд в виде действующих до сих пор различных довоенных сооружений и конструкций. Инженеры-технологи вполне достойны памятника от благодарного населения.

На всех промышленных стратегических должностях Харьковщины, в основном, были инженеры-технологи ХТИ аж до появления выпускников

новых технических вузов. Они способствовали созданию и развитию мощного промышленного центра в восточной Украине.

Инженеры-технологи до революции занимали должности в Харьковской губернской земской управе (основанная еще в 1865 году) и Харьковской городской управе (действовала с 1871 года). Они отвечали за техническое обеспечение и благоустройство города, строительство и ремонт зданий, дорог и сооружений; городского транспорта; водопровода и канализации; электрической станции. Благодаря их усилиям, харьковчане имели рабочие места на заводах и фабриках, а в домах – свет, воду, отопление. Город имел разветвленную электрическую транспортную сеть и пригородное сообщение, дороги, мосты и т.д.

После революции, выпускники ХТИ работали на аналогичных должностях в Исполнительных комитетах рабочих, крестьян и депутатов трудящихся, Советах народных комиссаров, в ведомствах Высшего совета народного хозяйства Украины. Они руководили отделами и секторами промышленности, строительства, транспорта, коммунального хозяйства и рабочей-крестьянской инспекцией. Под их руководством после гражданской войны была восстановлена инфраструктура города, стали возрождаться фабрики и заводы.

Выпускники ХТИ принимали активное участие в проектировании и строительстве крупных заводов. В конце XIX – начале XX-го веков в Харькове действовало более 300 заводов и фабрик. Инженеры трудились на Харьковском паровозостроительном заводе, чугунолитейных заводах Шиманского и фирмы «Бельке и Компания», заводе сельскохозяйственных машин Гельферих-Саде, машиностроительных заводах Фон-Дитмара, Герлях и Пульста, велосипедном заводе Лейтнера, заводе «Общей Электрической Компании» и т.д.

В 1923 году было учреждено Управление Харьковского окружного инженера, в котором занимали должности и выпускники ХТИ. В сферу их деятельности входило проектирование строительства, в частности Эсхаровской электрической станции, технический надзор, составление пятилетних планов развития коммунального хозяйства Харькова и районов Харьковского округа: Ахтырского, Богодуховского, Волчанского, Колонтаевского, Чугуевского.

В 20–30-х годах XX столетия питомцы ХТИ, помимо государственных предприятий, работали в различных трестах, синдикатах, кооперативах, акционерных обществах и товариществах, в частности, в таких как: «Укрнефтесиндикат», «ЮОМТ», «Тепло и сила», «Югосталь», «Укртрестсельмаш», «Химуголь», «Укртекстильтрест», «Донбассиликат», «Рабочий сахарник», «Вукоптранс», «Мельстрой», «Кожсиндикат», «Фарфор-фаянс-стекло», «Укрстрой», «Госпромцветмет» и многих других.

Выпускниками ХТИ была создана сеть частных технических контор, которые обеспечивали население города промышленными товарами и услугами. Наиболее известной из них была «Артель русских инженеров», занимающаяся разработкой проектов, техническим надзором, выполнением работ подрядным способом, обеспечением населения различным техническим материалом и оборудованием. Их деятельность также способствовала развитию и укреплению индустрии города и области.

К 1941 году в городе функционировало свыше 1200 производственных предприятий. Только в течение 1929–1939 годов в Харькове были построены заводы: тракторный, станкостроительный, маркшейдерских инструментов, подъемно-транспортного оборудования, электротехнический, турбогенераторный, силикатный, лакокрасочный, табачного машиностроения, гипсо-алебастровый, котельно-сварочный заводы, а также заводы: «Электросветоприборы», «Поршень», «Харьковский холодильник», кожевенный завод «Большевик» и др. Были созданы рабочие места для населения на фабриках легкой и пищевой промышленности. В регионе в эксплуатацию были пущены 15 маслозаводов, 8 комбикормовых и тарных заводов, 12 фабрик, Верхне-Подольский сахарный завод, Краснозаводская теплоэлектростанция и т. д. И в этом также есть заслуга выпускников ХТИ.

В первой столице Украины в начале 20-х годов был заложен огромный научно-технический потенциал, в виде научно-исследовательских кафедр, которые впоследствии переросли в научно-исследовательские отраслевые институты республиканского и союзного значения. Выпускники ХТИ В.И. Блох, Г.Л. Юхновский, М.И. Медведев, К.Ф. Челпан, М.И. Некрич и др. на кафедрах занимались разработкой научных проблем для дальнейшего хозяйственного развития страны. ХТИ был руководящим и направляющим звеном в работе. К нему были прикреплены кафедры, в частности, такие как кафедра электротехники, (год основания – 1921); кафедра машиностроения (год основания – 1922); кафедры технологии питательных веществ, минеральных веществ и химической технологии органических веществ, (год основания – 1922); кафедра гидромеханики и авиации (год основания – 1922); кафедра теплотехники, (год основания – 1923); кафедра инженерно-строительных работ (год основания – 1926); кафедра механической обработки металлов, (год основания – 1928); и др. [10, с. 133, 137, 154–155].

Инженеры-технологи ХТИ с успехом занимались преподавательской и научной деятельностью. Накопив достаточный производственный опыт и практические знания, они передавали их своим воспитанникам в реальных и технических училищах, техникумах и институтах разных регионов России. Некоторые из них стали организаторами научных школ Национального технического университета «ХПИ» и возглавляли их долгие годы.

С особой теплотой хочется поведать неискушенному читателю, что еще в 1895 году, по инициативе директора ХТИ В.Л. Кирпичева, для оказания помощи и поддержки выпускников в трудоустройстве, взаимоотношениях их с работодателями, а главное – для продолжения и повышения квалификации технического образования было создано «Южно-Русское общество технологов». Общество издавало журнал «Известия Южно-Русского общества технологов», на страницах которого печатались научные и производственные статьи членов общества по совершенствованию технологических процессов, статьи ведущих специалистов Европы и Америки в переводе выпускников. В выпусках журнала публиковались новости промышленности, обсуждения технических новшеств, дискуссии по обмену опытом. Интересно то, что в них размещались сведения о новых членах общества и о перемене их мест службы, объявления по вакансиям на промышленных предприятиях России. Регулярно печаталась библиография новинок технической литературы, в которую часто включали библиографические обзоры, составленные профессорами ХТИ. Для читателей систематически публиковалась информация о деятельности общества. Это были отчеты, протоколы заседаний и собраний.

В 1922 году в Харькове была организована Всеукраинская Ассоциация инженеров. Задача организации заключалась в объединении инженеров всех специальностей для изучения научно-технических проблем и распространения общетехнических знаний среди населения. Председателем правления был избран ректор ХТИ И.А. Красуский. В состав правления входили профессор Г.Ф. Бураков, Г. Ф. Проскура, М.И. Кузнецов и целый ряд выпускников.

Достойным продолжателем дела сообществ выпускников стала, созданная в 2004 году по инициативе бывших студентов и ректора НТУ «ХПИ» Л.Л. Товажнянского, Ассоциация выпускников НТУ «ХПИ».

При работе над предыдущим библиотечным проектом «Харьковский технологический институт в лицах», который был посвящен профессорско-преподавательскому составу института, были использованы различные печатные издания и интернет-ресурсы, в том числе генеалогические форумы. При этом часто встречалась информация о выпускниках института – инженерах-технологах. За период своего существования институт подготовил много воспитанников и они, как звезды на небе – известные и неизвестные, большие и маленькие, яркие и угасшие, далекие и близкие. И в память о них – новый проект, посвященный выпускникам, с собранным материалом по всем доступным источникам.

Персональные данные студентов и выпускников ХТИ, как пишут, многие исследователи генеалогии родов, с большим трудом собирались по крупицам. В силу ряда причин, люди изменяли в своих биографических данных

буквы и окончания фамилий, видоизменяли имена. Боясь политических преследований, они тщательно скрывали свое непролетарское происхождение, которое проявлялось и в написании фамилии. Национальная проблема также влияла на изменения биографических сведений: русифицирование фамилий и имен было характерно для украинцев, евреев и представителей национальных меньшинств.

Воспитанники ХТИ в классовой борьбе были на разных сторонах баррикадах, что в дальнейшем сказалось на их судьбах. Даже по кратким фактам их биографий можно представить всю суровость тех испытания, которые пришлось им пережить. И, несмотря на это, поколения 20–30-х годов строили, восстанавливали, творили во имя своего Отечества и создали могущественное государство – СССР, которое выстояло и победило в Великой Отечественной войне.

Большую сложность при сборе фактов представляли годы обучения в институте. Даже, зная фамилию и точный год поступления, можно лишь только предположить год окончания института. Студент мог учиться до 10 и свыше лет. Этому способствовали: нестабильная политическая обстановка (революционные события, при которых институт временно не работал), исключения и ссылки неблагонадежных студентов, а затем их восстановление; события Первой Мировой и гражданской войны; академические отпуска по личным и финансовым мотивам. Большую неразбериху внесла и предметная система обучения, введенная с 1906 года вместо курсовой системы. Студентам предоставлялась возможность самостоятельно выбирать сроки выполнения обязательных работ, что и отразилось на продолжительности обучения в институте.

Виртуальное генеалогическое сообщество, которое поражает своими трудоемкими изысканиями и коллегиальной поддержкой, вдохновило нас на создание данного проекта. Некоторые из изложенных фактов, которые будут представлены в этом проекте, базируются на печатных источниках, а не на архивных документах. Мы полагаемся на доступную нам информацию, памятуя, что всегда при этом присутствует человеческий фактор. Тем не менее, мы уверены, что кто-то из потомков наших выпускников откроет новое имя в своей родословной, кто-то – допишет новые факты биографии своих предков и с новыми сведениями продолжит дальнейшие изыскания для восстановления истории своей семьи.

Мы будем благодарны всем тем, кто пожелает принять участие в создании базы данных студентов-технологов на сайте нашей библиотеки <http://library.kpi.kharkov.ua/>. Сведения о некоторых выпускниках пока еще не могут быть включены в указатель ввиду отсутствия точных данных о них. Любая дополнительная информация, представленная вами, откроет новые страницы в истории университета.

Собранный материал, по окончании работы, будет передан в музей Национального технического университета «ХПИ».

Наш электронный адрес: bibl@kpi.kharkov.ua

контактный телефон: +38 (057) 707-68-28

Список литературы: 1. Національний технічний університет «Харківський політехнічний інститут» [Электронный ресурс] / проф. Л.Л. Товажнянський. – Режим доступа: <http://www.kpi.kharkov.ua/ru/home/booklet/>. 2. Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX-начале XX века / А.Е. Иванов. – Москва, 1991. 3. Летопись университета: события и факты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kpi.kharkov.ua/ru/home/letopis>. 4. 1-е заседание Комиссии по вопросу о высшем техническом учебном заведении: 12 окт. 1897 г. // Прил. к «Запискам И. Р. Т. О-ва». – 1907. – № 11. 5. Абросимов И. Частная жизнь бакинской семьи на фоне событий далекого прошлого. Часть I. (Из воспоминаний) [Электронный ресурс] / Игорь Абросимов. – Режим доступа: <http://www.ourbaku.com/index.php5>. 6. Кирпи-чев В.Л. Десятилетие Харьковского Практического Технологического Института: отчет / В.Л. Кирпичев. — Харьков, 1895. 7. Народный комиссариат путей сообщения СССР [Электронный ресурс] // Википедия. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>. 8. Володин А.Ю. Труды и дни фабричного инспектора в России [Электронный ресурс] / А.Ю. Володин. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/>. 9. Савин В.С. Авиация в Украине: очерки истории. – Харьков, 1995. 10. Наукові установи та організації УССР. – Харків, 1930.

*Юлиана Полякова
г. Харьков, Украина*

«ТЕАТРАЛЬНЫЙ АЛЬМАНАХ» А. ПЛЮШАРА В КОНТЕКСТЕ ТЕАТРАЛЬНОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

Литературно-художественные альманахи 30-х годов XIX века сыграли важную роль в формировании книжной и читательской культуры своего времени. Этот вид издательской продукции давно привлекает внимание исследователей. Достаточно вспомнить такие работы, как труд Н.П. Смирнова-Сокольского «Русские литературные альманахи и сборники XVIII–XIX вв.» [8], книга В.Э. Вацура, посвященная альманаху «Северные цветы» [2], А.И. Рейтблата [7], И.А. Шпаковской [10] и др. Театральные альманахи первой половины XIX века рассматриваются и в комплексном исследовании Д.Г. Королева «Очерки из истории издания и распространения театральной книги в России XIX – начала XX веков» [6, с. 19–27].

В первой трети XIX века альманах стал средством приучения образованного населения к чтению художественной литературы. Этот тип изданий был рассчитан на то, чтобы выборочно знакомить читателя с произведениями, вышедшими за год. А поскольку эта подборка часто сопровождалась критическим разбором произведений, альманахи служили развитию не только изящной словесности, но и литературной критики. Так, например, альманах «Драматический альбом для любителей театра и музыки на 1826 год», изданный А. Писаревым и А. Верстовским [5], содержал предисловие А. Писарева, называвшееся «Разговор одного из издателей «Драматического альбома» с читателем оного», в котором автор в непринужденной форме диалога дает характеристику подобным изданиям. В предисловиях к альманахам, посвященных драматургии, часто затрагивались и проблемы ее сценического воплощения. Так, в упомянутом «Драматическом альбоме» помещена статья «О качествах, необходимых для драматического артиста» [5, с. 132–148], подписанная криптонимом («...й ...ь ...й») и по утверждению Н. Смирнова-Сокольского принадлежащая перу драматурга А.А. Шаховского [8, с. 99]. И с течением времени особый интерес у исследователей истории литературы и театра стали вызывать именно вступительные статьи к альманахам как образцы художественно-критического мышления той эпохи.

Именно с этой точки зрения мы рассмотрим «Театральный альманах», вышедший в типографии А. Плюшара в Петербурге в 1830 г. Изданный в 1/16 долю листа, альманах внешне выглядел достаточно скромно; кроме

нескольких выполненных графически концовок, в нем не было иллюстративных материалов. Альманах включал в себя отрывки из произведений А. Хомякова, А. Ротчева, П. Ободовского, А. Шаховского, П. Корсакова, Р. Зотова, В. Каратыгина, Д. Н. Баркова, Н. Хмельницкого, А. Писарева, Д. Воробьева (Ленского), отрывки из таких зарубежных пьес, как «Дон Карлос» Ф. Шиллера (в переводе П. Ободовского), «Марио Фальерно» К. Делагиня (перевод В. Каратыгина), «Макбет» В. Шекспира (в переводе А. Ротчева), «Свадьба Фигаро» П.-О. Бомарше (в переводе Д. Баркова), сведения о репертуаре императорских театров в 1829 г. и вступительную статью, посвященную обзору драматургии и деятельности драматических трупп Петербурга в том же году.

Автор статьи был хорошо осведомлен не только о составе трупп всех театров и их репертуаре, но и об условиях работы драматургов. Его высказывания о драматургии достаточно категоричны: «После «Недоросля», который так славно ознаменовал начало нашего драматического поприща, мы еще ждем русской комедии, потому что произведения Княжнина, князя Шаховского, Загоскина, хотя и имеют многие достоинства, но все более подражание французской Талии» [9, с. 2]. Автор емко характеризует недостатки комедий А. Шаховского, В. Капниста, выделяя А. Грибоедова: «Нельзя, кажется, проговорить четверти часа, об чем бы то ни было, чтоб не пришлось сказать какого-нибудь стиха из «Горе от ума»; стихи эти, поневоле врезавшись в памяти, невольно вырываются в разговоре» [9, с. 3]. Еще более сдержанно отзывается он о русской трагедии после Озерова, критикуя пьесы А. Хомякова, А. Грузинцева, С. Висковатова и сетуя на то, что в репертуаре царит переводная литература. Неудачи драматургов автор склонен объяснять прозаически (что выдает в нем скорее издателя, чем писателя) – отсутствием в России профессиональных литераторов. Те литераторы (в том числе и драматурги), которые пишут в свободное от службы время, часто работают небрежно, не имея возможности тщательно отшлифовать свои произведения. Возникали сложности и при начислении гонораров от постановок пьес, поскольку, согласно положению 1827 г. автор, чья пьеса поставлена на сцене императорского театра в Петербурге, уже не имел право требовать гонорар при постановке этой же пьесы в Москве. Критик сравнивает положение дел в России и во Франции, где понравившуюся публике пьесу показывают 50–60 раз (в российских столицах спектакль идет не более 4-х раз) [9, с. 11]. Затем автор предисловия характеризует русский драматический, оперный и балетный театр, а также французскую, немецкую и итальянскую труппы Петербурга. Он пишет: «Надобно отдать полную справедливость русской драматической труппе. Редкий те-

атр может похвастаться столь отличными сюжетами. Каратыгины, Брянские, Сосницкие, Валберхова, Рязанцев служат украшением нашей сцены, и все беспристрастные зрители отдадут преимущество сей труппе перед французскою, коль скоро обе играют одни и те же пьесы» [9, с. 13]. Достаточно критически он высказывается об оперной и балетной труппе [9, с. 14–15], а затем вновь возвращается к репертуару, к пьесам, которые актеры ставят в свои бенефисы. Он указывает на принципиальную порочность системы бенефисов, которая плохо сказывается как на исполнении, так и на качестве литературной продукции, ибо драматурги вынуждены в спешке переводить на заказ новые пьесы. Автор касается и постановочной части, хвалит сценографию и костюмы некоторых спектаклей, указывая, что, к сожалению, русская сцена не имеет «ни отличных декораторов, но знающего костюмера-археолога» [19, с. 20], то есть ни сценографов, ни художников по костюмам. Говоря о французской труппе, он отмечает прекрасное оформление спектаклей и редкую сыгранность актеров: «... Несмотря на посредственность талантов, оную составляющих, спектакли их идут с таким редким, приятным ensemble, который иногда заменяет, если даже не предпочтителен, заикающемуся ходу пьесы, обставленной первоклассными артистами» [9, с. 21]. Заметим, что слово ensemble, употребленное практически в современном значении, написано по-французски и снабжено ироническим комментарием: «Винуват! Этого театрального технического термина я не умел предать на русский язык» [9, с. 21]. Это свидетельствует не только о прекрасном знании французского языка, но и о знакомстве с французской театральной терминологией.

Кто же был автором вступительной статьи? Н. Смирнов-Сокольский, который в своем издании дает краткую характеристику альманаха, раскрывает его содержание и псевдонимы некоторых авторов пьес, указывает, что имя издателя и автора вступительной статьи ему неизвестно [8, с. 159–160]. По мнению И. Шпаковской, написавшей диссертационное исследование о деятельности типографии Плюшаров в России, им мог быть сам издатель альманаха, Адольф Александрович Плюшар (1806–1865) [11].

Адольф Плюшар был третьим представителем издательской династии Плюшаров, работавших в Петербурге в XIX веке. Основатель фирмы, Александр Иванович Плюшар, был приглашен в 1806 г. в Петербург из Брауншвейга, где он владел типографией. В 1808 г. его назначили директором Сенатской типографии, одного из самых крупных полиграфических предприятий Петербурга. Вскоре, в 1813 г., Плюшар, сам хороший рисовальщик и литограф, открыл собственную типографию, при которой имелась и книжная лавка. Он привлекал к работе лучших художников и литографов, среди которых А. Орловский, А. Мартынов, А. Тозелли, К. П. Беггров и др.

В 1827 г. Александр Плюшар умер, оставив дело своей вдове Генриетте и несовершеннолетнему еще сыну Адольфу. В типографии Плюшаров в 30-е годы напечатаны такие книги, как 1-е издание «Гамлета» (в переделке Висковатова), известный альманах «Комета Белы» (1833), роман Ф. Булгарина «Иван Выжигин» (1829) и, наконец, знаменитое смирдинское издание «Новоселья» (1833). Адольф Плюшар, кроме того, вошел в историю русского книгоиздания и своей попыткой издания универсального энциклопедического словаря – «Энциклопедического лексикона». Редакторами издания выступили известные литераторы Н.И. Греч и О.И. Сенковский. Словарь, вышедший по подписке в 1835–1841 гг, оказался слишком подробным (17-й том был доведен только буквы «Д»). «Лексикон» не оправдал ожиданий читателей, что привело к прекращению издания словаря. В конце 40–50-х гг. Плюшар занимался выпуском переводных сборников и периодических изданий, таких, как «Гирлянда» (1846–54), «Живописный сборник замечательных предметов из наук, искусств, промышленности и общежития» (1850–58) и др. [1]. Как писала И. Шпаковская: «Деятельность Адольфа Плюшара была многоаспектной, что, как отмечалось не раз, было типично для книгоиздателя 1-й пол. XIX в. в России. Из-под его печатных станков выходили книги и журналы самых разнообразных тем и типов, притом, что это разнообразие постоянно удерживалось на высоком уровне, как техническом, так и идейном. Основная его продукция – это произведения-среднячки, интересные современникам и ушедшие из жизни вместе с ними. Это относится, прежде всего, к альманахам, выпущенным Плюшаром в 1830 году, и произведениям беллетристики» [11]. В отдельной статье, посвященной альманахам, вышедшим из типографии А. Плюшара, И. Шпаковская подчеркивает: «Издатели альманахов Плюшара известны, а тот факт, что они были его знакомыми, а также единый качественный уровень этих альманахов, говорят о том, что Плюшара можно назвать «соиздателем» [10, с. 273]. Заметим, что в том же 1830 г. Плюшар выпустил «Невский альманах» Е. Аладьина, «Царское село» Н. Коншина и Е. Розена, «Альциону» Е. Розена. Возможно, это плодотворное «соиздательство» и побудило Плюшара выпустить альманах самостоятельно. К тому же известно, что он был хорошо знаком со многими деятелями литературы и театра, печатал в своей типографии драматические произведения. К тому же, предисловие к «Театральному альманаху» несколько отличается от театрально-критических статей 20–30-х гг. XIX века. Для них характерны стремление к широким обобщениям, к попыткам ввести национальный опыт в сферу мирового развития театра. Что же касается актерского мастерства и сценического искусства, то рассуждения о нем носят

у критиков или предельно обобщенный характер, или наоборот, связываются с конкретным исполнителем, его личностью и манерой исполнения. В отличие от многих тогдашних публицистов, автор предисловия к «Театральному альманаху» не пытается увязывать проблемы драматургии с общими проблемами литературы и искусства. Он подробно характеризует состояние драматургии, но, говоря об игре русских актеров, отделяется общими фразами. Все это могло быть характерно для человека, который, как Плюшар, вращался в литературных и театральных кругах и мог иметь собственное мнение по многим вопросам, в том числе и связанным с коммерческой стороной дела.

Д.Г. Королев в своей книге «Очерки из истории издания и распространения театральной книги в России XIX – начала XX веков» высказывает предположение, что автором предисловия мог быть один из авторов «Театрального альманаха» – драматург, прозаик, переводчик, литературный и театральный критик Рафаил Михайлович Зотов (1795–1871) [6, с. 222]. В альманахе вошел отрывок из трагедии «Разбойник богемских лесов», причем автор укрылся за криптонимом «Р. З.».

Р.М. Зотов после окончания гимназии был канцелярским служителем в театральной дирекции. Он участвовал в Отечественной войне 1812 г., а с 1814 г. снова работал в театральной дирекции – переводчиком, помощником управляющего труппой Санкт-Петербургского немецкого (с 1818) и французского (1821–22) театра, инспектором русской труппы (1826–1827), начальником репертуарной части (с 1829). Успешная карьера оборвалась в 1833 г. из-за конфликта с директором императорских театров С.А. Геденовым. Как театральный критик Зотов явственно примыкал к консервативному направлению, поэтому скептически относился к любым проявлениям романтизма в драматургии и в актерском искусстве. Для театра Зотов сочинил, перевел и переделал около 117 произведений, среди которых были исторические пьесы, комедии, мелодрамы, водевили. Его автобиографические «Записки», опубликованные на страницах «Исторического вестника», содержат многостороннюю характеристику театральной жизни, воспоминания об актерах, драматургах, театральных деятелях. Стиль этих воспоминаний делает предположение Д.Г. Королева об авторстве Зотова достаточно убедительным.

Уже в 1830 году на страницах «Литературной газеты» появилась рецензия на «Театральный альманах». Отзыв опубликован без подписи, но из библиографии, помещенной в полном собрании сочинений А.А. Дельвига [3, с. 505] следует, что рецензия принадлежит ему. Дельвиг резко полемизирует с утверждением, что «посредственность» пьес обусловлена низкими

гонорарами драматургов: «Издатель в предисловии приписывает посредственность драматической поэзии русской тому, что у нас мало платят авторам. Нам кажется напротив! Если бы у нас совсем ничего не платили за пьесы и более прислушивались к голосу критики, то давно бы наши драматические музы сравнялись с другими своими сестрами, далеко их опередившими. Прекрати нынче театральная дирекция выдачу денег за пьесы, нынче же отхлынет от русского театра многочисленная толпа, наводняющая нашу сцену вздором, написанным каким-то татарским языком. Кто нам докажет, чтобы Фон-Визин и Озеров (единственные в России люди, которым бы должно было платить по-европейски), писали для театра из денег? Вот почему они так разнятся и чистотою языка и обдуманностью плана от прочих наших драматических писателей! Взгляните же на театральные подрядчиков русских, что они производят? Сыщете ли кто в их произведениях хотя один живой, замечательный характер? Нет! Они об характерах и не думают; они шьют роли как платье на такого-то актера, на таких-то актрис» [4].

Любой писатель (в том числе и пытавшийся жить литературным трудом Дельвиг) прекрасно знал, что качество литературной продукции связано с талантом, мастерством, но никак не с оплатой. Таким образом, если автор предисловия к «Театральному альманаху» упирает на ничтожность оплаты как причину низкого качества продукции, сам он является скорее издателем, чем драматургом. При этом он все же считает необходимым ознакомить публику с тем, что вышло за год, с текущим положением дел в театре. Дельвиг же ставит под сомнение необходимость издания подобного рода альманахов, утверждая, что надо публиковать лишь лучшие образцы драматургии. В защиту издателя «Театрального альманаха» мы сегодня можем сказать, что и другие альманахи вызывают сегодня интерес исследователей именно как явления, характеризующее в целом культурную среду, породившую то или иное крупное художественное произведение.

Рассматривая эту полемику в исторической перспективе, мы видим, что характеристики, данные автором предисловия современным драматургам, петербургским труппам и их репертуару, точны и справедливы. Поэтому обзор, написанный неизвестным составителем альманаха (Адольфом Плюшаром, Рафаилом Зотовым или кем-то другим), и сам альманах имеют важное научное и культурное значение как для истории театра и драматургии, так и для истории взаимоотношений авторов и издателей в России в первой трети XIX в.

Список литературы: 1. Андерсон В.М. Семейство Плюшар – типографы / В.М. Андерсон // Русский библиофил. – 1911. – № 1. – С. 26–43. 2. Вацуро В. Э. «Северные цветы»: История альманаха Дельвига–Пушкина / В.Э. Вацуро. – М.: Книга, 1978. – 287 с. 3. Дельвиг А.А. Полное собрание сочинений / А.А. Дельвиг; ред. и примеч. Б. Томашевского, вступ. ст. И. Виноградова и Б. Томашевского. – Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1934. – 552 с. – (Библиотека поэта). 4. [Дельвиг А.А.] Театральный альманах на 1830 год. СПб.: В тип. Плюшара, 1830. (334 с. в 16-ю д. л.) / [Дельвиг А.А.] // Литературная газета. – 1830. – 15 июля (№ 40). – С. 32. – Без подписи. 5. Драматический альбом для любителей театра и музыки на 1826 год. Кн. 1 / изд. А. Писарев, А. Верстовский. – М.: Тип. Имп. моск. театра, [1825]. – 376 с., 6 л. ил. 6. Королев Д.Г. Очерки из истории издания и распространения театральной книги в России XIX – начала XX веков / Д.Г. Королев. – СПб.: РНБ, 1999. – 328 с. 7. Рейтблат А.И. Литературный альманах 1820–1830-х как социокультурная форма / А.И. Рейтблат // Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи / А.И. Рейтблат. – М., 2001. – С. 70–81. 8. Смирнов-Сокольский Н. Русские литературные альманахи и сборники XVIII–XIX вв. / Ник. Смирнов-Сокольский. – М.: Книга, 1965. – 592 с. 9. Театральный альманах на 1830 год. – СПб.: В тип. Плюшара, 1830. – 354 с. 10. Шпаковская И.А. Альманахи Адольфа Плюшара / И.А. Шпаковская // Российская культура глазами молодых ученых. – 2003. – Вып. 13. – С. 272–284. 11. Шпаковская И.А. Александр и Адольф Плюшары – петербургские издатели, типографы и книгопродавцы первой половины XIX века, 1806–1865 [Электронный ресурс]: дис. ... канд. филол. наук / И.А. Шпаковская. – СПб., 2004. – 284 с. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/aleksandr-i-adolf-plyushary-peterburgskie-izdateli-tipografy-i-knigoprodavtsy-pervoi-polovin>. – Заглавие с экрана.

Ірина Романова
м. Харків, Україна

ДІЯЛЬНІСТЬ ЛІТЕРАТУРНОГО ГУРТКА «РУСЬКА ТРІЙЦЯ» В КОНТЕКСТІ НАЦІОНАЛЬНО-ВИЗВОЛЬНИХ РУХІВ СЛОВ'ЯНСЬКИХ НАРОДІВ ПЕРШОЇ ПОЛОВИНИ ХІХ СТ.

Відомо, що будь-який національно-визвольний рух передбачає звільнення від чужоземного панування. В аннали історії увійшли події, пов'язані з перспективою культурного відродження поневолених слов'ян першої половини ХІХ ст. В історичних та культурологічних розвідках, присвячених цьому питанню, говорять про національно-визвольні змагання чеського, словацького, польського, сербського, хорватського, українського народів. Прикметно, що ці рухи збігаються не тільки у хронологічному вимірі, але й мають багато в чому спільну ідеологічну платформу. Зокрема, йдеться про актуалізацію популярної на той час ідеї слов'янської єдності, яка, на наш погляд, стала певним консолідуючим чинником ментально близьких народів.

На початку 30-х рр. ХІХ ст. відгомін визвольних змагань західних та південних слов'ян докотився й до Галичини, де в середовищі небайдужої частини інтелігенції почали виникати таємні організації, серед яких: «Союз мужів», «Слов'янські республіканці». Варто наголосити на показовості самих назв, що підкреслюють значущість ідеї згуртування слов'янських народів. Проте більш послідовну реалізацію вона отримала в діяльності гуртка «Руська трійця», учасниками якого стали М. Шашкевич, Я. Головацький та І. Вагилевич. Літературні уподобання цих діячів доповнилися політичним складником, що полягав в оформленні своєрідної програми визвольного руху на західноукраїнських землях.

Ідея національного відродження власного народу серед інших слов'ян на повен голос зазвучала у статті Я. Головацького «Становище русинів у Галичині», яку було надруковано в лейпцизькому журналі «Щорічники з слов'янської літератури, мистецтва і науки» (1846 р.). У ній автор констатував, що ті слов'яни, які перебували під владою Австро-Угорської імперії, «пробудились до нового життя... кожен з них возвеличує мову своїх предків, розвиває свою літературу, поширює знання серед свого народу», а західні українці «під ласкавим пануванням Австрії живуть без літератури, без часопису, без національної освіти, без шкіл, як варвари» [4, с. 226]. Як зазначає Ф. Стеблій, вимоги Я. Головацького «...були співзвучні з австролавістською концепцією чеха К.В. Гавлячка-Боровського, що орієнтувала на-

ціонально-визвольні змагання на власні сили народу та співробітництво з іншими слов'янськими народами Австрії, домагаючись поліпшення їхнього становища в межах монархії на засадах федералізму. Вони передбачали:

1) звільнення народних мас, насамперед селянства, від гніту поміщиків, зокрема через скасування панщини або заміну її чиншем;

2) піднесення «середнього стану»;

3) піднесення культури, промисловості й законності через поширення загальнокорисних знань рідною мовою;

4) запровадження шкільного навчання рідною мовою, викладання і дослідження української мови у вищих школах з метою підготовки кадрів інтелігенції, здатних працювати в україномовному середовищі;

5) розвиток літератури, культивування історичних традицій, заснування журналів» [4, с. 231]. Як бачимо, політична програма визволення Західної України була сформована культурним діячем Я. Головацьким, що в умовах відсутності власної держави та її інститутів набуває особливого звучання (до речі, в історії України це не поодинокий випадок: згадаймо діяльність представників Кирило-Мефодіївського товариства).

Ідея слов'янської солідарності як важливий чинник ідеологічної платформи «Руської трійці» не могла виникнути на порожньому місці. Зокрема, плідне підґрунтя для її сповідування було підготовлене різними підпільними організаціями, які активно почали виникати в Галичині орієнтовно в першій половині 30-х рр. XIX ст. Так, «під впливом провідних діячів Товариства прихильників Слов'янщини її учасники активно включалися в конспіраторську роботу» [3, с. 104]. Крім того, розуміння значущості перспективи консолідації забезпечувалося завдяки тісній комунікації з представниками інших слов'янських народів, у яких національно-визвольні змагання вже набули широкого розмаху. Дослідники звертають увагу на співпрацю з діячами польського руху («Союз друзів народу»), чеського, словацького (П. Шафарик, В. Ганка, Я. Коллар, Ф. Челаковський), сербського та хорватського (Г. Петрович, Т. Павлович, Ф. Курелац, Й. Попович) [3, с. 108]. Можливість обміну досвідом у національно-визвольній боротьбі слов'ян відбувалася в ситуації, коли на зміну просвітницьким ідеям прийшли романтичні. Як зазначають автори літературознавчого словника-довідника, «у країнах Центральної та Південно-Східної Європи домінантою романтизму став національно-визвольний рух, відносини особистості з національним колективом, мотив «національної туги» та ін.» [1, с. 601]. А тому саме романтизм став одним із чинників пробудження національної свідомості на західноукраїнських землях, необхідності повернення до витоків народу, його самобу-

тності. Саме на цій хвилі піднесення національного духу й зароджується діяльність гуртка «Руська трійця». Як свідчить один із його ідеологів Я. Головацький, учасники «...розмовляли руською мовою, тому наші колеги називали нас жартома «Руською трійцею»» [2, с. 230].

Маніфестом національного відродження в Галичині в означений період стає альманах «Русалка Дністровая», виданий учасниками «Руської трійці» 1837 р. в Будапешті. Структурно він складається з чотирьох частин, які відповідають естетиці романтизму. У першому розділі «Пісні народні» автори звертаються до фольклору як основи «руського народу», реалізуючи в такий спосіб романтичну настанову на поглиблене вивчення усної народної творчості. Друга частина «Складання» пропонує оригінальні твори представників «Руської трійці» й засвідчує пошуки авторами власного місця в новій літературі Галичини. Третій розділ «Переводи» містить переклади сербських народних пісень та уривок із чеського «Краледвірського рукопису» й дозволяє галичанам познайомитися з художніми здобутками народів, що набуває особливого прочитання в контексті ідеї консолідації слов'ян. Заключна частина «Старина» містить історичний та фольклорний матеріал, що повертає читача до національних джерел.

Важко переоцінити значення цієї збірки, адже в ній ідея відродження «руського народу» серед інших слов'ян є лейтмотивом творчості М. Шашкевича, Я. Головацького та І. Вагилевича. У художньому світі «трійчан» вона набуває концептуального значення й метафоризується в образі весни як символу зміни ситуації (вірші М. Шашкевича «Веснівка», Я. Головацького «Весна»). Власне, ці твори окреслюють важливий буттєвий досвід тих, хто став на шлях національно-визвольних змагань. Проте саме він і приносить ліричному героєві найбільшу насолоду, можливість по-справжньому оцінити його. Не випадково у вірші «Весна» Я. Головацького діяльність «трійчан» співвідноситься з тяжкою працею хліборобів, які часто обробляють непридатні землі, засіваючи їх зерном. Наприкінці твору звучать натхненні слова:

*Хто працює, оре, сіє,
Той і плодів ся надіє!* [5, с. 215].

Таким чином, розвиваючись у контексті національно-визвольних рухів слов'янських народів першої половини ХІХ ст., літературний гурток «Руська трійця» засвідчив якісно новий виток у суспільно-культурному житті Галичини означеного періоду і продемонстрував можливість рівноправного діалогу з культурними діячами Східної України, які, до речі, ще раніше органічно засвоїли романтичну естетику світобачення.

Список літератури: 1. Літературознавчий словник-довідник / За ред. Р.Т. Гром'яка, Ю.І. Коваліва, В.І. Теремка. – К.: ВЦ «Академія», 752 с. (Nota bene). 2. Пільгук І.І., Чернописьский М.Г. Письменники Західної України 30–50-х рр. ХІХ століття / І.І. Пільгук, М.Г. Чернописьский. – К.: Дніпро, 1965. – 652 с. 3. «Руська трійця» в історії суспільно-політичного руху і культури України. – К.: Наукова думка, 1987. – 339 с. 4. Стеблій Ф. Яків Головацький – діяч українського національного відродження / Феодосій Стеблій // Шашкевичіана. – Вип. 1, 2. – С. 225–235. – Львів–Броди–Вінніпег: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича, видавництво «Просвіта», 1996. – 466 с. 5. Шашкевич М.С., Вагилевич І.М., Головацький Я.Ф. Твори / М.С. Шашкевич, І.М. Вагилевич, Я. Ф. Головацький / Упоряд., вступна стаття та прим. М. Шалати. – К.: Дніпро, 1982. – 367 с.

*Анна Сатановская
г. Харьков, Украина*

ОСОБЕННОСТИ ОТОБРАЖЕНИЯ ОППОЗИЦИИ «РИМ – СТРАНА СКИФОВ» В ПРОСТРАНСТВЕННОЙ СТРУКТУРЕ РОМАНА МАРГЕРИТ ЮРСЕНАР «ВОСПОМИНАНИЯ АДРИАНА»

Маргерит Юрсенар (1903–1987) – одна из ключевых фигур французской интеллектуально-философской прозы XX-го века. Богатое творческое наследие писательницы насчитывает более тридцати произведений разных жанров (романы, рассказы, поэмы, эссе, сказки), среди которых особое место занимает роман «Воспоминания Адриана» (1951). Публикация романа закрепила за М. Юрсенар статус выдающегося художника слова, что в 1970 году нашло официальное подтверждение в избрании писательницы в Королевскую академию французского языка и литературы Бельгии, а в 1981 году М. Юрсенар стала первой женщиной, избранной во Французскую академию.

Во французском литературоведении роман «Воспоминания Адриана» принято считать философско-историческим [5]. Роману придана форма послания римского императора Адриана своему воспитаннику Марку Аврелию, в котором воспоминания о ключевых событиях жизни правителя дополняются его философскими размышлениями.

М. Юрсенар с самого раннего возраста хорошо владела древнегреческим языком и латынью, и, по ее признанию, при подготовке к написанию романа она перечитала большинство сохранившихся античных текстов эпохи Адриана, в том числе переписку самого императора со своими подчиненными. Помимо этого, размышляя над будущим произведением, она посещала знаковые места, относящиеся к Адриану, среди которых была Вилла Адриана в Тиволи, близ Рима, резиденция императора, откуда он правил государством на закате своей жизни. Пространственные образы виллы, прилегающей территории, внутреннего убранства зданий послужили исходной точкой моделирования романного хронотопа и воссоздания не только эпохи Адриана в целом, но и характерных черт личности самого императора, в частности.

Вопросы пространственно-временных отношений в художественном произведении являются актуальными для современного литературоведения. Хронотоп отображает метод и стиль писателя, выполняет смыслообразующую и жанрообразующую функции. Проблемой пространственно-временной организации текста занимались М. Бахтин, Ю. Лотман, В. Топоров и др. М. Бахтин [1] является основоположником теории хронотопа в литературоведении; по его мнению, хронотоп выполняет формально-содержательную

функцию, таким образом, «<...> всякое вступление в сферу смысла совершается только через ворота хронотопа» [1, с. 406]. По Бахтину, время превалирует над пространством в хронотопе. Ю. Лотман [2] в своих исследованиях большее внимание уделяет именно категории пространства. Ученый утверждает, что, пространство текста является моделью картины мира писателя, которая находит свое воплощение в художественном тексте. В. Топоров [3] рассматривает хронотоп с точки зрения мифопоэтики художественного произведения, он считает, что пространство текста наполнено сакральными объектами, которые находятся друг с другом в определенных отношениях, а также структурно организуют пространство, придавая ему определенное значение.

Итак, целью данной статьи является анализ пространственной модели романа М. Юрсенар «Воспоминания Адриана» и выявление в ней художественных способов реализации смысловой оппозиции «Рим – страна скифов». По сюжету романа, будущий император Адриан, который занимал должность трибуна V-го Македонского Легиона, отправился в военный поход по странам Мёзии, а также по соседним восточным регионам. Сам Адриан отзывается об идее отъезда следующим образом: «Если бы эта жизнь в Риме продолжалась еще какое-то время, она наверняка озлобила бы и развратила меня или подорвала бы мое здоровье. Меня спасло возвращение в армию» [4, с. 57]. Организация хронотопа Рима в романе отличается усложненностью, течение времени в нем ускоряется, а пространство сжимается, все говорит о напряженности, быстротечности и противостоянии. Рим для главного героя – это место, «<...> где люди, с головой укутавшись в тяжелые тоги, борются с порывами февральского ветра...» [4, с. 53]; «<...> непрерывно куются дела всего мира...» [4, с. 52]; «По сравнению с этим миром решительных действий милая моему сердцу греческая провинция, казалось, дремала в пыли отживших идей... мужья против жен, отцы против детей, дальние родственники против всех остальных». [4, с. 54] Стилистически данные временные характеристики хронотопа Рима подчеркиваются настоящим временем глагола – *Présent*, то есть, действие «здесь и сейчас».

Когда речь заходит о земле скифов, то там пространство расширяется, становится бесконечным, а течение времени замедляет свой ход (стилистически это выражается прошедшим незавершенным временем *Imparfait*). «Бескрайняя равнина сливалась с небом. Мое восхищение достигало предела, когда мне открывалось чудо тамошних рек: эта огромная пустынная земля была для них всего только скатом, всего только ложем» [4, с. 58]. Данная бесконечность внешнего пространства совпадает с пространством внутренним – ощущениями и мечтаниями героя: «Я завидую тому, кому посчастливится совершить кругосветное путешествие... <...> Мне представлялось,

что я принимаю решение – идти все вперед и вперед по неизведанным тропам, где кончаются наши дороги» [4, с. 59]. Нет уже и свойственного Риму напряжения и противостояния – Адриану легко удается общение с местным населением, с которым римляне торгуют лошадьми.

Кроме того, для художественного пространства в романе характерны телесностные характеристики, причем и в этом аспекте наблюдается оппозиция Рима со страной скифов. «В нашей греческой или латинской земле, поддерживаемой костяком скал, есть четкое изящество мужского тела; скифская же земля своим тяжеловатым избытком напоминала тело лежащей женщины...» [4, с. 58]. Автор часто прибегает к сравнению Рима с телом пожилого или больного человека: «<...> он был прекрасен... этот город... с кирпичами цвета старческого тела» [4, с. 92]. «Унаследованный мною мир походил на человека в зрелом возрасте, вполне еще крепкого (хотя опытный врач мог бы уже разглядеть едва заметные признаки старости), но только начинающего вставать на ноги после тяжелой болезни» [4, с. 86].

Подытоживая данное исследование, приведем еще одно высказывание героя: «Я торопился покинуть Рим... для меня вне его стен начинались все мои великие помыслы, моя мирная деятельность, сама моя жизнь» [4, с. 94].

Таким образом, анализ пространственной структуры романа М. Юрсенар «Воспоминания Адриана» позволяет сделать вывод, что образ Рима находится в оппозиции к образу страны скифов, что определяется их пространственно-временными характеристиками. Это свидетельствует о наличии двух хронотопов – «Рим» и «Страна скифов», которые противопоставлены друг другу и символизируют, с одной стороны – обыденную суету и напряженность («Рим»), с другой – безмятежность и единение человека с природой («Страна скифов»).

Перспективой дальнейшего изучения пространственно-временной организации романа является выявление других хронотопов и анализ их художественных особенностей, что может стать частью общего изучения поэтической функции хронотопа в творчестве М. Юрсенар.

Список литературы: 1. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // М.М. Бахтин. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М.: Худож. лит., 1975. – 502 с. 2. Лотман Ю.М. Структура художественного текста / Ю.М. Лотман. – М.: Искусство, 1970. – 384 с. 3. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. – М.: Наука, 1983. – С. 227–284. 4. Юрсенар М. Избранное / М. Юрсенар / Составл. М. Добродеевой. – Москва: Радуга, 1984. – 401 с. 5. Dictionnaires des littératures de langue française / [Beaumarchais J.-P. de, Couty D., Rey A.] – Paris: Edition Bordas, 1994. – S – Z. – 1442 p.

*Надежда Северин
г. Харьков, Украина*

КРОС-КУЛЬТУРНІ ВЗАЄМИНИ ЕТНОСІВ НА ТЕРИТОРІЇ ІСТОРИЧНОЇ СЛОБОЖАНЩИНИ

Питання культурних взаємовідносин України і Росії завжди викликало неабиякий інтерес в учених колах обох країн. Актуальним воно є і сьогодні. Досить згадати думку професора І. Огієнка про входження української культури до російської в «усі віки, аж до XIX віку». Кращі вчені, які досліджували ці відносини у процесі їх історичного розвитку, – академіки Перетць, Пипін, професори Архангельський, Морозов, Петров та інші прийшли до такої ж думки. Академік Пипін вважав, що «Тем новым элементом, который с конца XVI и особенно в течение XVII века вмешался в московскую книжность и, в конце концов, возобладал над нею, были образование и литература, развившиеся в Западной Руси и в Киеве. Но чем дальше, тем необходимее становились связи Москвы с юго-западом; собственных сил явно недоставало: и в Москву зовут киевлян для ученой работы... К половине XVII века в Москве было наконец понято, что для книжного дела нужны настоящие ученые люди. У себя дома таких людей не было; их стали призывать из Киева» [1, с. 44].

На думку І. Огієнка, у зв'язку з потребою мати вчених людей у Москві і видрукувати справну Біблію, цар Олексій Михайлович запросив з Києва українців, і 12 липня 1649 р. до Москви приїхали українські справники Арсеній Сатановський, Єпифаній Славинецький та старець Феодосій, а через рік прибув туди ж Дамаскин Галицький з іноком Марком. Славинецький здобув собі славу «вельми вченої і мудрої» людини, він добре знав філософію, граматику і риторику, польську, грецьку та слов'янську мови і залишив по собі «Лексикон греко-славяно-латинский». У 1664 р. прибув до Москви Семен Полоцький, покликаний туди вчити царевичів Олексія і Федора та царівну Софію. Навчав він і царевича Петра. Як людина високоосвічена, він мав великий вплив і в державному житті Москви, і в літературі та залишив багато визначних праць. С. Яворський, Д. Ростовський стали у Москві бажаними людьми, сприяли розвитку її культури, а Феофан Прокопович мав величезний вплив і на московську науку, і на нову літературу. У 1720 р. вийшов його знаменитий буквар під назвою «Первое учение отрокам», і завдяки йому на довгі роки Прокопович став першим учителем російських дітей. Він зібрав бібліотеку, з якою могла зрівнятися лише знаменита біб-

ліотека князя Дмитра Голіцина, – 30 тисяч томів. Як визначний мислитель, він став теоретиком Російської імперії. Згадаймо ще один цікавий момент в українсько-російських культурних відносинах, коли Прокопович прийшов на допомогу майбутньому генію російської науки М. Ломоносову. Приїхавши до Московської слов'яногреко-латинської академії, він став свідком скандалу, що там розгорівся у зв'язку з обманом Ломоносова, який назвався при вступі до академії дворянським сином, а виявився бідняком (не дворян в академію не брали). І його б з ганьбою вигнали, якби не Прокопович. Він влаштував самозванцеві екзамен і був вражений його блискучими здібностями. А коли екзамен закінчився, Феофан виголосив знамениті слова, які Ломоносов запам'ятав на все життя: «Пускай и о тебе теперь звонят хоть в самый большой московский колокол. Ничего не бойся. Отныне я твоя защита!» [2, с. 129]. Так українець посприяв «народженню» визначного російського вченого. За його клопотанням Ломоносов був прийнятий у гімназію при Петербурзькій академії наук, за його ж порадою відвідав Києво-Могилянську академію, де слухав знамениті богословські диспути, вдосконалював риторику та поетику.

Варто згадати імена видатних українців, які зробили значний внесок у розвиток культури, освіти, дипломатії, зміцнення держави, підняття престижу Росії у світі, – Олексія Розумовського, Кирила Розумовського, Олександра Безбородька, Петра Завадовського та ін. У 1756–1763 рр. під командуванням графа П. Румянцева у складі російської армії воювали Київський, Ніжинський, Чернігівський та Чугуївський козацькі полки. З іншого боку, росіянин Григорій Потьомкін активно сприяв заснуванню та становленню нових українських міст Катеринослава (Дніпропетровська), Херсона, Одеси, Севастополя. Він записався до козацького війська під іменем «Грицька Нечоси» і був проголошений «гетьманом» козацьких і чорноморських військ. Запорозьке військо прийняло також російських офіцерів і генералів як почесних товаришів, у тому числі підполковника М. Кутузова і генерал-аншефа П. Паніна, які вважали це честю для себе. Інший яскравий приклад впливу з боку Росії – викуп Тараса Шевченка з кріпацтва (22 квітня 1838 р.) і надання йому можливості навчатися в Петербурзькій академії художеств, підтримка Карла Брюллова, у якого Шевченко стає одним із улюблених учнів.

Прикладів культурних взаємин українців і росіян можна навести безліч. Осередками їх у різні історичні періоди виступали Москва, Петербург, Харків. Тож розглянемо, якими були культурні відносини українців, росіян, інших етносів на території Харкова та Слобожанщини.

Національний склад Слобідської України досить різноманітний. Серед основних етносів можна виділити такі, які мали давню історію та визнача-

ли протягом тривалого часу особливості культурно-суспільного розвитку регіону, а саме – російський, український, єврейський та польський етноси, оскільки Слобідська Україна є пограниччям регіону і тим культурним контекстом, який виступає яскравим взірцем простору з єдиною суспільною системою, культурними та мовними традиціями.

Як відомо, заселення території Слобожанщини почалося на початку XVII століття, а першими переселенцями стали кріпосні селяни, що тікали від своїх хазяїв на територію так званого «дикого поля», та збіднілі городяни. Вони споруджували собі будинки, обзаводилися господарством, розорювали землі, займалися ремеслами, промислами і торгівлею. До цього часу у Харкові існують назви вулиць – Коцарська, Чоботарська та інші, що появилися від назв ремісничих майстерень. До початку XIX ст. Харків був українським містом, і більшість його населення зберігала свої обряди, звичаї, мову та одяг.

Другою за чисельністю народністю після українців, що проживала на території Слобожанщини, були росіяни. Відомості про великоросів як переселенців до Слобідської України вперше зустрічаються також у I половині XVII ст., про що М.Ф. Сумцов писав: «У північно-східному напрямку Охтирського повіту, серед суцільного малоруського населення знаходиться цікавий в етнографічному відношенні великоруський оазис: села Люджа, Верхолюджа, Пожня, Дернове, Ницаха і Поляноє» [3, с. 221]. Вони переселялися з Московської, Курської, Орловської, Калузької та ін. губерній Росії з метою тимчасового проживання, проте багато з них залишилося тут назавжди. Про це Сумцов писав: «Протягом століття великороси живуть поряд з малоросами в однакових природних і економічних умовах, не змішуючись один з одним, в національному відособленні, але не без взаємних впливів, при цьому надалі малоросійський вплив отримає вагому перевагу» [3, с. 222]. Переселялися великороси часто не за власним бажанням, а за наказом Московського уряду з метою охорони міста Харкова, як правило, це були служилі люди, на чолі їх стояв воєвода. Крім них, до Харкова їхали люди з Куська, Белгорода, Тули, Єльця з метою торгівлі. Були й такі московські служилі люди, що записалися в козаки. Все це значною мірою вплинуло на стрімке «обрусіння» Харкова і нівелювання української культури. Харків став губернським містом на чолі з губернатором з усіма російськими губернськими установами. Українська козака старшина була перетворена на російських дворян, які отримали від цариці Катерини II дворянську грамоту, що дарувалася, а разом з нею і влада над усією Україною.

У кінці XVIII – на початку XIX ст. у Харкові зростала кількість іноземців. Це відбувалося у зв'язку з тим, що для будівництва університету у

1804–1805 роках В.Н. Каразін запросив з Петербурга чимало ремісників-іноземців, особливо німців, які за часів правління Петра I в Росії вже добре себе зарекомендували. Внаслідок цього українські ремісники втратили свою перевагу, їхні товари витіснялися московськими й іноземними. В Харківському університеті, у нових гімназіях, духовній семінарії викладали не тільки українці, але й росіяни. Побудова залізниці, нових фабрик і заводів, розширення торгівлі також сприяли іноземному переселенню та процесу русифікації. Так в українській культурі Слобожанщини з'явився вагомий елемент російської. Переселення різних етносів до Харкова як центра Слобожанщини змінило і його колишній український вигляд, особливо в другій половині XIX ст. На Москалівці (від «москаль»), де жили росіяни, мала місце народна російська мова, а в центрі, серед інтелігенції, панувала російська літературна мова. Отже, в XIX ст. значну роль у формуванні української культури відігравала російська.

Безсумнівно, на культуру Слобідської України значно вплинула і польська культура. З нашим містом пов'язане ім'я графа Северина Потоцького – опікуна Харківського університету, який стояв біля витоків його створення. У перші роки існування цього навчального закладу серед професорів було немало поляків, які залучали Харків до передової європейської культури, науки і освіти. Серед них можна назвати Л. Ценковського, А. Валицького, А. Пшеборського та ін. На Слобожанщині народився видатний художник Генріх Семирадський, завдяки якому наше місто і країна входять до світового культурного простору. Він прославив Слобожанщину й Україну як автор численних робіт на стародавні теми, пов'язані з історією християнства й давньої Русі, які відрізняються майстерністю композиції та художніми ефектами і є прикрасою найкращих музеїв світу. У Харківському університеті викладав з 1839 до 1844 рр. один з перших польських художників Б. Клембовський, який значно посприяв розвитку української культури. Зв'язок з польським етносом помітний в ушляхетненні прізвищ – зміні простих на шляхетніші з суфіксами «-ськ», «-цьк» на зразок польських, яка відбувається на початку XVIII ст. Одним з перших ушляхетнює своє прізвище острозький полковник Іван Дзика, змінюючи його на «Дзинковський». Суддя Ізюмського полку Д. Данилов стає Данилевським, писар Харківського полку С. Климов стає відомий як поет та письменник С. Климовський. Писар Ізюмського полку Ю. Розаліон додав до свого прізвища другу частину – Сошальський. Така зміна прізвищ осіб з козацького середовища, що були генетично пов'язані зі звичаями Речі Посполитої, не викликає сумнівів.

З кінця XVII ст. у слобожанській культурі прослідковується польський дискурс. Так, харківську поезію розпочинають твори архімандрита Ону-

фрія, які є перекладом польських віршів, а твори І Орловського написані характерною для того часу «польсько-латинською» мовою. Заснований у 1726 р. Харківський колегіум був тісно пов'язаний з польською культурою, що вже набула актуальності у Києво-Могилянській академії. Доречі, перша кафедра польської мови буде відкрита у 1819 р. саме у Харківському університеті заходами П. Гулака-Артемовського.

Крос-культурні взаємини української та російської культур є характерною рисою культурного простору Слобідської України, яка супроводжує весь її історичний розвиток. Діалог «російського» та «українського» має під собою істотне політичне та соціально-економічне підґрунтя, тому він існував та існує у багатьох аспектах: політичному, соціально-економічному, правовому та побутовому. Харківський дослідник М.Ф. Сумцов (1918 р.) писав: «Відношення між українцями та великоросами – ділові та прохолодні. Села проживають поряд, але у кожного своя мова, особливий одяг, відсутність спільних гулянок; шлюби здійснювались лише у колі своїх соплеменників» [3, с. 112].

Вже з кінця XVI ст. стосунки між росіянами та українцями у прикордонні набули суперечливого характеру, з часом конфліктність переходила і в політичну площину. У слобожанському просторі відносини цих двох етносів знайшли своє вирішення у поєднанні та створенні унікального культурного простору з прийняттям одночасно російського та українського. Д.І. Багалій пояснював конфліктність українського та російського етносів на прикордонні не етнічним чинником, а скоріше соціально-політичним – як конфлікт між демократією, свободою, «бездержавністю», «звичаєм», з одного боку, та авторитаризмом, монархією, порядком – з другого. Ці взаємовідносини на прикордонні підпадають під суперечливий процес формування Російської імперії й окреслення української та російської ідентичностей.

Російський спосіб життя здійснив відчутний вплив на місцевий устрій та внутрішнє життя українців Слобожанщини. Він проявився, перш за все, у соціально-економічній сфері. Так, наприклад, українське землеволодіння орієнтувалося на московські взірці помісних землеволодінь. Російська державна машина з її усталеними правилами написання прізвищ та імен вплинула на різночитання і написання топонімічних назв на Слобожанщині. А українські прізвища замінювалися на патронімні з закінченням «-ов», «-єв».

Мовне питання також викликає неабиякий інтерес. Історичні та політичні умови вплинули на те, що російська мова стала мовою переважної більшості слобожан. Слушною є думка, що харківські журнали були виразниками російської культури лише в тому сенсі, що вони виходили російсь-

кою мовою. Багато харківських письменників писали одночасно російською та українською мовами.

Стосовно літературного дискурсу варто зауважити, що у Слобожанській літературі перетинаються український та російський сюжети. Це помітно у М. Гнедича, який став «творцем російського гекзаметра». Автор популярних російських історичних романів «Княжна Тараканова» та «Мирович» українець Г. Данилевський був знавцем культури Слобідського краю, одним з перших біографів Г. Сковороди, В. Каразіна, Г. Квітки-Основ'яненка. Корінні росіяни Є. Філомафітський і Р. Гонорський редагували «Украинский вестник». Росіянин І. Срезневський видавав журнал «Запорожская старина» і був лідером харківської школи романтиків. Росіянин по батькові й українець по матері М. Костомаров написав «Книги буття українського народу» та «Две русские народности», де виразив велику симпатію українському народові та відстоював його право на свою мову, культуру тощо. Отже, Харків як місто, що знаходилося на перехресті різних культур, традицій і торгових шляхів, мав розвинену культуру та досить демократичну атмосферу. Це приваблювало представників різних галузей: науки, літератури, мистецтва, які зробили значний внесок у розвиток культури Слобідської України.

Список літератури: 1. Огієнко І. Українська культура. К.: Довіра, 1992. – 140 с. 2. Смирнов В.Г. Феофан Прокопович. М.: Соратник, 1994. – 224 с. 3. Еріксон Е. Ідентичність: юність і криза [пер. з англ. А.В. Толстих] / Е. Еріксон. – М., 1996. – 105 с. 4. Русский биографический словарь. СПб.: Типография Императорской акад. наук, 1910. – 560 с.

Я родилась в стране, которой нет

Я родилась в стране, которой нет,
Которую без жалости и толку
На самой симпатичной из планет
Рассыпали на множество осколков.

К чему слова о зле и доброте?
О территориях, границах и о людях?
Они теперь другие или те?
В другой стране... Но прежней не забудут.

Я родилась в прекрасной стороне,
Её всем сердцем полюбить успела.

Какое дело до раздела мне?
До рубежей-границ какое дело?

Я здесь живу уже немало лет,
Я знаю: все неплохо в этом мире.
Но я росла в стране, которой нет,
Которую вдруг взяли и разбили...

Размышления в вагоне

Сегодня за окном другие виды:
Леса и рощи, реки, неба синь.
И где-то в облаках Алтай уже не виден,
Аулов позади размеренная жизнь.

Здесь все такое, как и в Украине, –
Поля, деревни, воздух и ручьи.
С Россией жили мы в семье единой,
Пока границы снова не ввели.

А для чего? Кому есть в этом польза?
Ведь наши семьи там и тут живут!
Стают границы болью и угрозой,
Когда уходим мы в последний путь.

И каждый молвит: «Боже, дай мне крылья!
Успеть преодолеть нелегкий путь!»
Но руки опускает от бессилья:
Там загранпаспорт только признают...

Над Россией небо синее...

Над Россией небо синее...
Надо мной оно – красивее,
Потому что там – российское,
Тут – родное, украинское.

Наши братья, наши сёстры
Проживают там, в России,

И, наверно, тоже остро
Ощущают небо синее.

Каждый житель на планете
Будущее видит в небе:
Если ласковое, синее –
Это значит, небо мирное.

Значит, спать спокойно можно:
Охраняют нас надёжно.
Значит, утро будет ясным,
Будущее всех – прекрасным!

Приди ко мне...

Приди ко мне, когда весна
Плетёт берёзовые косы,
Когда влюблённым не до сна,
И травы пьют ночные росы.

Приди ко мне, когда июль
Пропитан липою и житом,
Пьянящего рассвета тюль
Напомнит всё о пережитом.

Приди ко мне, когда сентябрь
Закружит жёлтою листвою,
И вспомни день, и первый взгляд,
Соединивший нас с тобою.

Не приходи, когда зима
Укроет снегом все дороги.
Тебя везде найду сама,
С любовью встречу на пороге.

*Татьяна Коробкина, Лиллиана Семенюта, Ирина Васильева
г. Украина, Харьков*

ЛИТЕРАТУРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЕ ЭССЕ ПО ГЕНДЕРЕ

Феминизм нынче не в моде!

*«Меня называют феминисткой всякий раз,
когда я говорю что-нибудь такое,
что не соответствует роли
домашнего половика...».*

Ребекка Уэст Дейм.

*«Некоторые из нас стали мужчинами,
за которых мы хотели бы выйти замуж».*

Глория Стайнем.

Кто такая феминистка? Состоявшаяся женщина, выстраивающая партнерские взаимоотношения с мужчиной, или агрессивная, неудовлетворенная мужененавистница?

Новейший философский словарь трактует *феминизм* (лат. femina – женщина) как общее название движения женщин против дискриминации по признаку пола. Суффикс «изм» подсознательно вызывает недоверие и фантомную боль обмана: «коммунизм», «капитализм», «сталинизм»...

В середине прошлого века в Европе и США бурно развивались «женские исследования» или «женские студии» в социально-гуманитарных дисциплинах. С традиционным отставанием от западных новшеств в 15–20 лет, подобные отечественные исследовательские центры были открыты при университетах в Харькове, Киеве, Одессе.

Результат – публикации, семинары и школы не только для научных кругов, но и для представителей СМИ, общественных организаций.

Сейчас феминистское движение в Украине, как и на всем постсоветском пространстве, переживает не лучшие времена.

Сотни украинских женских организаций реализуют основные задачи феминизма: выстраивание равнозначных партнерских взаимоотношений мужчин и женщин во всех сферах жизни – в семье, на работе, на отдыхе, в распределении политических и экономических ресурсов. Данное стремление едино у «сознательных» и не позиционирующих себя феминистками женщин. За негативное отношение в обществе к феминизму мы зачастую должны «благодарить» профессиональных «феминисткок», выстраивающим свою показную деятельность под идеологию грантов либо парламентских зарплат.

Существует множество направлений внутри самого течения. От агрессивных радикального и неофеминизма под лозунгами типа «Если вы поймали мужчину, дайте ему пинка» до близкого мне мягкого, либерального течения.

Скандальные ультраидеи о дискриминации женщин идут из убеждений о патриархальном доминировании мужчин. Приводят в недоумение фразы типа «Мы не говорим «супружеская ссора», мы говорим об оскорблении женщины», которыми бросаются идеологи направления.

Истоки либерального феминизма кроются в рационализме XVIII века, когда получило развитие учение о естественных правах, и просвещенная Европа провозгласила: женщина – личность, имеющая равные с мужчиной права и обязанности. Тогда было положено начало отстаиванию прав мужчин и женщин, объявлен бой общественным стереотипам, который продолжается и в наши дни. В частности, болезненный вопрос реализации равных возможностей для женщин и мужчин в области образования и трудоустройства, где критерием выступает квалификация, а не пол. Проблема осложняется тем, что равенство между мужчинами и женщинами давно законодательно закреплено, но фактически его нет, что особенно видно в зоне распределения благ: в топ-менеджменте женщин – не более 10%, в эшелонах высшей власти – около 8%.

Изобретение термина «феминизм» приписывают социалисту-утописту Шарлю Фурье, который еще в конце XVIII века сказал, что «социальное положение женщин является мерилем общественного прогресса».

Согласись, и сегодня узнать секретные сведения о стране – ее экономическом, интеллектуальном, политическом и социальном уровнях – очень просто. Посмотри – счастлива ли Женщина, исходит ли от нее сияние и тепло.

Традиционно нашей урбанистической цивилизацией повелевают преимущественно мужчины, следуя своим правилам. Помните, в «Маленьком принце» говорилось о мудрости «настоящего» правителя, который дает приказ Солнцу всходить за несколько секунд до восхода? Наши правители легко переносят восход на полночь!

Вот, что думают о феминизме представительницы харьковского феминистического движения:

Наталья Сухорукова, главный специалист управления по делам семьи и молодежи Харьковской облгосадминистрации: «Существует следующая тенденция: благодаря феминисткам люди стали говорить о гендере, а значит, о женщинах и мужчинах. Государственная политика не упоминает о феминизме вообще. Я считаю, что феминистка – это женщина с активной жизненной позицией. Мужчин-феминистов лично я не встречала, хотя у них

проблем ничуть не меньше, чем у женщин. Феминистическая политика наиболее активна все-таки в Киеве, где больше денег и возможностей «засветиться». С 2011 года в Харькове развивается совершенно новое направление: мы создаем сеть центров гендерного образования при вузах. Студенты, будущая элита нации, – благодарная аудитория».

Татьяна Исаева, директор Харьковского областного гендерного ресурсного центра: «Идея феминизма возникла как идея борьбы женщин за свои права: еще 100 лет назад они не могли ни учиться, ни работать, ни делать аборт, ни распоряжаться своими деньгами и своей судьбой. Что изменилось? В Индии: умер муж – жена должна совершить акт самосожжения, умерла жена – муж спокойно повторно женится...

Многие эксперты и экспертки считают, что гендер и феминизм изначально существуют сами по себе. Лично для меня эти понятия неразрывны: благодаря феминисткам подняты проблемы мужской дискриминации в обществе, и самая болезненная – ребенок, все права на которого преферентно принадлежат матери, независимо от ее поведения, социального статуса, состояния здоровья, финансового положения. Женщина не имеет доступа к сфере политического принятия решений и распоряжения средствами на государственном уровне. Да, есть масса женщин, реализовавшихся в семье и строящих свой бизнес. Они говорят: «Какая проблема? Я же это сделала! Я – успешна!». Да только ей пришлось приложить в 100 раз больше усилий, чтобы пробить стеклянный потолок успешности, чем мужчинам!».

Кобикова Юлия, эксперт Гендерной экспертной платформы «КРОНА»: «Я сформулировала для себя свои жизненные принципы и приоритеты. Оказалось, что ближе всего они именно к феминистским взглядам. Феминизм для меня – это независимость: женщины от мужчины, мужчины от женщины, женщины от женщины и т.д. И речь здесь идет не только о партнерских отношениях (муж, любовник, отец, начальник...), но и о жизненной позиции человека, его выборе, о принятии им ответственности за свою жизнь. Когда женщина самодостаточна как личность, ее невозможно контролировать. Инфантильный, профессионально и личностно несостоявшийся мужчина не выдержит интеллектуального и финансового неравенства. Для несостоявшегося мужчины слово «феминистка» звучит как ругательство, для состоявшегося – как равный партнер».

Вместо выводов цитата из Пекинской декларации: «Мы убеждены в том, что равные права, возможности и доступ к ресурсам, равное распределение семейных обязанностей между мужчинами и женщинами, гармоничное партнерство между ними имеют ключевое значение для их благосостоя-

ния и... их семей, а также для укрепления демократии...» – из Пекинской декларации, принятой на четвертой Всемирной конференции по положению женщин (Пекин, 1995 г.) под девизом: «Действия в интересах равенства, развития и мира».

Золотой запас украинской нации

Харьков – студенческая столица. И сегодняшние девчонки и мальчишки совсем скоро станут женами и мужьями, мамами и папами, руководителями и подчинены. Чтобы завтра Украина стала страной с равными гендерными возможностями для мужчин и для женщин, нужно сегодня позаботиться об этом: создать сеть Центров гендерного образования при ВУЗах.

Гендерные аспекты многогранны. Никто не заключал контракт с Небесной канцелярией. И в жизни возможно все. В один час – остаться одной с детьми на руках и не получить доходное место из-за «неблагонадежности» – маленькие дети часто болеют. Моментально при разводе ребенка априори оставляют с матерью, хотя ему было бы значительно лучше с отцом. За миг – попасть в инвалидное кресло и прочувствовать ужас оторванности от жизни – на улице не встретить людей в колясках по простой причине – они не вписаны в городскую инфраструктуру! В то же время в Канаде разработаны программы и выделены деньги на бомжей, чтобы они могли отдохнуть, пройти санитарную обработку, получить новую одежду: вши не раз-бирают на улице – из приличной ты семьи или асоциальный элемент, а с удовольствием будут скакать и по твоим кудрям...

Сегодняшние студенты – будущие министры, топ-менеджеры, руководители всех рангов и партийные лидеры, те, кто завтра будут принимать судьбоносные решения.

В отличие от существующих точечных гендерных центров в областях, в Харькове получила развитие мощная сеть подобных центров. Сегодня это десять ключевых ВУЗов, в том числе с «традиционной мужской ориентацией»: Харьковский национальный университет радиоэлектроники, Харьковский национальный университет внутренних дел, Национальный технический университет «Харьковский политехнический институт».

В стенах гендерного центра расстаются с предрассудками и стереотипами, получая методическую и научно-практическую поддержку в разработке учебно-воспитательных планов, в подготовке публикаций рекламно-информационной продукции, проведении научных исследований, конференций, интерактивных круглых столов и прочих мероприятий.

Гендерные центры открываются при ВУЗах, где ректорат понимает актуальность проблемы, вплоть до введения в программу новых дисциплин ли-

бо переосмысления существующих, с дополнительным внесением гендерного компонента.

Татьяна Исаева, руководитель Харьковского областного гендерного ресурсного центра считает, что мелочей и закрытых тем на мероприятиях, проводимых центрами быть не должно. «Мы обсуждаем все стороны жизни: «Если я научу сына варить борщ, он геем вырастет?», «Правда ли, что у женщины есть участок мозга, который отвечает за любовь к порядку в доме?», «Кроме физического и сексуального насилия существует ли эмоциональное и финансовое?»... Тысячи вопросов. Мы говорим о том, что гендерное равенство – это сотрудничество между мужчинами и женщинами. И наша задача – рассказать и показать на примерах возможности этого сотрудничества, ведь человек умеет только то, чему его или ее научили!».

По словам ведущего специалиста Главного управления по делам семьи, молодежи и спорта при Харьковской облгосадминистрации Натальи Сухоруковой в Харькове только 34 ВУЗа III–IV степени аккредитации, и очень важно объединить их путем создания сети Центров гендерного образования. «Мы всегда открыты к сотрудничеству и с радостью видим, что наша работа находит отклик в сердцах студентов и преподавателей, и мы слышим от студентов высшую оценку нашей работы: «Вы рассказываете о том, о чем нельзя молчать, но другие молчат!».

С 2011 г. в таких учебных заведениях как Харьковский национальный университет радиоэлектроники, Харьковский национальный педагогический университет имени Г.С. Сковороды, Харьковского национального университета сельского хозяйства имени П. Василенко, Харьковского национального медицинского университета, Украинской инженерно-педагогической академии, Харьковского национального университета внутренних дел созданы Центры гендерного образования. Эти центры являются ячейками распространения знаний по гендерной проблематике и предотвращению насилия в семье, и именно они подхватили идею флеш-моба и присоединились к его проведению.

Активное участие в организации и проведении флеш-моба взяла инициативная группа журнала «Счастливая», на страницах которого постоянно осуществляются публикации по гендерной тематике и тематики по предотвращению домашнего насилия, рассказывается о деятельности Всеукраинской сети центров гендерного образования и ее партнеров.

Центрам гендерного образования ВУЗов являются членами Всеукраинской сети ЦГО вузов. Проект по созданию и развитию Всеукраинской сети центров гендерного образования реализуется Областным гендерным ре-

сурсным центром в г. Харьков в партнерстве с Фондом имени Фридриха Эберта, представительство в Украине. Следует отметить большую поддержку Центрам гендерного образования ВУЗов г. Харькова, которую оказывает Департамент по делам семьи, молодежи и спорта ХОГА.

Только факты:

* С 1945 г. (создание ООН) принято более 100 конвенций, соглашений и норм, направленных на достижение равенства полов.

* 2000 г.: Украина подписала «Декларацию тысячелетия» на Саммите тысячелетия ООН и взяла на себя обязательство до 2015 года обеспечить гендерное равенство.

* 2001 г.: Указ Президента Украины № 283 «О повышении социального статуса женщин в Украине».

* 2001 г.: принят Закон Украины № 2789-III «О предупреждении насилия в семье».

* 2005 г.: принят Закон Украины № 2866-15 «Об обеспечении равных прав и возможностей женщин и мужчин».

Ольга Сердюкова
г. Харьков, Украина

Образ будущего в социальной фантастике Э. Берджесса

Жанр антиутопии с самого начала своего возникновения имел футуристическую направленность и ярко выраженный прогностический характер. В лучших произведениях негативной утопии XX века авторы обязательно давали свои варианты ближайшего (или отдаленного) будущего. Преуспел в этом и английский писатель Энтони Берджесс.

Целью данной статьи является рассмотрение проблемы специфики образа будущего в произведениях антиутопической направленности Э. Берджесса.

Самая известная антиутопия Берджесса «Заводной апельсин» была посвящена проблеме свободы личности, свободы выбора в обществе будущего. В двух других (менее известных) антиутопиях «Вождедеющее семя» и «1985» подано видение Берджессом пост-апокалиптической Англии. Оба романа решены в контексте тезиса Берджесса о неизбежном распаде Британской империи. Проблематика обеих антиутопий сосредоточена на остром осознании расовых и национальных проблем и связана с озабоченностью Берджесса последствиями активных миграций из колонии и вывозом капитала Британской империей в свои колонии.

Роман «Вождедеющее семя» открывается так называемым пелагианским оптимизмом, фундаментальной верой в доброту человека, которым мотивирован режим. Пелагий, осужденный Церковью как еретик в 416 году, выступал против Святого Августина в известной дискуссии, утверждая, что человек свободен в выборе своего спасения или проклятья, тем самым утверждая принцип свободной воли. Августин, однако, поддержал доктрину, что человек входит в мир в состоянии первородного греха, который он не в силах преодолеть своими собственными усилиями, в одиночку, и что искупление возможно только по милости Божьей.

Пелагианское правительство, опираясь на добрые намерения своих граждан, формирует их поведение лишь предложениями, а не принуждением или угрозой наказания. Берджесс вводит нас в «мир во всем мире, который забыл искусство самоуничтожения». Этот мир сталкивается с кризисом перенаселения, и, как следствие, правительство в этом новом дивном мире поощряет гомосексуализм. Когда перенаселение и экологический кризис угрожает уничтожить Лондон, премьер-министр выступает в защиту уэлсианских принципов его правительства: «We outlawed war, we made war a

terrible dream of the past; we learned to predict earthquakes and conquer floods; we irrigated desert places and made ice-caps blossom like a rose. That is progress, that is the fulfillment of our liberal aspirations. We removed all natural checks on population...Natural checks – what a cynical and sinister term. The history of man is the history of control over his environment. True, we have been let down. The greater part of mankind may not yet be ready for the Pelagian ideal, but soon perhaps they might be» [3, p. 112]. Позже пелагианский режим заменяется «августинским пессимизмом», где основой является вера в то, что люди в основе своей несут зло, что, в свою очередь, оправдывает суровые меры, к которым вынуждены прибегнуть власти, чтобы держать население под контролем.

Под управлением нового правительства Великобритании становится своего рода полицейским государством. Цинизм власть имущих наиболее резко проявляется в «изобретении» феномена войны. Корпорация, нанятая правительством для решения демографического кризиса Англии, ведет искусственную войну ради прибыли. Возрождаются некоторые отрасли промышленности, частично решается проблема тотального дефицита питания (путем переработки тел погибших солдат в консервы и продажи их недоедающим гражданам).

Наряду с тем, что в романе «Вождедеющее семя» прослеживается революционный процесс от пелагианского либерализма к августинскому консерватизму, в нём также развивается романтический сюжет – история любовного треугольника с участием Беатрисы-Джоанны и двух братьев Фокс, Тристрама и Дерека. Беатрис замужем за Тристрамом, школьным учителем, но также имеющая любовный роман с Дерексом, высокопоставленным правительственным чиновником, который притворяется гомосексуалистом. Когда Беатрис забеременела ребенком Дерексом, Тристрам выгоняет ее из своей крошечной квартирки, и она идет, чтобы жить с сестрой и её мужем, где позже на свет появляются её близнецы. Тристрам, в надежде найти свою бывшую жену, бросает работу и, как и его известный предшественник с тем же именем, попадает в серию плутовских приключений.

Тристрам является историком, и его понимание чередования пелагионизма и августинианизма является наиболее осмысленным, чем у других героев романа. Однако его понимание исторического процесса не даёт ему возможности понять его собственное положение, и он беспомощно мечется, не в состоянии контролировать свою судьбу.

В «Вождедеющем семени» и «1985» расовая и национальная неоднородность и политическая неразбериха колоний являются главной особен-

ностью пост-апокалиптического Лондона Берджесса. Плутовские приключения главных героев обоих романов Берджесса происходят в старых колониальных структурах и разворачиваются на фоне политических и социальных потрясений. Борьба героев против власти и беспорядков происходит не на территории иностранного государства, а в самой Англии.

Берджесс, создавая свои романы, пародирует идеи Уэллса о мировом городе, в котором глобальная миграция сделала Англию страной только по названию. Глобальное перенаселение Лондона и экологический кризис привели к сокращению жизненного пространства и дефициту продуктов питания. Англия больше не является мировой державой, а стала частью более широкого союза борьбы с истощением природных ресурсов. В начале романа Беатриса-Джоанна жалуется на город, который стал пустырём, и она надеется на освобождение от его деградации. Жизнь в Лондоне протекает в болезнях и бесплодии. Сын Беатрис Роджер только что умер от недоедания. На самом деле, весь мир голодает, так как население и экологический кризис породил дефицит еды. Беатрис посещает «Министерство плодородия», иронически названное автором, чтобы получить небольшую компенсацию за труп Роджера, который правительство будет использовать для удобрения умирающей планеты. Таким образом, Берджесс создает «мальтузианскую комедию».

В «Вождеющем семени» и в «1985» Берджесс изображает кризис города, созданный самим человеком. Антиутопическое видение автора включает в себя глобальные проблемы экологической катастрофы и перенаселения. В первой половине романа «1985» Берджесс объясняет различия между своим видением данной проблемы и пониманием её своими предшественниками, Оруэллом и Уэллсом. Хайдеггер назвал это время «эпохой картины мира». В «Вождеющем семени» и «1985» эта эпоха подходит к концу не потому, что так учит философия, которая рассматривает мир как дом или жилище, а не как огромный запас ресурсов, а потому, что сама природа в конечном итоге принимает ответные меры против непродуманных действий человека: «Nature ignored or ill-treated has a way of expressing her resentment, as the margarine commercials used to remind us. Pollution says the Party, does not exist. Nature will powerfully disagree. Earthquakes cannot be shrugged off with doublethink. Collective solipsism represents a hubris the gods of the natural order would be quick to punish with failed harvests and endemic syphilis» [4, p. 47].

Представления Берджесса о кризисе города связано с видением глобального кризиса. В «Вождеющем семени», также как и в «1985», это видение охватывает не только экологические бедствия, но и глобальные поли-

тические и культурные преобразования после распада колониальной системы. В «1985» Берджесс расширяет и усиливает эффект глобальной миграции и изменения лица Англии: политика гегемонии, которую Британии проводила в колониях, в настоящее время дала свои специфические ростки в самой Англии, и теперь процветающие арабские бизнесмены претендуют на владение Британскими островами. Написанный как пародия на «1984», «1985» озаглавлен в Англии серией забастовок, систематически опустошавших её государственные институты и сферу услуг. Англию ожидала и другая угроза: арабское нашествие.

Как и в «Вождеющем семени», в «1985» в центр повествования Берджесс помещает учителя истории и одинокого защитника порядка и моральных правил. История его борьбы за выживание в хаотическом, пост-революционном Лондоне следует за ответом Берджесса на «1984» Оруэлла в серии очерков, с которых начинается роман. В комментариях к «1984» Берджесс использует тот же теологический язык, что и в «Вождеющем семени», характеризуя Оруэлла как «сторонника свободной воли», и «человеческого совершенствования» – радикала, чья вера в человеческую доброту повлекла за собой сокрушительное разочарование, так мастерски выписанное в романе «1984». Когда Берджесс даёт ответ Оруэллу в самом тексте романа «1985», он представляет нам республику рабочих под контролем некоего союза, в котором «целостный синдикализм» является нормой.

В начале романа перед нами предстаёт главный герой, Бев, который только что узнает о смерти своей жены во время пожара, который могли бы предотвратить пожарные, если бы не было забастовки. Опустошенный смертью жены и обезумевший от бесконечных споров трудовых союзов разоренной Англии, Бев уходит с работы. Он разрывает свою идентификационную карточку, оставляет свою дочь в доме для девушек и присоединяется к безработным Лондона. Пойманного за кражу джина в магазине, Бева отправляют в реабилитационный центр, после освобождения из которого Бев присоединяется к Британской Свободной Армии, частной милиции, во главе с таинственным полковником Лоуренсом. Мнимой целью этой организации является сохранение стабильности в Англии в период национальных забастовок. Однако в конце романа Лоуренс разоблачен как исламский заговорщик, который планировал помочь арабам захватить Великобританию и установить Исламское государство. Главный герой заканчивает жизнь самоубийством, бросившись на забор, который находился под электрическим напряжением.

На протяжении всего романа, Берджесс предупреждает нас о степени серьёзности новой колониальной силы, которая угрожает колонизации Англии. Берджесс переосмысливает свое изображение колониального хаоса для создания образа Лондона будущего: «Bev Jones shoved his way through the multiracial shopping crowd past the screaming Disbutik, the tinsel supermarket, the former pub that was now a travel agency specializing in trips to Mecca but still known as the Al-Bulnbush, turned the corner to Tolpuddle Road on to Martyr Street» [4, p. 109].

Таким образом, Берджесс, представляя очередной вариант возможного будущего, полон пессимизма. Писатель считает, что современный роман должен показать постоянную «напряженность в отношениях между героической формой и негероическим содержанием». В произведениях Берджесса (и «Вожделеющем семени», и «1985») мы сталкиваемся с «невероятным разнообразием культур», причем не в колониальных странах, а в самом Лондоне. Хаос, который описывает Берджесс как существенную особенность жизни колонии, становится неотъемлемой частью его антиутопического видения Лондона. Берджесс полагает, что национальная культура Великобритании разрушается, её столица теряет свою политическую и культурную основу, а пародии являются единственной формой изображения постколониальной Англии.

Список литературы: 1. Хабибуллина Л.Ф. Антиутопия в творчестве Энтони Бёрджесса. Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.Ф. Хабибуллина. – Н. Новгород, 1994. – 16 с. 2. Burgess A. Clockwork Orange / Anthony Burgess. – Harmondsworth: Penguin, 2000. – 210 p. 3. Burgess A. The Wanting Seed / Anthony Burgess. – L.: Macmillan, 1970. – 180 p. 4. Burgess A. 1985 / Anthony Burgess. – L.: Beautiful Books Limited, 2010. – 148 p. 5. Coale S. Anthony Burgess / S. Coale. – N.Y., 1981. – 340 p. 6. Stinson L. Anthony Burgess Revisited / L. Stinson. – Boston: Twayne, 1991. – 162 p.

*Ирина Сизоненко
г. Харьков, Украина*

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕДАГОГА – ПУТЬ К МИРУ, СОГЛАСИЮ И СОТРУДНИЧЕСТВУ МЕЖДУ СЛАВЯНСКИМИ НАРОДАМИ

Часто говорят, что учителя – это вторые родители. И действительно эти слова не лишены смысла – формирование нашего мировоззрения, а не только знаний, происходит под влиянием учителей. Мы можем обратиться к ним со своими проблемами, поделиться радостью, попросить помощи...

Деятельность педагога сложна и интересна тем, что талант заключается не только в том, чтобы отлично владеть знаниями и профессиональными навыками, а и в том, чтобы заинтересовать учеников, направить их потенциал в нужное русло. И в какой-то момент перед глазами возник образ первой учительницы и несколько строк:

Справжній володар почуттів і думок,
Справедливий, відважний, часто пророк,
Чемний, привітний, в чомусь новатор,
Це – вчитель, творчих ідей генератор!

Кант в свое время предложил следующее высказывание, которое в определенной степени отражает трудоемкость и кропотливость педагогического процесса: «Два человеческих изобретения можно считать самыми тяжелыми – искусство управлять и искусство воспитывать, но именно на них держится общество».

Я считаю, что от педагога зависит, какой будет судьба его воспитанников. Сможет ли он раскрыть их способности и задатки? Увидеть искру души и зерно разума, посадить его в благодатную почву и взрастить готовую к жизни личность? И эти вопросы вдохновили меня на написание стихотворения:

Ох уж эта детвора!
Что не действие – игра!
То улыбка на лице,
Иногда и плач в конце,
То сонливость и усталость,
Или дерзость, или радость.

Вот так жизнь идет, проходит,
И сознательность приходит,

Мы уже не малыши,
А большие крепыши,
Знаем как существовать,
И тем же детям помогать!

Теперь уже настала зрелость,
У нас обыденная смелость,
Все чувства нам уже знакомы,
И новизна нам до оскомы,
Вся радость что у нас осталась,
Все те же дети и усталость!

Развитие мышления одна из главных задач, которая стоит перед педагогом, и в этот момент важна оценка (средств воспитания, принципов, норм) именно с позиции нравственности, воздействия и влияния на душу и мысли. Ведь от того какой путь выберет педагог, во многом зависит развитие и путь ребенка. И как мне кажется, именно путь к миру, согласию и сотрудничеству, выберет настоящий педагог с большой буквы.

Дальнейшее размышление продолжаю в своем стихотворении, посвященном деятельности педагогов:

Чистим аркушем в життя,
Прийде малесеньке дитя,
А наша ціль – його навчити:
Як жити, діяти, любити.

Нехай за правила життя
Стають моральні почуття,
А не насильство та жорстокість,
Погана вдача, чванство, гордість.

І все почнеться з дисципліни,
В сім'ї, у школі, колективі,
У ланках різних інституцій,
Знайдуть секрети, як Конфуцій.

А наша ціль – фундамент збудувати,
І якісні знання усім давати,
Наступність поколінь від нас залежить,
І за оцим усім учитель стежить.

*Марина Скиба
м. Черкаси, Україна*

АНАЛІЗ МЕДІАТЕКСТІВ В ПРОЦЕСІ ФОРМУВАННЯ МЕДІАГРАМОТНОСТІ СОЦІАЛЬНИХ ПЕДАГОГІВ

Розвиток медіапедагогіки як нового напрямку педагогіки зумовив появу термінологічного апарату, який потребує детального вивчення. Одним із таких термінів є «медіатекст», який з'явився в науковій літературі в кінці ХХ століття. Потреба в дослідженні поняття «медіа текст», його особливостей та характеристик зумовлена високим рівнем соціальної взаємодії особистості з текстами різних мас-медіа. Така соціальна взаємодія не завжди має позитивний результат для аудиторії медіаспоживачів. Як правило, переважний відсоток медіаспоживачів, які потрапляють під маніпулятивний вплив мас-медіа це діти та молодь, з різними проявами ризикованої поведінки. Тому сьогодні, соціальний педагог у своїй професійній діяльності має навчитись аналізувати різні медіатексти та визначати їх вплив на кожну з категорій клієнтів соціально-педагогічної діяльності.

Так, проблему вивчення концепту «медіатекст» здійснили Т. Добросклонська, В. Костомаров, І. Лисакова, І. Рогозіна, Г. Солганик, В. Прозоров та ін.

Перш ніж перейти до виокремлення особливостей медіатексту та їх можливих критеріїв аналізу в процесі формування медіаграмотності соціальних педагогів, ми маємо потребу визначити суть поняття «медіатекст».

В. Прозоров розглядає медіатекст як продукт мас-медіа, який створює єдиний простір для спілкування з аудиторією, а з точки зору аудиторії споживачів вся різноманітність медіатекстів сприймається як єдиний журналістський текст [2]. Таким чином, дослідник акцентує увагу на нерозривних зв'язках між різними медіатекстами. І. Рогозіна [3] визначає медіатекст як один із засобів формування концептуальної картини світу і соціальної регуляції, достатньо регульоване, соціально-речове утворення забезпечує вирішення як комунікативних так і інших завдань. Автор підкреслює, що медіатекст виконує роль інструменту формування суспільної думки конкретного соціуму і за його межами. В цьому визначенні ми спостерігаємо той соціально-педагогічний аспект (вплив на формування світогляду аудиторії споживачів) який, на нашу думку, є основним для аналізу медіатексту соціальними педагогами.

Н. Засурський розуміє під медіатекстом новий комунікативний продукт, який може бути включений в різні медійні структури (вербальні, візуальні, звукові, мультимедійні) [1]. Як ми бачимо, акцент робиться на канали роз-

повсюдження медіа тексту. Натомість Г. Солганик дійшов висновку, що медіатекст – це вид тексту, що належить масовій комунікації і характеризується різним типом автора і текстовою модальністю, розрахований на масову аудиторію [4]. Така позиція автора свідчить про те, що він особливу увагу приділяє саме автору медіатексту, його авторській концепції. О. Федоров дає, на нашу думку, найбільш загальне поняття медіатексту як повідомлення, представлене в будь-якому вигляді і жанрі (газета, стаття, передача, фільм) [7].

Із вищезазначеного слідує, що медіатекст є поняттям багатограним, тому при його аналізі слідує визначити його основні характеристики. І. Чичеріна узагальнює наступні особливості медіатексту:

1. Багатомірність – інтеграція різних компонентів (аудіо, відео, текст) в єдиному смисловому просторі медіатексту, така характеристика зумовлена різноманітністю завдань, які виконує медіатекст великими об'ємами інформації та способами її передачі.

2. Мовне наповнення – функціонально-стильове утворення в певній мірі моделює національну мову. Мова медіа зумовлена на масову аудиторію, тому існує специфіка медійної мови (унікнення незрозумілих широкому загалу слів, унікальна авторська концепція і зіткнення різних ідей в одному інформаційному полі).

3. Динамічність – контакт з аудиторією є процесуальним і динамічним, відбувається взаємодія автора з аудиторією медіаспоживачів.

4. Соціально-регулятивна природа представлена позицією, що на сьогоднішній день медіатекст виступає засобом інтеграції реальності, тому формує у індивіда картину світу. І впливає на різні соціальні процеси [8]. Ми вважаємо, що окреслена характеристика розкриває основне поле діяльності соціального педагога, оскільки він має максимум використати мас-медіа як ресурс для саморозвитку особистості, та мінімізувати маніпулятивний вплив медіа на формування життєвої орієнтації клієнта.

Проаналізовані характеристики нам здаються неповними аспекти їх аналізу соціальними педагогами. Тому, ми виділяємо додаткові характеристики медіатексту, які можуть розкрити соціально-педагогічну характеристику медіатексту, такими, на наш погляд, можуть бути:

- цільова аудиторія медіатексту (кожен текст має власну цільову групу, від чого залежить його способи реалізації та змістова наповненість);
- емоційне забарвлення (оскільки текст має не лише інформаційний зміст, а й емоційну складову, яка може бути виражена різними способами та висвітлює позицію автора, що має значний вплив на позицію особистості споживача);

- засоби впливу (кожен продукт медіа включає різні засоби впливу на аудиторію споживачів);

- наслідки впливу (взаємодія з різними медіатекстами передбачає реакцію на них та відповідну поведінку особистості медіаспоживача).

На основі аналізу визначень різних дослідників, ми можемо визначити, що медіатекст – це продукт системи мас-медіа, виражений в будь-якому жанрі, який має певні характеристики та розповсюджується через канали мас-медіа.

У процесі формування медіаграмотності майбутніх соціальних педагогів аналіз медіатекстів посідає одне з провідних місць. Такий вид взаємодії з медіа дозволить розвинути мотиваційний (усвідомлення ролі мас-медіа в розвитку особистості та її соціалізації); когнітивний (знання про види, структуру, типи медіа текстів та їх особливості); операційний (уміння аналізувати медіатексти та навички впровадження їх у соціально-педагогічну роботу) компоненти медіаграмотності фахівця соціально-педагогічної сфери. Загалом аналіз медіатекстів має відбуватися за чітко окресленими критеріями.

Так, аналізувати медіатексти О. Федоров пропонує (на прикладі медіатекстів детективного жанру) у такому порядку: сюжет тексту, аналіз персонажів, авторської позиції, синтез (порівняння з схожими медіатекстами) [6].

На основі характеристики медіатексту ми виділили основні критерії за якими соціальний педагог може характеризувати медіатексти, з метою підвищення власної медіаграмотності (табл. 1)

Таблиця 1 – Критерії аналізу медіа тексту.

№ пп	Критерій	Зміст критерію
1	мета	кінцевий результат медіатексту
2	цільова аудиторія	на кого спрямований медіатекст
3	авторська позиція/ідея	основна думка, погляди автора, висвітлені в тексті
4	жанр	жанр представленого медіатексту
5	динамічність/періодичність	як часто реалізується
6	складові компоненти	складові включають в себе медіа текст (аудіо, відео, текст)
7	методи впливу	методи/прийоми впливу на свідомість особистості використані
8	сюжет	розкрити основну лінію розвитку сюжету
9	джерело	за допомогою яких мас-медіа розповсюджується
10	очікувані результати/реакція	яку реакцію чи дію передбачає в результаті реалізації
11	персонаж	характеристика основних персонажів
12	емоційний фон	емоційна реакція на перегляд медіатексту
13	соціальна позиція	стереотипи/цінності/соціальні орієнтації та позиції, що демонструє медіа текст

Для глибокого аналізу медіа О. Столбнікова пропонує таку форму роботи як «Щоденник телеперегляду». Така робота має на меті формування критичного мислення в процесі аналізу рекламних блоків. На основі запропонованої дослідницею форми, ми здійснили спробу розробити шаблон для аналізу медіатекстів і виокремлення їх соціально-педагогічної характеристики з метою формування медіаграмотності (табл. 2).

Таблиця 2 – Щоденник соціально-педагогічного аналізу медіа текстів.

Дата	
Джерело інформації	
Характеристика медіа тексту	
Час контакту	
Тип інформації	
Ваша реакція на інформацію	
Позитивний вплив	
Негативний вплив	
Можливості використання інформації в соціально-педагогічній діяльності	

Можна вважати ефективною запропоновану форму, оскільки більшість майбутніх соціальних педагогів мають достатньо високий відсоток взаємодії з медіа (перегляд кіно, реклами, фотографії, робота в мережі Інтернет), як правило не усвідомлюючи їх впливу. Така форма аналізу медіатексту, на нашу думку, допоможе студентам навчитися розрізняти медіатексти і краще розуміти їх вплив на власну особистість.

Отже, в процесі формування медіаграмотності аналіз медіатекстів дозволить майбутнім соціальним педагогам розвинути мотиваційний, когнітивний та операційний компоненти медіаграмотності.

Список літератури: 1. Засурский Я.Н. Колонка редактора: медиатекст в контексте конвергенции / Я.Н. Засурский // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2005. – № 2. – С. 3–6. 2. Прозоров В.В. Власть современной журналистики, или СМИ наяву / В.В. Прозоров. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2004. – 240 с. 3. Рогозина И.В. Медиакартина мира: когнитивно-семиотический аспект: моногр. / И.В. Рогозина. – М.: Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2003. – 289 с. 4. Солганик Г.Я. К определению поня-

тий «текст» и «медiateкст» // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2005. – № 2. – С. 7–15. 5. Столбникова Е.А. Развитие критического мышления студентов педагогического ВУЗа в процессе медиаобразования (на материале рекламы): дис. ... канд. пед. наук. / Е.А. Столбникова. – Ростов-на-Дону, 2005. – 214 с. 6. Федоров А.В. Анализ медиатекстов детективного жанра на медиаобразовательных занятиях в студенческой аудитории / А.В. Федоров // Медиаобразование. – 2010. – № 1. – С. 15–28. 7. Федоров А.В. Словарь терминов по медиаобразованию, медиапедагогике, медиаграмотности, медиакомпетентности / А.В. Федоров. – Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та, 2010. 64 с. 8. Чичерина Н.В. Концепция формирования медиаграмотности у студентов языковых факультетов на основе иноязычных медиатекстов. дис. ... док. пед. наук. / Н.В. Чичерина. – Санкт-Петербург, 2008. – 474 с.

*Ліна Стороженко
м. Київ, Україна*

ЛЮДИНА ЯК ФІЛОСОФСЬКИЙ ФЕНОМЕН У ТВОРЧОСТІ БОРИСА ТЕНЕТИ

Виникнення екзистенціалізму як філософського напрямку зумовлене філософським вираженням глибоких моральних та соціальних потрясінь, що випали на долю західної цивілізації початку минулого століття. Катастрофічність подій новітньої історії, тривожні симптоми світового суспільно розвитку не можуть не позначитися і на утвердженні нової української філософської думки.

На фоні звичних, на перший погляд, усталених норм життя, традиційних моралі та релігії на вітчизняному ґрунті з'являються так звані деструктивні «елементи», які годі збагнути розумом: жорстока соціальна нерівність, непевність у майбутньому, передчуття неминучих історичних катаклізмів тощо. Актуальним серед низки тогочасних проблем для осмислення особистості є і питання сутності людини: «уже в трьох відомих людинознавчих запитаннях Канта – «Що я можу знати? Що я маю робити? На що я маю сподіватися?» - відтворено всю багатомірність сутнісної проблематизації людини як універсальної істоти» [2, с. 350].

Дослідження людини першої третини ХХ століття «з погляду місця її у світі та її ставлення до світу» [2, с. 350], як уособлення суспільства, що втратило духовні орієнтири, знаходить своє відображення не тільки у філософських працях, а й у вітчизняному художньому слові як органічній складовій європейського літератури.

Серед яскравих представників українського літературного екзистенціалізму чільне місце займає Борис Тенета (1903–1935 рр.), творче життя якого заслуговує глибокого ґрунтовного дослідження. Художній доробок письменника, як і творчість членів літературно-мистецького угруповання «Ланка-МАРС» (Б. Антоненко-Давидович, В. Підмогильний, Є. Плужник, І. Багряний, М. Галич, Г. Косинка, Д. Фальківський та ін.), до складу якого входив Борис Тенета, відзначена мистецькими пошуками нових ідейно-естетичних критеріїв та нових шляхів їх реалізації. Передусім, це стосувалося вище згадуваної проблеми людини та її сутності, відображення людської свідомості, що розширювала межі реальності.

Домінантною ознакою творчості Бориса Тенети є прагнення до зображення особистості в суперечливій суб'єктивно-об'єктивній парадигмі психоаналітичної інтерпретації людини в екзистенційному вимірі. Взірцевими у цьому плані вбачаємо малу та середню прозу автора – «Місто» (1926 р.), «Гармонія і свинушник» (1927 р.), «Мусема» (1927 р.), «Ненависть» (1930 р.) та ряд інших творів, сповнених симбіозом сенсу існування людини, пізнання

нею самої себе та осмислення трагічності свого статусу, як істоти, вирваної з природи й приреченої на відчуження. Так, алегорична назва повісті «Гармонія і свинюшник» тотожна образам буденної реальності першої третини ХХ століття, а життя головної героїні з символічно-алегоричним ім'ям для української літератури (Катерина) є своєрідною протидією жорстокому соціуму, його законам та моралі, й «...певно тому, що немає ритму єдиного між людьми, то іноді немає ладу в середині самої себе... Так іноді хочеться кричати від болю...» [3, с. 101]. Через образ Катерини Борис Тенета осмислює всю трагічність статусу людини, якій не підвладно щось змінити у світі: «Знаєш мені часто уявляється така картина. Свинюшник. Ми всі стоїмо там по коліна в болоті. Є десь сонце... Є... Бо пробивається крізь щілину й навіть болото золотить, а навколо в теплом багні лежать свині і задоволено хрюкають... Вони нюхом добре чують все нове й свіже, переможне і лізуть туди, несучи за собою свій свинюшник» [3, с. 44].

Лейтмотивом майже всіх творів Бориса Тенети є самотність, яка спонукає людину до роздумів, змушує замикатися в собі. Проте цей лейтмотив постійно супроводжується іншим, певною мірою визначальним, що підтверджує наявність у творчому доробку письменника елементів екзистенціалізму, – мотив смерті у найрізноманітніших варіаціях. Адже боротьба Тенетиних персонажів з чужим ворожим для них середовищем виявляється нерівною, і вони, перебуваючи на межі життя і смерті, часто, змушені залишити цей світ. У даному випадку через екзистенціал смерті, як закономірний результат вчинків героїв, акцентується увага на абсурдності життя людини. Так, головний герой твору «Ненависть» Гнат Власенко, командир червоного ескадрону – єдиний, залишившись живим, за іронією долі, полоненим потрапляє до своїх. Проте він не може довести, що дійсно є бійцем Червоної армії, і, маючи можливість втекти, не наважується цього зробити: «Я не боюся смерті. Але померти від руки своїх – безглуздо, смішно... Знати, що твоя смерть нічого не варта... Невже, справді, він загине так безглуздо і непотрібно. Така безглузда смерть!» [5, с. 19]. Письменник через призму власного естетичного світобачення синтезує в художньому образі емоційний еквівалент існування людини в дійсності.

Крізь призму філософії морального вибору, що є основою творчої спадщини Бориса Тенети, автор осмислює долю людини в сучасному світі, а герої його творів знаходяться у безперервному пошуку сенсу життя, осмислюють внутрішнє «я». Так, міркуючи над своїм існуванням після переїзду до міста, головний герой оповідання «Місто» констатує, що тепер для нього навіть смерть батьків всього лише епізод. У його душі сум'яття – невже і смерть сестри з часом «стане епізодом? Може, через 10–12 років, сидячи в теплій кімнаті, я скажу, закурюючи: – А в 192... (такому-то) році у мене сестра вмерла, це було саме тоді, як приїздив театр Франка... Гарний був

театр а-х-х-а (позіхну)... І забуду я про довгі зимові вечори, про голод і злидні забуду я, і про серце шматочками на підлозі, і про нерви вузликом зв'язані. Забуду про все...» [4, с. 21]. Розірваність свідомості персонажа, амбівалентність психіки героїв є головним принципом у побудові образів та розумінні філософської концепції людини Борисом Тенетою.

Письменник належить до тих митців, творчість яких легко сприймається, проте глибину рецепції його художнього доробку не завжди легко досягнути. Його творчість, особливо поезія, сповнена думок та емоцій, які допомагають розкрити драму людської душі:

Дні біжать і гаснуть у минулім,
У кайданах людяний мій гнів.
Ах, чому мої пісні – не кулі?
Я б тоді не так поговорив.
Я б сказав... та що тепер я можу?
Сплять слова холодні на сторожі,
Вічні в серці – холод і зима... [6, с. 7].

Ліричний герой, втративши внутрішню гармонію, залишився сам на сам з світом думок і переживань у складній ворожій йому дійсності. Письменник показує абсолютну незахищеність людини, яка, прагнучи вирішити нагрілі питання, опиняється у світі зла. Все це відповідає психології, свідомості, духовним потребам сучасної автору особистості, тогочасним світовим філософським антропологічним концепціям.

Відтак, Борис Тенета, орієнтуючись на загальнолюдські проблеми, європейську філософську думку, своєю творчістю репрезентує високий національний потенціал перед українським читачем першої третини минулого століття, який «українці потребували європейської книжки рідною мовою, не кажучи вже про самих письменників, що інтенсивно намагалися віднайти нові шляхи для розвитку національної літератури» [1, с. 1].

Список літератури: 1. Мовчан Р.В. Підмогильний – перекладач / Р. Мовчан // Українська мова і література. – 2001. – № 5. – С. 1–2. 2. Табачковський В. Особистісні виміри людського: духовність, свобода, творчість, моральність // Філософія: Світ людини. Курс лекцій: Навч. посібник / В.Г. Табачковський, М.О. Булатов, Н.В. Хамітов та ін. – К.: Либідь, 2003. – 432 с. 3. Тенета Борис. Гармонія і свинушник / Борис Тенета. – К.: Держвидав України, 1928. – 103 с. 4. Тенета Борис. Місто / Борис Тенета // Життя й революція. – 1926. – № 6. – С. 17–21. 5. Тенета Борис. Ненависть / Борис Тенета. – Дніпропетровськ: Зоря, 1930. – 32с. 6. Тенета Борис. Ти сидиш в задимленій кімнаті... / Борис Тенета // Життя й революція. – К. – 1926. – № 9. – С. 7.

*Ольга Тютюнник
м. Черкаси, Україна*

ОРГАНІЗАЦІЙНО-УПРАВЛІНСЬКІ УМІННЯ СОЦІАЛЬНОГО ПРАЦІВНИКА У СФЕРІ ФАНДРАЙЗИНГОВОЇ ДІЯЛЬНОСТІ

Одна з важливих сфер застосування знань і умінь соціального працівника – це управління діяльністю служб, які покликані вирішувати соціальні проблеми різних категорій клієнтів. Соціальний працівник повинен володіти управлінськими здібностями та знаннями правил менеджменту, що допоможе йому скоординувати дії співробітників, залучених осіб і організацій для розвитку і створення матеріальних і соціальних цінностей.

Управління – це сукупність системи скоординованих заходів, спрямованих на досягнення значущих цілей організації [2, с. 3].

Роберт Кац виділяє три найбільш важливі управлінські уміння: технічні (здатність застосовувати спеціалізовані професійні знання або практичний досвід), соціальні (здатність працювати з іншими людьми, розуміти і мотивувати їх) і когнітивні (концептуальні) (розумова здатність аналізувати і діагностувати складні ситуації) [5, с. 90–102].

Управлінська діяльність включає у себе всі дії, пов'язані з процесом планування, оцінки, реалізації проекту і контролю [2, с. 4].

У професійно-кваліфікаційній характеристиці соціального працівника викладено зміст його організаційної функції – здатність організовувати процеси, створювати умови для досягнення бажаних результатів.

Організаційна функція пов'язана зі створенням і управлінням соціальними службами на місцях (в регіонах, населених пунктах за місцем проживання) [3]. Соціальний працівник виявляє потреби людей і сприяє їх задоволенню, залучаючи до співпраці різні установи (державні, комерційні та громадські) та їх представників, які можуть надати підтримку у вирішенні соціальних проблем представників маргінальних верств населення. Ця діяльність здійснюється за допомогою розробки і реалізації різних соціальних проектів, що мають на меті підвищення якості життя людей. Залучення до співпраці, пошук ресурсів для здійснення соціального проекту чи іншої соціально значущої діяльності є основною метою фандрайзингу.

Фандрайзингова діяльність є специфічним видом організаційно-управлінської діяльності соціального працівника.

Американський дослідник Джон Баглі визначає фандрайзинг як мобілізацію ресурсів для діяльності; процес збору добровільних внесків у ви-

гляді грошей або інших ресурсів від пожертвувань приватних осіб, компаній, благодійних фондів [1].

Фандрайзинг – досить нове явище в соціально-економічному просторі України. У більшості випадків це поняття асоціюється з філантропією, діяльністю некомерційного сектору і соціальними проектами (проектний фандрайзинг).

Термін «фандрайзинг» було запозичено у США, де він використовується багато десятиліть переважно в області залучення фінансування в так званий «третій сектор», що розвивається з кінця XIX – початку XX ст. і покликаний реалізовувати завдання, які ігнорувалися приватним і державним секторами. З 1980-х рр. фандрайзинг в США остаточно оформився у самостійну управлінську дисципліну.

В Україні фандрайзинг активно став розвиватися з розширенням сектору некомерційних організацій з 1990-ті – поч. 2000-х років, діяльність яких націлена не на отримання прибутку, а на вирішення соціально важливих завдань і зробило актуальними питаннями фінансування їх діяльності. Спеціально організований процес залучення ресурсів (зокрема, грошових) для некомерційних і благодійних організацій або для забезпечення соціально значимих програм і є *фандрайзингом*.

Фандрайзинг в соціальній сфері являє собою методику залучення ресурсів для діяльності НКО, спрямовану на підвищення добробуту людей через вирішення соціальних проблем незахищених груп населення, малозабезпечених сімей, пенсіонерів, ветеранів, дітей і дорослих з інвалідністю і т.ін.

Для ефективного здійснення організаційно-управлінської діяльності у процесі проведення фандрайзингових кампаній соціальний працівник повинен володіти основними управлінськими навичками, такими як: постановка цілей, планування, організація, мотивація, контроль, розуміння того, як вибудувувати пріоритети і знаходити критерії для прийняття зважених рішень. Це послідовність ключових дій спеціаліста (управлінський цикл), без яких не гарантовано досягнення позитивного результату.

Ці управлінські навички спеціаліст застосовує у процесі реалізації технології фандрайзингу, яка складається з таких етапів: 1) оцінка потреб, 2) виявлення необхідних ресурсів; 3) визначення взаємозв'язків із середовищем; 4) розробка способів залучення ресурсів; 5) проведення заходів по залученню ресурсів; 6) оцінка ефективності фандрайзингу.

Етап оцінки потреб передбачає вирішення таких завдань: визначити загальну мету фандрайзингу та ступінь її складності; здійснити аналіз потреб; чітко уявити завдання, які необхідно вирішити за допомогою отриманих ресурсів; встановити часові рамки.

Етап виявлення необхідних ресурсів вимагає від спеціаліста уміння визначити ресурси, які можуть бути задіяні в роботі (людські, інтелектуальні, матеріально-технічні, комунікаційні, фінансові, територіальні, часові, символічні); оцінити можливості залучення не фінансових ресурсів; проаналізувати ресурсні можливості самої організації та ін.

Етап визначення взаємозв'язку із зовнішнім середовищем спрямований на вибір потенційних ресурсних джерел. Завданням спеціаліста на цьому етапі є: оцінити зовнішнє оточення; дослідити ресурсну базу території; проаналізувати минулий досвід збору коштів, визначити своїх прихильників, до яких можна звернутися в першу чергу; зібрати повну інформацію про потенційних партнерів і продумати аргументи на свою користь з метою долучити їх до діяльності; встановити зв'язок з нинішніми партнерами; залучити в процес збору коштів зацікавлених сторін; розробити стратегію фандрайзингової кампанії.

Так як фандрайзинг – це діяльність, яка спрямована на залучення й акумулювання коштів з різних джерел [4], при розробці стратегії фандрайзингу необхідно реалістично оцінити, до яких саме джерел фінансування звертатися в тому чи іншому випадку і як подати свій проект в найбільш адекватній для конкретного донора формі. Такими джерелами можуть бути: недержавні неприбуткові організації (громадські організації; благодійні фонди; асоціації; релігійні організації; політичні партії; профспілки; творчі спілки тощо); державні організації (лікарні, соціальні служби, бібліотеки, музеї тощо); органи державної та місцевої влади; приватні фонди і комерційні структури (фірми, банки, страхові агентства); окремі особи, що виявляють інтерес до діяльності НКО.

Етап розробки способів залучення ресурсів передбачає складання кошторису (скільки фінансових вкладень потрібно в конкретний період діяльності НКО); здійснення пошуку джерел фінансування та інших ресурсних можливостей; вибір стратегії залучення ресурсів; визначення і погодження всередині організації форм та методів діяльності; хронологічне вибудовування усіх запланованих заходів; продумування послуг і можливостей, які організація може запропонувати спонсорам; підготовку матеріалів для надання спонсорам (заявки, прес-релізи та ін.).

Етап проведення заходів щодо залучення ресурсів (або етап реалізації) є найбільш відповідальним, тому що необхідно здійснити весь комплекс заходів, розроблених на стадії планування; визначити інтерес (мотив), за яким конкретний партнер зможе зробити пожертвування: матеріальний, моральний, діловий і т.ін.; проаналізувати ті мотиви потенційних спонсорів, які можна заохотити; описати переваги, які може отримати благодійник в результаті залучення до благодійної діяльності; акцентувати увагу благодійника на суспільному значенні проблеми, яку вирішує організація – тобто мотивувати донорів. Основними *методами* залучення ресурсів, які використовують у своїй діяльності НКО є: телефандрайзинг, інформаційний фанд-

райзинг, поштовий фандрайзинг, індивідуальний фандрайзинг, солофандрайзинг, подієвий фандрайзинг, поліфандрайзинг.

Заключним етапом роботи є *етап оцінки ефективності фандрайзингу*, під час якого відбувається виявлення співвідношення витрат на пошук фінансування з отриманими результатами; розрахунок граничної продуктивності (обсягу додаткових пожертвувань, зроблених завдяки додатковим витратам на звернення за пожертвами), а не середньої продуктивності (загального обсягу пожертвувань, діленого на загальний обсяг витрат); оцінка того, наскільки було враховано правовий аспект діяльності по залученню коштів; визначення того, в якому обсязі НКО зможе використовувати залучені кошти.

Отже, представлена технологія фандрайзингу вимагає від соціального працівника володіння організаційно-управлінськими вміннями, пов'язаними з плануванням, реалізацією, контролем за виконанням фандрайзингу та аналізом результатів; встановленням партнерських відносин, переходом до стратегії співробітництва з людьми і організаціями, які можуть надати матеріальну чи іншу ресурсну підтримку.

Результат управління фандрайзинговою діяльністю у соціальній роботі полягає в реалізації соціальних програм, проектів, планів, виконанні управлінських рішень, у налагодженні продуктивних взаємовідносин з колегами, потенційними донорами, громадськістю, волонтерами, різними типами організацій і установ.

Організація діяльності НКО щодо залучення ресурсів та уміле управління цим процесом має регулятивне, направляюче, впливово-діяльнісне значення і дозволяє не лише отримати кошти на реалізацію проекту, але й знайти стабільних партнерів, які в майбутньому зможуть забезпечити надійну підтримку НКО.

Список літератури: 1. Багли Д. Успешный фандрайзинг / Джон Багли; пер. с англ. В.В. Штефан; под общ. ред. С.А. Куц. – К.: Атика, 2006. – 264 с. 2. Квеско Р.Б. Менеджмент социальной работы (Организация управления и администрирования в социальной работе): учеб. пособие / Р.Б. Квеско, Е.Н. Муравская, С.Б. Квеско, В.Д. Чайковский. – Томск: Изд. ТПУ, 2009. – 136 с. 3. Теория социальной работы: учеб. пособие / М.В. Ромм, Е.В. Андриенко, Л.А. Осьмук, И.А. Скалабан и др.; под ред. М.В. Ромма. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2000. Ч. II. – 112 с. 4. Якимец В.Н. Фандрайзинг: учеб.-метод. пособие / Владимир Николаевич Якимец. – М.: ГУУ, 2002. – 75 с. 5. Katz R.L. Skills of an Effective Administrator / Robert Katz // Harvard Business Review, September-October. – 1974. – P. 90–102.

Галина Фесенко
м. Харків, Україна

КУЛЬТУРНИЙ ПРОСТІР СУЧАСНОГО МІСТА ЯК ЦИВІЛІЗАЦІЙНИЙ ВИБІР

У сучасній цивілізації місто стає її символом, джерелом нових потужних процесів культурогенези, виникнення і розвитку нових вікових, дозвіллевих, професійних і т.ін. субкультур. Культура розглядається як певна платформа міста, що забезпечує духовний розвиток, економічне зростання, соціальну стабільність. Методика вимірювання якості культурного середовища міста, рекомендована ООН, виокремлює такі «культурні індикатори розвитку»: 1) економіка (рівень зайнятості в культурі, витрати на культуру в цілому); 2) спадщина; 3) соціальна участь і соціальні зв'язки; 4) інституційне управління; 5) спілкування, комунікація; 6) освіта; 7) культурна різноманітність [1, с. 28]. У підсумку культурні індикатори розвитку є відображенням спроби виміряти роль культури в соціально-економічному розвитку міста.

По мірі розвитку постіндустріального інформаційного суспільства екстенсивне зростання міст практично припиняється, а на місці «кам'яних джунглів» проектується неантагоністичні агломерації міських кварталів, промислових зон, паркових та природних територій, які уявляються принципово новим типом людського поселення. Особливості формування міського простору, окремих культурних тенденцій в урбанізованому просторі Європи відображають прагнення міст задовольнити інтереси їх мешканців щодо зручності, корисності і краси урбанізованого середовища (за П. Четтертоном, три чверті населення Європи мешкає в урбаністичних районах, де більшість страждає від бідності, хвороб, неякісного житла, злочинності та погіршення стану навколишнього середовища [7, с. 258]).

Нова соціокультурна реальність міста постає об'єктом вітчизняних дослідницьких практик, зокрема тих, які спрямовані на розробку стратегій розвитку міст. Так, м. Харків обрав в якості стратегічної цілі свого розвитку до 2030 року «створення системних умов для відтворення і залучення якісного людського капіталу як основного фактору розвитку міста» [4] та зайняття позиції у ТОП-100 провідних світових міст (Global Cities Index).

Отже, культурний простір сучасного міста набуває характерної ідентичності, стаючи «збирачами людських ресурсів». Високий рівень інтегрованості людини у міський простір виявляється через наявні у ньому можливості відтворювати «якісний образ життя». «Виробництво простору міс-

та», за А. Лефевром, передбачає не тільки можливість для мешканця отримати житло, роботу, освіту, а й у більш ширшому сенсі – існувати у ньому та його перетворювати («будь-яке творіння займає простір, породжує його» [2, с. 12]). Міста, як і раніше, залишаються важливими для соціальних контактів. У сучасному мегаполісі особистість має можливість зберегти свою культурну ідентичність, забезпечити собі та своїм близьким «дім душі». Культурний простір міста постає як освоєний людиною, в тих чи інших параметрах значимий для неї ціннісно-смысловий світ.

Необхідною умовою для проектування міського простору, здатного відтворювати «якісний образ життя», стає культура творчості. Історична трансформація міста – від індустріального до постіндустріального – супроводжується розвитком «креативного класу», до якого К. Лендрі відносить не тільки художників і тих, хто займається художнім бізнесом безпосередньо, а й усіх тих, хто пов'язаний з творчою діяльністю, нехай і не на ключових рівнях: соціальних працівників, бізнесменів, вчених, держслужбовців [3, с. 8]. Створюється нова топографія міста, що виявляється через креативні комунікації, генерування нових ідей (інноваційні бізнес-моделі, винаходи, нові послуги, художні твори).

Актуалізація креативної складової культурного ландшафту міста має відбуватись у двох вимірах: по-перше, особистісному (формування «креативного класу» [6]); по-друге, соціальному (наявності своєрідних культурних форм спільного життя – публічного простору – мешканців міст, можливостей для комунікації, різнобічного дозвілля і творчості). Глобальні міста розвивають високо спеціалізовані «креативні» послуги [3, с. 257–260], розробниками яких є «креативні люди доби нової економіки» (за Ч. Лендрі). Економічне зростання за рахунок креативної індустрії, швидше за все, виникає в місцях з інфраструктурою, що сприяє обміну і комерціалізації творчих ідей. Виділяють такі креативні послуги: «фінансові та ділові» (комерційні ділові послуги (юриспруденція, бухгалтерія, реклама і зв'язки з громадськістю), а також дизайнерські послуги (архітектура, цивільне будівництво, індустріальний дизайн та мода); «креативні види діяльності» (масові перфоманси (фестивалі, концерти), музеї, галереї і виставки, друковані та електронні засоби масової інформації); «туризм» (діловий, пізнавальний, а також відповідна інфраструктура: засоби розміщення, система громадського харчування, об'єкти індустрії розваг, транспорт і т.ін.). Усі ці різні види діяльності єднає, по-перше, те, що для кожної з них надзвичайно важливим є високий «рівень швидкості» у зборі, передачі та споживанні інформації. По-друге, такі види діяльності тісно взаємодіють і породжують низку проміж-

них або «спільних» видів діяльності. Так, використання готелів, конференц-залів, виставкових центрів відноситься одночасно до ділових послуг та до туризму; музеї та галереї – невід’ємна частина культурних галузей і туризму; реклама є і творчою, і діловою послугою тощо.

Мобільний, залежний від знань бізнес та «креативники», на яких він тримається, прагнуть оселятися там, де існує певний набір культурних активів, й разом з тим, високі стандарти життя й середовища. Умови життя в містах оцінюються відповідно до багатьох критеріїв, у тому числі, можливості для людини бути у центрі культурного життя, мати умови для повноцінного дозвілля та розваг тощо. Місто, у якому відсутнє таке середовище, яке не здатне забезпечити екзистенційні потреби, трактується як населений пункт низького рівня, зі статусом індустріальної забудови.

Важливим для формування творчого середовища міста є навчання й розвиток талантів. Різноманітні культурні практики доводять, що залучення до естетичного виховання з дитячих років є найкращою передумовою майбутньої участі людини в культурному житті, а також має безліч інших переваг. Наприклад, у європейських загальноосвітніх школах усіх дітей (від 6 до 16 років) вчать співу, грі на музичному інструменті, писати музику на своєму рівні. Творча освіта учня позначається на кращому опануванні природничими науками, а також розвитку навичок спільної роботи, почутті власної гідності. Слід зазначити, що в українському суспільстві роль художніх практик у життєпросторі городян залишається недооціненою. У вітчизняній системі шкільної освіти предмети естетичної спрямованості є факультативними, а спеціальні школи естетичного виховання відвідує незначний відсоток дітей шкільного віку (так, у м. Чугуєві Харківської області, батьківщині видатного художника І.Ю. Рєпіна лише 10,21% дітей навчаються у відповідних закладах: 5,57% – музичній школі, 4,64% – у художній [5, с. 29]). Участь у культурному житті також є корисною і для людей похилого віку. Дослідження доводять, що літні люди, які беруть участь в мистецьких програмах, покращують здоров’я, зменшують кількість візитів до лікаря, мають більш активну життєву позицію.

Актуальним напрямком сталого розвитку сучасних міст є включення творчої активності в систему цінностей городян і формування у них потреб у творчій самореалізації, духовно-культурному розвитку. Стратегічним завданням для українських міст може стати, наприклад, охоплення художньо-естетичним вихованням молоді на рівні 90%. Реалізація такого стратегічного напрямку сприятиме процесу перетворення мешканців міста з простих споживачів послуг культури на активних суб’єктів, носіїв потенціалу креатив-

ного розвитку міста. Крім того, культура, як інструмент соціально-економічного розвитку міста, буде спиратися не тільки на ініціативи професіоналів або органів влади, а й значною мірою на мешканців міста та їх об'єднання.

Залежно від того, який нас цікавить «масштаб присутності» людини, може змінюватися фокус локалізації при описі життя міста, окресленні простору «культурної свідомості», зокрема, через причетність до організованих містом форм культурного буття. Таким чином, важливим стає «ефект присутності», оскільки він передбачає співпричетність до цілого.

Найбільш актуальною стає метафора культури міста – її «життєздатність». Отже соціокультурний простір міста можна вимірювати як своєрідними відносинами між суб'єктами культури, так й новими умовами (в тому числі й матеріальними), системою цінностей, культурних потреб і засобів їх задоволення. Креативне місто характеризується, перш за все, не кількістю прийнятих містом туристів, кількістю музеїв, різноманітних культурних заходів, а якісним життєвим простором. Тому в українських містах ми ще не спостерігаємо сталих креативних тенденцій, оскільки у їх розвитку виявляються тенденції до «культурної асиметрії» (позитивну динаміку у «культурі», «туристській привабливості» й, разом з тим, негативну у показниках «безробіття», «ділова активність», «інфраструктура» і т.ін.).

Розвиток інфраструктури творчої самореалізації городян у сфері культури передбачає: збереження існуючих та створення нових публічних місць для культурно-творчої діяльності, які дають їх відвідувачам можливість прояву творчості. Міста, за К. Лендрі, здатні перетворюватися на лабораторії, що розробляють технологічні, концептуальні та соціальні рішення проблем [3, с. 16]. «Мистецтво розвитку міст» передбачає: мистецтво розуміння людських потреб, мистецтво створення багатства, мистецтво організації руху та пересування, мистецтво здорового способу життя, мистецтво поєднання фізичних об'єктів у єдиний міський ландшафт, мистецтво створення святкової атмосфери, мистецтво рухатися у майбутнє, не забуваючи про минуле і т.ін. У підсумку місто має володіти «мистецтвом зростання вартості та людської цінності» від усього, чим займається місто. За допомогою культурних індустрій можна зробити місто більш потужним. З метою створення максимально можливої зручності для життєдіяльності у місті людей творчих професій, а також культурних організацій – формувати відповідний соціально-економічний простір, сприятливий для реалізації і споживання культурної продукції. Важливим аспектом культурного розвитку міст є також просторова зацікавленість їх мешканців (поки що мало виявлена в українських мегаполісах), що виявляється у турботі про своє оточення, по-

требі в комфорті не тільки своєї квартири, будинку, але й того, що зовні, за їх межами, потреба в комфортності міського середовища.

Отже, соціокультурний ландшафт сучасного міста постає тим середовищем, у якому відбувається самовідтворення людини – творяться культурні форми, у яких розгортається людська індивідуальність через креативний характер розвиненої людської дії. Культурний простір міста перетворюється на сферу можливостей для формування творчого насиченого життя кожного його мешканця.

Список літератури: 1. Всемирный доклад по культуре 2000+: Культурное многообразие: конфликт и плюрализм / ЮНЕСКО. – Париж: ЮНЕСКО; М.: Магистр-Пресс, 2000. – 416 с. 2. Лефевр А. Социальное пространство // Неприкосновенный запас. – 2010. – № 2 (70). – С. 3–14. 3. Лэндри Ч. Креативный город / Ч. Лэндри. – М.: Изд. дом «Классика-XXI», 2011. – 399 с. 4. Техническое задание на выполнение работы «Разработка стратегии развития города Харькова до 2030 года» (проект). 19.10.2011. – Харьков: Харьковский городской совет, 2011. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.city.kharkov.ua/documents/43389.doc. 5. Финансирование школ эстетического воспитания г. Чугуева Харьковской области: гендерное измерение бюджетной политики // Гендерное бюджетирование на местном уровне. Практическое пособие. – К., б/и, 2012. – С. 2–31; [Электр. ресурс]. – Режим доступа: <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/ukraine/09513.pdf>. 6. Флори-да Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. – М.: Издательский дом «Классика-XXI», 2005. – 254 с. 7. Чэттертон П. Чем вымощена дорога в креативный город // Неприкосновенный запас. – 2010. – № 2 (70). – С. 255–264.

*Оксана Цуранова, Валентина Булгакова
г. Харьков, Украина*

УКРАИНО-РОССИЙСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В СОВРЕМЕННОМ ДУХОВНО-МУЗЫКАЛЬНОМ ТВОРЧЕСТВЕ

Более чем тысячелетняя история существования церковного-певческого искусства на украино-российской земле в лоне православного богослужения представляет нам богатейшую палитру жанрового многообразия, ведущего свою историю от аскетической средневековой монодии знаменного ро-спева до пышного многоголосия барочных хоровых концертов, в свою очередь, сменившихся стилистикой немецко-протестанского хорала, а затем, возвращению музыкального языка культовых сочинений вспять, к «седой старине» народного и церковного пения. Последнее в значительной мере характеризует тенденции, сложившиеся в современном духовно-музыкальном искусстве.

В композиторской практике конца XX в. заостряются и приобретают законченный вид процессы, наметившиеся еще три столетия назад. Речь идет о секуляризации церковного пения, вследствие чего произошло разделение самой сферы духовной музыки на концертную и богослужебную исполнительские практики. И если композиторы, создающие сугубо церковную музыку, делают это с учетом специфики богослужения – диакон Сергей (Трубачёв), архимандрит Матфей (Мормыль), композиторы-архипастыри митрополит Иларион (Алфеев), архиепископ Ионафан (Елецких), а также А. Козаренко, В. Мартынов и др., – то творцы духовных сочинений для концертной эстрады нередко считают себя свободными от необходимости следовать определенным жанрово-стилистическим традициям. Подобная тенденция правомерна как для украинских, так и российских музыкантов.

В отношении поэтической основы духовных композиций концертного плана ориентиром для современной композиторской практики остается творчество, в первую очередь, представителей «золотого века» – А. Веделя, М. Березовского, Д. Бортнянского, широко использующих тексты Псалтыри, Молитвослова, а также литургический текстовый материал, включающий тропари и кондаки праздника. Напомним также, что сам поэтический первоисточник в музыкальном претворении используется в двух вариантах: церковнословянском, или дониконовском (Ю. Буцко, К. Волков), и украинском переводе, востребуемом в значительной мере композиторами западно-украинского региона. В случае интерпретации католических музыкаль-

ных жанров, в частности реквиема, композиторы опираются на литературные источники широкого круга, как правило, не традиционно-канонические: духовный стих, духовная поэзия средневековых и современных поэтов (реквиемы Е. Станковича, В. Сильвестрова и др.).

В целом, композиторы не стесняются в выборе «первичной модели» своих сочинений, которая может рождать вторичные модели, представляющие собой либо сочетание избранных текстов, либо поэтическую их обработку, либо авторскую «комбинаторику» тех и других материалов. Кроме того, в современном творчестве можно говорить не только о расширении тематики духовных сочинений, но и о принципиально новом подходе к пониманию и восприятию текстов, связанном с более широким нравственно-философским контекстом.

Рассматривая особенности фактуры в духовных произведениях современных авторов, отметим, что подход в отношении к хору не в последнюю очередь опирается на наработки предшествующих поколений. В современном внецерковном духовном творчестве композиторы не ограничивают себя в выборе средств, используя порой довольно сложные фактурные образования, связанные как с развитием современных видов письма, так и с использованием характерного для древнерусского певческого искусства строчного многоголосия. Здесь следует отметить работы российских «песнотворцев» Ю. Буцко, В. Мартынова и др.

В неклиросных концертах пышное хоровое полнозвучие с обилием *divisi* подчас приближает хоровую фактуру к складу сверхмногоголосия (А. Шнитке, Е. Станкович). Разнообразие контрапунктических приемов приводит к возникновению полифонии пластов (А. Шнитке, Р. Щедрин, А. Щетинский). В целом, яркое полифоническое развитие, которое было обязательным для классического хорового концерта, уступает место иным техникам, связанным с дифференциацией фактуры, а также с поиском тембральных колористических звучаний, в результате чего происходят смены контрастных типов изложения, «состязание» темброфонических эпизодов, антифония хоровых групп и т.д. Подобный подход в изложении материала отмечен в творчестве украинских композиторов Л. Дычко, В. Полевой, А. Гаврилец, А. Щетинского и др.

Характеризуя интонационный облик современной духовной музыки, заметим, что в отличие от композиторов рубежа XIX–XX вв., уделяющих особое внимание старинным роспевам и их многоголосному оформлению (А. Кастаньский, А. Никольский, С. Рахманинов), музыканты XXI ст. тяготеют в большей степени к стилизации. В традициях знаменного пения ими черпа-

ются приемы музыкального развития. Генетическая аскетика и простота древних архетипов обогащается и расширяется до норм современной звуковой реальности, с присущей ей свободой и большим арсеналом художественно-выразительных средств (В. Мартынов, К. Волков, М. Скорик, Л. Дычко и др.). Однако духовные сочинения XX–XXI вв. чаще представляют собой уникальное явление, синтезирующее различные интонационные истоки: традиции древнерусской культовой музыки, народного (украинского и русского) искусства, закономерности западно-европейской барочной и романтической стилистики, а также элементы джаза и популярной музыки (Р. Щедрин, М. Скорик, В. Сильвестров, А. Гаврилец).

Отдельного внимания заслуживают изменения, произошедшие в духовном жанре и в области ладогармонического письма. Хоровые партитуры рубежа XX–XXI вв. далеко выходят за рамки правил, предписываемых строго церковным стилем, в том числе благодаря своеобразной гармонии, отмеченной позднеромантической и авангардной стилистическими ориентациями. Своеобразие гармонического мышления современных авторов сказалось в широком диапазоне применяемых аккордовых структур и в неожиданно смелых сопоставлениях фонически контрастирующих созвучий: диссонанс, кластер перестают быть исключением и становятся нормой музыкального высказывания.

Постепенная эволюция в сфере содержания и музыкального языка к рубежу второго и третьего тысячелетий вылилась в трансформацию жанров духовной музыки. К концу XX в. возникают новые гибриды, скрещиваются самые несовместимые явления, в том числе конфессионального толка. Композиторы обеих стран обращаются к религиозной тематике с целью выразить наивысшие духовно-этические переживания, при этом часто выходя за рамки каноничности (Литургии Р. Щедрина, Н. Сидельникова, В. Сильвестрова, Православная месса и «Богородичные догматы XVII в.» В. Степурко и др.).

Важно отметить, что большое значение в развитии современного духовно-музыкального искусства обеих стран занимает исполнительская практика. Продолжая традиции национальной певческой культуры, ведущих свою историю с первых лет существования христианства на Руси, церковные хоры украинских и российских монастырей и храмов ведут активную клиросную жизнь. Отдельно следует упомянуть о деятельности руководителей этих хоров – регентах. Имена А. Пузакова, В. Горбика, Г. Сафонова, С. Кривобоква, А. Гринденко, Е. Кустовского, а также диакона Димитрия (Болгарского), игумена Романа (Подлубняка), И. Сахно, А. Щегловой – это далеко не полный список церковно-певческих деятелей, благодаря энтузиазму и профессионализму которых в православные храмы России и Украины возвра-

щаются лучшие образцы национальной духовной музыки, а также звучат новейшие произведения современных авторов. Подчеркнем, что церковно-певческая практика, по определению связанная с деятельностью церкви, давно вышла за рамки исключительно внутриконфессионального явления. Она стала частью общемировой музыкальной культуры и прочным фундаментом отечественной исполнительской хоровой школы.

Не менее ценным вкладом в пропаганду и, как следствие, популяризацию и развитие концертного направления духовной музыки, широко представленной в современном пространстве, представляется деятельность академических хоровых коллективов. В России среди прочих выделяются коллективы – преемники хоров, имеющих многовековые корни. Это, соответственно, Синодальный хор под управлением А. Пузакова и Петербургская певческая Капелла под управлением В. Чернушенко. В Украине же приоритетное положение занимает муниципальный камерный хор «Киев», основанный и руководимый с 1990 г. Н. Гобдичем. География выступлений и их репертуарный список, а также количество записанных аудио альбомов без преувеличения позволяют говорить о лидирующем положении «Киева» в современном отечественном хоровом исполнительстве. Почетное место в репертуарной политике, проводимой руководителем «Киева», принадлежит духовному пению. Можно уверенно говорить о том, что стараниями Н. Гобдича статус украинской духовной музыки как в ее прошлом, так, что особенно ценно, в ее современном прочтении стремительно возрос. Этому в значительной мере способствует и богатая палитра конкурсно-фестивальных мероприятий, проходящих в украинской столице и за ее пределами.

Широкий резонанс в среде любителей и музыкантов-профессионалов получили ежегодно проводимые фестивали «Золотоверхий Київ» та «Київ Музик Фест». Первый из названных был инициирован с целью возрождения украинской духовной музыки. Каждое его проведение проходит под знаком имени одного из выдающихся отечественных композиторов-классиков, как, например, Н. Дилецкого или Н. Леонтовича. В рамках же концертной программы мероприятия проводятся творческие вечера современных песенслагателей. Слушатели «Золотоверхого Київа» таким образом ознакомились с творческими наработками А. Гаврилец, В. Полевой, В. Степурко и др.

Подводя итог обзора современного украино-российского духовного искусства, следует отметить, что процессы, которые сформировались в период с конца XX в. и по сегодняшний день, свидетельствуют о тенденциях яркого расцвета духовного творчества, связанных с огромным интересом к религии. И если в начале XX в. этот процесс проходил в рамках общего подь-

ема национальных идей, поиска национальной характерности и развития уникального явления, получившего название Новое направление в духовной музыке, то в конце этого столетия обращение к религии явилось необходимым противовесом разрушительной силе политических преобразований в России и Украине, поиском утраченной духовной опоры в жизни современного человека после многолетних запретов на все, что было связано со сферой религиозного. Авторы духовно-музыкальных сочинений, отталкиваясь от жанрового поля православного канона, идут по пути усложнения языка, насыщения музыкальной ткани полистилистическими выразительными средствами. Общей тенденцией для музыкантов Украины и России становится уход от сугубо церковных жанров в область их усложнения и видоизменения, взаимных «прорастаний» формы и содержания. Подобные творческие усилия авторов выражают их стремление донести до широкой аудитории истинные духовные ценности, не акцентируя внимание на чистоте религиозных догматов.

Список литературы: 1. Гуляницкая Н. Поэтика музыкальной композиции: Теоретические аспекты русской духовной музыки XX века. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 432 с. 2. Кияновська Л. Українська музична культура: Навч. посіб. – Львів: «Тріада плюс», Київ: «Альтера», 2009. – 356 с.

*Інна Ченбай
м. Черкаси, Україна*

ОБРАЗ ДИТИНИ-СИРОТИ В ТВОРАХ УСНОЇ НАРОДНОЇ ТВОРЧОСТІ

Звернення до усної народної творчості при вивченні питань сирітства є необхідним, адже саме знання й досвід народу, що знайшли відображення у фольклорних творах, є складовою основи для розвитку сучасних педагогічних знань. Аналіз цих творів дозволяє провести паралелі з теперішнім часом, глибше зрозуміти причинно-наслідкові зв'язки сучасного сирітства.

Етнопедагогічні дослідження в основному стосуються явищ дитячого побуту, обрядів, звичаїв та вірувань, що стосуються дитини. М. Стельмахович розглядає питання виховання сиріт та напівсиріт у контексті української родинної педагогіки, указуючи на необхідність розробки спеціальної сирітської педагогіки. Окремі питання висвітлюють у статтях Н. Ганнусенко, Т. Мацейків, О. Семиног. Соціальне виховання сиріт у родоплемінних слов'ян у архаїчний період розглядає В. Дейна.

Термін «сирота» має певні відмінності в історичній та сучасній трактовці. Так, традиційно сиротою вважалась «дитина або неповнолітній, у якого помер один або обоє з батьків» [2, с. 586]. На відміну від цього, сучасне тлумачення включає і категорію дітей, сім'ї яких неспроможні їх виховувати, сиріт при живих батьках, тобто соціальних сиріт. Однак, разом з тим у народній поетичній творчості дітей, у яких помер батько, називають удовиченками. У випадку ж смерті матері дитина завжди називалась сиротою, що є відображенням ранніх традицій родинного звичаєвого права, у якому спорідненість велась по матері: «Отець вмре, то півсирота, а мати (вмре), то вже цілая сиротина». Утрата матері ставала основною причиною бездоглядності та безпритульності, виникнення хаосу на противагу порядку:

Ой піду я на городчик,	Нема мамки рідненької,
Скопаю на грядку,	Та й нема порядку.

Більш широкий зміст вкладає в термін «сирота» В. Даль, знімаючи вікові обмеження: це «взагалі безпомічний, самотній безпритульний бідняк, у цьому значенні і старики та баби звать себе сиротами, і так же звать убогих та жебраків» [1, с. 188]. Подібний же зміст має і прислів'я: «Не то сирота, що роду нема, а то сирота, що долі нема».

У народній традиції вважалось, що смерть батька чи матері страшна не сама по собі, а наслідками для живих, для дітей у першу чергу. Доля сироти

важка й незавидна. Тяжке становище сироти в народній поетичній творчості визначається таким чином: «Нема що їсти, нема пити, немає й роду, щоб поговорити», «Бідну сиротину ніхто не приголубить», «За сиротою журба за журбою», досить часто у прислів'ях зустрічається тема сліз: «Сиротою жити – сльози лити» («Сиротою проживати – гіркі сльози проливати»), «Хто сиротою не бував, той не наплакувався», «Ніхто не бачить, як сирота плаче».

Відзначається складність матеріального становища, відсутність їжі, одягу: «Ніхто того не відає, як сирота обідає, а всяк теє бачить, як сирота плаче», «На сиротині – латана свитина». Не просто елементом одягу, а синонімом материнської турботи й ласки виступає в народній творчості біла сорочка: «Як мати рідненька, то й сорочка біленька», сирота ж є обділеною і в матеріальному, і в духовному: «Тоді сироті Великдень, як білая сорочка».

Дитина, що залишилась без сім'ї, відчуває власну безпорадність: «без роду, без плем'я – без привіту, без совіту», на її життєвому шляху часто зустрічаються перешкоди: «Як сироті женитися, так і ніч мала» («Як сироті женитися – то й день малий»). Народна творчість демонструє і приклади негативного ставлення до сироти: байдужість: «Ніхто не бачить і не чує, як сирота плаче і горює», ця байдужість може змінюватись лише суспільним осудом у випадку нетипової поведінки дитини: «Ніхто не баче, як сирота плаче, а як за скаче, то всяк побаче», сироти викликають недовіру та стереотипні уявлення про девіантність поведінки: «У сироти два роти, один їсть, другий бреше», у ставленні оточуючих характерними є образи та фізичне покарання: «Сироту лають і б'ють, та плакати не дають», «Сироті життя, як горох при дорозі: хто йде, той і скубне» («Сиротина, як билина при битій дорозі, хто не пройде, той і скубне»), «Сироту і вдовицю, то й тріски б'ють».

У характеристиках майбутнього сироти народна творчість визначає дві тенденції: по-перше, сподівання на краще, надія на покращення становища: «Сирітська сльоза не капає дарма», «Сирітські сльози не пропадуть», «У сироти на подвір'ї сонце засвітить», по-друге, безнадійність і безвихідь: «Бог сиріт любить, та щастя не дає», «День і ніч я плачу, тяжко зажурилась, бодай сирота на світ не родилась». Характерно, що сирітство розглядалось у народній педагогіці як стан, що буде супроводжувати людину все життя: «Росла – весни не бачила, зросла – літчка не знала, прийшла осінь – сирітського серця не нагріла», аналогічне значення має російське прислів'я: «Кто без призора в колыбели, тот всю жизнь не при деле».

Знедоленість, що слідує за людиною, починаючи з дитячих років, сприяє проєкції долі батьків та їх передчасної смерті на власне життя, у при-

слів'ях та приказках зустрічаються навіть суїцидальні мотиви: «Сироті без роду – хоч з моста та в воду».

Однак народна творчість демонструє і приклади зовсім іншого ставлення оточуючих до дитини-сироти – жалісливе, доброзичливе. Підтвердженням цьому може слугувати велика кількість народно-поетичних, зменшувальних та зменшувально-пестливих синонімів до слова «сирота»: сиротина, сиротинка, сиротинонька, сиротиночка, сирітонька, сиротя, сиротятко, сиротятчко.

Християнська мораль вважала допомогу сироті богоугодною справою, порівняною до коштів, відданих на церкву. Кривдження сироти вважалося гріхом. Сироти ж мали особливий статус посередника між людьми та Богом. Дитина, яка не мала опіки серед людей, отримувала її від Бога, який забрав у неї батьків, але надав сироті своє особливе заступництво, що знайшло відображення в народних прислів'ях: «За сиротою сам Бог з калитою», «Дав Господь сиротинці роток – дасть і хліба шматок», «Бог знає з неба, що сироті треба». Тому слово сироти, як і слово жебрака, швидше доходить до Бога.

Допомога сиротам, матеріальна та моральна, психологічна, надавалась усім світом, громадою: «З хати по нитці – сиротині свитка», «Чужа ласка – сироті Великдень».

Улаштування дитини-сироти в сім'ю могло здійснюватись за ознакою спорідненості або ж на виховання її могли взяти люди, біологічно не рідні. Найбільш часто опікунами були близькі, а у випадку їх відсутності – далекі родичі: «Батька немає – старший брат батько, а матері немає – старша сестра мати».

Характерно, що в проаналізованих текстах українських народних пісень змальовується життя дитини-сироти в сім'ях дорослих братів та сестер або рідних дядьків і тіток та відсутні згадки про виховання після смерті батьків бабусями й дідусями. Дитина-сирота, яка виховувалась у сім'ях родичів, вимушена була тяжко працювати, могла терпіти нарікання й через те, що вона виявлялась тягарем для чужої сім'ї, що змушена її утримувати.

Узяти на виховання сироту на правах рідної дитини могли й люди, які не мають з нею родинних, кровних зв'язків, – названі батьки. Найчастіше в творах народної творчості, зокрема, в казках відтворюється ситуація прийняття дитини бездітним подружжям. Сім'я, яка не має власних дітей, у народному світогляді вважалась нещасливою, неповноцінною, такою, що не приносить користі й не має майбутнього. Це відображено в народних прислів'ях («Бездітна сім'я – це безплідне дерево»). У казці «Про Марка Бага-

того і Василя Безрідного» появу новонародженого хлопчика в повітці бездітного подружжя сусіди сприйняли таким чином: «Це тобі, Марко, Бог щастя послав! Мусиш цю дитину за сина взяти». Прагнення мати дитину не покидає бездітну шлюбну пару до старості, і реалізацію саме цього прагнення відтворено в народних казках, де за допомогою дії чарівних сил у таких людей з'являється дитина, що несе за собою радість, утіху й розраду: «Телесик» – маленький синок став з деревинки, «Кривенька качечка» – качечка перетворилась на дівчину, «Красноцвіт» – маленький хлопчик з'являється з яєчка, яке чоловік знайшов у корчі, «Зноско» – дід зібрав у решето 101 яйце, і з кожного яйця хлопчик вилупився, «Семиліточка» – дівчинка знайшлась у лісі, «Сніжниця» – дід і баба скатали дитину із снігу. Узяти на виховання дитину-сироту могла й багатодітна сім'я, що відтворено в народних прислів'ях: «Де шість росте, там і сьоме прилаштується».

Аналіз змісту поняття «сирота» в усній народній творчості показав, що до їх складу відносили, використовуючи сучасну термінологію, біологічних сиріт, напівсиріт та в переносному значенні термін використовувався для визначення знедолених. Таким чином, соціальне сирітство, поширене на сучасному етапі, є наслідком прорахунків у соціальній політиці, знищення моральних ідеалів минулого.

Утрата батьків для дитини страшна своїми наслідками: бідність, поневір'яння, сум, відсутність перспектив подальшого щасливого життя. Виховання поза сімейним середовищем призводить до того, що відчуття сирітства супроводжує людину все життя. Ставлення в суспільстві до проблем сирітства завжди було неоднозначним: з одного боку, жалість та співчуття, з іншого – байдужість та відверті знущання. Тому при сучасних тенденціях реформування системи опіки над дітьми-сиротами та дітьми, позбавленими батьківського піклування, велику увагу необхідно приділити питанням формування позитивної суспільної думки щодо питань сирітства.

Список літератури: 1. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. / В. Даль. – М.: Рус. яз., 1991. – Т. 4. – 684 с. 2. Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 57 000 слов / С.И. Ожегов / под ред. Н.Ю. Шведовой. – 19-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1987. – 750 с.

Вера Чубова
г. Харьков, Украина

ПЕРВИЧНОЕ ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА «ПУТЬ» В ПРАСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ В ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

В современном русском языке первичное значение лексемы *путь* – это «полоса земли, служащая для передвижения (езды и ходьбы); дорога» [Кузнецов 2004, 657; СРЯ 1972, 565]. При анализе значений слова *путь*, даже в пределах литературной лексики, обнаруживается довольно внушительная полисемантическая цепь, в которой имеет место ряд различных метафорических значений: 1. Направление деятельности, развитие кого-либо. *Избрать путь художника*; 2. Средство, способ достижения чего-либо. *Осуществить мирным путём*; 3. Жизнь человека. *Жизненный путь*; 4. Смерть. *Проводить в последний путь*; 5. Доступ к чему-либо – во фразеологизме *заказывать путь*; 6. Жизненный выбор. *Идти по ложному пути. Наставлять на путь истинный*; 7. Цель, стремление. В выражении *не по пути* – о разных стремлениях, целях; 7. В СРЯ с пометкой *разг., устар.* Польза, прок, толк. *Кажется, не глуп; Может, будет путь.* Герцен. Кто виноват [СРЯ, там же]; 8. Вселенная, название галактики. *Млечный путь* [Кузнецов, там же; СРЯ, там же]; 9. Во фразеологизмах, ставших медицинскими терминами и обозначающих систему органов: *родовые пути; дыхательные пути.* Обращение к диалектной лексике выявляет ещё более широкий спектр метафорических значений: 1. Причина. *Что ты без путя оскалываешься?* [СРНГ 1999, 33, 159]; 2. Моральные качества человека. В производных от *путь*: *путный* [Даль 2003, III, 543], *путный* [СРНГ 1999, 33, 154], *путящий* [Даль, там же] – честный, порядочный, высоконравственный; *беспутный* – непорядочный, безнравственный; 3. Способность мыслить. *Взять в путь* – подумать; 4. Ум, талант *путный* [СРНГ, там же], *путявый* [СРСГ ср. части бассейна р. Оби 1967, III, 94] – толковый, умный, дельный [СРНГ, там же]; время. В выражении *всю дорогу* [Даль 2003, I, 473]. Причём, в быту и речи носителей диалектов именно метафорические значения слова *путь* намного чаще употребительны и играют большую роль, чем в литературном языке. Значения *толк, прок, выгода* в прилагательных (*путный* [Даль III, 543], *путный* [СРНГ, там же], *путявый*, [СРСГ ср. части бассейна р. Оби 1967, III, 94] *путящий* [СРДГ 1975, 3], *путячный* [СРСГ ср. части бассейна р. Оби, там же], *путящий* [Даль, там же]) – ‘хороший, дельный, полезный’ и наречиях (*путно* – ‘правильно’ [СРСГ средней части бассейна р. Оби 1967, III, 94; Даль 2003, III, 543;], *путём* – ‘разумно, толком’ [Даль, там же]; *путью* – ‘дельно, толком’ [СРНГ 1999, 33, 159]; *беспутне* – ‘бессмысленно’ [СРНГ 1999, 33, 158 – 159]) от *путь*, а также в выражениях *без пути* [Даль, там

же], *без путя* [СРНГ, там же] – ‘бессмысленно, попусту’ распространены во многих русских говорах. *Путь* и *дорога* в смысле *Галактика, Вселенная* представлены множеством фразеологизмов, неизвестных литературному языку: *батыева* [Даль 2003, I, 473; Дьяченко 2000, 523] /*ботеева/ ботева/ потеева дорога* [СРДГ 1975], *Батыев путь, дороги* [Даль 2003, I, 473], *пути* [Даль 2003, III, 543], *Иерусалимский путь* [Даль, там же] или *путь в Иерусалим* [Дьяченко 2003, 523], *птичий путь* [Даль 2003, III, 543], *птичья дорога* [Дьяченко 2000, 523], *дорога души* [Топоров 2004, 80]. Такие значения слова *путь*, как ‘жизнь человеческая’, ‘смерть’, ‘судьба’ широко распространены в русских говорах. Понимание *пути, дороги* как ухода души в мир иной, полное отождествление с запредельностью является основным в народной традиции. Потому *путь* в народном сознании обязательно таит в себе смертельную опасность, населён inferнальными сущностями [см.: Черепанова 2000; Щепанская 2003]. Исследование Е.Е. Левкиевской показало, что такие представления о *пути, дороге* являются общеславянскими и, следовательно, восходят к глубокой древности [см.: Левкиевская, 1999]. (О том, что сближение *пути* со смертью свойственно всем славянам, значительно раньше отмечает А.А. Потебня [см.: Потебня 1914, 22]). По утверждению В.Н. Топорова, именно таким предстаёт *путь* в архаичной индоевропейской картине мира [см.: Топоров 1992, 352; Топоров 2004, 84]. Известно, что диалектная лексика хранит в себе память ушедших эпох. Таким образом, имеет смысл обратиться к древнерусскому и сакральному старославянскому языку. В «Материалах для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского обнаруживаем следующие значения слова *путь*: 1) жизненный выбор, его правильность. *Наставляйте их (братию) к путем спасенным*. Грамота митрополита Кипрского; 2) движение, время – во фразеологизме *путь имети*; 3) обычай, правило. *А митрополит правым путём ходит, да правым путём пребывает и тешитя*. Ярлык Узбекский, 1315; 4) обстоятельство места. *Буди со мною во всяком пути и не остави меня*; 5) повод, причина. *Приходиша Крымские Татарове... И пришед на великого князя Украину, около города Тулы, без пути начаша воевати*. Софийский временник, 7025 г. [Срезневский 1902, II, 1738]. Таким образом, понимание *пути* как моральности, правильности выбора имеет место ещё в древнерусской картине мира. Значения времени и причины сохранены в диалектной лексике (*всю дорогу* [Даль 2003, I] – всегда, постоянно). В «Старославянском словаре» Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой представлены следующие словосочетания со словом [*понть*], толкуемом, как *улица, дорога*: 1. *п[он]ть протваряти / створити* – расчищать/расчистить дорогу; давать / дать выход 2. *п[он]ть творити / п[он]темь иди / в п[он]ть ходити* – совершать путь, путешествовать; с пометкой перен. *На п[он]ть языком не идете* [Цейтлин, Вечерка, Благова 1994, 562]. На наш взгляд, в

данных выражениях проявляется древнее понимание обязательной сложности пути, который необходимо преодолевать, расчищать, избавляясь от неизбежных многочисленных препятствий. Его ещё и «творяют», то есть «создают», как нечто очень важное; «совершают», как подвиг или некий особый поступок. Есть и метафорические значения: выхода из какой-то трудной ситуации и (в последнем выражении), очевидно, значение *правильности (истинности / ложности) выбора* и, возможно, *толка, прока, выгоды*. Видимо, именно последние значения являются древнейшими. В «Полном церковнославянском словаре» Г. Дьяченко (одна из разновидностей церковнославянского языка является русской редакцией старославянского [см.: Хабургаев, 5]), помимо значений *истинности выбора, прока, толка*, находим также такие значения, как *подвиг* и *смерть, отход души в мир иной*. Приведено высказывание В. Мономаха *стояти на далечи пути* – “отправляться душе, по воззрению древних славян, в иную, далёкую область”; сопоставляется с поговоркой *душа на пути* – “человек умирает” и диалектным *удорожить* – “довести побоями до смерти” [см.: Дьяченко 2000, 526]. Напрашивается вывод, что в древнеславянской картине мира сущностное *путь* имело сакральное значение, при этом имело тесную смысловую связь с иным измерением; возможно, в первую очередь означало именно *путь души из мира физического в запредельность*. По утверждению Хабургаева, старославянский язык получил меньше языковых изменений, чем другие славянские языки (в том числе, русский), а следовательно, во многом сходен с праславянским последних веков его существования [см.: Хабургаев, 9]. Чтобы определить первичное значение слова *путь* в праславянском языке, необходимо выяснить, как давно известно русскому языку слово *путь*, из каких культур и времён оно пришло, в каких языках имеет родственные связи и, значит, с какими культурами соединяет нас. В этом поможет обращение к этимологическим словарям. А.Г. Преображенский даёт слову *путь* следующее толкование: «дорога, тропа; направление; езда, ход...» [Преображенский 1979, 2, 876]. И А.Г. Преображенский, и М.Фасмер в связывают русское слово *путь* с украинским *путь ж.*, белорусским *пуць м.*, старославянским *путь, Osos* (в данном случае, М. Фасмер ссылается на Супральскую рукопись и Остромирово Евангелие), болгарским *път*, сербохорватским *пут., род. п. пута*, словенским *pot. м.-ж.*, чешским *rouť ж.* словацким *put*, польским *rac, род. п. racia*, верхнелужицким *rus.*, нижнелужицким *rus*, полабским *pot* [Преображенский 1979, 2, 876; Фасмер, 2004, 3. 413]. Мы видим, что русская лексема *путь* имеет родственные связи во всех славянских языках, что уже свидетельствует о глубокой древности этого слова. Но оба этимолога также указывают на связь лексем *путь* с индоевропейскими (как живыми, так и мёртвыми) языками: санскритским *pa-ntha-s* ‘след, дорога’, древнеиндийским *panthas* м.

‘тропа, дорога, путь’, авестийским *panta* (*pantan-*, *pad-*), древнеперсидским *padi* ‘дорога’, древнепрусским *pintis* ‘путь, дорога’, осетинским *fandag*, *fandaeg* ‘путь’, прусским *pintis* ‘дорога’, латинским *pont* ‘мост, плотина через болото’, *pons* ‘мост, тропинка’, ведийским *pantham*; *pathya* ‘дорога’, греческим *pontos* ‘море’ (М. Фасмер также связывает с греческим *pantos* ‘тропа’), армянским *hun* ‘дорога’ (М. Фасмер толкует как *брод*); *pantos* ‘след’, *πατεο* ‘ступаю’ [см.: Преображенский 1979, 2, 876; Фасмер 2004, 3, 413]. Сюда же М. Фасмер относит готское *finpan* ‘находить, узнавать’, новонемецкое *finden* ‘находить’, древневерхненемецкое *fandon*. ‘качать, испытывать’. Родственные связи русской лексемы *путь* с древнеиндийским *panthas* ‘след, дорога, путь’, осетинским *fandag* ‘путь’, латинским *pons* ‘мост, настилка, палуба’ прослеживает и Н.М. Шанский [см.: Шанский 1975, 374]. П.Я. Черных тоже указывает на связь с латинским *pons* ‘мост, мостки, гать’, древневерхненемецким *fandon* (современным немецким *fahnden*) ‘выслеживать, идти по следам’, армянским *hun* ‘брод’, древнеиндийским *panthan* ‘путь, дорога’, древнепрусским *pintis* ‘путь, дорога’, греческим *понтос* ‘море’ [см.: Черных 2002, 2, 85]. Кроме того, П.Я. Черных фиксирует родственность русского *путь* с бенгальским *пот* ‘путь’, хинди *пат* ‘путь’ [см.: Черных, там же]. Г.П. Цыганенко также отмечает, что лексема *путь* «имеет соответствия в других индоевропейских языках» [Цыганенко 1989, 343], фиксирует следующие родственные слова: древнеиндийское *panthas* ‘след, дорога, путь’, греческое *pantos* ‘след’, *pateo* ‘ступаю’, латинское *pons*, *pontis* ‘мост, сходни’, французское существительное *ponton* ‘понтон’, образованное, с точки зрения этимолога, от латинского *pons*; впоследствии, в XVIII в., существительное *понтон* ‘плавающий мост’ из французского языка проникло в русский язык [см.: Цыганенко, там же]. Родственные связи русской лексемы *путь* с многочисленными индоевропейскими языками, безусловно, указывают на ещё более древнее её происхождение. М.Н. Шанский характеризует существительное *путь* как слово ‘общеславянское, индоевропейского характера’ [Шанский 1975, 374]. С точки зрения Г.П. Цыганенко, *путь* является древнеславянским словом, современная форма данной лексемы развилась из праславянского **pQть*, которое происходит от индоевропейского **pontь* с изменением в конце слога **on* в носовой *Q*; основа представляет собой звуковую разновидность индоевропейского **penth* ‘идти, приходиться’ (чередование *e//o*) [см.: Цыганенко, там же]. Аналогичных взглядов на происхождение лексемы *путь* придерживается П.Я. Черных [см.: Черных 2002, 2, 85]. А.Г. Преображенский утверждает, что славянское *путь* происходит от индоевропейского **penth* ‘приходить, идти’ [Преображенский, 1979, 2, 876]. О.Н. Трубачёв полагает, что слово *путь* восходит к индоевропейскому **pont* – ‘преодоление, дорога, изобилующая опасностями’ [Фасмер 2004, 3 413]. Это совпадает со

сведениями, предоставленными В.Н. Топоровым в статьях «Путь» и «Пространство и текст» о том, что в мифологических представлениях древних ПУТЬ традиционно сопряжен с опасностями [Топоров 2004, 76; Топоров 1992, 352]. Уже из проведённого выше анализа метафорических значений явствует, что лексема *путь* обладает большой сакральной нагруженностью. Зафиксированная названными этимологами связь внутренней формы русского слова *путь* с греческим *портоc* море, латинским *pont* мост, плотина через болото, армянским *hup* брод, на наш взгляд, отображает древнее осмысление мифологического ПУТИ как преодоление границы между двумя мирами – земным и запредельным (в архаической модели мира эта граница представляла собой обычно море или реку. Так, в греческой мифологии Харон перевозил души усопших в царство мёртвых через реку). О том, что первичное значение слова *путь* в индоевропейской культуре изначально было ‘переход души в иное измерение’, пишет М.М. Маковский. Сопоставляя родственные лексемы в разных индоевропейских языках: алб. *Udha дорога, путь* и осет. *udd душа*; нем. *Spur тропа* и нем. *spigo дышать* (> «душа»); русск. *путь*, но англ. *Pant тяжело дышать* [см.: Маковский 2008, 274], учёный приходит к выводу, что в архаической картине мира значение *путь* отражает прохождение душой умершего пути в загробный мир [см.: Маковский, там же]. С точки зрения М.М. Маковского, в древнем мифологическом сознании одним из важнейших путей души являлся переход из телесной оболочки в «царство теней», так как этот переход отражает божественную мудрость и ведёт к благоденствию души на пути её вселенских странствий. В связи с этим сопоставляются русск. *тропа* – нем. *sterben умирать* – литовск. *tarpti – благоденствовать*; древнесеверн. (древнеисл.) *doegja умирать* – нем. *ge-deihen благоденствовать*; русск. *коля* – прусск. *gallan смерть* – литовск. *galia сила*; нем. *Weg дорога* – хет. *ug смерть* – гот. *weihs святой* – нем. *Ge-weihs рога* (символ силы) [Маковский 2008, 274]. Само созвучие и родственность старославянского *п[он]ть* – праславянского **pŏtь* – индоевропейского *pont* – ‘путь, преодоление, дорога’ с греческим *ποντοc* – ‘море’ наводит на мысль о том, что первоначально *путь* > *pont* в индоевропейском сознании обозначало непосредственно ту водную границу между *тем* и *этим* светом, которую душе умершего необходимо преодолеть, чтобы достичь того мира, где она должна после расставания с физической оболочкой пребывать. Связь с древневерхне-немецким *fandon* карать, испытывать даёт основания предполагать, что, возможно, словом *путь* в древности обозначалось прохождение инициаций (например, превращение мальчика в мужчину, переход в какой-либо более высокий ранг – прошедший ПУТЬ, как уже было сказано в предыдущей главе, неизменно повышался в своём статусе), обязательными элементами которых являлись какие-либо тяжёлые испытания. Не исключено, что эти

инициации по своей структуре представляли собой имитацию мифологического ПУТИ со всеми сопутствующими ему трудностями, препятствиями и испытаниями. С точки зрения О.Е. Бабаевой, связь с латинским *pons* могла указывать на сакральный объект и субъекта сакрального действия. Именно эта сакральная нагруженность отличает лексему *путь* от профанного синонима *дорога*. А.Г. Преображенский считал, что русское *путь* по внутренней форме связано с санскритским *pantha-s* “след, дорога, путь”, *path*a* “дорога”, *pathias* “спасительный, выгодный” [см.: Преображенский 1979, 2, 876]. Это утверждение наталкивает на мысль, что, возможно, русское *путь* в метафорическом значении Вселенной, жизни, судьбы, моральности, нравственного выбора, а также прока, выгоды, обнаруживает глубинную связь с древнеиндийской культурой. Известно, что в Ригведе номинация *path-* передаёт главным образом представление об «истинном», праведном ПУТИ, который ведёт к богам и по которому следуют боги (точка зрения О.Э. Бабаевой 2006, 803). Теснее всего с *path-* связаны Адитьи – Боги, охраняющие вселенский закон; ср. эпитет богов *pathi kri создающий пути, делатель путей* [см.: Бабаева 2006, 803; Иванов 2009, 5, 222]. Вероятно, отождествление ПУТИ с Космосом или частью Вселенной в русской языковой картине мира идёт от этой внутренней формы (от родственности с санскритским *path-*). Не исключено, что именно от древнейших значений *путь Богов* и *путь к Богам* происходит такое значение лексемы *путь*, как ‘причина’, имевшее место в древнерусском языке и сохранённое в русских диалектах (Бог – причина всего; Боги – создатели Вселенной). Русское *путь* А.Г. Преображенский и М. Фасмер, кроме того, соотносят с зендским *panta* – спасительный, выгодный (на зендском языке, как известно, написаны священные тексты Авесты; эта связь может служить косвенным доказательством того, что такие метафорические значения лексемы *путь*, как *польза, прок, выгода, спасение*, пришли в современный русский язык и, следовательно, в современную русскую языковую картину мира из древней, мифологической модели мира) [см.: Преображенский, там же; Фасмер 2004, 3, 413].

Говоря о божественном предназначении *пути*, его связи с мирозданием, с космическими законами в мифологической модели мира, имеет смысл вновь обратиться к трудам М.М. Маковского, соотносящего значение *путь* со значением *звук* (символ творящего божества) в архаических представлениях, из чего напрашивается вывод, что в древности лексема *путь* имела божественное значение, возможно даже прямо отождествлялась со Вселенной: среднелатышск. *cels путь* – русск. *коля* – индоевр. **kel rufen*; ирл. *slige дорога* – греч. *λεγειν говорить*; греч. *οδοζ путь* – греч. *ωδη песня*; гот. *ga-leiran идти* – нем. *Lied песня*; польск. *tor путь* – литовск. *tarti говорить* [см.: Маковский 2008, 274]. В языковой картине мира восточных славян по-

нимание *пути-дороги* как смерти и понимание *пути-дороги* как Вселенной сливаются: украинский фразеологизм *Божа дорога* является народным названием нашей галактики [Грінченко, 627], но *бути на божій дорозі* означает 'умирать' [Гуцульські говірки 1997, 61], 'быть при смерти' [Грінченко, там же]; в словаре-справочнике украинского языка «Велика чи мала літе-ра?» даны два толкования выражения *божа дорога*: 1) Чумацкий Шлях; 2) Смерть [Жайворонок 2004, 18]. *Птичья дорога* [Дьяченко 2003, 523] или *птичий путь* [Даль 2003, III, 543] – название Вселенной, по утверждению Г. Дьяченко, пришедшее из литовского языка; объясняется тем, что души, воз-носящиеся по этой дороге, представлялись легкокрылыми птицами [Дьяченко 2000, 523]. В статье В.Н. Топорова «Пространство и текст» упоминается и такое обозначение Вселенной, как *дорога души*, которое говорит само за себя [Топоров 2004, 83]. *Иерусалимский путь* [Даль 2003, III, 543] или *путь в Иерусалим* [Дьяченко 2000, 523]. Иерусалим – священный город, который в народном сознании нередко отождествляется с Раем (то есть уже с миром иным), а путь в Рай для простого смертного человека (не божества или Божьего пророка) может быть совершён душой только после расставания с телом, то есть предполагает физическую смерть.

Таким образом, при глубоком анализе лексики и культурных традиций от современности до глубокой древности вырисовывается обширный круг представлений, совершенно уже не связанных между собой в жизни и сознании современного человека: *путь: смерть – Вселенная – жизнь, судьба – нравственный/жизненный выбор – время – подвиг – толк, прок, выгода – причина – обстоятельство – ум, талант*. Становится ясно, что архаическое мышление и мировоззрение в корне отлично от современного. Языковые данные, особенно с использованием достижений этимологии, позволяют восстановить тот круг представлений, которые связаны между собой в соответствии с логикой мифа [Голосовкер, 1]. Как полагал выдающийся учёный, профессор Харьковского университета в XIX в. А.А. Потебня, именно язык позволяет объективизировать эту связь между древнейшими представлениями [Потебня 2000, 330], то есть язык помогает нам приоткрыть особенности мышления наших далёких предков. Однако следует помнить о том, что эти древнейшие мифологические представления не исчезли абсолютно, они залегли в глубинные слои психики коллективного бессознательного, и в некоторых случаях определяют индивидуальное и коллективное решение. Поэтому обращение к языковым данным может помочь осознать особенности развития культуры восточнославянской цивилизации: почувствовать прочную основу, которая характерна для нашей культуры, нашего сознания и наших традиций.

Список литературы: 1. Бабаева Е.Э. Формирование семантической структуры слова *простой* в русском языке // Языковая картина мира и системная лексикография / Отв. редактор Ю.Д. Апресян – М.: Языки славянских культур, 2006. – С. 798–805. 2. Голосовкер Я.Э. Логика мифа. – www.Koob.ru. 3. Иванов Вяч. Вс. Заметки о типологическом и сравнительно-историческом исследовании римской и индоевропейской мифологии // Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 5: Мифология и фольклор / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Ин-т теории и истории мировой культуры. – М.: Знак, 2009. – 376 с. – (язык, семиотика, культура). 4. Левкиевская Е.Е. Дорога // Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5-ти томах под общей редакцией Н.И. Тостого. – Т. 2. – М.: Международные отношения, 1999. – С. 124–129. 5. Маковский М.М. Путь // Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов – Магадан, 2008. – 416 с. – С. 274. 6. Потехня А.А. О некоторых символах в славянской народной поэзии-Харьков. – 1914. 7. Потехня А.А. О связи некоторых представлений в языке // Символ и миф в народной культуре. – М.: Лабиринт, 2000. – С. 329–356. 8. Топоров В.Н. Пространство и текст // Топоров В.Н. Исследования по этимологии и семантике. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – Т. 2. – С. 352–353. 9. Топоров В.Н. Путь // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х томах / под ред. С.А. Токарева. – М.: Советская энциклопедия, 1992. – Т. 2. – С. 352–353. 10. Хабургаев Г.А. Старославянский язык. – М.: «Просвещение». – 1974. 11. Черепанова О.А. Путь и дорога в русской ментальности и в древних текстах // Мастер и народная художественная традиция русского Севера (доклады 111 научной конференции «Рябининские чтения 99»). Сборник научных докладов). – Петрозаводск, 2000 – С. 33–38. 12. Щепанская Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. – М.: Индрик, 2003. – 528 с. **СЛОВАРИ:** 1. Гуцульські говірки. Короткий словник. Відповідальний редактор Я. Закревська. – Львів, 1997. – 232 с. 2. Грінченко Б.Д. Словник української мови – Київ: Києвська старина – 1907 – 1909, Т. 3. 3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. – М.: Рус. яз. – Медиа. – 2003, Т. 1, Т. 3, Т. 4. 4. Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. – М.: ООО Издательство «Отчий дом», 2002. 5. Жайворонок В.В. Велика чи мала літера? Словник-довідник. – Київ: «Наукова думка», 2004. 6. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. – М.: 1979, Т. 2. 7. Словарь русских донских говоров. – Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1975 – Т. 1–3. 8. Словарь русских народных говоров. – Санкт-Петербург: Наука, 1999. – вып. 33. 9. Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби Под ред. В.В. Палагиной. – Томск: Издательство Томского университета, 1964 – 1967. – Т. 1–3. 10. Словарь русского языка. В 4-х томах / РАН, Ин-

ститут лингвистических исследований. – 4-е изд., стер. – М.: Русский язык, Полиграфресурсы, 1972. – Т. 3. 11. Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – М.: Ридерз Дайджест, 2004. 12. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. – Санкт-Петербург: Типография Императорской академии наук – 1902, Т. 2. 13. Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв) / Э. Благова, Р.М. Цей-тлин, С. Геродес и Л. Пацнерова. – 2-е изд., стер. – М.: Русский язык, 1999. 14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва. – 4-е изд., стер. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2004. – Т. 3. 15. Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка. – 2-е издание, перераб. и доп. – К.: Рад. шк., 1989. 16. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка – В 2 т.– М.: Русский язык, 2002. – Т. 2. 17. Шанский Н.М. и др. Краткий этимологический словарь русского языка. / Под ред. чл.-кор. АН СССР С.Г. Бархударова. – М.: Просвещение, 1975.

Анна Шаронова
г. Харьков, Украина

ГУМАНИЗМ В ТВОРЧЕСТВЕ ЗИГФРИДА ЛЕНЦА

Известный немецкий писатель Зигфрид Ленц, наш современник, всегда занимал активную позицию в вопросах литературы, её призвания и проблематики. Его произведения, появление которых всегда сопровождалось острыми дискуссиями, органично вошли в историю современной немецкой литературы.

Писатель убежден, что литература может изменять мир, особенно наш внутренний мир, а, в зависимости от этого, и внешний. Гуманизм, политическая мораль, человеческая нравственность для него стабильные категории. Его человечность и память позволяют ему и сегодня отстаивать эти убеждения. То, что литература – это коллективная память социума, для автора является аксиомой, не вызывающей ни малейших сомнений. Проблема поколений, свободы и творчества, истории и современности, искусства и власти, вины и долга, долга и памяти, реальности и виртуальности, жестокости и гуманизма – вот некоторые из них, которые постоянно волновали и сегодня волнуют писателя Зигфрида Ленца с присущими ему нравственными идеалами. Творчеству З. Ленца, анализу его известных произведений посвящены исследования ряда литературоведов, в том числе и украинских (Д. Затонский, С. Фиськова), освящающих, как правило, его творчество в общих чертах. Однако, многие вопросы остаются недостаточно раскрытыми, в частности, ленцевское представление гуманистических идей в его романном творчестве и прозе. Поэтому заявленная тема представляется актуальной, что обусловлено необходимостью более глубокого изучения проблематики и поэтики творчества писателя, что и является объектом наших наблюдений. Предмет нашего внимания – реализация гуманистических идей автором на материале малоизвестного украинскому читателю рассказа «Ночь в гостинице» (die Nacht im Hotel).

Когда-то память, разум и свобода считались тремя наивысшими силами души (die drei oberen Kräfte der Seele), поэтому указанные концепты постоянно представлены в творчестве моральных писателей, к числу которых принадлежит З. Ленц.

Каждое историческое событие или артефакты современности имеют тенденцию уйти в историческое время, раствориться в нём или превратиться в легенду, тем самым кануть в забвение. Чтобы этого не случилось, писа-

тель и читатель обращаются к памяти, к воспоминаниям, тем самым, приоткрывая завесу истории. Писать – значит действовать (*Schreiben heißt handeln*), – считал З. Ленц вслед за французским писателем Ж.-П. Сартром. Писать – значит действовать против забывчивости, а забывчивость – по мнению писателя – это вторая смерть. Память, воспоминания и фантазия являются своеобразным противоядием от забывчивости, равнодушия и жестокости. Доброта, человеколюбие, образованность, материальная и духовная культура [2, с. 482] – вот те столпы, на которых держится категория гуманизма.

В связи с концептом «гуманизм» представляется уместным вспомнить известную украинскую писательницу Л. Костенко, нашу современницу, которая, выступая перед студентами и преподавателями Киевского национального педагогического университета им. Драгоманова, где она когда-то училась, говорила о приоритетах в развитии и совершенствовании социума. Писательница совершенно справедливо считает, что в обществе, наряду с развитием экономики, «должна быть гуманитарная аура, которая не решает всех проблем, но она даёт тот благородный образ нации, что не стыдно и в мире показать», и, продолжая, называет одним из наиболее ярких спектров гуманитарной ауры литературу, которая является «высоковольтной линией духа», это движение сопротивления. «Но созданию гуманитарной ауры духа не способствует коммерциализация в культуре». Идеи Л. Костенко представляются нам созвучными идеям З. Ленца.

Как известно, гуманизм (от лат. *humanus* – человеческий) – это исторически сложившаяся динамичная система взглядов и воззрений, признающая ценность человека как личности, его право на свободу, счастье, развитие и проявление своих способностей, и считающая благо человека критерием оценки социальных институтов, а принципы равенства, справедливости, человечности желаемой нормой отношений между людьми [1, с. 444]. Как система взглядов гуманизм формируется в эпоху Возрождения, центром гуманистической мысли была Италия, а затем он постепенно распространился и в других Европейских странах, в одно время с движением Реформации. Следует заметить, что гуманизм эпохи Возрождения был одним из главных выражений переворота в общественной жизни, охвативший философию, филологию, искусство, литературу, хотя тогда это система была внутренне противоречива, поскольку опиралась на концепцию индивидуализма личности (отчуждения человека), а это, в свою очередь, в историческом развитии социума подвергалось существенной корректировке в общественной жизни, принимая иногда совершенно извращённые формы. Особенно наглядно и ощутимо это проявилось в XX веке.

Каждый писатель всегда тяготеет к выбору и изображению определенных характеров, их взаимоотношений, что объясняется не только особенностями жизненного опыта самого писателя, не только индивидуальными свойствами его дарования, но, прежде всего – его принадлежностью к тому или иному течению общественной мысли и вытекающая отсюда его идейная активность, наличие у него определённого мировоззрения и миропонимания, релевантных взглядов на жизнь, на его окружение.

З. Ленц никогда не стремился отгородиться от наиболее актуальных общественных интересов, от острых проблем и выбора животрепещущих тем современной ему общественной жизни, тем самым он обнаруживает тесную связь со своим временем, а его творчество и взгляды, обусловлены той атмосферой, в которой он живёт и творит. Нравственные идеалы пронизывают все творчество Ленца: рассказы, новеллы, пьесы, романы и т.д. В рассказах это прослеживается более ярко, поскольку их литературное пространство фрагментарно ограничено.

Далее следует краткое изложение указанного выше рассказа. Некий господин Швамм приходит поздно вечером в гостиницу, просит отдельный номер, но получает комнату, в которой уже отдыхает гость. Зайдя в номер, он слышит голос, с просьбой не включать свет и не споткнуться о его костыль, и больше ни слова. Господин Швамм, напротив, словоохотлив и рассказывает о причине своего пребывания в гостинице: у него есть очень впечатлительный сын, которому утром, по дороге в школу, приходится стоять перед закрытым шлагбаумом в ожидании проходящего поезда. Мальчик всегда машет рукой пассажирам, но никто из них не машет ему в ответ. Сын тяжело переживает это безразличие. Отец хочет на следующее утро сесть в этот поезд и, оставаясь незамеченным, помахать ребёнку и тем самым доставить ему радость... Утром, проснувшись, господин Швамм не видит незнакомца с костылём и обнаруживает, что опоздал на поезд. Расстроенный он возвращается домой, но его встречает радостный сын: Сегодня ему из поезда помахали, это был человек с костылём.

Как видим, за внешней будничной простотой скрывается наполненное драматизмом внутреннее переживание ребёнка из-за равнодушия окружающего его мира. Это предельно опозитизированная история, в которой З. Ленц показал читателю целый мир человечности и гуманности в образах героев. Каждый из персонажей уникален по-своему, каждый из них нам понятен, а потому близок: ребёнок, первоначально разуверившийся в человеческой доброте; отец, желающий помочь мальчику; незнакомец, взявший на себя миссию не равнодушного человека и доставивший ребёнку радость. Вот так про-

сто писатель показал читателю, что нужно человеку для счастья. И так, тема душевности, теплоты, доброты, человеческой ответственности многозначно, но лаконично представлена в данной короткой истории. В условиях современности наблюдаются индивидуалистические тенденции, когда непомерно возросли личные амбиции и значение личного успеха, люди, похоже, научились соотносить свои желания и поступки с окружающими их людьми, а это настораживает, поскольку постепенно может осуществиться прогноз Ленца, предвидевшего надгробную плиту с характерным ленцевским текстом: «Здесь погубило человечество, где каждый хотел лучшего только для себя». Для дальнейшего раскрытия данной темы считаем правомерным и целесообразным проанализировать реализацию гуманистических идей писателя в более широкой парадигме.

Список литературы: 1. Большая Советская энциклопедия. Гл. ред. А.М. Прохоров. – М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1972. – Т. 7 – 592 с. 2. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь / И.Х. Дворецкий. – М.: Русский язык, 1976. – 1096 с. 3. Затонский Д.В. Художественные ориентиры XX века / Д.В. Затонский. – М.: Советский писатель, 1988. – 416 с. 4. Фиськова С.П. История немецкой литературы. Периоды, направления развития, идеи, образы / С.П. Фиськова. – Львов: ПАИС, 2003. – 340 с. 5. Lenz Siegfried. Die Nacht im Hotel / Siegfried Lenz. – Hamburg: Hoffmann und Campe Verlag, 2013. – 32 S. 6. Lenz Siegfried. Über das Gedächtnis. Reden und Aufsätze / Siegfried Lenz. – München: Deutscher Tagesbuch Verlag, 2001. – 80 S. 7. Maletzke E. Siegfried Lenz. Eine biographische Annäherung / E. Maletzke. – Hannover: Kampen Verlag, 2006. – 204 S.

*Валентина Шевченко, Ірина Полянська
м. Харків, Україна*

РОЗВИТОК СХІДНОСЛОВ'ЯНСЬКОЇ КУЛЬТУРИ: ФІЛОЛОГІЧНИЙ АСПЕКТ

Історики й лінгвісти підкреслюють, що історія країни, літератури, мовознавства, народу й держави тісно пов'язані. В історії більш-менш проявляються емоційний та патріотичний компоненти, оскільки мова й література – це показники етнічної і національної належності, продукти й визначальні фактори національної культури, врешті-решт, фактори, що зумовлюють почуття національної гідності [1].

З часу Переяславської ради незрівнянно поглибились зв'язки української культури з російською, білоруською, зв'язки, що набули характеру єднання між східнослов'янськими братніми культурами. Їх об'єднують східнослов'янські мови – групи слов'янських мов у Східній Європі, до складу якої входять українська, російська та білоруська мови, що виникли в VI–IX ст. на основі східнослов'янських говорів і в процесі взаємодії набули спільних рис.

В.Г. Белінський писав: «З'єднавшись навіки з єдинокровною їй Росією, Малоросія відкрила до себе двері цивілізації, освіти, мистецтву, науці... Разом з Росією їй належить тепер велике майбутнє». Те ж саме можна сказати і про Білорусію.

Українсько-російські мовні контакти стали набирати регулярного характеру після приєднання 1654 р. і відтоді відзначалися в різні періоди: по-перше, неоднаковим співвідношенням впливів однієї мови на іншу; по-друге, різними стильовими і соціальними сферами проникнення елементів однієї з цих мов в іншу; по-третє, неоднаковим ступенем адаптації взаємних запозичень звичайних міжмовних контактів, а й у руслі загальнокультурного українсько-білоруського впливу на культуру й мову російську [7].

Визволення від пансько-шляхетського гніту сприяло піднесенню на Україні письменності. В середніх школах викладалися церковнослов'янська, латинська і грецька мови, а також «діалектика» (мистецтво вести полеміку), риторика, піїтика, математика, астрономія, музика. Центром шкільної освіти на Україні була Києво-Могилянська колегія, на зразок якої згодом були організовані колегії в Переяславі, Харкові, Чернігові.

Велике значення в поширенні культури на Україні мали друкарні не тільки на Україні, але й в Росії, Білорусії, Молдавії, Болгарії, Сербії.

З другої половини XVII ст. міцнішають зв'язки між культурними діячами Росії і України. В Москву переселяються вихованці Київського коле-

гіуму, які займаються тут педагогічною, перекладацькою роботою, беруть активну участь у літературному житті (Спіфаній Славинецький, Арсеній Сатановський, Симеон Полоцький та ін.). Приїжджають на деякий час до Москви видатні діячі Київського колегіуму – Інокентій Гізель, Іоанникій Галятовський Лазар Баранович. Українська книга набуває все більшої популярності серед російських читачів. У 1672 р. у Москві було відкрито книжкову крамницю, в якій продавалися київські і львівські видання; водночас московські видання надходили на Україну.

Культура дедалі більше набирає світського характеру. В протизагав авторитету релігії висувається авторитет науки. Виразники передової російської громадськості XVIII ст. від Кантеміра до Ломоносова і далі до Новикова і Радищева розхитують ідеологічну систему феодалізму.

В багатогранній науковій і літературній діяльності Михайла Васильовича Ломоносова (1711–1765) дуже яскраво виявилися великі творчі сили російського народу. За висловленням Пушкіна, Ломоносов був першим російським університетом. З іменем М.В. Ломоносова відкривається новий етап у розвитку й становленні східнослов'янської культури. Великий вчений-енциклопедист, родоначальник матеріалістичної філософії в Росії, поет, він заклали основи сучасної російської літературної мови, став теоретиком красномовства як автор «Краткого руководства к красноречию» (1748, 1759, 1765), «Краткого пособия к риторике в честь любителей словесности», знаменитої «Російської граматики».

Праці Ломоносова сприяли величезному розвитку майже всіх наук. Мовознавство можна розглядати як одне з найважливіших напрямів наукової діяльності Ломоносова.

Головний подвиг М.В. Ломоносова у галузі художньої культури сучасники й нащадки бачили в його поетичній риторичній творчості й удосконаленні російської мови [6].

Спеціалісти у галузі риторики й слов'янської риторичної спадщини справедливо вважають, що ломоносовський період в історії риторики по-справжньому досі не оцінений, чекає свого глибокого дослідження й описання. [4].

«Російська грамика» (1751 р.) – це чудовий трактат середини XVIII століття, який, безсумнівно, багато в чому випередив сучасні йому граматики західноєвропейських мов і визначив розвиток російського мовознавства майже на 100 років.

Послідовниками порівняльно-історичного методу дослідження М.В. Ломоносова вважаються українські представники Харківської філологічної школи. Це перша лінгвістична школа в Російській імперії. Вивчаючи походження

і розвиток мов та словесності у зв'язку з історією народу, вчені приділяли особливу увагу дослідженню особливостей східнослов'янських мов в їх еволюції, збирали і вивчали фольклор та художні цінності, що становлять надбаня національної культури.

У працях учених Харківської філологічної школи було дано розгорнуту картину розвитку східнослов'янської фонетичної системи від найдавнішого періоду до середини XIX століття.

Вагомим внеском у дослідженні історії української мови, інших слов'янських мов були праці М. Максимовича, И. Срезневського, П. Лавровського, які відстоювали самобутність української мови. «Тепер, здається, – писав И. Срезневський в «Запорожской Старине», – вже немає для кого і для чого доводити, що мова українська (або, як декому подобається називати, малоруська) є мова, а не наріччя – російської чи польської, як дехто доводив; і багато хто переконаний, що ця мова є однією з найбагатших слов'янських, що вона навряд чи поступиться, наприклад, перед богемською щодо багатства слів і виразів, перед польською щодо мальовничості, перед сербською щодо приємності, що це мова, яка, будучи ще необробленою, може вже порівнятися з мовами культурними, щодо гнучкості і багатства синтаксичного – це мова поетична, музикальна, живописна» (1834 р.).

За думкою Ломоносова, в літературі немає і не може бути конкуренції між слов'янськими та російською мовами. Слов'янська мова дала дуже багато цінного російській мові, увійшла в неї органічно, але все ж єдино можливим, допустимим мовою літератури є російська мова, а не слов'янська. Тому Ломоносов створив строгу і струнку стилістичну теорію трьох стилів, яка зіграла видатну роль у становленні та формуванні нової системи російської національної літературної мови.

Діяльність Ломоносова в формуванні російської літературної мови величезна. Невичерпна енергія, якої вистачало і на життєву боротьбу, і на плідну діяльність у різних галузях знань бралася з високого, дієвого патріотизму Ломоносова.

Поряд з Ломоносовим найвидатнішою постаттю у культурному й літературному житті України XVIII ст. був великий народний мислитель, освітній діяч і письменник Григорій Савич Сковорода (1722–1794). Його багатогранна творчість – це остання ланка переходу від давньої української літератури до нової. У своїх філософських трактатах і літературних творах Сковорода розвивав цілий комплекс ідей, актуальних для другої половини XVIII ст., виражав передові погляди тогочасного суспільства.

Сковорода відстоював силабо-тонічну нову систему, яку в російську літературну практику замість силабічної вводили Ломоносов і Тредіаковсь-

кий. Кращі його поезії, що увібрали в себе досягнення народної лірики, ще за життя поета стали народними піснями.

Сковорода був для свого часу людиною, енциклопедично освіченою, добре обізнаний з античною філософією, про що свідчать посилання в його творах на Сократа, Платона, Аристотеля, Епікура та ін. У своїй діяльності, як філософ, поет і сатирик, Сковорода був зв'язаний з російським просвітительством XVIII ст. У його творчості є чимало спільного з поезією Ломоносова, сатирою Новикова.

Сковорода зазнав впливу Ломоносова, хоч цілком і не став на позицію його сміливого твердження про існування матеріального світу незалежно від людської свідомості. Сковорода, подібно до того, як Ломоносов у сатирі «Гімн бороді», висміював ворогів науки, які підтримували найбезглуздіші забобони, перешкоджаючи кожному прояву вільної думки. Викриваючи пороки панівних класів і феодального ладу XVIII ст., Сковорода, як і російські сатирики Кантемір, Фонвізін, Новиков, надавав великого значення освіті, вихованню і вважав, що виховання має сприяти вільному та природному розвитку людини, бути, як казав він, «природосообразною».

Проте в своєму постійному «шуканні істини», у філософському розвитку Сковорода йшов своєрідним шляхом.

Адже, в російській літературі першої половини XVIII ст. матеріалістичне світорозуміння виявилось у Ломоносова. Діяльність Ломоносова, а пізніше Новикова та Радищева мала істотне значення і для розвитку української літератури.

Українська література XVII–XVIII ст. достатньо відбила духовний стан народу. В другій половині XVIII ст. високого рівня розвитку в українській літературі досягає вертепна драма, у світській частині якої наявні елементи реалізму і народності. В той же час розвивається літературна діяльність видатного філософа і поета Сковороди. Значення Г.С. Сковороди – вельми широке. Воно охоплює усі сфери духовного життя українського народу, визначає істотний внесок його в розвиток української культури загалом.

Розвиток східнослов'янських літературних мов пройшов два етапи: староукраїнська, староросійська і старобілоруська писемно-літературні мови (XIII–XVIII ст.) базувалися на давньоруських традиціях. Нові літературні мови виникли у XVIII–XIX ст. на народній основі, з використанням писемних традицій. Так, наприклад, сучасна українська літературна мова розвинулась на народній основі середньонадніпрянських говорів, відображених у творчості І. Котляревського й Т. Шевченка. Сучасна російська літературна мова формувалася протягом XVIII – поч. XIX ст. шляхом синтезу елементів жи-

вого народного мовлення і традицій книжної мови з помітними церковно-слов'янськими елементами. Розвиток сучасної білоруської літературної мови почався в останній чверті XIX ст. на основі центральних білоруських говірок, остаточно вона сформувалася в XX ст. (творчість Янки Купали і Якуба Коласа) [8].

Список літератури: 1. Бугайски Мариан. Язык коммуникации. – Х: Гуманитарный центр, 2010. С. 12. 2. Історія Української літератури // Нариси з теорії та історії риторики. – М., 1997. С. 123. 3. Ломоносов М.В. Избранные философские произведения. – М., 1950. – С. 451. 4. Ломоносов М.В. в воспоминаниях и характеристиках современников: Сост. Г.Е. Павлова. – М. – Л., 1962. – С. 137–138. 5. Різдяний Ю.В. Теорія риторики. М., 1997. 417 с. 6. Сагач Г.І. Риторика. – К., С. 41–42. 7. Українська мова енциклопедія. Вид. 2. – К., 2004. С. 701. 8. Українська мова енциклопедія // Великий український словник. – К., 2011. С. 367.

*Олена Щіпановська
м. Київ, Україна*

ЕМОЦІЙНИЙ ІНТЕЛЕКТ ЯК СКЛАДОВА ДІЛОВОЇ ТА ОСОБИСТОЇ УСПІШНОСТІ КЕРІВНИКА

«Если вселять в людей энтузиазм, то производительность может возрасти, причем почти мгновенно; если же специально раздражать и задевать людей, чтобы выбить их из колеи, дело может просто остановиться» (Дэниел Гоулман, Ричард Бояцис, Энни Макки).

У процесі побудови правової і суверенної держави зростає роль людини та її соціально-психологічної компетентності у різних напрямках її діяльності та особистого життя. Саме на рівні особистості відбувається усвідомлення того, що без ґрунтовних соціально-психологічних знань і вмінь неможливо продуктивно будувати соціальні та міжособистісні стосунки, налагоджувати міжнародні контакти, сприймати та оцінювати інших людей, регулювати власну поведінку, здійснювати обмін думками, інформацією, впливати одне на одного. На сучасному етапі розвитку суспільства перед нами постають все складніші питання, що потребують вірних й виважених рішень, ефективного й відповідального управління різноманітними процесами, де не останню роль відіграє особистість лідера-керівника, його професійна й особистісна компетенція. Термін компетенція походить від лат. *competere* – відповідати, підходити й означає здатність фахівця (керівника) вирішувати певний клас управлінських завдань, відповідати займаній посаді. В умовах жорсткої конкуренції найбільш успішними показують себе організації (компанії), що мають компетентне керівництво та освічених співробітників. Оскільки в бізнес-процесах головна роль відводиться взаємодії між людьми, то на перший план виступає компетентність у сфері межособистісних стосунків. Якими ж здібностями повинен володіти керівник для того, щоб успішно керувати організацією та будувати відносини з іншими, для того, щоб добиватися успіху не тільки у професійній діяльності, а і в особистому житті. Одним з основних завдань його, як керівника, малих чи великих колективів виступає здатність викликати в людях готовність діяти, надихати їх на нові звершення. Такий ефект виникає тоді, коли лідеру (керівнику) вдається викликати резонанс – «запалити вогонь» та пробудити найкращі почуття в інших людей. Керівник має враховувати емоційний аспект у взаємодії з людьми. Він має працювати над власною харизмою – складовою свого іміджу, як керівника, та спрямовувати свої зусилля на досягнення успішних резуль-

татів в управлінській діяльності. В наш час лідеру не достатньо мати тільки високий рівень розумового інтелекту (IQ) та вміння налагоджувати зв'язки. Так само необхідно вміти контролювати свої емоції, розпізнавати їх причини. Саме про це наголошує Д. Гольман, коли зазначає, що емоційний інтелект – це розумна поведінка в емоційній сфері [1]. Отже, робота лідера, керівника включає емоційну першооснову. Зазвичай, цей ключовий аспект лідерства не помічається або зовсім ігнорується, але саме він визначає, чи приведуть зусилля лідера до бажаного результату.

Низка досліджень, проведених вченими всього світу, показує, що ці здібності пов'язані з розумінням і управлінням емоціями. У 1990 році Джон Мейер и Пітер Селовеї вводять поняття «емоційний інтелект», який включає здатність усвідомлювати свої емоції та емоції іншого, здатність управляти своїми емоціями та емоціями іншого і на цій основі будувати взаємодію. З чого ж складається це поняття і яким чином рівень емоційного інтелекту може вплинути на ефективність управління і, врешті-решт, на прибуток компанії. Успіх діяльності будь-якої компанії в більшій мірі залежить від її керівника, тому важливо, щоб високі показники EQ мали перші особи організацій. Як підкреслює у своїй книзі Пітер Друкер, самоаналіз та вміння будувати взаємозадовольняючі стосунки з підлеглими виступають ознакою сильного керівництва [3]. Підтверджуючи вищезазначене, наведемо дані оцінки EQ топ-менеджерів однієї з європейських компаній. Керівники транснаціональної консалтингової компанії оцінювалися по 20 компетенціям, з яких 17 належали до компетенцій емоційного інтелекту. Ті з директорів, хто отримав результат вище середнього по дев'яти і більше компетенціям, принесли компанії за рік на 1,2 млн.дол. доходу більше, ніж інші (139%) [4].

Звісно, вміння практично аналізувати ситуацію, не робити поспішних висновків й мудро ставитися до проблем, мати здоровий глузд складали перелік достоїнств керівника і раніше. Коли ми говоримо про емоційну компетентність, ми звертаємося до поняття «емоційний інтелект», що з'явився як термін «EQ» у порівнянні з IQ (давно відомого комплексу когнітивних та мислительних здібностей, або коефіцієнта інтелекту) в 1995 році після публікації роботи Даніеля Гоулмана «Емоційний інтелект». Саме в 1990-х роках це поняття було сформульовано як вимірювана величина.

Виникненню поняття «емоційний інтелект» сприяла робота таких зарубіжних дослідників, як Роберт Торндайк (1937), Девід Векслер (1940), Горвард Гарднер (1983), Джон Майер и Пітер Салоуей (1990).

Значний розвиток у вивченні емоційної культури відбувся в 1980 році, коли психолог, д-р Реувен Бар-Он, ізраїльтянин американського походження,

розпочав свою роботу в цьому напрямі. Одним з результатів плідної праці вченого стала розроблена ним структура емоційного інтелекту (1985), в якій враховано рівень тих якостей особистості, які він назвав особистим коефіцієнтом емоційності, або емоційним інтелектом (Emotional Quotient – EQ). До складу структури входить:

1. Внутрішньоособистісна сфера (самоаналіз; асертивність; незалежність; самоповага; самореалізація).
2. Міжособистісна сфера (емпатія; соціальна відповідальність).
3. Сфера пристосовування, адаптивності (розуміння чи адекватна оцінка дійсності; гнучкість; вміння вирішувати проблеми).
4. Сфера вміння справлятися зі стресом (стресостійкість, контроль над імпульсами).
5. Сфера загального настрою (оптимізм; щастя).

Таким чином, Реувен Бар-Он прийшов до висновку, що емоційна культура (здібності) складаються з низки перекриваючих, але чітко відмінних одне від одного вмінь, установок, які можуть бути зібрані в п'ять загальних областей чи «сфер», потім розділених на п'ятнадцять складових частин, окремих здібностей, по кожній з яких можна встановити певний принцип кількісної оцінки чи «шкали». Ще тоді він відчував, що емоційні здібності, для виміру яких ним був розроблений тест, є навіть більш важливими, ніж традиційні когнітивні здібності.

Емоційний інтелект виступає основою емоційної компетентності, що включає чотири компетенції: - усвідомлення своїх емоцій; - управління своїми емоціями; - усвідомлення емоцій інших людей; - управління емоціями інших людей.

Таким чином, високий емоційний інтелект – це високий рівень розвитку вищезгаданих компетенцій, який розкриває унікальні можливості ефективного використання людського потенціалу. Важливим аспектом у розвитку емоційного інтелекту є розвиток знань, навичок та вмінь, що наповнюють кожну з вказаних компетенцій.

Сьогодні багато американських дослідників звертаються до феномену нестандартного керівника – людини, що мислить творчо і керує емоційно [2]. Уявлення про «залізного менеджера», що безпристрастно сприймає інформацію та «холодно» віддає накази, перестає бути актуальною. В Україні, яка впроваджує діловий етикет тільки останні 10–15 років, уявлення про справжнього менеджера/керівника тільки формуються. Хоча вже сьогодні ми спостерігаємо, як «змагання» виграють нестандартно мислячі, життєво емоційні люди, захоплені своєю справою. Саме такого менеджера хочуть ба-

чити в себе в якості керівника більшість корпорацій. Енергія, здоровий глузд, оптимізм, харизматичність – такі якості притамані людині, здатній стати «менеджером» своїх емоцій, вписати в лідерські компетенції ще одну – емоційну. Чому ж необхідно розвивати емоційний інтелект? Як зазначають Д. Гулман, Р. Бояцис, Е. Маккі, емоційний інтелект представляє собою систему життєвих навичок, необхідних будь-якій людині [2]. Особливо актуальним це є для тих, хто працює в системі людина-людина (медики, вчителі, психологи, менеджери усіх рівнів, керівники тощо). До сфери емоційного інтелекту входять: певна чуттєвість, вміння відчувати ситуацію, справлятися зі стресом, приймати вірні рішення, керуючись раціональними судженнями та інтуїцією, грамотно будувати стосунки з оточенням, знаходити вигідні для себе компроміси та управляти своїми імпульсивними діями. Коли ці аспекти особистості не розвинені, інтелектуальний коефіцієнт не допоможе, а спілкуватися з такою людиною буде важко. Особливостями слав'янської ділової культури є її внутрішня глибинна емоційність, яка пов'язана з одного боку, творчим характером, а з іншого – невмінням розділяти особисті та ділові зв'язки. Емоційне придушення чи невміння справлятися з емоційним станом призводить до бажання зняти напругу вживанням алкоголю чи іншими небезпечними для здоров'я засобами. Тому навчання і розвиток емоційної компетенції в Україні необхідно проводити на всіх рівнях освіти, самостійно чи за допомогою психологів, коучів, психологічних тренінгів тощо. Сам по собі EQ з віком зростає. Тому особливу увагу необхідно приділити такій віковій категорії як підлітки, які є найбільш емоційно нерозвинені, що необхідно враховувати у ВНЗ при підготовці майбутніх фахівців, особливо менеджерів та професійної підготовки керівних кадрів.

Слід зазначити, що навчання розвитку емоційної компетентності вигідна справа на всіх рівнях керівництва, особливо це стосується менеджерів середньої ланки, які виступають посередниками між керівниками та звичайними працівниками. Так, наприклад, на одному з заводів, після проходження навчання емоційній компетентності, а саме, вмінню уважно слухати і допомагати працівникам справлятися самостійно зі своїми проблемами, час простою знизився на 50%, кількість офіційних скарг скоротилася в середньому з 15-ти до 3-х за рік, а дохід заводу перевищив запланований на 250 000 дол. На іншому заводі супервізори пройшли аналогічну підготовку, і це дозволило збільшити продуктивність праці на 17%. Контрольна група супервізорів, яка не проходила навчання, не показала зростання продуктивності праці [4].

Для керівника важливо усвідомлювати той факт, що справу виконують звичайні співробітники, від яких у більшій мірі залежить кінцевий результат

справи, отримання прибутку для компанії. Тому одним із завдань в роботі керівника постає грамотний відбір кадрів з високим рівнем EQ та зацікавленість у навчанні менеджерів та підлеглих емоційній компетентності. Вірним кроком у досягненні ефективного управління в організації є донесення до кожного з працюючих думки про важливість їхньої праці та усвідомлення себе причетним до спільної справи. Наприклад, за результатами проведених досліджень продавці, що мають розвинуті емоційні компетенції, щорічно в середньому принесли дохід на 91 370 дол. більше, ніж їх колеги.

Емоції містять у собі величезний пласт інформації, використовуючи який, ми можемо діяти значно ефективніше. Управління емоціями – це навик, який можна напрацьовувати та розвивати. Адже успіх в особистому житті та професійній діяльності багато в чому залежить від ступеня розвитку емоційної компетентності.

Висновок. Високий рівень розумового інтелекту (IQ), не виступає гарантією успіху в управлінні, бізнесі, кар'єрі. Якщо людина володіє високим рівнем IQ, а її емоційний інтелект (EQ) не сформований, навряд чи вона досягне успіху, видатних вершин в діловій та професійній сферах, в особистому зростанні. Тільки в останній час приймають до уваги тісний зв'язок, що існує між емоційними здібностями та більш широким, більш задоволеним і більш всебічним визначенням успіху, що охоплює роботу, сімейні й особисті взаємовідносини, популярність у суспільстві та фізичне благополуччя. Важливим завданням на сьогодні постає розвиток емоційної компетенції керівного складу організацій, а також розвиток і виховання вроджених здібностей підростаючого молодого покоління. Це дозволить повніше розуміти, усвідомлювати свої емоції, вміти контролювати їх, розпізнавати почуття інших, а також управляти ними. Особливо корисно розвивати емоційний інтелект керівникам великих організацій, менеджерам будь-якого рівня, викладачам, студентам та всім, хто хоче досягти успіху у міжособистісній взаємодії.

Список літератури: 1. Гольман Д. Эмоциональная культура: почему она может иметь большее значение, чем IQ. Изд.: Stoddart Publishing Co. Limited. / Перевод Маргариты Маркус. – 2000. 2. Гоулман Д., Бояцис Р., Макки Э. Эмоциональное лидерство. Искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта. / перев.: А. Лисицына. – Изд.: Альпина Паблишер, 2011. – 301 с. 3. Друкер П. Эффективное управление. – Пер. с англ. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 1998. – 288 с. 4. Стивен Дж. Стайн, Говард Е. Бук. Преимущества EQ: Эмоциональный интеллект и ваш успех. Изд.: Баланс Бизнес Букс, – 2007. – 384 с.

Сергей Шелковский
г. Харьков, Украина

ДАЛЕВЫ ДАЛИ (УКРАИНА И ВЛАДИМИР ДАЛЬ)

Многочисленные литературные произведения Владимира Даля, повести, рассказы, сказки (изрядное десяти томное собрание сочинений) представляются сегодня всё-таки лишь дополнением к тому труду, которому писатель посвятил 53 года своей жизни. Этот главный его труд – четырёхтомный «Толковый словарь живого великорусского языка», для которого Далем собрано, упорядочено и растолковано около двухсот тысяч слов. Для сравнения вспомним, что вышедший при жизни В. Даля в середине 19-го века «Словарь церковнославянского и русского языка», наработанный целым отделением Академии наук, содержал менее 115 тысяч слов. Работником В. Даль был преотменным – его второе литературное завещание, сборник «Пословицы русского народа», включает в себя более 30 тысяч собранных им народных афоризмов.

А родился Владимир Даль, писатель насквозь русский (хотя и с хорошо известными родительскими корнями – из Швеции и Германии), на Украине, в Лугани, в Луганском Заводе – так в те времена, в начале 19-го века, именовался нынешний украинский город Луганск. Уроженец степных и ветровых раздолий, зелёно-луговой земли, он не случайно, но по велению благодарного сердца, подписывал большинство своих книг именем Казак Луганский, В. Луганский. Писательский псевдоним В. Даля навсегда ввёл в историко-литературный обиход, в контекст русской литературы светлое и луговое имя его малой родины. Да и сама фамилия Даль – не истинно ли казацкая по звучанию? И размах, и ширь-приволье степного простора в ней ясно слышатся. Так уж, наверное, одно с другим и должно было сойтись и завязаться в метафизическую связь...

Если эти фразы покажутся кому-то всего лишь лирическим отступлением, то вспомним факты, говорящие о том, что связь творческого пути В. Даля с Украиной – не надуманная, а живая и полнокровная тема. Детство писателя прошло в Лугани и в Николаеве. В черноморском городе-верфи Николаеве служил он и после окончания Петербургского морского кадетского корпуса. Известно и о мужественном поведении Владимира Даля, когда он, будучи уже военным врачом, одолевал эпидемию холеры в Каменце-Подольском на Западной Украине.

В течение всей своей долгой 71-летней жизни писатель постоянно, так или иначе, обращался к памяти о своей малой родине – Украине. Помимо знаменитого словаря великорусского языка, В. Даль подготовил и словарь украинского языка, материалы которого бескорыстно передал Лазаревскому. Он осуществил перевод повести Квитки-Основьяненко и напечатал её в «Современнике», на что последовала благожелательная реакция В. Белинского, назвавшего повесть «замечательной», а перевод В. Даля «прекрасным».

В статьях и письмах В. Даля можно прочесть немало тёплых слов, обращённых к его незабываемой родине: «Будучи родом из Новороссийского края и проведя там молодость свою, я с родным чувством читаю и вспоминаю всё, относящееся до Южной Руси и Украины». А в зрелые годы В. Даль делает однажды дневниковую запись, устало сетуя на столично-чиновничье удушьё Санкт-Петербурга: «Я бы желал жить подальше отсюда – на Волге, на Украине...».

Ну что же, это желание писателя посмертно осуществилось – в Луганске, уже успевшем побывать за минувшие годы и Ворошиловоградом, в честь другого здешнего уроженца, «маршала нашего Ворошилова Клим», бережно сохранён подлинный отчий дом Владимира Даля. Маленький, четырёх-оконный по фасаду, домик отреставрирован и превращён в мемориальный музей автора знаменитого толкового словаря. Здесь живёт память о писателе и о несчётном множестве добрых дел, сделанных им при жизни – и в литературе, и на иных достойных поприщах. Далевы дали сегодня ещё виднее от этих белых стен его невысокого отчего дома в Луганске, виднее, несмотря на уже более чем двухвековую нашу отдалённость от его времени...

А в установленном при входе в музей бронзовом изваянии задумавшегося в кресле творца «Толкового словаря», не помпезном, но гармонично простом, с печатью света на лице, угадывается прототип – знаменитый прижизненный портрет Владимира Даля работы знаменитого русского художника Василия Перова. В Луганске установлены ещё два памятника славному писателю-земляку, имя В. Даля носит Восточноукраинский университет в Луганске, улицы в его родном городе и в Николаеве, где он прожил около 16 лет. Кстати, и перед зданием Евпаторийского филиала Восточноукраинского университета им. В.И. Даля в Крыму высится бронзовый бюст писателя.

Владимир Даль дорог для Украины так же, как и для России. Его имя снова напоминает нам о давнем, многомерном, порою трудном и противоречивом, но несомненно плодотворном взаимодействии наших творческих ментальностей, наших языковых культур так же, как напоминают об этом имена многих других классиков русского слова, связанных с Украиной и кровным родством, и землячеством, и целыми временными пластами своей жизни: Гоголь и Коро-

ленко, Бунин, Лесков и Куприн, Ахматова, Волошин и Нарбут, Маяковский, Булгаков и Шолохов, Паустовский, Солженицын, Арсений Тарковский и Чичибабин... Этот ряд имён можно было бы и продолжать, не поступаясь выбранным здесь самым высоким критерием ценности литературного наследия.

Случилось так, что Далевская родина, нынешний Луганск над речкой Луганью, стал и для меня по-настоящему родным и навсегда неизменно дорогим. Каждое лето вплоть до школы, в середине теперь уже прошлого века, я проводил в горячем солнечном Луганске у своего деда Петра Ивановича Шелкового, заслуженного и хорошо известного в городе труженика, директора крупного военного завода, и у бабушки Марфы Романовны, человека редкостно доброй и любящей души.

Дед в 1904 году четырнадцатилетним мальчиком поступил на работу учеником литейщика именно на тот самый Луганский литейный завод, где возглавлял медицинскую часть отец писателя Иоганн Даль. Здесь же доктор И. Даль подавал в дирекцию завода своё прошение о принятии в российское гражданство, которое, к счастью для него и его сына, великого в будущем русского патриота, Владимира Даля, было милостиво удовлетворено. Завод, давший первое литьё ещё в 1800 году, за год до рождения Владимира Даля, выпускал также снаряды и патроны, поставлявшиеся помимо прочего и на Крымскую войну.

В конце 20-х годов мой Петр Иванович уже возглавил предприятие «Почтовый ящик номер такой-то» или патронный завод, как его продолжали именовать в народе. Отсюда из директорского кабинета в августе 40-го года чекисты утащили деда прямым ходом на московскую Лубянку. Многомесячные избиения, запугивания и требования, вроде «Подписывай, – дь, что нарком Ванников давал вредительские указания», Петра Ивановича не сломили – ничего не подписал, не оговорил ни себя, ни других. Таких особо стойких арестантов иногда было принято у сталинских душегубов – выпускать. Через год с лишним после ареста, уже в Саратовской тюрьме, деду сообщили, что из Москвы пришло постановление «Освободить, ошибка получилась». Позвонив с Саратовского телеграфа М. Калинин, дед представился ему как бывший депутат Верховного Совета, и услышал в ответ, что он депутатом и остаётся, и все его многочисленные почётные звания и правительственные награды тоже остаются при нём. Повесив трубку, Пётр Иванович тут же утратил сознание, ибо после сотен дней избиений и издевательств вышел из тюрьмы с весом в сорок килограммов, то есть менее чем с половиной от своего обычного веса.

После освобождения Луганска от немцев дед вернулся на родной завод, восстанавливал его и проработал на нём директором вплоть до выхода на пенсию в 1957 году. Итого лет, связывавших моего Петра Ивановича Шелкового с Луганским литейным, патронным, позже машиностроительным, заводом – ровно 53. Ровно столько же, сколько положил Владимир Даль на создание своего Толкового словаря. Совпадение – частное и, конечно, случайное, но для меня не пустое и даже, пожалуй, дорогое. И ещё одно совпадение: в центре нынешнего Луганска неподалёку от улицы Владимира Даля есть и улица моего деда Петра Ивановича Шелкового.

Именно небольшой дом деда и бабушки на 2-й Линии, совсем рядом с длиннющей заводской стеной, вблизи опасно-бандюганского Каменного Брода, их сад за домом с десятком яблонь и бабушкиным цветником, с выдавшей виды бочкой воды для полива – был, есть и пребудет незабываемой и бесконечно дорогой для меня родиной. Именно этот клочок степной земли навсегда останется моим Малым Иерусалимом, моим непотопляемым, всегда светящимся Китежем. Здесь – все мои самые важные и неубывающие творческие импульсы, здесь тот самый энергетический и духовный заряд, которым живятся два десятка нынешних моих книг поэзии и прозы. Да, собственно, живится и крепится каждый отпущенный мне Господом день.

В 1967 году ушёл из жизни дед, через шесть лет умерла и бабушка. И только через 17 лет после её похорон, уже в самом начале обвальных девяностых годов, я смог снова возвратиться в дорогой моему сердцу Луганск. Увы, ни нашего дома, ни «строю патриаршьего седых тополей», ничего, что так ясно жило в памяти, да и на многих страницах моих книг, я не нашёл, не увидел. Всё было начисто, под корень снесено, безжалостно уничтожено. Мне оставалось лишь неверяще-потерянно смотреть в опустевшее пространство сквозь промозгло-влажные, какие-то совершенно фантазмагорические по ощущению и уже совсем тёмные, сумерки января 90-го года... Смотреть, в некоем ступоре, на этажи тусклого казённого здания, поставленного на моей земле обетованной, на том клочке суши, который был когда-то моей неповторимой мальчишеской ойкуменой.

Всё-таки один из свидетелей тех незабываемых ранних времён остался в живых – старый, одетый в морщинистую и напрочь задеревеневшую кору тополь, росший уже на выходе на широкую, идущую вдоль глухого забора воензавода, 2-ю Линию, на выходе из Участка – так назывался прежде уютный тополиный тупик с десятком одноэтажных домишек и озеленённых лоскутков садовой земли, где обитали мы с дедом и бабушкой. Жили-поживали так давно и так невероятно близко...

Вернулся я – а тополя срубили...
Как горек тополиный мёртвый рот!
Один лишь брат, свидетель сна и были,
остался жив, корявый, у ворот.
Один – но во плоти два века живо.
Вот так вдали, сестра моей души,
две тыщи гефсиманских лет олива
молчит в саду в сидящей тиши.
На кульнях комля – переплески света.
А в тусклой мельхиоровой листве –
тьнь запаха, предчувствие Завета
о скорбном неухоженном родстве.
Вернулся я – с вершины Елеонской
мне виден бег строптивного Донца,
овечий топот дробный,
крупный, – конский, –
ещё слышны. Но не догнать гонца.
Порубленное, прорастая криво,
лишь смутно помнит белостенный дом,
где – окна в сад, где лица незлоблively,
где живы голубь, тополь и олива
в июле синем, в полдне золотом.

Но оказалось, что в эти минуты моей внезапной и непоправимой потери судьбе всё же было угодно одарить меня не то, чтобы утешением, но всё же некоей значительной и непохожей на случайность, да, пожалуй, и обнадеживающей, метафорой. Наградить неким совсем другим воспоминанием, протянувшимся к тому зимнему вечеру из словно бы ободряющих дальних далей.

Всего только в трёх минутах ходьбы от нашего уже снесённого подворья, на соседней улице, что смутно помнилась мне из давних мальчишеских времён своими неказистыми пыльными акациями, увидел я родительский дом Владимира Даля и его полное спокойного достоинства бронзовое изваяние, стоящее перед фасадом. В прежние годы это место было в полном небрежении и никому не ведомо. И вот теперь я со смешанным чувством глядел на счастливо выжившее и обновлённое гнездо писателя Владимира Даля.

Удивительно, как живо его небольшой белёный домишко напоминал наш семейный, на Участке, тот самый, потеря которого больно уколола меня всего несколько минут назад. Та же приземистость одноэтажного строения, те же четыре окна по фасаду, расположенные симметрично по два от входной двери. Тот же, защищающий крыльцо от непогод, железный козырёк с двумя незамысловатыми узорными кронштейнами.

Удивительным было и совпадение во времени и пространстве обстоятельств этого метафорического и словно бы утешительного для меня обмена – то ли файлами, то ли целыми матрицами памяти. Сто с небольшим метров расстояния между моим и далевским луганскими домами как-то легко сочеталось с полуторовековым отдалением наших дат рождения... Да и эти, совершенно невероятные по стремительности, пять-десять минут! Такой необъяснимо малый отрезок времени между внезапно-ранящей потерей своего, кровно-родного и любимого, и обретением тут же, без минуты проволочек, некой надежды уже в совсем ином символе – всеобщем, отстоявшемся во времени, но и тоже совсем не чужом. Более того – в становящемся на глазах всё ближе и словно бы порождающем чувство признательности...

В биографии самого Владимира Даля было множество невероятных жизненных совпадений, многозначительных и полных скрытого смысла. Его жизнь отнюдь не складывалась как жизнь кабинетного учёного и домоседа, но напротив – она была непрерывной последовательностью новых начинаний, новых далёких путешествий и рискованных маршрутов. Эта полная приключений и энергичного действия биография, вполне могла бы стать основой для приключенческого романа, не менее увлекательного, чем истории, вышедшие из-под пера Майна Рида или Буссенара, Саббатини или Александра Беляева.

В течение многих лет жизни Владимир Даль включал в свою деятельность, – то последовательно, то параллельно, – очень разные поприща. И в каждой из выбранных им областей оставил заметный и значительный след. Он был и морским офицером, и военным врачом, был писателем и лексикографом, этнографом и естествоиспытателем. Участвуя в Русско-турецкой войне и в Польской кампании, и проявив отвагу и мужество, был награждён двумя боевыми орденами. События вокруг Даля нередко, словно, завихрялись и стремительно двигались по некой турбулентной траектории. Чего стоит, например, лишь одна из его историй времён Русско-турецкой войны, когда верблюд, выделенный ему командованием для перевозки мешков с тысячами лексических записей для его будущего знаменитого словаря, был захвачен в плен турками, но на следующий день снова отбит русскими солдатами и возвращён В. Далю!

Отношения Владимира Даля с Пушкиным тоже заслуживают отдельного и проникновенного повествования. В 1832-ом году Даль был ещё начинающим литератором, едва только выпустив в свет «Первый пяток» сказок Казака Луганского. Но он же являлся к тому времени и человеком уже очень бывалым – отслужившим на флоте, прошедшим две военные кампании, и посему отважно и решительно поспешил вручить свою книгу в подарок первому поэту России, самостоятельно прийдя с визитом в петербургский дом Пушкина. Встретив В. Даля и его дебютную книгу вполне приветливо, Пушкин особенно заинтересовался планами Даля об издании словаря и горячо поддержал эту его работу. Поэт не забыл своего нового знакомого и через год прислал ему рукопись своей «Сказки о рыбаке и рыбке» с многозначительной надписью: «Твоя от твоих! Сказочнику казаку Луганскому – сказочник Александр Пушкин». Вот так и пушкинское перо, пусть мимолётно, но коснулось своим лёгким росчерком лугового украинского имени Даля...

С той петербургской встречи началась дружба двух писателей, длившаяся до последних дней жизни Пушкина. Через год после первой встречи поэт гостил в Оренбурге у Даля, приехав на Урал для сбора материалов о Пугачевском бунте. Ныне возведённый в Оренбурге памятник, – Пушкин и Даль, стоящие на постаменте в полный рост, подобно веймарским Гёте с Шиллером, – свидетельство тех самых совместных поездок 1833-го года по яицким-казачьим, бунтарским пугачёвским местам.

Заиетим в скобках, что В. Даль родился в один день с Ф. Шиллером, так же, как и с Мартином Лютером, – 10 ноября, а гётевский «Фауст» оставался в течение всей жизни Даля одной из самых любимых его книг. Читал он «Фауста», конечно, в подлиннике, поскольку в совершенстве владел немецким и даже свою первую филологическую работу о русском языке напечатал в Дерпте именно на немецком.

Последняя встреча Даля с Пушкиным в Петербурге совпала с фатальной, пушкинской дуэлью. Остались свидетельства современников о том, что Пушкин вызывал стреляться своих оппонентов больше полутора сотен раз, и сам был вызываем к барьеру более чем в девяноста случаях. Однако дуэль в конце зимы 1837 года на Чёрной речке закончилась трагически – смертельным ранением первого поэта России. «Пустое сердце бьётся ровно, в руке не дрогнул пистолет...».

Владимир Даль два дня и всю последнюю ночь не отходил от постели умирающего друга. Перстень-талисман Пушкина с изумрудом, который он, не снимая, носил в последние годы, перешёл из рук поэта к его самому близкому в тот момент соратнику. Этот, полный светоносной силы, камень

появляется у Пушкина, ещё словно бы априори, в его «Сказке о царе Салтане» – «А орешки не простые, все скорлупки золотые! Ядра – чистый изумруд...», возникает он и много позже – уже в Далевском толковом словаре как пример толкования в разделе «изумруд» – именно тот самый, незабываемый, «изумрудный перстень»!

И вот здесь пора сказать о самом главном, преобладающем ощущении, которое возникает, когда читаешь стратегический труд Даля – его словарь живого великорусского языка. Труд стратегический – и в смысле основного, более чем полувекового, дела жизни, и в смысле глубинного отражения личности этого выдающегося человека, отражения самой сути его характера и его души. Главное и несомненное ощущение от общения со словарём – перед нами творение подлинного поэта. Рифмованные опусы не очень удавались Владимиру Далю, хотя и их тоже можно отыскать в его десятитомнике. Но почти каждый из разделов далевского словаря, посвящённый отдельному слову, – не только некий лексикографический экскурс, а и оригинальная, полная живого звучания, поэтическая миниатюра. Пусть не по форме, но по всему своему существу!

Ну вот, хотя бы два примера из Толкового словаря. Раздел об упомянутом только что слове «изумруд» поместился в словаре между термином «изумлять», применимым, без каких-либо натяжек, ко всей биографии Даля, и странноватым словом «изуправляться», устаревшим, но вполне способным напомнить, что и чиновничью лямку «ради хлеба» создатель словаря тянул многие годы – и в Оренбурге, и в Нижнем Новгороде, и в столичном Петербурге.

Итак, цитата: «Изумруд м. – драгоценный, сквозистый камень зелёного цвета. Изумрудный, -овый – к изумруду относящийся. Изумрудовая копь, прииск. Изумрудный перстень. Ткань изумрудового цвета. Изумрудистые горы – содержащие камень этот. Изумрудистый цвет, зелень, блеск – изумруду подобный...».

Слепой мудрец Хосе Луис Борхес, сохранивший, однако, ярчайшее внутреннее поэтическое зрение, да и, скорей всего, ещё и обостривший его с наступлением внешней слепоты, говорил в своих «Письменах Бога»: «В человеческих наречиях нет предложения, которое не отражало бы всю вселенную целиком; сказать «тигр» – значит вспомнить о тиграх, его породивших, об оленях, которых он пожирал, о траве, которой питались олени, о земле, что была матерью травы, о небе, произведшем на свет землю».

И вот, прочтя зачин «изумрудный перстень» в статье Далевского словаря, каждый, конечно, волен развернуть свою собственную цепь ассоциа-

ций. И я, к примеру, сразу же вспомню пушкинскую строку «Храни меня, мой талисман...», стихи, обращённые именно к его изумрудному перстню, вспомню и благословенное крымское побережье своих молодых лет, где над магической южной ночью звучат и влетают в душу слова романса на эти стихи, звучит голос товарища, которого уже давно нет на свете...

Зевок в дебюте, в эндшпиле ошибка.

Портвейн «Агдам» и сигареты «Шипка»

с усмешкой извинятся за подвох.

Но русский волк поёт о талисмানে
хранительном и о сирень-тумане,
поёт о камне на кресте дорог...

Или же увижу в ещё более давней ретроспективе, вслед «изумрудовой копии» Даля, тиснённую золотом книжку из отцовской «Библиотеки приключений», «Копи царя Соломона» Г.Р. Хаггарда, с чьих страниц навсегда запала в мальчишескую память гравюра-иллюстрация со зловеще-чёрной двухсотлетней колдуньей, на которую опускается, вернее, стремительно падает, каменная дверь африканской пещеры. И здесь уже в ряду ассоциаций возникает и вовсе рядом знаменитое кольцо царя Соломона со смыкающейся в бесконечный круг надписью на его исподе «и это пройдёт – пройдёт и это». А на втором перстне-талисмани Пушкина, с другим камнем, восьмигранником-сердоликом, подаренном ещё в юные годы поэту Е. Воронцовой, тоже вилась по внутренней стороне кольца некая резная надпись на древнееврейском языке.

Каждое слово само по себе является ёмким, неповторимым образом, способным к многомерному ветвлению. В этом смысле Осип Мандельштам утверждал в поэтической строке, что «ни одно слово не хуже другого». Важны контекст, речевая интонация, которые и задают слову, лингвистической единице, этому живому и плотно упакованному информационному свёртку, направление и все иные особенности метафорического ветвления и развёртывания. Причём речь не идёт только о сугубо ассоциативно-смысловом, проращении образа из семени слова, столь же существенными и живительными могут быть взаимодействия фонетические, ритмические, аллюзии по множеству иных признаков.

В. Даль, конечно, не может быть замечен в особо сгущённой, насыщенной и интенсивной метафорике его собственных текстов. Но бесценный материал его словаря, накопленный и сохранённый поистине подвижническим трудом, – по-видимому, намного ценнее, чем свод текстов любого, отдельно

взятого, литератора. Этот Словарь с большой буквы – нечто вроде универсальной таблицы элементов Менделеева, это свод плодоносных и способных оживать в гармонии речи лингвистических элементов, слов-зарядов, слов-зёрен, слов – сгустков неповторимой духовно-генетической информации. И тот, кто в силах оценить самоценность и бесконечную образно-смысловую чреватость каждого отдельного слова, вполне способен, подобно И. Бродскому, и саму поэзию ощутить как процесс саморазвития, самодвижения великой речевой субстанции.

Если проследить ещё одну историю из ранних лет жизни В. Даля, то можно вспомнить о его приходе под парусом брига «Феникс» в Данию, на родину предков, на последнем году обучения в морском кадетском корпусе. Там, после визита молодых моряков к датскому принцу Христиану, товарищи Даля пытались отыскать его родичей среди местных подданных. Как ни странно, но среди датских Далей родни так и не нашлось. Прощайте, варяжские дали...

Зато уж в Далевском Толковом словаре более страницы большого формата занимает статья с вариациями этого важного, показательного и насквозь русского слова – даль. Слова звучного, динамичного, предельно лаконичного.

Такого же, кстати, предельно краткого, как и само имя Бог. Ибо перед лицом огромного и великого представляется неуместным человеческое поминание всуе – и слов, и даже звуков.

Здесь, на этой словарной странице, в семействе существительных, произрастающих из корня «даль», высвечивают свои собственный дали-просторы, – при этом каждое слово со своим оттенком и отзвуком, – и даль, и дальина, и далища. Здесь протяжно отзываются и далища, и далечина, столь близкая к украинской далечени. Отзываются, помеченные такими многозначительными и полнозвучными эпитетами, как «дальнозвонкий и далёкозвонкий», не менее живыми и сочными, чем далевский эпитет «сквозистый» в статье об изумруде – «драгоценный сквозистый камень зелёного цвета». Воистину это всё богатства, собранные настоящим сказочником, человеком, чувствующим и хранящим неповторимость и сказочность каждого самоцветного, дальнозвонкого слова.

Дива дивные и дали далевы оживают и распахивают свои горизонты, слетая со страниц бессмертного словаря. Воистину радость для ума и сердца – вглядываться и вслушиваться в эти далевы дали. Ибо они – пространства разом и полнокровные, и духовные, ибо в их воздушности ясно ощутимо гармоническое единение двух живых дыханий – и небесного, и земного.

Ігор Шудрик
м. Харків, Україна

ЛІТЕРАТУРНІ ДИСКУСІЇ У ХАРКОВІ 1925–1928 РОКІВ

У 20-х роках в Україні, значною мірою відроджувалося духовне життя. У тогочасну столицю Радянської України – Харків з'їхались молоді та талановиті письменники і поети, які наївно вважали, як виявилось пізніше, що вони активно будуватимуть нове і щасливе життя в країні. Навіть із Західної України на «Велику Україну» з цією метою прибули представники творчої інтелігенції. У Харкові виходили різноманітні літературно-художні журнали: «Життя й революція», «Критика», «Плуг», «Плужанин», «Молодняк», «Гарт», «Літературний ярмарок», «Нова генерація», «Пролітфронт» та ін., літератори об'єднувалися в письменницькі організації, відкривались державні й кооперативні видавництва.

Характерною рисою українського літературного процесу періоду українського національного відродження була його гостра соціально-філософська спрямованість. Особливо це стосувалося творчості Миколи Куліша (1892–1937 рр.) і Миколи Хвильового (1893–1933 рр.).

Після закінчення літературних дискусій Ол. Ведмідський у серпні 1930 року підготував книгу «Літературна дискусія», яка була опублікована 1932 року накладом 3 тис. примірників у видавництві «Плужанин» (Харків-Полтава, – 104 с.). Автор, пояснюючи причини проведених дискусій, посилається на те, що в країні «активізувалися капіталістичні елементи» – «куркулі» і «непмани», які сподівалися на «переродження радянської влади», на «самоліквідацію пролетарської диктатури», на те що НЕП поверне Радянський Союз на капіталістичні рейки розвитку. На думку автора «недобитий буржуа, непман, куркуль та їхній ідеолог – буржуазна інтелігенція «...відчувши наступ соціалістичних сил... чинять опір». Він вважає, що капіталістичні елементи «роблять шкідницьку роботу і на ділянці культурній, зокрема, на фронті літературному». Ол. Ведмідський зазначає, що Єфремов поставив завдання створити буржуазну літературу, щоб використати її як «зброю в класовій боротьбі», ...для цього «організував групу буржуазних літераторів», дискредитував всіх тих, що стали «піонерами пролетарської літератури». На думку автора книги українська буржуазія орієнтується на буржуазну Європу, а не на Радянський Союз. Далі він звинувачує патріотично налаштовану українську інтелігенцію в «націоналізмі» та «фашизмі». При цьому зазначає, що українська літературна інтелігенція не мала ніякого відношення до буржуазного походження, або орієнтації на «буржуазний устрій суспільства», адже вона була в основному із селянської бідноти, або пролетарського міського походження, а до фашизму і не могла мати будь-якого від-

ношення. Усе це було спробою навішування ярликів. А в дійсності, в літературних дискусіях основною проблемою була боротьба за розуміння шляхів розвитку української культури, зокрема, літератури.

Літературна дискусія розпочалася у квітні 1925 року між творчими об'єднаннями української літературно-художньої інтелігенції, такими як «Плуг» (спілка селянських письменників України, заснована у 1922 році, на чолі з С. Пилипенком) і «Гарт» (спілка пролетарських письменників України, заснована на початку 1923 року, на чолі з В. Блакитним). Центри цих організацій знаходилися у Харкові, а в Києві були їхні філіали. Особливо масовою була організація «Плуг», що мала 17 філій, понад 200 членів, крім того – 67 гуртків, де була тисяча студійців. Харківська група мала секції: жіночу, дитячої літератури, секцію письменників Західної України та ін. Масовий характер мала і організація «Гарт», в яку крім письменників входили журналісти, політики, артисти, художники, робкори, початківці. Згодом масовість письменницьких організацій набрала загрозливого характеру через їхню ідеологічну спрямованість. Постановою Політбюро ЦК КП(б)У від 10 квітня 1925 року було визначено необхідність партійного керівництва літературним процесом. Партійні директиви обмежували масовий характер «Плугу». Місцеві осередки могли створюватися лише там, де є партійні організації.

Через організаційні та політичні розбіжності з «Гарту» вийшов плужанин В. Сосюра, Кириленко, Копиленко, Усенко. М. Хвильовий виступив із серією листів до «молодої молоді» об'єднаних у книзі під назвою «Камо грядеши?». На ці листи відповів серією памфлетів голова «Плугу» С. Пилипенко.

Учасники дискусій в своїх памфлетах порушували гострі проблеми їхньої участі в літературному процесі, соціальної спрямованості літератури. У першому листі до літературної молоді Хвильовий висуває проблему орієнтації радянської інтелігенції на Європу, яка озброєна «вищою математикою мистецтва». Хвильовий вважав, що Україна, яка перебуває на межі Європи і Азії, має відіграти виняткову, провідну роль в майбутньому «азіатському ренесансі».

Зеров заявив, що молоді бездарні графомани полізли в літературні організації. На його думку літературу створять лише талановиті та геніальні молоді люди, а не графомани. Хвильовий закінчує свого листа до молоді – вчитися і вчитися, пізнавати життя.

На публічний виступ Хвильового головним опонентом виступив голова спілки селянських письменників «Плуг» С. Пилипенко. Він зазначив, що не слід поділяти твори на першосортні й другосортні. Потрібні й «Комуна» Йогансена й вірші селянок-початківців, потрібно допомагати письменницькій молоді, а не гнати її. Поділяючи думки Хвильового, Зеров дійшов висновку: «Треба допустити вільну конкуренцію в літературі, треба припинити протекціонізм пролетарським організаціям».

В полеміці йшлося про місце української літератури в світовому культурному процесі, соціально-філософська оцінка нового суспільного ладу, ідеологічні орієнтири письменників у цих умовах. Тоді письменники жили ідеями. Недавній семінарист Василь Еллан-Блакитний так палко вірив у близьку світову революцію, що ладен був знести заради її торжества «церкви старовинні у повітря» й пустити під сокиру «вишневі садки». Засновник «Плугу» Сергій Пилипенко мріяв про «всесвітню комуну», суспільство, об'єднане взаємною любов'ю, згодою, де панує повна свобода.

1-го липня 1925 року ЦК ВКП(б)У прийняв резолюцію «Про партійну політику в художній літературі», якою визначалася керівна і спрямовуюча лінія партії в літературі. 1–4 жовтня 1925 року відбувся Пленум ЦК «Плуга», що дав оцінку літературній дискусії, зробив певні організаційні висновки. На Пленумі «Гарту», що відбувся 28 жовтня – 3 листопада 1925 року, група Хвильового рішуче поставила питання про реорганізацію свого літературного об'єднання.

22 листопада 1925 року Хвильовий виступив з другою серією своїх памфлетів «Думки проти течії», в яких висловив думку про те що «Гарт» і «Плуг» виконали свою позитивну роль, а тепер стали негативним явищем. Їхні письменники мають утворити дійсно письменницькі організації. Цю ідею Хвильового підтримала новоутворена ВАПЛІТЕ.

На статті Хвильового і Ялового серією статей відповів С. Пилипенко, в яких висловив думку що масовізм – це плюс плужанської організації. Наші твори мають бути масовими, розрахованими на широкі кола читачів. Наша організація має бути масовою, а пропозиція ліквідувати «Плуг» – провокативна. Тодішній голова Київської філії «Плугу» Щупак в статті «Псевдо-марксизм» зазначив що Хвильовий переоцінює роль інтелігенції, тому що авангардом революції є пролетаріат. Він поділив інтелігенцію на міську – прогресивну, і на сільську – реакційну.

У 1926 році була проведена дискусія навколо проблеми культурної спадщини. Особливо гострої критики піддано твердження Хвильового, що азійський ренесанс – це епоха європейського відродження + греко-римське мистецтво. Загул і Савченко доводили, що неокласици не можуть бути для нашої літературної молоді зразком для наслідування і що рівнятися на Зєрова, Рильського і Филиповича – це було б самогубством.

28 лютого 1926 року з приводу публікацій Пилипенка, Щупака і Буревія Хвильовий опублікував третю серію памфлетів – «Апологети писаризму», які стосувалися не лише проблем культурної революції, але і політичних питань. У цих памфлетах ставилися питання про українізацію пролетаріату, роль інтелігенції, про боротьбу двох культур. Основною проблемою була боротьба за розуміння шляхів розвитку української культури. Хвильовий в полеміці з Щупаком зазначав, що поки пролетаріат не оволодіє

українською культурою, доти немає ніякої певності, що культурна революція в Україні дасть нам бажані результати. Він виступив за українізацію та дерусифікацію робітництва. Відповідаючи на заклики К. Буревія щодо орієнтації на Росію, Хвильовий говорить, що українська література виходить на свій, власний шлях розвитку і має орієнтуватись в усякому разі не на Росію: «Наша орієнтація – на західноєвропейське мистецтво, на його стиль, на його прийоми». Хвильовий вважає, що від російської літератури, від її стилів українська поезія мусить як мога швидше тікати. Він зазначає, що російська література тяжіє над нами в віках, як господар становища, який привчав нашу психіку до рабського наслідування. Політичні проблеми, поставлені Хвильовим у своїх памфлетах викликали низку статей партійних керівників. Чубар опублікував статтю «Про вивихи», Скрипник – «До теорії боротьби двох культур», А. Хвиля – «Про наші літературні справи», Затонський – «Національні проблеми на Україні» (доповідь на червневому Пленумі ЦК ЛКСМУ).

У червні 1926 року на Пленумі ЦК КП(б)У були підведені підсумки першого періоду літературних дискусій. У «Тезах ЦК КП(б)У про підсумки українізації» позицію Хвильового кваліфікували як «буржуазний хвильовизм». Зазначалося що лише партія, як керівна і спрямовуюча сила революційних перетворень, указує вірні шляхи розвитку української культури. Резолюція пленуму засудила теорію боротьби двох культур Хвильового, вважаючи її «не ленінською».

Як бачимо, на початку дискусія мала специфічний літературний характер, скерований в листах Хвильового проти «Плугу». Але в подальшому вона набула політичного характеру – про орієнтири українського культурного розвитку, про українізацію пролетаріату, про роль української інтелігенції в культурному будівництві. В дискусії взяли участь партійні керівники.

Глибоким прихильником комуністичних ідей був прозаїк і публіцист, ідейний натхненник і співзасновник письменницьких організацій «Гарт», Вільної академії пролетарської літератури («ВАПЛІТЕ»), «Пролітфронт» Микола Хвильовий. Проголошуючи у своїй «теорії комуністичної самостійності» України у складі СРСР багатівіковий процес українського націо- і державотворення невід'ємним елементом світової історії, М. Хвильовий закликав компартію активно підтримати вітчизняне національно-культурне відродження як необхідний етап на шляху УРСР до соціалізму, відзначив провідну роль у цьому процесі української пролетарської інтелігенції як суб'єкта реалізації політики дерусифікації та українізації.

В літературній дискусії на боці Хвильового відверто виступив Зеров і Могилянський. Протилежна група (Пиlipенко, Щупак) критикувала суть положень Хвильового, хоча і їх критикували партійні лідери за те що вони не викрили всієї суті хвильовизму, а деякі навіть відверто стали на бік Хвильового (Зеров, Могилянський).

На думку Ол. Медвицького лише партія у виступах її відповідальних керівників (Скрипника, Чубаря, Затонського, Хвилі та ін.) викрила справжню суть «хвильовизму» й указали шляхи, якими має йти революційна українська література.

Закінченням першого етапу дискусії можна вважати статтю Ялового «Теоретична плутанина ліквідаторів» від 7 вересня 1926 року і відповідь на неї С. Пилипенка «Хто ліквідує пролітлітературу?» за 12 вересня того ж року.

Спочатку письменники щиро вірили в українське відродження і по-різному розуміли свою участь у цій справі. «Селюки» з «Плугу» відстоювали свою позицію, критикуючи «урбанізаторів» з «Гарту», «гартівці» в свою чергу, критикували «селюків». Згодом як перші, так і другі переконалися в наївності своїх сподівань. Розчарувався в практиці більшовиків й сам М. Хвильовий. Полеміка у 1925–1928 роках у Харкові переросла в гострі літературні дискусії, в яких брали участь і філософи, зокрема, Володимир Юринець та його учень Петро Демчук.

Як противагу вище названим літературним об'єднанням влада ініціювала створення у січні 1927 року Всеукраїнської спілки пролетарських письменників (ВУСПП), в якій керівну роль відігравали «чотири Івани»: Микитенко, Кулик, Ле та Кириленко. До цієї спілки вступили О. Корнійчук, П. Безпощадний, С. Голованівський, Л. Первомайський, Н. Забіла та ін.

Другий етап літературних дискусій відбувався у другій половині 1926 і продовж 1927 року (до самоліквідації ВАПЛІТЕ у січні 1928 року). З одного боку в боротьбі брали участь організація пролетарських письменників – ВУСПП і «Молодняк», з другого – ВАПЛІТЕ. Цей період характеризується боротьбою ВУСПП за консолідацію сил пролетарської літератури. ВАПЛІТЕ звинуватила «Молодняк» в некомпетентності і назвали його учасників «носіями реакційних тенденцій в літературному розвитку», а себе вважала «основною пролетарською організацією, що мусить стати на чолі революційної літератури». Об'єднання пролетарських письменницьких сил у ВУСПП відбувалось під керівництвом партійних функціонерів, які звинуватили ВАПЛІТЕ в націоналізмі та фашизмі. ВАПЛІТЕ виступила проти основних організаційних засад пролетарських письменників – ВУСПП.

З утворенням нової письменницької організації ВАПЛІТЕ «Гарт» перестав існувати, бо майже вся харківська група «Гарту» перейшла до ВАПЛІТЕ. Після перереєстрації й скорочення своїх лав восени 1925 року в «Плугу» лишилось 136 з 222 членів. Третій з'їзд «Плугу» 3–7 квітня 1926 року вирішив припинити керування літературними гуртками і секціями «Плугу». На Пленумі ЦК «Плугу» в січні 1927 року ліквідували свої філії. ВАПЛІТЕ починаючи з 1927 року почала видавати однойменний щомісячник, під керівництвом Хвильового і Ялового, який партія більшовиків розцінила як «класово ворожий». Група «ваплітівців»-комуністів – Хвильовий, Яловий і До-

світний 1 грудня 1926 року виступила з заявою, в якій визнала, що гасло, яке орієнтувало на «психологічну Європу», одночасово із розривом з російською культурою – було, безперечно, збоченням з класової пролетарської лінії, гаслом буржуазним. Теорія боротьби двох культур в інтерпретації Хвильового відповідає економіці капіталістичного розвитку. Вони визнали свої «помилки» і підкреслили, що цілком стоять на ґрунті постанови червневого пленуму ЦК КП(б)У про українізацію. Автори заяви стверджували, що вони ні в чому не розходяться з лінією партії й зрікаються своїх помилок.

У січні 1927 року Всеукраїнська спілка пролетарських письменників (ВУСПП) розцінила ВАПЛІТЕ як буржуазну організацію, яка є націоналістичною і ворожою соціалізму. 28 січня 1927 року ВАПЛІТЕ своєю постановою виключила зі свого складу Хвильового, Досвітнього і Ялового, однак вони залишились активними учасниками журналу «ВАПЛІТЕ». У першому номері цього журналу за 1927 рік Хвильовий опублікував статтю «Соціологічний еквівалент трьох критичних оглядів т. Коряка», в якій розбирає літературні огляди Коряка за 1925 і 1926 роки. Він дорікає Коряку, що той не розуміє якісно нової літератури (Досвітний, Сенченко та ін.). Коряк в свою чергу критикує Хвильового за «ваплітянство» і публікації часопису «ВАПЛІТЕ» (Сенченка, Копиленка, Дніпровського тощо). «Ваплітівці» з свого боку критикують творчість «вуспівців» за те що їх творчість не пролетарська (Микитенко, Іван Ле). Створення ВУСПП ВАПЛІТЕ розцінила як немінучі «издержки революції».

Літературні дискусії точилися між редакцією «Гарту» і редакцією «ВАПЛІТЕ» взаємними звинуваченнями в недотриманні рішень партії щодо літератури і в ворожій діяльності. А. Хвиля в лютому 1928 року в «Комуністі» розбирає першу частину роману Хвильового «Вальдшнепи», що була надрукована в п'ятому номері «ВАПЛІТЕ». У своїх рецензіях на роман А. Хвиля звинувачує Хвильового в пропаганді націоналізму, порівнює його з «фашистом» Донцовим, звинувачує його в троцькізмі.

У лютому 1927 року відбувся X з'їзд КП(б)У, на якому Л. Каганович в своїй доповіді підвів підсумки боротьби партії з «хвильовизмом» і «шумкізмом», а на доповідь Скрипника «Про завдання культурного будівництва на Україні» була прийнята постанова Політбюро з питання про українську художню літературу. Скрипник в своїй статті «Хвильовизм чи шумкізм?» показує боротьбу партії проти виступів «націоналістів» Хвильового і Шумського.

Початком третього й останнього періоду літературних дискусій був літературний диспут за участі Скрипника, який відбувся в лютому 1928 року в літературному будинку Еллана-Блакитного. Після ліквідації ВАПЛІТЕ почали створюватися «дрібнобуржуазні», «ліво інтелігентські» групи «Авангард» і «Нова генерація». Організатор «Авангарду» В. Поліщук опублікував дві книги «Літературний авангард» і «Пульс епохи», в яких обґрунтовує концепцію

нової літературної течії «конструктивістів-динамістів», а також взяв участь в дискусії з Хвильовим. Обидва ці об'єднання виступили проти Хвильового й ВАПЛІТЕ. Проти ВАПЛІТЕ виступили спільно ВУСПП, «Плуг», «Молодняк» та «Західна Україна».

У розпал літературної дискусії з лютого 1928 року почав виходити журнал «Критика». 18–21 лютого 1928 року у Харкові був організований літературний диспут, на якому з вступним словом виступив Скрипник. На диспуті виступили Хвиля, П. Любченко та ін. Диспут набрав масштабу всеукраїнського. Виступаючі поставили питання про необхідність створення єдиної організації пролетарських письменників. Комуністи-ваплітівці були проти. Посипались різні пропозиції щодо назви літературних напрямів. Коряк виступив за «конструктивний реалізм», Кулик – за «пролетарський реалізм», Пилипенко – за «неореалізм», Сенченко – за «романтизм», Гільдін – за «пролетарський романтизм», Поліщук – за «конструктивний динамізм», М. Семенко – за «лівий стиль». Скрипник закінчив диспут побажанням: закінчити дріб'язкову боротьбу між письменниками, щоб спільно прилучитися до підвищення якості художньої продукції.

У постановах партії, а також у працях партійних керівників – М. Скрипника, Хвилі, Гірчака та ін. дана оцінка літературним дискусіям і її учасникам. Гірчак в окремій праці розглядає «Хвильовизм», а літературний критик Я. Лейтес опублікував бібліографічний огляд літератури про літературні дискусії у збірнику «Десять років української літератури», що було свідченням широкого розмаху літературних дискусій і участі у ній великої кількості її учасників. Ол. Ведміцький вважає, що літературні дискусії є свідченням «класової боротьби на культурному фронті».

Найбільший резонанс викликала творчість Миколи Куліша та Миколи Хвильового своєю гострою критикою нового суспільного ладу, в якому вони так гірко розчарувались, намагаючись його змінити відповідно своєму розумінню.

Микола Куліш у своїх п'єсах піднімав актуальні соціальні проблеми, розкривав абсурдність нової соціальної системи, гостро критикуючи, прагнув її удосконалити. Він зображав моральну чистоту людини і моральну потворність системи. Найбільшу дискусію викликала його п'єса «Народний Малахій». Малахій Стаканчик із провінційного містечка протягом двох років ретельно вивчав більшовицькі книги, аби зрозуміти, що то є соціалізм. Фанатично пройнявшись ідеями соціалізму, він хоче жити за цими ідеями. Але Малахій робить для себе відкриття, що його сім'я і мешканці містечка, маючи «шкурницькі інтереси», живуть не за законами соціалізму. Він вирішив розкрити людям очі на соціалізм, проте вони не розуміють цих ідей. Малахій дійшов висновку, що нові ідеї може сприйняти лише нова людина, тому слід реформувати саму людину. Лише оновлена людина може зрозуміти

ідею соціалізму й збудувати його. Для цього треба видати в Україні спеціальний декрет. Малахій їде до столиці України Харкова, щоб довести урядові республіки необхідність такої реформи. Але і в Харкові люди, поглинені життєвими турботами, байдужі до соціалізму.

У Харкові Малахій зустрічає стару Агапію, у якої також блакитна мрія – соціалізм і Єрусалим. У пошуках дороги до досягнення цієї мрії вони натикаються на жорстоку дійсність, де люди говорять одне, а чинять інше. У Харкові Малахій замість уряду потрапив до психіатричної лікарні на Сабуровій дачі. Символічно, що саме в божевільні герої п'єси обрав собі ім'я Народного комісара Малахія. Навколишня дійсність і божевільня переплітаються настільки, що здається божевільня – це світ нормальних людей, а дійсність, що так поспішає до соціалізму – божевільня.

У п'єсі Малахій є символом одуреного, одурманеного «блакитною ідеєю соціалізму», а народ хоче нормального життя. Образ старої Агапії, що шукає дорогу до Єрусалиму, – це образ України з прагненням увійти в Європейську цивілізацію. Ця старчиха стоїть на роздоріжжі цивілізації зі своїм скарбом у торбині – «Кобзарем» і Грінченковим словником. Образ згвалтованої доньки Малахія – то трагедія одуреного українського народу, який втратив свою державу і мову. Тому-то Малахій у своїй промові наголошує, щоб люди не забували української мови і в майбутньому житті.

Широку літературно-політичну дискусію викликала також сатирична комедія Миколи Куліша «Мина Мазайло» та одноіменна вистава Леся Курбаса у Харківському театрі «Березіль». Драматург і режисер в іронічній формі викривають великодержавний шовінізм. Тьотя Мотя, яка приїхала у Харків із сусідньої області Росії, виявляє своє обурення щодо процесу «українізації» в Україні. Вона на весь зал репетує: «Лучше быть изнасилованной, чем украинизированной!». А службовець «Донвугілля» Мина Мазайло-Квач під впливом позиції тьоті Моті, відмовляється від свого українського походження, видаючи себе за «російськомовного».

Микола Куліш вустами мудрого дядька Тараса з вистави «Мина Мазайло» далекоглядно висловився щодо тодішньої «українізації»: «Їхня українізація – це спосіб виявити всіх нас, українців, а тоді знищити разом, щоб і духу не було... Попереджаю!».

Автора цієї сатиричної комедії Миколу Куліша і режисера-постановника Леся Курбаса було репресовано, а сама комедія була заборонена. Лише через півстоліття відбулася прем'єра цієї п'єси у Харківському державному академічному драматичному театрі ім. Т.Г. Шевченка. Шкода, що і зараз зустрічаються «тьоті Моті» і «Мини Мазайли», які ненавидять, або байдужі до української мови (тепер державної), до самої України та до її державності.

Микола Хвильовий (Фітільов) народився у містечку Тростянець Охтирського повіту на Харківщині. Був виключений із Охтирської гімназії за

участь в «українському революційному гуртку». Під час громадянської війни приєднався до більшовиків, захоплений ідеєю побудови комуністичного суспільства. У повоєнні роки стає найпопулярнішим українським письменником. Заснував авангардну літературну організацію «ВАПЛІТЕ» (Вільну академію пролетарської літератури).

У ході літературної дискусії 1925–1928 рр. М. Хвильовий оприлюднив свою філософію культури в опублікованій серії памфлетів: «Камо грядеши» (1925), «Думки проти течії» (1925), «Апологети писаризму» (1926), «Україна чи Малоросія» (1926). У цих творах він ставить дилему – «Росія чи Європа», обґрунтував необхідність зміни орієнтації української культури з Росії на Європу, на західний ідеал «громадянської людини» як активно дієвої істоти, а не «пасивно страждального російського ідеалу», швидше азійського, ніж європейського. Критикуючи Хвильового, опоненти приписали йому лаконічне гасло – «Геть від Москви!».

Не заперечуючи загальнолюдської цінності в російській літературі, М. Хвильовий обґрунтував необхідність національного відродження України без оглядань на «російського диригента». Він виступав за «негайну дерусифікацію пролетаріату» України. Орієнтація на Європу, за Хвильовим, це не схиляння перед нею, а повернення до власних культурних джерел, відродження української – суто європейської (на відміну від російської) культури.

Літературні дискусії у Харкові та процес «українізації» в Україні стурбували Політбюро ЦК РКП(б), особливо виступи М. Хвильового. Для повернення українізації в потрібне русло політбюро ЦК РКП(б) відрядило до Харкова вихідця з України, секретаря ЦК РКП(б) Л. Кагановича. Пленум ЦК КП(б)У, терміново скликаний 5 квітня 1925 року, обрав його Генеральним секретарем ЦК КП(б)У і обговорив питання українізації.

Представника Москви особливо цікавила центральна постать в українському літературному русі, зокрема, в літературних дискусіях – Миколи Хвильового. «Наша орієнтація – на західноєвропейське мистецтво, на його стилі, на його прийоми», зазначав він у памфлеті «Апологети писаризму».

Небезпеку цієї діяльності популярного українського письменника та організатора літературного процесу побачив Й. Сталін. У листі до направленого з Москви Л. Кагановичу та іншим членам ЦК КП(б)У він зазначив: «Хвильовий не має нічого сказати на користь Москви, як тільки закликати українських діячів тікати якомога швидше від Москви». Каганович Л. охарактеризував Хвильового як прихильника відновлення буржуазної влади, а його погляди стали називати «хвильовизмом».

Хвильовий М. дав оцінку Голодомору в Україні. Незадовго до самогубства він побував у сільській місцевості. Побачене потрясло його. Письменник осмілювався висловитися, що він вивчав «новий кардинальний процес соціалістичного будівництва – голод».

Стривожене активізацією української інтелігенції Політбюро ЦК КП(б)У 22 лютого 1926 року розглянуло питання «Про настрої серед української інтелігенції». У прийнятому рішенні було доручено голові ДПУ УРСР В. Балицькому взяти під контроль творчі спілки. 4-го вересня 1926 року заступник голови ДПУ УРСР Карлсон підписав Циркулярного листа «Про український сепаратизм», яким передбачалось «посилення боротьби з українським сепаратизмом».

Скрипник М. у статті «Підсумки літературної дискусії», надрукованій у «Більшовику України» в липні 1926 року (№ 1) виступив проти теорії М. Хвильового про боротьбу двох культур – російської та української. «Хвильовистське» гасло «Від Москви – на Захід» М. Скрипник вважав «неправдивим, хибним, не ленінським, непролетарським». У той же час він виступав за природний, осібний шлях розвитку української культури, не визнаючи її другорядності. Скрипник М. виступав за «братерську співпрацю» російської та української культур «для спільної справи».

Літературні дискусії у Харкові 1925–1928 років були лише прелюдією до майбутніх репресій української творчої інтелігенції. Лідери комуністичної партії за допомогою свого карального органу ДПУ-НКВС розпочали свою криваву справу. У червні 1929 року голова ДПУ УРСР В. Балицький інформував ЦК КП(б)У про викриття підпільної організації «Спілка визволення України». В Україні розпочалися репресії проти творчої інтелігенції. З 19 березня до 9 квітня 1930 року в Харківському оперному театрі було засуджено за «націоналістично-контрреволюційну діяльність» 45 діячів української культури, яких звинувачували в приналежності до «Спілки визволення України». У зв'язку з цією справою було засуджено іще 700 осіб. А загалом, під час і після процесу «СВУ» було репресовано понад 30 тис. осіб [1, с. 29].

Щупак С. (розстріляний у 1937 році) у 1933 році в «Комуністі» надрукував статтю «Проти націоналізму в літературі», в якій критикував професора філософії В. Юринця за його книгу «Павло Тичина», де проводив аналогію між Тичиною і «буржуазним націоналістом» Паньком Кулішем.

У 1933 році П. Постишев висунув звинувачення, що буцім-то «за широкою спиною Скрипника» ховались і гуртувались ідейні, класові вороги, недруги пролетарської культури. Негативну громадську думку щодо М. Скрипника формував також і колишній меншовик М. Попов. Він очолив комісію, що займалася підготовкою виборів академіків Всеукраїнської академії наук.

У кінці 1932-на початку 1933 року почалися арешти серед українських письменників. Не витримавши цькування 13 травня 1933 року М. Хвильовий застрелився у своїй квартирі письменницького дому «Слово». 17 вересня того ж року із складу Політбюро було виключено М. Скрипника. Йому стало зрозуміло для чого прийняте таке рішення... Він тихо вийшов із зали засідань, перейшов через площу Дзержинського, зайшов у свій кабінет в Держпромі, зателефонував дружині про його виведення зі складу Політбюро, поклав слухавку, і застрелився. А в 1935 році був заарештований, а потім зни-

щений М. Куліш. Із 193 членів та кандидатів Спілки письменників України було репресовано 97, серед них М. Зеров, Драй-Хмара, О. Вишня. Репресовані були художники – бойчуківці та театральні діячі. Заарештований і засуджений був талановитий режисер Харківського театру «Березіль» Лесь Курбас. До цього треба додати штучний голодомор в Україні 1932–1933 років, яким було знищено мільйони селян.

«На честь 20-й годовщини Великой Октябрьской социалистической революции» (таким було офіційне формулювання!) на півночі Карелії в урочищі Сандармох з 27 жовтня до 4 листопада 1937 року було розстріляно 1109 представників української інтелігенції. Ось їхні імена: Лесь Курбас, Микола Куліш, Микола Зеров, Валер'ян Підмогильний, Марко Вороний, Мирослав Ірчан, Валеріян Поліщук, Олекса Слісаренко, Павло Филипович, Григорій Епик, Михайло Яловий, колишній міністр освіти УНР Антон Крушельницький, нарком фінансів УРСР Михайло Полоз, історик, академік Матвій Яворський, чотири православні єпископи, 30 римо-католицьких священників та ін. Чекісти Матвеев та Полікарпов розстрілювали їх пострілами в потилицю. У перший день (27 жовтня) вони розстріляли 206 осіб, у другий (1 листопада) – 210, у третій (2 листопада) – 180, у четвертий (3 листопада) – 265, у п'ятий (4 листопада) – 248 чоловік [1, с. 138].

Виконавши свою роботу, капітан Матвеев дуже втопився. Йому видали путівку до Чорного моря, а згодом нагородили орденом Леніна. Але це не врятувало його. Він був пізніше засуджений «за перевищення влади», та незабаром звільнений і до кінця днів своїх отримував персональну пенсію. Отака була система з ворожим для людини режимом. 1937 рік – це рік Великого Терору. Тоді було розстріляно українське Відродження.

26 жовтня 1934 року начальником Головліту УРСР Ткачем було підписане розпорядження «Про негайне вилучення з продажу, бібліотек і навчальних закладів книг заборонених авторів». У цьому списку зазначалось 56 авторів, серед яких були прізвища таких письменників, поетів, філософів і учених як М. Скрипник, П. Демчук, М. Свідзинський, В. Бон, В. Вікул, В. Білик, М. Яворський, М. Волобуєв, М. Вороний, О. Вишня, П. Гірняк, О. Досвітний, М. Ірчан, С. Пилипенко, М. Яловий, О. Слісаренко, Т. Степовий, В. Юринець, О. Бервицький та ін. [2, с. 108].

16 квітня 1932 року прямо з натовпу на Сумській вулиці Харкова талановитий письменник-початківець Іван Багряний потрапляє на цілий рік до камери смертників Холодногірської тюрми у Харкові. Радянські слідчі у віршах і прозі Івана Багряного побачили контрреволюційну агітацію. Його висилають на так зване «вільне поселення» на Далекому Сході. За спробу втечі – концтабір. У 1937 році за доносом Іван Багряний вдруге потрапив до камери смертників на 83 дні у внутрішній тюрмі НКВС на Чернишевській 19. І знову з Харкова – до сибірських і далекосхідних таборів.

Іван Багряний у своєму романі «Сад Гетсиманський» за 20 років до Олександра Солженіцина розповів світові, що таке ГУЛАГ і що таке комуністи-

чна інквізиція. Він описував, як начальник НКВС Охтирського району Харківської губернії Сафигін сфальсифікував слідчу справу щодо нього (у романі – Андрія Чумака). Сафигін садистськими методами майже два роки вибивав у І. Багряного «свічення» що ніби той створив «антирадянську організацію». Автор книги називає Сафигіна «демоном зла» [3, с. 258]. Багрянний І. повідав, що з ним у камері сиділи люди різних національностей: євреї, вірмени, азербайджанці, перси. Але приблизно 80 відсотків складали українці.

До речі, після війни до 1949 року в Сумському обласному управлінні КДБ служив той самий капітан, потім майор Сафигін Константин Семенович, який чинив звірства над талановитим українським письменником Іваном Багрянним. Похований кат Івана Багряного – Сафигін К. на Центральному сумському цвинтарі, а на його надгробку виکارбуваний знак «Почесного чекіста СРСР».

У статті «Український синодик Хрущова» автори Ю. Аксютін та Д. Табачник повідомляють, що український письменник-гуморист Остап Вишня провів 10 років у сталінських концтаборах і був звільнений лише 3 грудня 1943 року за ініціативи Олександра Довженка та за клопотанням М.С. Хрущова [4, с. 28]. Далі автори наводять вражаючі цифри із статті М. Жулинського, опублікованій в журналі «Дружба народів» (№ 12 за 1989 рік): із 259 українських письменників, що друкувалися у 1930 році, після 1938 року продовжували працювати і друкуватися лише 36. З усіх інших власною смертю померли лише 7, ще 8 скінчили життя самогубством, 16 зникли без вісти (скоріше за все репресовані), 17 розстріляні у сталінських катівнях, а 175 після арешту були відправлені на заслання [5, с. 29].

Таким чином, майже усі учасники літературних дискусій у Харкові, і навіть ті, хто критикував своїх колег, звинувачуючи їх в «націоналізмі» і «фашизмі», збоченнях від партійної лінії, які клялися у своїй вірності партії і її ідеалам, визнавали свої «помилки», засуджували свою «націоналістичну» діяльність, були знищені. Знищені були (морально та фізично) і націонал-комуністи на чолі із М. Скрипником. Революція поїдала своїх дітей. Більшовицька система нищила національну еліту, яка так наївно вірила в комуністичні ідеали. Тоталітарна система знищувала не лише еліту української інтелігенції але й український дух як такий [6].

Список літератури: 1. Реабілітовані історією. Харківська область: – К., – Х.: Оригінал, – Кн. 1: У 2-х ч., ч. 1. – 2005. 2. Реабілітовані історією. Харківська область: – К., – Х.: Оригінал, – Кн. 1: У 2-х ч., ч. 2. – 2008. – 672 с. 3. Багрянний І. Сад Гетсиманський. [Текст] / І. Багрянний – Київ: Наукова думка, 2001. – 546 с. 4. Репресоване відродження. / Упорядники О.І. Сидоренко, Д.В. Табачник. – К.: Україна, 1993. – 399 с. 5. Там же. 6. Про літературні дискусії у Харкові також див.: Шудрик І.О. Історія філософської думки в Слобідській Україні: монографія. [Текст] / І.О. Шудрик; – Х., Харківський держ. ун-т харч. та торгівлі. – Х., 2012. – 423 с.

ЛИТЕРАТУРА КАК СПОСОБ ОБЩЕНИЯ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

*Сергей Котьяло
г. Москва, Россия*

МАННА НЕБЕСНАЯ

Машина привезла их в обитель святой великомученицы Екатерины поздней ночью. Юный монастырский послушник развел гостей по келиям для отдыха. Зной, который паломники проехали от пристани меж красных скалистых гор, мгновенно сменился черною прохладой. Крупные, с яблоко, червленые зори частили, дымились над крышею гостиного двора. И было тихо, совсем тихо.

Илюшу уложили в мягкую, на удивление для столь строгой уставом обители, пушистую постель. Он, едва коснулся подушки, сразу уснул крепким сном. Но скоро его подняли, запихнули в теплую шерстяную куртку и потащили за верблюдом по камням на гору.

Понятно, встать-то он встал, однако проснулся только к середине подъема и немало подивился многолюдю тянувшейся снизу вверх вереницы, пересыпанной верблюжатами и верблюдами, навьюченных всадниками старыми и малыми. И это было мальчишке любо.

Впрочем, Илюша так же был люб сподвижникам. То связано не с его прямо таки ангельскою красотой: льняные, длинные кудри, рассыпанные по спине, кругленькое белое личико, синие-синие, как днепровские сливы очи..., – а врожденною кротостию, с какою он поднимался в гору, ни разу не молвив ни слова, и ни разу не аукнув на чей-то голос. Постоянная ровность и целеустремленность этого природного чуда понуждала даже взрослых, выдавших виды, знавших не одну вершину мира, собраться и вести себя достойно детскому смирению.

Только один старый геолог, будучи человеком недюжинного телосложения, вдруг, после какой-то весьма неуклюжей фразы на счет верблюжьей породы, распластался всею массою, этакая гора-человек на гладкой гранитной площадке. Но Илюша и тогда не шевельнулся никак, шаг за шагом возносясь над куполом собора монастыря.

В нужный час поводырь, подросток-бедуин, весело и игриво вывел партию паломников на вершину горы, на то самое место, где великому пророку Моисею Господь сообщил тайну спасения. Илюша подошел к краю отвесной

скалы, вскинул широко растопыренные, будто крылья, руки горе и как бы телом потянулся за ними. Многие соглядатаи вскрикнули от страха. Мальчик даже ухом не повел, потому как на него и на всех стало наплывать единственное в таком виде солнце, достигаемое и осязаемое, что ни пером описать, ни в сказке сказать. Народ плакал, пел псалмы на разных языках, китайцы долбили головами камни, арабы били в бубны... – радости, казалось, несть конца.

Так вот, и тогда Илюша восторгался ровно и тихо. Лишь глазёнки его часто мигали и сияли в ответ ширине солнца, что выростала до размера вселенной.

Рассвет на Синае длился не долго. В течение часа природу сменило одинаковое утро и паломники пошли долу, оставив позади на вершине горы Хорив крохотную церквушку. Илюша бессознательно плелся за поводырем. Конечно, мальчику, верно, было жаль так быстро расстаться с тем, к чему многие люди за всю жизнь не доходят, чтобы, хоть краем души, дотронуться святых стоп пророка Моисея. И все же он шел, повторяя и ровное дыхание, и молчание, и радость. Он спускался по старой дороге, которую вымостили собственноручно монахи древних времен. Ступени для него частенько превышали возможность шага, и тогда мальчик сползал по ним, не редко ударяя или царапая ноги и руки. Меж тем, усложненность спуска, масштабность валунов нисколько не уменьшили кротости и смирения в выражении лица и глаз Илюши. В них читалась напряженная затаенность ожидания некоего чуда. Вот-вот, казалось, и с ним произойдет большее, чем весь Синай.

Так длилось от ворот до ворот, – их по спуску достаточно, – пока не достиг мальчик середины пути. Юноша-бедуин положил на стоянке, вблизи каливы святого пророка Илии, перед пещерою пророка Елисея рябого верблюда, тыча оливковым хлыстом вниз, к Поклонному Кресту, где должен соединиться с паломниками Илюша, как на них, по какому-то странному обстоятельству отставшим от группы, просыпала белая меленькая крупа, прямо-таки роса и возглас:

– Здравствуй, Илюша.

– Здравствуй Илья, – вскрикнул мальчик, – испугался, – рухнул лицом на камень и зарыдал, повторяя: здравствуй Илья..., здравствуй..., – а после и вовсе запел: Хвалите Господа с небес... – и уже, когда мальчика несли попутчики на руках вниз, в среде их кто-то вспомнил, что до сего часа от рождения он не молвил ни звука, и далее, до самой Неопалимой Купины они хором воспевали за арфой Давида Господеви Алилюю.

ПОСЛУШАНИЕ

– ...будешь бит...

– Буду, и крепко буду...

Так в промедление ночи солнце приблизилось к востоку и стало просвечивать небо, отчего горы светлели и постепенно вытягивались из черной необъятной стены в рыжеватого крептина острые пирамиды. Скучившийся народ притаился, притих, и даже дышал промедлительно и не часто, как бы боясь вспугнуть чаемую надежду...

– Должно быть, хотя, впрочем, едва ли... – сказал кто-то бессвязно.

– Неужели и ты полагаешь, что Моисей? – спрашивали иные.

– Я не полагаю, – отвечал другой спешно, – я верую...

– Родина – не сон, – говорил, пялясь в тень будущего солнца бабушке старичок.

– Это верно, как и то, что прямо... – соглашалась она.

– И криво, – весело улыбнулся на уже вспыхнувший белый восход разбитым в кровь лицом иннок в потрепанном подряснике. – Много били, а могли и не бить, но такова природа естественного отбора. Хорошо били. Надо поставить за них свечку. Какой урок преподнесли, жаль только, что поздно, но и в детстве было еще не время...

– Странная штука – время: никакого постоянства. Сначала только началась жизнь, а уже пора собираться... Ведь только-только развиднелось и скоро-скоро стало ясно, как вот тебе и запоздалось во времени. После и сказать бы, вскрикнуть над горами, но это уже совершенно не кстати...

– Пойдем, философ, – прервал размышления клоуна Гоши, – отмывать свои рожи от крови и грязи. Хвала Богу Нашему и благодарение за молитвы святому пророку Моисею, что повидались на месте скрижалей, брат.

Так они спускались тропею одинокого монаха, обходя поток согляда-таев с горы Хорив, где год назад прозрел слепорожденный по молитвам Ильи пророка, которого крошка-малыш никогда не видел.

– Неплохо сходили, – говорил клоун, – какую-никакую, а все ж память привезем: разбитые морды.

– Так, похоже на нас, без малого, триста лет тому назад, возвращался в Александрию из Святой Земли, практически наш сверстник Василий из Бар. Тогда его крепко отмутузили палестинцы, потому как слишком добрым и доверчивым было его лицо, а излишний трепет перед святостью земли, по которой ходил Сам Господь, смутили арабов, полагавших, что дрожит Вася за серебряные гроши, спрятанные в тряпках на дне его мешка. Ободрали его как

липку до нага, а он, знай, только одно талдычил: «Господи, помилуй... Господи помилуй...», – чего арабы не понимали с его языка и потому били крепко, так крепко, что после тело покрылось коркой засохшей крови, и только выбранные места казались неодетыми. Василий всю ночь пролежал на камне пустыни без памяти, а молодые умельцы из Иерихона прослезились, когда в холщевой свитке не обнаружили, кроме двух-трех черных сухарей, под-рясника ветхого и псалтыри, ничего путного, по их разумению. А нас с тобой даже не ограбили и не раздели, и побили не арабы, а наши славянские шалопаи, да и поделом побили. За то, что мы вместо псалмов и молитв ко Пророку о его заступничестве, стали научать их не пить пива на восход солнца. Смешно и глупо. Разве мало стоило Мухаммеду застыть перед крестом Господним, застыв на входе во святую обитель великой мученицы красавицы не-весты Христовой Екатерины, заставив замолчать буйное войско, громившее на своем пути доселе от самой Босры вся и всех христиан, соборы и маленькие часовни, города и веси... Дрогнувший сердцем Мухаммед пал перед си-яющим белым серебром выцветшим духоносным старцем Иеремией и в рыдании возопил: «Отче святой, помолись о моем спасении, не могу более, душа моя и очи захлебываются в кровавом море слез матерей и младенцев, забитых как агнцы моей гордынею...»

Старец погладил ласково его голову и сказал:

– Встань, ибо и я грешник. Только Господь ведает, кто из нас дальше от греха. Остановись, и тебе время пришло.

Мухаммед поднялся, вытянулся перед войском:

– Всё! – крикнул на небо и после долго глядел на застывший многотысячный строй. – Я дарую святой обители свободу на все времена и тысячу моих александрийских рабов-бедуинов, пустынных верблюдов, два стада мулов, чтобы во все века оне трудились и здесь во славу Всевышнего до скончания веков, в чем свидетельствую грамоту на нитрийском золотом пергаменте... – однако после этих слов, он как-то весь охарахорился, но скоро, увидев кроткий младенческий взгляд старца и обильный поток горьких слез на его иссохшем сером от времени лице, растерялся, заерзал...

– Странно, Мухаммед, все это слышать от тебя, – сказал ему тихий старец. – Трудно, верно, по слову Господа, верблюду пройти сквозь игольное ушко. Ты, ведь знаешь, что и я знаю: смерть она всегда рядом, но жизнь вечную наследуют не все. Зачем же ты лукавишь, брат, когда знаешь?

Мухаммед держал паузу. Войско насторожилось. Уж слишком странно вел себя Иеремия перед их всемогущим предводителем, но какая-то доселе невиданная сила понуждала перед простотой и тихостью одинокого пустыни-

ника сгибаться. Все в ту минуту застыло. Даже пчелы и птицы замерли в полете. Сколько продолжалась та минута никто не ведает. Известно лишь, что Мухаммед первым отступил на шаг назад от Иеремии и сказал:

– Все, – отчаянно кротко, – большего я понести не могу.

– Да, – согласился старец, – не велика твоя сила. Напрасно ты прошел столько пути, изнуряя войско, ибо никто не может и не должен переть против рожна, по слову Господа Павлу. Ступай с Богом.

Мухаммед еще на шаг отступил. Поезд без команды разделился на две колонны. Одну составляли бедуины и их семьи. Вторую – сильное войско. Последние ушли навсегда, оставив грамоту и бедуинов, который и теперь служат монастырю.

– К чему все это? – спросил инок клоун Гоша.

Георгий промолчал.

Внизу, у главных ворот обители, вблизи костницы братья отмыли грязь и кровь холодной водой. Никакого расстройства в их чувствах не было. Скорее даже их глаза сияли не земною радостью, но это видели лишь соглядатель, кого они неспешно минули, не завернув в саму обитель. Гоша так еще и юродствовал, подхихикивал. Им навстречу прошли четыре юных красивых смуглых всадника на молодых крепких верблюдах, весело и шумно приветствуя свысока инок. Тот лишь в ответ поклонился низко, чем едва шевельнул удивление в головах наездников. За спинами уже пылали Синайские горы, а впереди, по правую руку волнами стлался по пустыне белый, как снег песок. Над ней довольно низко шел на парусах Ларион. Георгий узнал почтового, приободрился. До скалы золотого подтелка оставалось несколько шагов. Ларион первым достиг края, сел и сторожко уставился на инок, ожидая сигнального свиста. Георгий умело заложил пальцы в рот и трижды просвистел гимн коноарха. Почтовый весело ударил крылами по бокам и тотчас опустил на плечо инок.

Клоун изумился столь неожиданному повороту действия и тоже попытался перефразировать гимн коноарха, но Ларион никак на него не отреагировал и, даже напротив, скатился калачом прямо на ладонь Георгию.

– Ларион, – инок, покачав голубя на руке, представив гостя.

– Клоун Гоша, – игриво протянул в ответ руку птице.

– Не блажи Егор, – строго сказал брату. – Это почтовый от Вани. У него особая миссия.

– Ур-ур-ур-ру-ру-ру..., – прогудел почтовый, что иными человеческими словами значило: «Царице моя Всеблагая, Надеждо моя, Богородице!...» – и далее уже о другом: Ур-уру-ру-ру, – то есть: «Твой день и твоя правда»...

– Я знаю, – согласно кивнул Георгий, – сегодня моя правда и за то хвала нашему Господу.

Голубь нежно тюкнул клювом большую и крепкую ладонь инока и отлетел.

Егор пытался было увидеть, куда и как полетел почтовый, но тот исчез в мгновение ока так, будто его и не было. Обстоятельство столь неожиданно-го появления и исчезновения Лариона весьма подивило клоуна. Он пытался найти тому свое объяснение, однако разобраться быстро не смог. Любопытство раздирало его. Он взглянул на Георгия, чтобы спросить, как увидел перед собою вместо лица сияние солнца... Понятно, каков ужас объял Егора. Он даже зашатался и, хватаясь за жар пустынного зноя, едва устоял на ногах...

– Что все это значит? – вскрикнул в сторону инока.

– Помнишь, брат, – с обыкновенной ровностью голоса говорил ему Георгий, – когда я уезжал на Синай, на вопрос: зачем меня туда послали? – ответил: «Умирать», – все закричали, чтобы я не говорил глупостей, и лишь старый причетник Евсей сказал: «Будешь бит...» – «Буду, и крепко буду», – отрапортовал ему вслед.

– Ну и что?

– Ничего, Гоша. Прости за все. Голубь прилетел и я умираю.

Сказал последнее: «Господи, прости», – кланяясь, опустился на песок, затем неспешно лег, вытянулся вдоль белой пустынной простыни лицом к небу, перекрестился, сложил крестом на груди огромные трудовые руки и испустил дух.

* * *

... в аэропорт Каира рыдающего клоуна Гошу провожала толпа благодарных зрителей, которая не знала причины его слез и видела в том лишь новую репризу, и только один вышедший на встречу брату инока архиерей из Александрии, благословляя на дорогу, обнял ласково, чуть-чуть приоткрыл Егору совершенно непонятную тайну:

– Не скорби, – вздыхая, – он за послушание умер, чтобы ты жил.

ЗИМНЕЕ УТРО В ТЕЛЬ-КАУКАБЕ

В деревне Тель-Каукаб, куда стекаются все хрустальные воды горных рек, где преизобилуют фруктовые сады, виноградники и оливковые рощи, – это вблизи от Дамаска, если идти по дороге из Рима в столицу Сирии, – Русская Православная церковь построила на холме, на месте озарения Савла, в тепер уже далекие шестидесятые годы прошлого века храм. Справа от него

в 2005 году русский скульптор Александр Рукавишников поставил памятник святому первоверховному апостолу Павлу. Нынешней зимой свершилось прежде небывалое: как гром среди ясного неба – выпал снег...

...Георгий с ужасом смотрел на белого Павла. Еще никогда в жизни он не видел такого чуда. Тело его дрожало мелкой дрожью, слёзы ручьем лились по щекам. Он не понимал, что случилось, но ему было холодно и страшно. Георгий повторял раз за разом:

– Павел... Павел..., – срывался на истерику и рыдал, а после снова говорил: Павел... Павел..., – и истерика накатывалась новым приливом...

Так повторялось достаточно долго. Георгий проваливался в забытие. Очнувшись, он видел, что белые хлопья непрерывно сыплются и белый покров над землей поднимается выше и выше, и уже почти сравнялся с окнами. Белый Павел, по-прежнему молча, строго смотрел прямо ему в лицо. Таким он не видел его еще никогда. Казалось, что еще немного, и Павел в гневе своем шагнет прямо к кибитке и разметает по белому покрову её белые камни.

– Павел... Павел..., – вскрикнул Георгий, – виновен, верь мне, виновен, но не губи сторожку. Хозяин взял меня на работу, и я обещал ему, что буду честно служить, без обмана... Так вышло, видит Бог, я не мог отказать бедному бедуину и пустил его на ночлег в церковь...

Но Павел как бы не слышал. Глаза его широко разверзлись, и он продолжал с беспощадностью смотреть прямо внутрь сердца Георгия, обжигая своею холодною строгостью тело сторожа. Георгий уже не дрожал мелкой дрожью. Сторожа натурально трясло и колотило... Верхние зубы едва попадали на нижние. Пальцы рук скрючились от боли... В эти минуты Георгий чувствовал, что смерть, белая смерть сейчас настигнет его и он умрет, оставив закрытого в церкви бедуина...

– Павел... Павел... – из последних сил взмолился Георгий, – я виновен, но бедуин не повинен. Пусть Господь, по твоим святым молитвам, позволит мне его выпустить из храма...

И вдруг белый Павел как бы вскинул назад голову. Белая пышная грива сползла на плечи. Глаза его засияли в свете пробившегося из-под серых облаков солнца. Какая-то, никогда не знаемая теплота пробежала по сосудам. Из глубины белого сада послышался истошный вопль котенка. Георгий спешно обулся в брезентовые кеды и выбежал во двор.

Собственно, дальше порога он, конечно же, не побежал, а просто провалился в белые покрыва зимы, которых не знал прежде, перед рядами олив, превратившихся в белые стога. Группа сизарей слетела с креста купола церкви и прошла над ним два раза круг за кругом, но он их уже не заметил. Понятно,

что это был второй удар в его сердца. До смерти оставалось меньше шага. Мысленно он смирился со своей участью и уже перемахнул через ступень из мира времени в вечность, а душа Георгия примирилась с приговором Суда...

Но, опять таки, в последнюю секунду, когда он уже лежал, распластавшись на белой холодной и волглой простыне зимы, серая старая кошка с криком выскользнула из-под него. Её дикий визг возмущения смутил тихого Георгия, и он в отчаянье вскочил на ноги...

Все само собою прояснилось: настала зима. Выпал первый снег в пустыне, который раньше Георгий видел только в кино и во сне. Он пошел уверенною походкою по мягкой белой ровной дорожке. По пути вытащил из сугроба истошно визжащего мокрого котенка и спрятал его под свитер. Прежде, чем перекреститься и открыть замок на двери церкви, оглянулся на Павла. Бронзовое доброе лицо апостола светилось счастливою улыбкою. Георгий осенил себя крестом, с некоей растерянностью перемены голосом причетника сказал:

– Алилуя, алилуя, алилуя, – и тоже возрадовался, и пропел далее: – Слава тебе Боже! Господи помилуй. Господи помилуй. Господи помилуй...

Открыл двери храма и позвал бедуина:

– Скорее выходи, старик, и поспеши домой, к нам зима пришла.

Озябший бедуин, кутаясь в арафатку, морщась от непривычной белизны света, вышел на порог и тоже, надо полагать, оторопел.

– Господи, – вскрикнул постоялец на Павла, – за что нам сие?

– Он не виновен, – ответил весело ему Георгий за бронзового апостола, – всё от Господа, – и повел головою на небо. – Ты поспешай домой, дорогой. Зима к нам пришла незвано. Родные твои, небось, заждались и волнуются... Поторапливайся, пока совсем не утопла в снегах долина...

Поверженный белизною света, бедуин даже не взглянул на своего благодетеля и не сказал ему ни слова. Потупив долу глаза, он минул ворота ограды и растворился в снегах. Радостный незаемно сторож, придерживая левой рукою край грубой шерсти свитера, из-под которого в полудреме счастливо мурлыкал белый котенок, пошел к Павлу. Правой рукой Георгий разгреб снег на приступках постамента, присел на край, погладил рукою холодную бронзовую порфиру апостола, прижался щекою и снова, как на рассвете, запричитал:

– Павел... Павел..., – и заплакал, но теперь уже с благодарным трепетом.

КРАСНОЕ МОРЕ

...тихо денно и ночью. Заходит солнце, всходит луна. Засыпают и просыпаются люди: маленькие и большенькие. Гудят провода и плачут ракиты. Кричат пароходы и свистят поезда. – Но вокруг тишина, что, понятно, тревожит напряжение слуха и кое-кто из ретивых выбивается вперед миллиона людей и отчаянно вопит: «Застой жизни... Затхлость природы... (и все такое пр.)», – и часто машет кулаком революции и жаждет множества мести над повинными в тишости движения матери. Миллион людей легко кидается за ним и делает продолжительную овацию, поет громкие гимны, стучит каблуками по большакам.

Всему миллиону людей хочется враз новой красивой жизни, хотя он еще и не знает противности прежней и, конечно, не способен чувствовать наперед будущность луча.

Крикливый застрельщик входит в раж. Он вопит нескончаемым потоком, отрываясь в ряды кровью. Миллион людей верит его труду и не видит в порыве восторга, чья на него брызжит кровь. Миллион людей торжествует много и крепко. Миллион людей революционный держит шаг. Миллион людей рвется вперед, но с каждым шагом своим он оказывается все дальше от передовой, но не видит этого, потому как перед ним непрестанно торчит изрыгающий реки крови оратор-передовик.

Река глубится и ширится. Кое-кто из миллиона народа вязнет в ее берегах и топнет. Река прибывает себе, округляется. Миллион народа перестает быть силою. Крикун кричит-рыгается. Земля миллиона народа превращается в остров. Миллион народа мельчает на тысячи, сотни, десятки, единицы...

Крикун кричит правое светлое дело. Река сливается в море. Никто не помнит миллиона народа.

...над Красным морем тихо денно и ночью.

*Юрий Лоциц
г. Москва, Россия*

О РОССИИ И РУССКОМ НАРОДЕ

«Лень-матушка, тепло в твоей утробе.
Пущу слюну, калачиком свернусь.
Отсюда слыхом не слыхать о злобе
дня или ночи, поглотивших Русь.
У нас блажен зевака беззаботный.
Что ему подвиг или ратный труд?
Пока звучит зевок его вольготный
враги друг другу глотки прогрызут.
Пока он спит, о матери вздыхая,
копя силёнки на соседний век,
не станет ни мамая ни шахрая,
и всю беду завалит вечный снег».

О БОГЕ

«Как может камень породить?
Как золоту из золота разлиться?
Что может на земле вода творить?
Она лежит, бездумная,
или, безумная,
с горы стремится.
Но Он – творит; из камня, из воды.
Он все составы до песчинки взвесил,
наклеил чешую и плавники подвесил.
Ползут двустворки, скользки и тверды,
На известковом слажены замесе».

ПРИБЫТИЕ

Из толщи скрипучей тоннеля,
бока, что ль, свои ободрав,
замедленно, еле-еле,
на свет выникает состав.
В пронзительном терпком створе
слепящего известняка
я вижу ещё не море,
а синий клинок пока.

Мне ль ждать миражей и обмана?
Я здесь не к параду гость.
Пещерных глазниц Инкермана
смертную вижу кость.
В окно всплывает, серчая,
пустопорожний док.
Ещё я не вижу чаек, –
лишь неба пылающий клочок.
Вопрос портового крана
в причальные рельсы врос.
В трюма открытую рану
не опускают трос.
Но я о беде твоей, город,
на стогнах не стану вопить,
затем, что ты светел, молод,
ты так порываешься жить.
Буксир ползёт по затону
пустому, где реял флот.
Спасибо вам, что к перрону
никто встречать не придёт.

ТОЛСТОЙ НА БАСТИОНЕ

На бастионе новичку неловко.
Поддельна тут ухмылка на губах.
Ещё не началась артподготовка,
но и бывалых забирает страх.
В тумане знобком выглядят зловеще
ствол и лафет, шинели воротник.
Что мельтешить, какой тебе обещан
день или час, иль этот самый миг?
Под сапогом – расквашенная глина.
Убитых грузят. Ядра волокут.
Чуть проступает ихняя долина.
Но не зевай... Враз козырёк снесут.
Когда же будет на него управа?
Ишь, перемирья запросил на час.
Нору сапёр-французик роет браво –
заводит мину, шерами, под нас.
Их из-за моря понаплыла тьмища:
сэр и мусье, и турка, и арап.

Да наши по ночам в разведку рыщут –
Европе забивают в дуло кляп.
Но вот беда! Блиндаж в четыре ската
не выдержал... Полно прорех и дыр...
Ну, подождите, brave ребята,
я покажу вам и войну и мир.

* * *

Севастопольские антиквары,
археологи, нумизматы,
как пещерные люди, стары,
а иные, как я, бородаты.
Соблюдают свою заботу.
Как цари, снисходительно-зорки,
соберутся опять в субботу
за Петром и Павлом, на взгорке.
И тряхнут из мешков забавой
в память всех, кому к нам неймётся:
штык покажут фашистский ржавый,
кортик аглицкого флотоводца.
Ишь, глаза разбегутся сами!
Как на пуговицы не подивиться
эти кругленькие, с номерами
полков ли французских, дивизий?
А турецкие бурые фески?
А щербатый тесак зуава?
Хороша ты, в хламе и блеске,
Экспедиции трубная слава.
Тут отметились все понемножку.
И монголы мелькнули, и готы.
И бренчит мамалыжная ложка
в котелке румынской пехоты.
Но советских времён гранаты
как с иголочки, вижу, одеты...
Чу!.. зовут к себе нумизматы.
В их тетрадках тяжких – монеты.
– Вам динарий римский, старинный?
Он – в особой цене и весе.
Но за бухтой у нас Карантинной
свой монетный двор в Херсонесе.
Потому византийцев – обилье.

Потому-то с небрежной лаской
Македонца деньгу Василья-
базилевса тут кличут «Васькой».
Глянь, Михайло Третий, медяшка.
Его Васька спровадил с трона.
Хоть Михайло и пил, бедняжка,
порешили его беззаконно.
Все монеты по-своему дивны.
Но от гривней новейших отрыжка.
Вот, зато, настоящие гривны –
новгородское серебришко.
Не раззявы тут, не идиоты.
Разумения наши крепки,
и в обмен не берём банкноты
заслюнявленного мазепки.
Да, разгулка у нас неплохая.
Не одни лишь купюры-монеты.
Хошь, шальвары Бахчисарая,
хошь, Мицкевича сыщем сонеты.
– Хорошо у вас на досуге
побродить. Память держите в силе.
Ну, а, может, что слышали, други,
о Философе, о Кирилле?
– Навестил нас и он в годы стары.
На епископском жил подворье
и отсель отлучался в Хазары.
Но о том – распытай у моря...
Впрочем... Тут старикан приходит
раз в году, напогрев, в апреле.
Книгу держит, евангеля вроде.
Буквы в ней разберёшь еле-еле.
«Эту самую книгу, – кажет, –
русским слогом в ту пору сложили,
чтоб Философа ею уважить,
чтоб дерзанье возжечь в Кирилле...
Он и взял те знаки – аз-бўки,
и кириллицей их назвали.
А без этой подсказки – дудки! –
сам придумал бы их едва ли...»
Так – не так? Приезжай ближе к маю.
Может, дедку того и встретишь.

Ну, а где он ютится, не знаю,
только книга – совсем уже ветошь...

АДМИРАЛЬСКИЙ СОВЕТ

Все сроки вышли – дней, часов, минут.
Три адмирала терпеливо ждут
на свой совет коснеющего брата.
До Графской пристани от Северной волна
доставит чёлн четвёртого. Молчат
сопровождающие адъютанты.
Горячий полдень онемел над бухтой.
Прощай, волна. Теперь – недалеко:
на городском холме, где, знает сам он,
назначен их торжественный совет.

Что рассуждать о долге, славе, чести?
Краеугольные четыре – вместе.
Летят четыре лёгкие корвета
в четыре стороны земного света.
Четыре ветра веют без обмана
в четыре поднебесных океана.
В четыре компас указывает шири.
Евангелий у Бога сколь? – Четыре!

У синего креста на белом поле
про нас четыре суть угла, не боле.
Возляжем же крестом на ложе склепа,
плечом к плечу. Надёжна смерти скрепа.
Ты, Лазарев! Корнилов, ты! Истомин!
И ты, Нахимов!.. Общий срок исполнен.
Мы дождались друг друга. Снова вместе.
К чему ж слова о долге, славе, чести?

Над Севастополем, как прежде, канонада.
От запада ещё одна армада
вспухает тучей. Всё-то им неймётся.
Ползут. Наглеют. Щурят хищный глаз.
Но свой совет четыре флотоводца
с тех пор не прерывают ни на час.

КАРАНТИННАЯ БУХТА

*Ты помнишь, в нашей бухте сонной
Спала зелёная вода,
Когда кильватерной колонной
Вошли военные суда.
Четыре серых...
Александр Блок*

Сколько раз от вокзала спешил напрямик
прочитать твои камни, как остовы книг.
Сколько раз к этой бухте от серых руин
я спускался, счастливый, как в день именин.
Здравствуй, шёпот зелёной хрупкой волны.
Херсонес, мне твои позывные родны.
...Серый «сторож» застыл. Дизель чуть дребезжит.
Но на палубе пусто. Вода – малахит.
В очертанье надстроек – дерзость, напор.
Отдых дали команде... Ночью – в дозор.
Чей он? Наш ли, чужой? Ну, а сам-то ты чей?
Я? – Москаль белорусско-хохлацких кровей.
«Чей он?» Глуп, сознаюсь, и постыден вопрос!
Но уже, как бурьян, между нами пророс.
А Владимир? Он чей, что стоит за спиной?
Белоплеч и высок, шлем горит золотой.
Чья крещальня вблизи от его алтарей?
Слог священных молений, скажите мне, чей?
Не Солунские ль братья в сей город вошли,
чтоб согласие расслышать славянской земли?
Киев, Ладога, Полоцк, Тамань... – они чьи?
Ярославны и Игоря чьи соловьи?
Что мы делим, безумцы? Иудина злость
подстрекает дробить наших праотцев кость.
Душу, море и сушу как в ступе толчём,
чтоб тащить на торги: «Что по чём? Что по чём?»
Визг раздорный в семье – он чумнее чумы.
На́ смех свету всему разбежимся ли мы?
Безъязыкие рты и безглазые лбы –
вы, кто общей отрёкся земли и судьбы.
Есть народ. Он на два иль на три неделим.
Есть Господь. Он и в трёх ипостасях един.

...Склянки бьют. Херсонес. Дизель вслух задрожал.
«Сторож» к ночи покинет дремотный причал.
Пусть он держит рубеж от беды и пропаж.
Чей он? *Наи!*

5.01.10

* * *

Рай потерян не весь.
В утешенье оставлена
в тесте глиняном весть
на макушке проталины.

Силы истощены?
Но вы снова приветите
нас,
веснушки весны,
жёлтые первоцветики.

Вот и пробует лёт
из-под снега лимонница –
золотой мотылёк,
рая вещею модница.

Не забыл он про нас.
От своих не отступится.
Пусть на полдень, на час,
на минуту,
но сбудется.

Никуда не спешу.
Чую сердцем заранее
в травной ветоши шум –
Божье дыхание.

2008

* * *

О том, что не сбылось, не произошло,
не случилось меж нами на свете,
однажды мы будем томиться светло,
слезами давиться, как дети.
Зачем же, скажи, будто жизни назло,

какая-то жёсткая сила
велит, чтоб не сбылось, не произошло,
чтоб сердце впустую изныло?

2008

ПТАХ

Валерию Ганичеву

В тени теней, в зелёных омутах
златых птенцов высиживает птах.

Но коль тебе не надоела жизнь,
в тени теней найти гнездо не тщишь.

Златых птенцов не выдаст птах-отец.
Узришь его и тотчас ты – мертвец.

Затем, что он в словах невыразим:
то ль Сирин-Алконост, то ль Серафим?

В тени теней, в зелёных омутах
ходи вприжмур, с затычками в ушах.

Затем, что свист его невыносим
для всех, кто петь затеял рядом с ним.

В миру льстецов, лжецов и прощелыг
не дай вам Бог услышать этот зык

или узреть алмазный этот зрак
в миру бельмастых и кривых зевак.

Глазок сверлящий в прах испепелит.
А свистнет птах – язык твой пригвоздит.

Вот почему шататься зря не смей
в зелёных омутах, в тени теней.

2008

*Александр Кердан
г. Екатеринбург, Россия*

ПОКАЯНИЕ

*Судьба от Бога дана поэту...
А.Н. Мауров*

Раньше думал, что всё смогу...
А в итоге – на берегу
Словно мальчик играю щепкой
И бросаю её в океан –
Старичок в полинявшей кепке,
Не Колумб и не Магеллан...
А какие амбиции были!
Верил: этот простор осилю –
Ещё времени дополна...
Волны щепку-судьбу подхватили
И под ноги швырнули мне:
– На!

* * *

Ответы ищешь на вопросы,
Поэзию разбавив прозой...
Так, зрелость терпкое вино
Водой студёной разбавляет.
Уж сердце не пьянит оно,
Хоть вкусом и напоминает
Весны обманчивый нектар...

Но поутих в душе пожар.
Живёшь, одну мечту любя,
Чтобы не трогали тебя,
Чтоб мог ты свой цедить напиток,
Кропать роман, не зная пыток
Тщеславия или стыда,
Не ведая – конец, когда...

* * *

Печаль, которой дышит полночь,
Луны свечением полна.

– Я ничего уже не помню, –
Мне глухо шепчет тишина.

И я забыть готов о многом,
Что было много лет назад,
Но эта старая дорога,
Но этот задремавший сад,
В котором призрачные тени
Колышет новая весна...

Луны серебряной свеченье,
И ночь – как будто наважденье
Из давней юности – без сна...

* * *

Пришли, сплетясь руками,
К ручью, что под скалой.
Вода шлифует камень,
Бег умирив свой.

Повенчаны судьбою,
Они не могут врозь...
Вот так и нам с тобою,
Быть вместе довелось.

...Мне кажется всё чаще,
Что это я и ты –
Тот ручеек звенящий,
И камень у воды.

Счастливая свобода
Дана тебе и мне –
Не изменять природе
И с ней наедине.

* * *

Как глуп юнец, мечтающий о страсти,
Как он в своих стремлениях смешон –
Познать любовь, быть у любви во власти...
Но он мудрей того, кто не влюблён.

Я верил сам любви, как будто чуду
Наивному, как юности рассвет...
Жаль, что глупей себя уже не буду,
И стать мудрей – таланта тоже нет,

Чтоб заново пройти дорогой этой:
Терзаться, восхищаться, трепетать,
И девушке, единственной на свете,
Пообещать – Луну с небес достать...

* * *

От безделья вылечит только труд,
От любви спасение – лишь любовь.
Годы и невзгоды перетрут
Радости и муки в пот и кровь.

Перетрут признания в тишину,
Тишину – в молчание – на века...
Почему же долго так не засну
Над страницей белою черновика?

Почему опять я гляжу во тьму,
Словно в ней, единственной, скрыт свет?..
Как ни бьюсь над тайною, не пойму,
Где разгадка кроется, в чём секрет.

Почему наш мир обустроен так:
Он – правдив, но, кажется, чаще – лжив...
Я не сплю и мучаюсь. Вот, чудак!
Но, ведь если мучаюсь, значит, – жив.

* * *

Ты ищешь денег, славы, власти,
Живёшь в тревогах и борьбе...
Но вот, когда остыли страсти,
Вдруг открывается тебе,
Что смысл всего – любовь и вера,
Что жизнь кончается не тут,
Что у неё одна лишь мера –
Души твоей смиренный труд.

ВОЛЯ

Могу не больше и не меньше,
А только то, что я могу...
Уже не рву цветов для женщин
И самому себе не лгу.

Уже слагаю реже строки,
Уже не жгу черновики...
Всему свой час, но кратки сроки
И у любви, и у строки.

Не потому ль так сокровенны
Мгновенья, что остались мне,
Чтоб научился я смиренно
Внимать небесной тишине.

Чтоб видеть малое во многом,
Не сердцем, а душой любить,
И, уповая лишь на Бога,
О воле собственной забыть...

НЕОБЪЯСНИМОЕ

Что истина? Спросите у Платона,
У Гегеля, у Канта, наконец...
Но жизнь мудрее логики законов,
Она проста, как прост её Творец.

Попытка дать определение Богу,
Как ни старайся, заведёт в тупик...
Пусть манит вдаль познания дорога,
Никто финальной точки не достиг.

2012

* * *

«Смерть – это кукла...»

Н. Ягодинцева

Смерть – это камень, холод, монолит.
Вокруг болит, а в камне не болит.

Ему равно, что сверху – дождь иль снег,
Какой сегодня день, какой сегодня век.
Он всемогущ, он отстранён от всех,
Пред ним ничто, и слава, и успех.
Так, что ж, поэт, ты мечешься, как тать,
Мечтая поскорее камнем стать?

2012

* * *

Мне часто снится: я опять в раю –
Ещё незамутнённый, пятилетний.
И мама гладит голову мою,
Как гладит ветер лепестки соцветий,
И тихо песню светлую поёт,
Похожая на сказочную птицу...
И верю я, что мама не умрёт,
И забываю, что мне это снится.

2012

* * *

Гомер ослеп не сразу, а потом...
А что вначале было – неизвестно.
На мир ли он взирал с открытым ртом,
И сердцу от восторга было тесно,
Иль не глядел на мир, предвидя мрак,
При этом зная, как земля прекрасна...
Но говорить о красоте – опасно.
Так испокон, да и поныне так.

Цена словам певца – судьба его:
Невидящие очи и забвение...
Но бесконечно жизни торжество
И нечего просить о снисхождении –
Сумеет вечность слово сохранить,
Как знак того, что не всесильно тленье,
И свет в душе, рождённый вдохновеньем,
Тьма никогда не сможет отменить!

2012

Ирина Полякова (Глебова)
г. Харьков, Украина

ПОЛЕ БИТВЫ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЭМА

Вступление

В Дону осенняя вода,
И лист осенний –
Клочок озябшего куста, –
Несёт течение.
И кони берегом идут,
Копыта в росах,
И ледяную воду пьют,
И смотрят косо,
Губами трогают цветы,
Ложатся в травы...
Бурлив и лёгок бег воды
У переправы.
А утро, как холодный плащ,
Сырой до дрожи.
А тихий храп, как тихий плач,
Меня тревожит.
Ложится на реку туман,
На берег дальний...
Мне день сентябрьский этот дан
И крик прощальный
Из-за тяжёлых облаков
Извечным стоном,
И две реки вдоль островков –
Непрядва с Доном.
Вот почему испуга крик
Мне губ не тронет,
Когда заржут в единый миг
В тумане кони,
И силуэты поплывут
Над водной гладью,
И выйдет на берег табун
Железной ратью.

I

Может быть, каждый год –
Шесть веков, шесть столетий подряд
Повторяется то,
Сбережённое памятью утро.
Так же бледен восход,
Так же тучи свинцово стоят,
И в тумане, далёко,
Шеломы чернеют как будто.
Я-то знаю, что это видны купола
Той отстроенной церкви,
На взгорье стоящей...
Только кони в тумане плывут
И вырастают в их крупы тела
Рослых всадников в шлемах блестящих.
И пока ещё бледен рассвет,
И белесо-густа пелена,
И пока на далёком, на Красном холме
Враг спокоен,
Куликово поле, безвестное в те времена,
Обрастает мечами и копьями –
Каждый здесь воин.

Здесь не станут костры разжигать,
Чтоб не выдать себя,
Да и незачем: близок час смертного боя.
...Перевиты верёвками руки малых ребят,
Угоняемых в степь за пылящей арбою.
Их отцы, стекленея глазами,
Глядят им вослед,
И пойдёт вороньё облетать пепелище.
Появляясь в дыму,
Исчезая во мгле,
Низкорослые всадники
Волками рыщут.
Лица их – словно отсветы
Смрадных костров,
Голоса – как удары свистящих нагаек...
Как же страшен был враг,
Если столько веков
«Злым татаринном» неслухов юных пугают!

Страх над Русью витал,
 Но кровавый посев
 Прорастал по могилам
 Полынью горчайшей.
 Время грянуло – страх обратился во гнев,
 В закипающий стон
 Колоколен гудящих.

Близок час и желанен сражений святых,
 И я вижу, как Дмитрий поводи́я тревожит...
 И сегодня хватает таких молодых и «крутых»...
 Нет, у Дмитрия брови покруче да губы потвёрже.
 Да и что говорить: нам хватает забот,
 Но они давят плечи, а сердце не сушат.
 Он же – князь в девять лет, –
 Знает, что его ждёт:
 Он пред ханом преклонит колени,
 Не выдаст лишь душу.
 И потом, меч сжимая
 Ещё неокрепшей рукой,
 Он пойдёт на упрямых князей
 В лихорадочной спешке.
 Суздаль, Новгород, Тверь...
 Он забудет покой,
 Помня только надменного хана усмешку!
 Покорить... Помириться... Присоединить...
 Вновь и вновь повторится история эта.
 Быть России единой,
 Могучею быть!
 Но успеть бы, побольше успеть
 До того рокового рассвета...

Он успеет. В тумане пока не видны,
 Но в решающий час
 Затрепещут знамёна:
 Сколько верных князей
 Из огромной страны
 Вместе с ним победят
 Иль полягут со стоном.
 Сам он снимет доспехи,
 В кольчуге простой

К ополченцам в ряды
Станет – равный средь равных.
Примет первый удар,
И живою водой
На воскресшую землю
Кровь прольётся из раны.

II

Солнце в тучах блеснёт,
Поредет туман.
И всё ближе час смертного боя
С ордою кровавой.
Молчалив и задумчив
Русских воинов стан.
Как земля холодна,
И как ласковы травы!

От тёмных кряжистых лесов,
От рек студёных,
От журавлиных голосов
Из высей сонных
Ложились чёткие мазки
На эти лица:
Глаза их были глубоки,
Густы ресницы.
На скулах жёстких пролегли
Резьбой калёной
Боль и печали их земли –
Родной, пленённой.
Потом, когда в полдневный час
Пред этой ратью
Коня осадит Дмитрий-князь,
Воскликнет: «Братья!
Добудем славы, кровь прольём
За землю нашу!»
Как полыхнут глаза огнём:
«Готовы, княже!»

Огонь... Под солнцем и луной
Земля не вянет,
Далёкий свет звезды живой

Нам душу ранит.
Костёр, разложенный в ночи,
Нам даст согреться...
Но как неистово стучит
Нам пламень в сердце,
Когда накатывает вновь
Пора глухая.
Тогда огонь вольётся в кровь,
В глаза, в дыхание.
Когда, от лютых злыдней лют,
Пылая мезтью,
Срывался безоружный люд
Крушить поместья,
Когда октябрьские дожди
Сменили лето,
И в первый бой бойцы пошли
За власть Советов, –
Огонь сердца людские жёг,
Святой и страшный.
В дни испытаний и тревог
Он – совесть наша.

У домов окраинных
Лёг окопный шов.
А в деревню утром
Офицер пришёл,
С ним солдат, и оба
Строго хмурят лбы.
Жители собрались
У большой избы.
По шинели накрест
Пыльные ремни...
Офицер откашлялся,
Словно вдруг охрип.
«Женщины, – сказал он,
– Что долго говорить:
Нынче вам отсюда
Нужно уходить.
Будет бой серьёзный,
Нам держать его».
Не прибавил парень

Больше ничего.
Не сказал, что знает,
Как близка их смерть,
Не сказал, что танки
Будут здесь гореть,
Будут гимнастёрки
Кровью тяжелеть,
Чтобы вражью силу
Не минула смерть.
Что судьба остаться
Здесь им навсегда –
Братская могила,
Красная звезда.
Лишь у губ печальная
Пробежала нить...
Женщины молчали,
Что им говорить!
Над толпою словно
Дунул ветерок
И поплыл безмолвный
Долгий вопль: «Сынок!..»
И ушли, сурово
Унося в сердцах
Тот огонь, который
Выжигает страх.

И мы, потомки тех людей
Непостижимых,
Родились в отблесках огней
Их вечной жизни.
Светло нам в мире и тепло,
Огонь горит ведь!..
Как ярко солнце, что взошло
Над Полем Битвы!
То счастье нам судьба даёт
Понять однажды:
Как крепко память в нас живёт –
В кровинке каждой!

Не просто на земле живём,
И не простое это дело,

Какие песни изберём,
Какие изберём пределы
Своим желаньям и делам,
Кого друзьями звать мы станем,
Какие сны приснятся нам,
Когда на краткий миг устанем.
Наступит день в который раз,
И будет в нём всё так обычно.
Но станет кто-либо из нас
Тревожно слушать звук привычный
Своих шагов и слов своих,
В потоке шумном незаметных,
И думать: каждый шаг – отметка
На судьбах будущих живых?..

III

Вот свежим ветром увело
Туманный свиток.
Как ярко солнце, что взошло
Над Полем Битвы!
Лугов открылась глубина,
Лес синеватый.
Затрепетали знамена,
Сверкнули латы.
Меж вражьем станом и страной,
Застывшей немо,
Поднялся русский люд стеной
Сердец и шлемов.
Стояли строгие ряды,
Дыша могуче.
Навстречу тяжкий дух орды
Шёл чёрной тучей.
Что видит юный, но такой
Суровый латник
За пылью, конскою слюной
И воплем-лаем?
И почему в его глазах
Костры пылают,
До боли белая рука
Так меч сжимает?

...Город ждал нападения волчьей орды –
Как жестоки набеги татар, кто не знает!
И всю ночь под луной золотели кресты,
И гудели набаты, всю ночь не смолкая.
Утром все горожане – до малых ребят,
Поспешили на стены. Сквозь раннюю стужу
Увидали, как дальние сёла горят,
И пылающий круг тот сжимается ту же.
А потом, словно призраки, –
Верь иль не верь, –
Полуголые женщины, дети босые
Шли, и плача тащили охапки ветвей,
И тяжёлые плети кожу с плеч им сносили.
Полыхнула Рязань, но с пылающих стен
На метущихся всадников сыпались стрелы,
И рубились с плеча – смерть отрадней, чем плен!
И земля раскалённая кровью кипела.
Пять продымленных, горьких, неистовых дней
В середине костра, среди зимы угорая,
Бились люди. Здесь не было больше детей,
Каждый воином был, сыном этого края...

А визжащая туча ордынцев близка,
И грохочут копытами злые их кони.
Жёлтозубый оскал на лице степняка
Вдруг увидит за миг до удара Софоний.
Он не вспомнит, как среди головешек лежал,
Кровь текла, а рубаха дымилась и тлела,
И над ним промелькнул тот же волчий оскал,
И тяжёлая плеть на скаку просвистела.
Как его, малыша, тёмной ночью унёс
Из сгоревшей Рязани старик незнакомый,
Чтобы выжил он, чтобы мужал он и рос,
Чтобы стал он на поле на Куликовом!
В миг, когда его очи чёрной кровью зажглись,
Меч стал лёгок, а сердце забилося люто,
Вспомнил он, как пылали деревни, и шли
По морозу босые и голые люди.

Сколько раз ещё будут
Деревни гореть,

Сколько раз ещё будет
Безлюдеть Россия.
Будет ветер в полях одичалых гудеть,
Догнивать под дождями
Избы пустые.
И средь этих несчётных
Нашествий и войн
Всем, пришедшим на землю чужую,
Хотелось
Истерзать, истоптать
Всею силою злой
Непокорной России
И душу и тело!

Говорил один мой
Человек знакомый,
Прихлёбывая кофе,
Причмокивая сладко:
«По каким критериям,
По каким законам
Мы судить берёмся немецкие порядки?
Говорим: фашисты – это звери,
Они насиловали, убивали... Слушай!
А я от очевидцев знаю достоверно:
Были эти люди
Строги, но добродушны.
Три дня на разграбленье
Город отдавался –
Но это же издревний
Закон оккупаций!
Держались офицеры
По-рыцарски галантно,
Солдаты шоколадки
Давали всем бесплатно.
Да, нашей пропагандой
Факты искажались!
Порядок есть порядок –
Они его держались...»

Даже если не трогать
Двадцать миллионов загубленных,

Из которых – не один миллион
Беззащитных людей оккупации,
Даже если забыть на минуту
Крематориев дымные трубы,
И облавы, и пытки
С гестаповской грацией,
Помнить только порядок –
Их порядок, захватчиков:
Всё равно чем – нагайкой ль ордынской
Так, чтоб хрустнул хребет – на колени!
Или фашистским прикладом захватанным,
Чтобы выплюнуть зубы и кровь – на колени!
Чтобы знал своё место
Раб у стремени грозного барса!
Чтобы был бессловесным
Славянин – человек низшей расы!

Но звали грозные слова
На смертный бой
Со вражьей силою, с кровавою
Ордой.
И нашим стареньким отцам
До смертных дней
Ладонью сдерживать сердца,
Бледнеть,
Когда подступит болью вновь
К седым вискам:
Руины чёрных городов,
И трупный смрад,
Качающиеся тела
Босых ребят
На главной площади села
Висят...
Нам не дано беспечно жить,
Нам дан завет:
«Храните ненависть
И боли свет».

Любовь, она
Как жизнь и свет.
А ненависть – не просто, нет.

Гроза ревёт, но был же зной,
Был день с дыханием горячим.
Есть ненависть, а это значит
Есть корни у неё – любовь.
Горят и корчатся в кострах
И остаются пеплом книги,
Из сотен глоток рвутся крики,
Где слово «смерть» во всех словах.
Какие чувства сердце жгут,
Когда весенним днём парадным
Идут далёких лет солдаты
И внуков за руки ведут!
Бездумно и спокойно жить
В такой тревожный час – не выйдет!
А коль умеешь ненавидеть,
То сможешь преданно любить.

Эпилог

Любовь... Какими словами
Мне рассказать о ней?
Небо за облаками
Скоро станет светлей.
Солнце взойдёт, но медленно
Будет таять луна,
Будет сыро и ветрено,
Вновь я буду одна.
Тихо и монотонно
Будет река журчать,
А впереди раздольное
Поле будет лежать.
В жёлтых цветах прощальных
Новый займётся день,
Нежностью и печалью
В сердце вольётся мне.
Нежностью той повиты
Подвиги давних лет.
Отблеск далёкой битвы
В новый вольётся рассвет.

Спит память предков. Пробуждаться
В неведомый дано ей час...

Глаза Софония Рязанца
Глядят сквозь кровь, тревожа нас.
И голос, болью утомлённый,
Вещает непростую быль,
Как небо изнывало стоном,
В дожде багряном мок ковыль.
Три страшных дня, три страшных ночи
Бурливым Доном кровь текла,
Как воины живые молча
Свозили мёртвые тела.
По городам Руси и весям
Как молния летел гонец:
«Разбит Мамай!» – взвивалось песней,
Рвалось криком из сердец.
Колоколов церковных звонче
Победу славил молва...
А воины живые молча
Свозили мёртвые тела.

Страна моя, в истории твоей
Из века в век не перечесть полей,
В которых не дожди питали влагой
Упругие и жаркие хлеба,
А тех полей, где славой и отвагой
Сынов твоих взошла жизнь и ушла.
Травую поросли полей изломы,
Но словно долг, земля воротит вдруг
Груз этот тяжкий: каски и шеломы,
Гранаты и обрывки от кольчуг.
На Поле Битвы,
Кровью напоённом,
Там, где железо царствовало всласть,
Нам ветер воли развернул знамёна –
Любовь святая наша родилась!

*Анатолий Мирошниченко
г. Харьков, Украина*

СВОЕЙ СУДЬБОЙ СОЕДИНИТЬ... **(Хронология событий)**

Ничто в нашей жизни не происходит беспричинно. Поначалу произошедшее событие кажется нам случайным и только по прошествии времени мы, оглянувшись назад, можем отчётливо увидеть, что оно стоит в цепи последующих событий, что не будь его, мы не оторвались бы от повседневных забот и не достигли бы заветной цели ни в жизни, ни в творчестве. То, что должно произойти, произойдёт непременно. Возможно, с некоторой временной задержкой, но произойдёт. Об этом позаботится Провидение.

Вот и я, оглянувшись назад, вижу, как Оно медленно и неуклонно приближало встречу оказавшихся на разных параллелях и меридианах двух крестьян по рождению, двух украинцев, двух поэтов Анатолия Мирошниченко и Анатолия Мироненко. Как Оно озаботилось нашими судьбами задолго до нашей встречи в Краматорске. Как Оно, спасая меня от туберкулёза, осенью 1951 года направило меня в сосновый Святогорск, в только что открывшуюся банновскую Лесную школу для лечения детей с открытой формой туберкулёза. Как по Его воле Анатолий Мироненко тоже оказался в Святогорске двадцать лет спустя – в 1971 году и прожил в нём всю оставшуюся жизнь. Так Провидение соединило наши судьбы не только поэзией, но и Святыми горами...

Начну сопоставление наших судеб не с детских, а со студенческих лет, иначе не смогу остановиться...

Сперва вкратце о себе. В 1962 году я окончил Донецкий политехнический институт по специальности Механическое оборудование заводов чёрной и цветной металлургии. Решением Государственной экзаменационной комиссии от 12 июня 1962 года мне присвоена квалификация инженера механика.

В армию я не призывался – в институте была военная кафедра. Там в течение трёх лет (раз в неделю) мы занимались военной подготовкой, лекции нам читали и проводили с нами практические занятия старшие офицеры. Летом, после сдачи экзаменов, мы выезжали в военные лагеря. Жили в полевых условиях, в палатках; сержанты учили нас уму разуму. В лагерях, помимо ежедневной армейской муштры, мы сдавали зачёты по вождению бронетранспортёров и зенитных самоходных установок на пересечённой местности. Там же, в лагерях, летом 1960 года приняли присягу. Моё военное образование – Командир взвода самоходных зенитных артиллерийских установок; воинское звание – младший лейтенант.

После окончания института военкоматы через два-три года вызывали нас повестками и направляли на переподготовку, а через десять лет повышали звания. Ныне я старший лейтенант (с военного учёта снят по возрасту).

В институтской приёмной комиссии по распределению нас, выпускников, на заводы, в НИИ и КБ город и завод я выбрал сам: Краматорск, Ново-Краматорский машиностроительный завод, один из крупнейших в Советском Союзе. Мне нужен был практический производственный опыт работы, поскольку теоретическими знаниями институт вооружил нас основательно. Кстати, я четыре года был старостой группы и третьим по успеваемости студентом, поэтому мог остаться в Донецке, мог поехать в Киев, в Белую Церковь, в Харьков, в Алма-Ату, в Актюбинск. Мог остаться или поехать, но не остался и не поехал: мои действия контролировало Провидение и направило меня по тому пути, который я, как мне казалось, выбрал сам. Оно предопределило мою встречу с Анатолием Мироненко в Краматорске и его встречу со мной тоже предопределило...

В начале сентября 1962 года я приехал в Краматорск и приступил к работе в механическом цехе № 1 НКМЗ. В течение трёх месяцев при трёхсменном режиме работы я освоился на заводе и в декабре пришёл в литературное объединение (ЛитО) при газете «Краматорская правда». Стихи я начал писать осенью 1958 года, на втором курсе института, печатался в факультетской стенгазете, поэтический опыт у меня был, поэтому белой вороной в литобъединении я не выглядел.

В Краматорске я проработал до апреля 1970 года. С апреля 1970 по ноябрь 1971 года жил и работал в Донецке. В конце ноября 1971 года переехал в Харьков: меня пригласили на работу в качестве специалиста в созданное по постановлению Совета Министров СССР Производственно-техническое объединение «Союзтехоснастка», в состав которого входили четыре опытных завода технологической оснастки и Межотраслевое головное конструкторско-технологическое бюро (МГКТБ), на базе его впоследствии был создан институт – МГКТИТехоснастки.

Анатолий Мироненко в 1959 году окончил Горловский государственный институт иностранных языков по специальности французский язык, украинский язык и литература. Решением Государственной экзаменационной комиссии от 29 июня 1959 года ему присвоена квалификация учителя французского языка, украинского языка и литературы средней школы и звание учителя средней школы.

В 1959 году в конце пятого курса Анатолий Мироненко женился на однокурснице из Краматорска Кузьменко Эмме Петровне. По окончании института вместе с женой работал в восьмилетней школе в глухом селе Здовбица на Ровенщине. Служил в рядах Советской Армии (1959–1961) в Новочеркасске, в 406-ом тяжёлом танковом полку в качестве писаря оперативной части. Вернулся из армии в звании младшего лейтенанта с девятью благо-

дарностями от командования полка, дивизии и Северо-Кавказского военного округа. В июне 1962 года в Росаве, где он отдыхал у родителей, его настигла телеграмма: «Вы призваны в ряды Советской Армии, Вам присвоено очередное воинское звание лейтенант. Прибыть во Львов, в штаб Прикарпатского военного округа». Потом были батальон особого назначения (радиоперехват) в г. Костополе на Ровенщине, танковый батальон в г. Старо-константинове на Хмельниччине, Москва (курсы военных переводчиков) и Сеща Брянской области (устный перевод в авиаполку).

Демобилизовался Анатолий Мироненко в 1967 году в г. Краматорск, где жила в однокомнатной квартире его тёща. Работал учителем украинского языка и литературы в краматорской СШ № 26 (1967–1971). Летом 1971 года переехал вместе с женой и дочерью в Славяногорск. Там началась для него и его семьи новая жизнь, полная драматических и трагических событий. Но это другая особая тема...

Писать стихи он начал ещё в росавской школе. Во время учёбы в институте посещал литературную студию при горловской газете «Кочегарка» и публиковался в ней.

После демобилизации из армии и переезда в Краматорск Анатолий Мироненко появился в литературном объединении при «Краматорской правде». Там мы познакомились, нашли общий язык и вскоре подружились, как оказалось, на всю жизнь. И это при том, что он окончил гуманитарный вуз, а я технический; что он писал на украинском языке, а я на русском; что его жизненный и литературный опыт был богаче, чем у меня.

С первых стихотворений, прочитанных Анатолием на заседании ЛитО, мне стало ясно, что в наше объединение пришёл талантливый, оригинальный, состоявшийся поэт и, как позже выяснилось, незаурядный и бесстрашный человек с собственным мирозрением. Неудивительно, что он стал центром притяжения в ЛитО, хотя в объединении были лидеры, к которым тянулась литературная молодёжь: Олег Плуталов, Семён Кудинов, Константин Мищенко, Леонид Горовой, Альберт Провозин. Вскоре в литературном объединении образовалось ядро в составе Анатолия Мироненко, Анатолия Мирошниченко, Виктора Пикалова, Анатолия Кучкина. Мы собирались не только в «Крамправде»... Читали стихи, говорили о наболевшем, спорили о поэзии, о политике, о цензуре. Горны наших душ круглосуточно переплавляли руду жизни, а наши стихи обретали социальную остроту.

На заседаниях ЛитО Мироненко выступал принципиально и бескомпромиссно и неоднократно страдал «за други своя», в том числе за меня. Ярче и ёмче сказал об этом сам Анатолий Мироненко в своей Автобиографии от 17 февраля 2000 года, которую он написал по просьбе Станислава Тищенко (нашего общего друга), обозревателя региональной массовой газеты «Донбасс», заслуженного журналиста Украины.

Привожу обширну виписку из Автобіографії Анатолія Мироненко, касаюшюся тільки творчої сторони наших стосунків: «В 1970 році повинна була побачити світ моя книга віршів «Колір щастя». Вона була вже повністю відредагована, і я бачив навіть її обкладинку.

В цей час Толя Мірошніченко попросив у Миколи Рибалка організувати його творчий звіт в літературній студії при газеті «Краматорська правда».

– Ти, Толя, – сказав Рибалко, – приготуй 10–15 віршів, ми їх обговоримо, а потім посидимо.

Але Толя на чергове засідання студії приніс кілька примірників рукопису під назвою «Сто віршів». Один з примірників дістався мені для аналізу. Прочитавши його і зрозумівши, з чим маю справу, я попросив директора школи підмінити мене на 3 дні, аби мати можливість зробити письмовий аналіз, тобто я хотів, не заїкаючись і не збиваючись, прочитати виступ, що й було зроблено.

Не про 10–15 віршів, а про видання абсолютно готової і блискучої книги віршів повинна йти мова. Деякі речі я назвав геніальними. Цього Рибалко побачити мені не міг. Лауреат двох республіканських премій – ім. Островського та ім. Шевченка, – стукач КГБ, людина жорстока і безпощадна, він виплював навколо себе будь-які таланти, а якщо терпів їх, то тільки в якості свого антуражу. Саме тому кількадесятилітня історія Краматорського літоб'єднання не дала літературі жодного, крім Рибалка, члена спілки письменників Ук-раїни. Горлівка, наприклад, видала на-гора більше двадцяти. За той же час.

Через три дні до мене підійшов Альберт Провозін (відповідальний секретар газети. – А.М.):

– Толя, Рибалко і Тімачков (редактор газети. – А.М.) запропонували мені разом з ними звернутися у видавництво, аби зняти твою книгу. Я сказав, що на таку підлість не піду.

Зате на таку підлість пішли Рибалко і Тімачков самостійно. Рибалко пішов далі: він звернув на мене увагу КГБ, і під його ковпаком я знаходився до самісінького кінця цієї «славетної» організації.

У 1978 році зусиллями Костя Тесленка і Григорія Кривди побачила світ моя «Росава» (24 сторінки, 27 віршів. – А.М.). Я був уже в Слов'яногірську. Досить швидко до мене приїхав капітан Славянського КГБ Микола Олександрович (прізвище забув) з пропозицією про співпрацю. Він запропонував мені видати у Києві будь якої гостроти другу книгу, а на мене повинні були злітатися дисиденти з усієї України. Я відповів, що не маю ніякого права бути суддею своїх товаришів по перу. Після цієї відмови мене перестали друкувати будь-де, і я вимушений був писати в стіл. КГБ не залишав мене в спокої і час від часу підсилав до мене своїх агентів. Два з них здалися мені в Слов'яногірську. Як артист, я їх переграв, а як алкоголік – пере-

пив. І тільки в 1988 році ти, Славо, почав мене витягувати з цього страшно-го життєвського болота і, як гадаю, уже витягнув і допомагаєш рухатись далі, за що я тобі щиро вдячний».

У мене сохранилась девятнадцатистраничная рукопись (с семью страницами вставок), с которой Анатолий Мироненко выступил на моём творческом отчёте в Краматорском литературном объединении 24 октября 1969 года. Это выступление, в котором не было никакой политической крамолы, повлекло за собой жёсткие санкции, обрушенные на Анатолия Мироненко (я повторюсь): его книгу «Колір щастя» издательство «Донбасс» сняло с производства; его стихотворения, статьи, рецензии запретили (негласно) публиковать в прессе; но и, само собой, его творчеством, его личностью и его окружением заинтересовался КГБ. В частности, мной и Анатолием Кучкиным.

Ждать долго вызова в КГБ не пришлось. Некоторое время спустя через первый отдел НИИПТМаша (я тогда работал в институте) меня «пригласили» в краматорский горотдел КГБ. Беседа с сотрудником КГБ длилась минут сорок. Его интересовали взаимоотношения пишущей братии в ЛитО. Наверное, общением со мной он остался недоволен, потому что я не очернил ни одним словом ни одного из моих товарищей. Предложения о «сотрудничестве» с его стороны не было. Однако дело на меня было заведено и негласный надзор за мной длился до 1988 года. С 1971 года я жил и работал в Харькове, в МГКТБ (МГКТИТехоснастки), и был невыездным. Мало того, мне, заведующему сектором внедрения универсально-сборной переналаживаемой оснастки (УСПО) на заводах машиностроительных министерств, не давали допуска для выполнения работ на предприятиях оборонной промышленности, хотя мои подчинённые получали такие допуски без проблем. И только в 1988 году начальник первого отдела института вручил мне допуск со словами: «А ты, оказывается, нормальный советский человек!» В июне 1990 года директор института направил меня с коллегой из другого отдела в двухмесячную командировку в КНДР, на СП Хичхон-Горький, для внедрения в производство нескольких комплектов УСПО, поставленных нашим институтом северокорейскому предприятию.

Наше ядро в Краматорском ЛитО действительно распалось в силу объективных причин. Выше я писал, что в апреле 1970 года уехал в Донецк, что Анатолий Мироненко в июне 1971 года переехал с семьёй в Славяногорск. Анатолия Кучкина призвали в армию. Он отслужил своё в авиаполку, базировавшемся под Купянском. Слетал на Камчатку (была у него такая возможность). Демобилизовался в Минск. Виктор Пикалов остался в родном Краматорске.

Несмотря на то, что мы разлетелись, наша мужская и творческая дружба не прервалась. Мы переписывались, перезванивались, изредка встречались. Чаще всего ко мне в Харьков приезжал Виктор Пикалов, учившийся на

заочном отделении в Литературном институте имени Горького в Москве, ре-же – Анатолий Мироненко. В один из приездов я ввёл Мироненко в круг близких мне по духу харьковских писателей. В меру своих возможностей мы с женой поддерживали его материально, когда он остался один, лишился работы и бедствовал.

Взаимного творческого влияния друг на друга (я имею ввиду себя и Мироненко) мы не оказывали: каждый шёл своей литературной дорогой. Правда, стихотворения Анатолия Мироненко «Гефест», «Пенелопи», «До музи», поэма «Прометей» разбудили во мне интерес к античной поэзии. Начал я знакомство с нею с самого сложного – с «Илиады» и «Одиссеи» Гомера. С твёрдокаменным переводом «Илиады» Николая Гнедича я справился с трудом, переведённую Василием Жуковским «Одиссею» прочёл легко. Когда же я усвоил древнегреческую мифологию и имена героев, участвовавших в Троянской войне, я перечитывал обе книги, не испытывая никаких затруднений. Потом я взялся за освоение творчества других античных поэтов, драматургов и прозаиков. Находясь под впечатлением прочитанного, а также поездок в Одессу, Овидиополь, Феодосию, я написал цикл стихотворений «Античные» мотивы» и опубликовал его в своей книге «Золотое сечение» (1994).

В январе 1994 года я написал письмо главному редактору газеты «Літературна Україна» Рогозе Б.П. и Председателю Союза писателей Украины Мушкету Ю.М. Я писал им о безвестности, бедности и одиночестве блистательного украинского поэта и философа Анатолия Мироненко, назвал написанное им национальным достоянием и просил первого опубликовать подборку его стихотворений в «Л.У.», а второго – принять Мироненко в СПУ и таким образом морально поддержать его. За тремя подписями – своей, Вячеслава Романовского и Виктора Пикалова (я попросил их присоединиться ко мне) – 27 января письмо с подборкой стихотворений Мироненко уехало в два киевских адреса. Реакция литературных чиновников была такой: Мушкетик отмолчался, из «Л.У.» 11 апреля я получил письмо, подписанное зав. отделом украинской литературы С. Литвиным, оно было кратким: «Возможности газеты невелики. Сможем напечатать лишь одно стихотворение. Такова реальность». Я согласился с «таковой реальностью» и сообщил об этом Литвину. Но и одно стихотворение, наверное, не было опубликовано. Столичное высокомерие не позволило им, Рогозе и Мушкету, разглядеть живущего в провинции гения!

В первом квартале 2000 года я издал в Харькове, в «Родном голосе», книгу стихотворений Анатолия Мироненко «Вічні косарі» (104 страницы, 99 стихотворений). Помогали мне готовить книгу к изданию (компьютерный набор, вёрстка, печать, фальцовка) Павел Гулаков, Иван Гунько, Алексей Чебанюк, Татьяна Чибисова, Лидия Гриценко. Тираж книги я вручил Мироненко в Святогорске 25 апреля – в день его рождения. Радость поэта была

велика... Кстати, рукопись этой книги он подготовил давно и прислал её мне 1 января 1976 года, поскольку сам реализовать идею её издания не мог. Но тогда и я был в подобном положении. Время было сперва советское, потом – антисоветское, бандитское и безденежное, поэтому рукопись пролежала без движения до 2000 года...

В 2001 году в одном из писем я посоветовал Анатолию Мироненко подготовить собрание сочинений в трёх томах: в первый том включить стихотворения и сказки, во второй – драматические произведения, в третий – его двадцатилетний титанический труд «Філософія життя і кінець основного питання філософії». Анатолий был поражён моим предвидением необходимости этой работы, когда в том же году на творческом вечере в Краматорске председатель правления АТЗТ «АПП» Юрий Владимирович Мельник, услышав стихи Анатолия Мироненко и узнав о его драматических произведениях, пообещал ему издать бесплатно двухтомник его сочинений и сдержал своё слово: в 2002 году вышел из печати первый том Анатолия Мироненко «Поезії», в 2003 году – второй том «Драматичні твори».

Валерий Павлович Сиротенко, заведующий кафедрой славянской филологии Краматорского экономико-гуманитарного института, кандидат филологических наук опубликовал две глубоких научных статьи о творчестве Анатолия Мироненко: «Своєрідність образної системи поезій А. Мироненка» и «Роль зображувально-виражальних засобів у розкритті мотиву історичної пам'яті у поезіях А. Мироненка». Обе статьи напечатаны в научном издании «Слобожанщина: літературний вибір». Збірник наукових праць. – Луганськ: Знання. Первая статья – в выпуске II за 2004 год, вторая – в выпуске III за 2005 год.

В 2006 году в Харькове, в издательстве ТАЛ «Слобожанщина» я напечатал уникальный труд Анатолия Мироненко «Філософія життя і кінець основного питання філософії», в котором он даёт теоретическое решение основного вопроса философии, над которым столетиями «бились» виднейшие философы мира – и по линии идеализма и по линии материализма. Я подготовил этот объёмный труд к изданию при мощной поддержке и помощи Павла Гулакова, Виктора Полянецкого, Владимира Галаура, Татьяны Чибисовой, Вадима Чепура.

После получения сигнального экземпляра «Філософії життя...» Анатолий Мироненко прислал мне самое короткое письмо за весь период нашей переписки: «Толя! Да святится имя твоё!» Я распространяю эту словесную формулу на всех моих друзей, способствовавших выходу этой книги в свет.

В 2008 году в том же издательстве ТАЛ «Слобожанщина» вышла под моей редакцией последняя прижизненная книга Анатолия Мироненко «Моє Святогір'я». Помощниками моими были Павел Гулаков, Татьяна Чибисова, Наталья Мирошниченко. Большую часть стихотворений в этой книге Мироненко по-

святил в знак искренней и глубокой благодарности тем людям, которые сыграли значительную роль в его жизни и творческом становлении. Венок сонетов «Мое Святогір'я», замыкающий книгу, поэт посвятил Валерию Сиротенко.

В 2010 году в издательстве ГАЛ «Слобожанщина» вышла в свет по-смертная книга Анатолия Мироненко «Вселенской печали пора» в переводах на русский язык. Инициатива издания этой книги исходила от моего друга и друга Анатолия Мироненко, широко известного краматорского журналиста, поэта, прозаика, публициста, переводчика Виктора Пикалова. Сублимировали её издание харьковские писатели Анатолий Мирошниченко, Павел Гулаков, Владимир Копычко. «Вселенской печали пора» набиралась, версталась и печаталась в издательстве Федорко. Она издана со вкусом и любовью, благодаря верставшему её Андрею Выдренкову. Обложка книги украшена фотографией Свято-Успенской Святогорской лавры и Северского Донца (из архива Анатолия Конькова) и замечательной фотографией Анатолия Мироненко работы талантливого фотохудожника Евгения Вараввы. Как жаль, что ни Виктор Пикалов, ни Анатолий Мироненко не смогли ни полюбоваться этой книгой, ни прочитать её: оба писателя ушли из жизни в августе 2009 года...

Следует особо сказать о роли в творческой судьбе Анатолия Мироненко харьковского украинского поэта Микола Козака. Когда я познакомил его с поэзией Мироненко и рассказал ему о драматической судьбе поэта, Микола проникся острым желанием привлечь внимание к творчеству Анатолия Мироненко украинской диаспоры, проживающей в Канаде. Так мы и решили с Козаком. Я сообщил о нашей договорённости Анатолию Мироненко и попросил его прислать мне подборку стихотворений, автобиографическую справку и фотографию. Микола Козак написал сопроводительное письмо главному редактору журнала «Нові дні», с которым был давно знаком. А я всё это вместе отправил в Канаду, в редакцию журнала. В декабрьском номере журнала «Нові дні» за 1994 год (TORONTO, ONT., CANADA) на первых двух страницах были опубликованы: подборка стихотворений Анатолия Мироненко «За мною вся прийдешня Україна» (8 стихотворений), его автобиография и его фотография. В подборке красовалось и бессмертное стихотворение поэта «Плакуча верба». Три композитора: Валериан Стратуца (Торонто, Канада), Анатолий Мирошник (Сидней, Австралия) и композитор из Санкт-Петербурга (запомнил его имя) написали музыку на «Плакучу вербу» – так она взволновала сердца этих людей...

Журнал «Нові дні» ещё раз отличился: в сдвоенном номере за июль – август 1997 года опубликовал рецензию Анатолия Мироненко «Міра безумства нашого» на книгу Микола Козака «Молитва» (с. 43–44).

Отправлял я стихи Мироненко с сопроводительными письмами Козака и в другие зарубежные журналы: «Визвольний шлях» (Ливерпуль, Лондон),

«Молода Україна» (Торонто, Онтарио, Канада), а также Ивану Дзюбе (для журнала «Сучасність»).

Благодаря публикациям в журнале «Нові дні» Анатолий Мироненко стал известным в украинских диаспорах Канады, Австралии, Франции, США. Но в Национальный союз писателей Украины его приняли только на закате жизни – в сентябре 2003 года. Рекомендации в НСПУ ему дали по моей просьбе известные украинские поэты Леонид Талалай, Анатолий Перерва, Иван Перепеляк.

Творчество Анатолия Мироненко тиражировали в газетах и журналах, популяризировали на радио и телевидении уже названные и неназванные мной краматорчане Виктор Пикалов, Валерий Сиротенко, Татьяна Лукьянова, Юрий Мельник, Анатолий Кибирев, Феликс Скворцов, Владимир Коцаренко, Екатерина Подгорная, Евгений Варавва, Леонид Горовой; дончане Станислав Тищенко, Виталий Юречко, донецкие радио- и тележурналисты; харьковчане Вячеслав Романовский, Анатолий Перерва, Виктор Бойко, Павел Гулаков, Микола Козак, Владимир и Юлия Копычко; белгородец Евгений Дубравный.

Разделяли житейские тяготы Анатолия Мироненко краматорские поэты Виктор Пикалов, Феликс Скворцов, Анатолий Кибирев, Леонид Горовой, фотохудожник Евгений Варавва, бухгалтер и экономист Галина Гетьманенко, начальник управления культуры Краматорского горсовета Алёна Шипова и азъ грешный Анатолий Мирошниченко.

Анатолий Мироненко, в свою очередь, питал нас духовной пищей: стихами, сказками, сонетами, драмами, «Філософією життя...»; читал их в узком дружеском кругу и на публике; редактировал рукописи краматорских поэтов, писал рецензии на вышедшие из печати книги и публиковал их в газетах Краматорска, Донецка, Харькова и даже в Канаде; писал острые критические статьи, которые далеко не всегда удавалось напечатать...

По силе, глубине и оригинальности выражения мыслей и чувств; по ясности, прозрачности и красоте языка я ставлю поэзию Анатолия Мироненко рядом с поэзией Михаила Лермонтова.

Ежегодно 25 апреля мы, его друзья и соратники, собирались в Святогорске на очередной день рождения чудотворца украинского слова с надеждой насладиться беседой с ним и пообщаться друг с другом, и никогда не обманывались. Теперь об этом можно только помечтать наедине с его книгами или в кругу святогорских бронзовых сосен...

В этом эссе я обратился только к творческой ипостаси моего незабвенного друга, выдающегося украинского поэта, драматурга, философа и публициста Анатолия Антоновича Мироненко, сорокадвухлетней неразрывной дружбу с которым Провидение позволило мне «Своей судьбой соединить...» За пределами эссе осталось ещё многое и многое. У Мироненко была не толь-

ко золотая голова, но и золотые руки. Приведу ещё один абзац из его Автобиографии: «Під осінь 1983 року я влаштувався різьбярем по дереву в пансіонат «Сосновий бір» шахти імені Засядька. Вже через рік фотографії моїх робіт з'явилися в газеті «Правда України», в журналі «Донбасс», двічі показувала їх всесоюзна програма «Время».

Осталась неопубликованной проза Анатолия Мироненко (почему-то он её придерживал); ждёт своего часа наша переписка. Я сохранил все его письма, он – только часть моих (наверное, опасался самые острые из них хранить в своём книжном шкафу); пропали бесследно мои «Лесные письма», которые я писал в одном экземпляре на сосновом берегу Краснооскольского водохранилища и отправлял ему по мере написания.

Под занавес я вынужден сказать несколько горьких слов тем, кто популяризирует творчество Анатолия Мироненко.

Меня удивляет, мягко говоря, замалчивание моего имени во всех без исключения публикациях о жизни и творчестве Мироненко, как будто всё, что он писал со времени нашего знакомства в Краматорске, не проходило через мои руки, словно не я издал в Харькове четыре его книги (из семи изданных), не я озаботился его приёмом в НСПУ и многим другим, в том числе на бытовом уровне. Короче говоря, я читаю журналистские статьи и «понимаю», что меня в жизни Анатолия Мироненко не было, а были у него какие-то абстрактные, безымянные «харьковские друзья». Замалчиваются имена и других харьковских писателей, поддерживавших Анатолия Мироненко: Вячеслава Романовского, Анатолия Перервы, Павла Гулакова, Виктора Бойко, Миколы Козака, Ивана Перепеляка...

Благо, что Анатолий Мироненко был благородным, совестливым и благодарным человеком и в последней прижизненной книге «Моє Святогір'я» он развеял журналистские мифы и назвал своих друзей поимённо.

29.11.2012

*Олександра Бакун
м. Харків, Україна*

* * *

Плету огонь.
Он яркой змейкой струится
Между моими пальцами,
давая силу работать,
а я - ловкими движениями
плету – создаю –
свой,
теплый и солнечный,
мир...

РОЗА

Когда-то эта ветка была розой,
Чудесной чайной розой
Цвета пожара во Флоренции,
И даже тот, кто никогда не любил цветов,
Часами любовался ее нежными лепестками.
Теперь же она лежит на печке,
Прижавшись к теплым бокам кастрюль,
Как бы ища поддержки...
И ее замечают:
Оцарапавшись рукой о ее шипы,
Ее осторожно, двумя пальцами,
Поднимают и кладут в растопку,
А кастрюли
Укоризненно смотрят несуществующими глазами,
Как бы говоря:
«Как же так?
Ведь когда-то
эта ветка была розой,
чудесной чайной розой
цвета пожара во Флоренции,
и вы любовались ею...»
И сковородка
солидарно потрескивает
им в ответ...

* * *

Кохання...
Таке спокійне почуття,
ніби лежиш на човні,
і він тихенько несе тебе між латаття...
І все навкруг тебе
так наповнене змістом,
що, здається, саме повітря
можна їсти, як хліб,
і наїстися...
Кохання...
Воно нікуди не зникає –
як енергія, –
просто іноді ним користуються
інші закохані,
а іноді воно переходить
з кінетичного у статичне
і тихенько спить...
Може, навіть у тобі...

* * *

Вивіска великими літерами:
«Пол высшего класса».
Дуже толерантно:
у кого немає грошей
на цілий вищий гатунок,
той купує половину.

ФИЛОСОФИЯ

Я думаю, что жизнь—
кипящая вода:
какой стороны ни коснись—
обожжешься,
Я думаю, что жизнь—
куст шиповника:
красивая внешне, но сильно ранит,
Я думаю так и не только, но
Я смотрю на мир
через затвор фотоаппарата,
а он видит его без решетки.

*Наталья Балановская
г. Харьков, Украина*

* * *

Прости, Всевышний,
что простить не в силах ни зла врагу,
ни вероломства другу.
Прошу – и снова зло пойдет по кругу.
Прошу – утрачу то, что я любила.
Тогда и честь не станет мне порукой
и кровь замедлит бег в усталых жилах,
и жизнь решит: все кончено – добила!
А ложтг с ухмылкой мне протянет руку.
Быть может, что-то я не понимаю,
но всепрощенья я не принимаю,
и пусть меня не осуждают люди.
И перед силой не кривлю душою,
какой бы сила ни была большою.
Есть Высший суд
и только он рассудит.

НАРКОТИК

Когда сжимают горло мысли –
тяжелый груз воспоминаний,
а жизнь, теряя облик смысла,
качается на шаткой грани,
я нахожу на полке книгу –
меня спасающее чтиво
и жду дурманящего мига –
фантастики иль детектива.
И я – мисс Марпл или Коломбо,
или исследователь Сферы...
Но где-то снова рвутся бомбы,
и ни Надежды нет, ни Веры.

* * *

О, Господи,
да что ж я делаю под шалью белою моих снегов!
Восходит солнышко, такое спелое!
И день меня позвать готов.

А я терзаюсь зряшной мукою,
бегу за Временем – повремени!
Не знаю, что зовется скукою,
и не коплю в кубышке дни.
Копеечное дело делаю –
терплю убытки на торгах.
А солнышко поманит смелое –
я забываю о годах...

ГРЕХИ

Мне не дано тебя простить:
был грех велик, неискупаем.
Я на прощения – скупая,
но злом за зло не стану мстить.
А если кто-то мне не может простить
мой окаянный грех,
и, не найдя других утех,
его в уме все время множит...
Мне Бог простит...
Но я сама себе свой грех
простить не в силах,
и, вспоминая всё, что было,
я каждый раз схожу с ума...

* * *

Ветер холодный за окнами свищет.
Прячутся звери и прячутся птицы.
Каждый себе место теплое ищет.
Не простудиться бы!
Не простудиться...

Много соблазнов и помыслов много:
нету рецепта, как цели добиться?
Каждый своею проходит дорогой.
Не оступиться бы!
Не оступиться...

Жизнь – маскарад,
где в приглушенном свете:
злые, пустые, холодные лица.

Каждого как отличить и отметить?
Не ошибиться бы!
Не ошибиться...

ОТЗВУКИ ВРЕМЁН

Однажды,
одолев рутину дней, вдруг осознать:
все в жизни – не напрасно. И удивиться. –
как они прекрасны – цветущие фиалки
на окне...

* * *

Стихи мои лежат на полке –
они сегодня не у дел.
От замыслов – одни осколки:
то там прокол, то здесь пробел.
Мысль разрывается на части,
несовместимые вполне.
Следы недавнего ненастья –
у памяти, на самом дне.
А ветер что-то затевает
и ускоряет кровоток.
И туча черная кривая
стремится снова на восток.
И жизнь, в ее извечной роли,
то одарит, то отберет.
Душа, храня меня от боли,
мне колыбельную сплет.
...а я не забываю даты,
не забываю города:
в них счастье плакало когда-то,
в них молча следом шла беда.
Как много их...
Как тяжело бремя крепка ты,
покаянья нить! И я зову на помощь
Время, чтоб в точку все соединить.
А в памяти моей –
не даты и не родные города –
невозвратимые утраты,
неповторимые года...

Валерия Белоус
г. Харьков, Украина

СЛАВЯНСКАЯ ВЯЗЬ

Уроки языкознания

Урок первый

Искрится азбуки старинной серебро:

Азбуки веди – и глаголь... добро!

Дух разуменья вдруг в меня вошёл:

Я, Знаки зная, – Весть несу... Как хорошо!

Урок второй

Слова, извечные от Евы и Адама,

Радаром сердца из молчания ловлю:

АЙ ЛАВ Ю... ЖЕ ВУ ЗЕМ... ТЕ АМО!

И шлю сигнал: ИХ ЛИБЕ ДИХ... ТЕБЯ ЛЮБЛЮ!

Урок третий

По-гречески неотвратимость – АНАНКЕ...

И мы, подчиняясь безжалостной силе,

Разрушили башню ЭТЕМЕНАНКИ* –

И общие труд и язык позабыли.

А мир, что изведаль немало чудес,

Тоскует с тех пор о несбыточном чуде:

Как снова людьми – сообща – до небес

Построена башня великая будет...

* Именно так называлась легендарная Вавилонская башня, по преданию разрушенная Александром Македонским.

СПАС В ПЕРЕСЛАВЛЕ-ЗАЛЕССКОМ

Ко дню Спасо-Преображенья

Шиповник зацвёл в Переславле

В другой раз. Зарделись рябины,

И ветви от яблок налитых

Прогнулись в садах переславских.

Плещеево озеро катит

Под ветром неспешные волны,

А ветер к холмам приозёрным

Летит – два крыла нараспашку –

И, грудью о вал ударяясь,

Свистит, пролетая сквозь лес.
Над озером синие тучи
Клубятся – и вдруг открывают
Нежаркое ясное солнце,
И в радости всё вдруг трепещет...
От озера возвратившись,
Я в Спасский собор направляюсь,
Где служат уже литургию;
И древний негромкий напев
Так сердце пронзает, что слёзы
Обильно текут, как при встрече,
Когда невесомость объятья
Знак даст, что состарилась мать...
Столь явственно я ощущаю
На доброй земле переславской
Дыханье Великой Руси.

СЛОБОЖАНЩИНА

В берегах ковроотравных скрываются
Родниковые наши пруды;
Вербы старые низко склоняются
До пронизанной солнцем воды;
От плодов к земле пригибаются
Ветви яблонь – роскошны сады;
Здесь горячих кровей нарождаются
Скакуны для казацкой узды!
Где ковыль под ветром качается, –
Зренье внутреннее обостряется:
Здесь, в степях, память вдруг просыпается
О путях половецкой орды...
Сквозь узоры былин проявляются
Вдруг реальности давней следы:
Войска Игоря-князя ряды
Полегли здесь, в сраженье тверды...
Наши женщины статью горды
И особой красотой отличаются;
Живописцу здесь лики являются,
Стихотворцу – созвучий ряды;
До сих пор здесь народом слагаются
Песни в пору горячей страды...

Оберегом от всякой беды
Вечно аисты к нам возвращаются.

ПОЛЫНЬ-ТРАВА
(из поэмы «Обогащённые ураном»)

Среди реликвий мира и святынь,
Что чудодействиями славятся своими,
Почтим, земляне, горькую полынь –
То всеславянской чёрной боли имя.
Трава, что «чорнобылом» в Украине,
Полынью на Руси наречена,
Да будет всем нам памятью отныне
Про страшной катастрофы письма,
Что век двадцатый оставляет в генах
Славутича и Припяти детей;
Про тех, кто в радиоактивных стенах
Встал на защиту всей Земли людей.
Полынь-трава да будет приложима
На сердце, на склонённое чело
Всех тех, кто клятвой связан нерушимой:
Могущество не применять во зло.
Чернобыль, со свечением незримым,
О коем счётчик Гейгера поёт,
Пусть встанет купиной неопалимой,
Пускай укажет человечеству исход
Туда, где миром правит добрый гений,
Минуя ужас атомных пустынь.
Храни нас всех от новых заблуждений,
Взошедшая в зенит Звезда Полынь!
Над прокажёнными участками земли
Руси Великой, Украины, Беларуси
Уж столько вёсен пролетают гуси,
И аисты летят, и журавли...
Увидев их, кто молится о чуде,
А кто забыть готов полынный след.
Ни чуда, ни забвения не будет:
Ждать воскресенья землям – триста лет!

*Алексей Бинкевич
г. Харьков, Украина*

В стихотворении «Памятник в декабре» очень точно переданы чувства Пушкина накануне восстания декабристов в Петербурге. Ведь среди мятежников, вышедших на Сенатскую площадь, были ближайшие друзья Пушкина и его лицейские товарищи – Иван Пущин и Вильгельм Кюхельбекер, позднее сосланные в Сибирь. Зная, что готовится восстание, Александр Сергеевич не находил себе места, несколько раз порывался нарушить запрет императора и прибыть в Петербург. Эти настроения Пушкина отражены в первой части стихотворения.

ПАМЯТНИК В ДЕКАБРЕ

Деревья облачились в иней,
А рядом – на глазах у всех –
Засыпал памятник тот синий,
Искристый наш славянский снег, –
Снег самый искренний и чистый.
А помнишь, Пушкин, как зимой
К Сенатской вышли декабристы,
Россию клича за собой?
Ты был тогда в опале, в ссылке –
Узнал, метался: – Я бы мог, –
Твердил. И выбегал к развилке,
Заслышав звоны вдоль дорог.

А снег идет...
Еще двенадцать
Снегоприходов впереди...
Как упредить,
Чтоб не раздался
Тот залп,
Чтоб не был снег в крови...
Но в траур самой черной речки
Себя Россия облачит,
И выйдет Даль, и вместо речи
Красноречиво промолчит,
Сняв шляпу...

А вторая часть этого стихотворения поражает вселенской болью и трагизмом роковой дуэли на Черной речке.

Татьяна Дашкевич
г. Минск, Республика Беларусь
Виктор Мищенко
г. Харьков, Украина

СЛАВЯНСКИЙ ГИМН

I

Гий Славяне, ищи жие
Дух наших дѣдѡв!
Кой за братство сирцѣ бие
Йих вѣрных сынѡв!
Мы родные духом, телом,
Все мы христиане.
Дружбу мы докажем делом.
Братья мы – славяне!

Привев:

От Курил до гор Балканских –
Мир Великий, мир славянский!
Пусть же Бог своей рукой,
Бережѣт его покой!

II

Наше слово дав Господь нам
На те Його воля
Хто примусить нашу пѣсню
Змовкнути у полі?
Гей, слов'яни, наше слово
Пѣснею лунає
Хай живуть словянські мови
Та слов'ян з'єднають

Привев:

Від Курил до гір Балканських –
Світ Великий, світ слов'янський!
Хай же Бог своєю рукою,
Дасть нам миру і спокою!

III

Тры браты заужды спявалі,
На вайне і у полі,
За Айчыну ваявалі,
Русь святую, волю!

З намі скрозь магутны Божа,
З намі яго літасць!
Усе братэрства пераможа:
И ганьбу, и сытасць.

Прывед:

Ад Курыл да гор Балканскіх
Свет Вялікі, свет славянскі!
Хай жа Бог сваёй рукой
Беражэ іх мір, спакой!

IV

В правде, братья, наша сила,
Сила созиданья.
Одна Родина вскормила,
Мы семья – славяне!
В нашей памяти навечно
Пусть живут герои.
Мир духовный, человеческий
Вместе мы построим.

Прывед:

От Курил до гор Балканских –
Мир Великий, мир славянский!
Пусть же Бог своей рукой,
Бережёт его покой!

*Дмитрий Главчев
г. Харьков, Украина*

БЫТЬ МЕЧТОЙ

Я шел по тёмному тоннелю, и звук от моих шагов раскатами разносился во всех направлениях. Воздух был слегка затхлым, но это не мешало дышать и не вызывало отвращения. Я шел вперёд. Я был никем. Я не существовал. Только частицы разума начинали складываться в причудливую головоломку, их хватало лишь на то, чтобы осознать его. Я словно парил над землёй и шел одновременно.

«Странно, а откуда тогда шум шагов?», – подумал я и посмотрел на пол. Над полом парили ботинки, они отстукивали шаги по мере моего продвижения.

«Ну ладно, не будем унывать, а будем идти дальше», – решил я, и зашагал с большей силой.

Я продвигался дальше, тёмный коридор начинал понемногу светлеть. Его очертания становились более чёткими, стены переставали быть абсолютно чёрными и пустыми. Воздух стал более чистым и свежим, из ниоткуда появились тихие отзвуки, не слышимые ранее. Никто не шумел, но тишина перестала быть абсолютной, прерываемой лишь звуками шагов. Я не знал что такое стены и воздух, а лишь понимал это.

Через пару мгновений ситуация стала меняться. Мой разум начал просветляться подобно светлеющему коридору, по которому я шел. Я начал воспринимать не сами вещи, а понимать суть вещей. Я смотрел на всё по-иному. Вглядываясь в серые плиты коридора, я видел арматурные сети залитые бетоном, знал технологию, мог это повторить.

Пока я над этим думал, ко мне вернулось восприятие, и я начал ощущать. Когда снова взглянул на пол, то больше не увидел парящих ботинок, я увидел ноги, которые шагали, увидел себя. Я стал материальным и меня начал интересовать вопрос: «Кто я и зачем?». Я понимал, что должен идти по коридору, но не знал цели, и это меня сбивало с толку.

Я знал, нет, скорее верил, что скоро приду, и тогда ко мне придёт понимание.

«Выбор есть всегда», – крутилось у меня в голове, и я шел дальше.

Далее произошло что-то такое, что не совсем вкладывалось в моё сознание: мир вокруг начал рушиться как карточный домик, крутиться вокруг меня веером, мозаикой выстраиваться в причудливые формы, обретая новый смысл.

Через секунду я шел внутри шикарного ресторана. Я уже знал, куда иду, и зачем.

А шел я к столику, за которым одиноко сидела симпатичная девушка. Она сразу же заметила моё появление, и радостно замахала рукой. Я улыбнулся. По-другому я просто не мог ведь слишком давно её знал.

Я слишком давно её знал. Её звали Наташа. Я нравился её уже давно, да и она мне тоже. В мы были счастливы. Почему? Да потому, что мы всегда были вместе. Встречали рассветы, провожали закаты, я всегда во всём ей помогал, а в случае неудач поддерживал. А она, она просто была рядом, а для счастья мне этого было достаточно.

Улыбнувшись ещё радостней, я подошел к столику, поздоровался и сел напротив. Мы сидели за столом, и смотрели друг на друга. Нам просто хотелось быть вместе.

Эту идиллию прервал официант: «Что будете заказывать, Се-е-е-р?».

Сделав свой заказ, я вежливо попросил официанта не называть меня Се-е-ером на такой манер.

И мы начали разговор. Говорили обо всём: обо мне, о ней, о делах, проблемах, друзьях, обо всём! И наши интересы поразительно совпадали. Мы словно напоминали зеркальное отражение друг друга, которое понимало всё с полуслова. Просидев до полуночи и расплатившись, мы пошли гулять по ночному городу. Шли, говорили, смотрели на закрытые глаза окон спящего города, желали спокойной ночи тем, кто уже спит. Фонари погасли, и город погрузился во тьму, а мы продолжили гулять, и лишь а на рассвете подошли к её дому.

«Я была очень рада тебя увидеть», – сказала Наташа.

«Я тоже очень рад», – ответил я, улыбнувшись в ответ.

«Тогда до встречи, надеюсь до скорой», – добавила она, подмигнула и направилась к подъезду. Закрывая дверь напоследок крикнула: «Ты классный!».

«Ты тоже!» – крикнул я, и пошел прямо по улице.

Почему-то фраза «Ты классный» меня насторожила. У меня было такое ощущение, что я её уже где-то слышал. Размышляя над этим, я зашагал с ещё быстрее, и не заметил, как мир опять начал меняться...

...

Снова коридор, снова шаги в пустоте, снова этот путь.

«Где я?», – ставший банальным вопрос будоражил моё сознание.

Но опять на него никто не отвечал. Я просто был рад, что опять иду, рад тому, что могу опять вырваться из этой пустоты в мир, который имеет чёткие очертания.

Опять веер, карточный домик, песок, лопата, деревья. Опять всё кружится и выстраивается в упорядоченную структуру.

Ночь, город, дома. Я стою напротив лавочки у какого-то подъезда, слушаю, как парень напротив наигрывает до боли знакомую мне песню. Я даже знал слова, и пел вместе с ним.

Рядом с лавочкой стояло несколько открытых бутылок пива, лежало пару пачек с чипсами, которые мы понемногу «щёлкали» и «попивали». Мы пели пару часов подряд. Нам очень нравились эти песни, и мы были очень довольны.

Но всему приходит конец. С верхних этажей подъезда стали раздаваться гневные выкрики о том, что надо смотреть на время, и не мешать людям спать.

Будучи парнями неконфликтными, мы отложили гитары в сторону, а сами «вооружились» пивом, чипсами, и продолжили беседу, наслаждаясь тишиной этой ночи.

Иногда так хорошо выйти из дома, сесть на лавочку у подъезда, сидеть и наслаждаться этим вечером, его звенящей тишиной, свежим воздухом. Мы так и сидели в раздумьях, пока друг, а его звали Фёдор, не прервал молчание.

«А моя девушка не любит, когда я вечером пою под гитару», – сказал он.

И понеслось. Начались разговоры о том кто, что и кого любит, кто кого не любит, повсеместные обсуждения, постепенно перешли в душевный разговор.

Мы сидели до самого утра. Два друга, которым захотелось поговорить. Мы понимали друг друга, и каждому становилось легче на душе, при этом каждый оставил при себе суть разговора.

В конце концов, мы стали прощаться. Крепко пожали друг другу руки и перед тем как разойтись по домам, Федя сказал: «Спасибо за тёплый разговор, ты настоящий и классный друг».

«Тебе тоже спасибо, ты тоже очень хороший друг», – ответил я, повернулся, и зашагал прочь.

Не нравилось, ох уж как не нравилось мне это слово – «Классный», но я продолжал, не сбавляя шаг идти по миру, который снова становился карточным...

...

Снова пустота, коридор и шаги в темноте.

Снова я шел, снова не мог понять, где я и кто я, помня лишь то, что я уже шел по этому коридору, и что впереди будет свет.

Я прошел уже достаточно много, коридор значительно посветлел, и стал наблюдать знакомую, но не понятную картину не успев задать своё традиционное «Где я?».

Мир опять стал меняться. Опять карты, мозаика и веер.

Близится утро...

Я стою на вершине холма, и мне открывается завораживающий вид. На горизонте слегка светлеет, возможно, что скоро будет рассвет.

Вдруг на краю холма, я заметил одиноко сидящую девушку. Сидя на камне под деревом она внимательно смотрела в сторону приближающегося утра. Я знал, что она сидела там всю ночь.

Я подошел, и тихо поздоровался. Она вежливо поздоровалась в ответ, и спросила: «Ты хочешь со мной поговорить? Ты меня выслушаешь?».

«Да, я останусь с тобой до тех пор, пока это будет нужно», – ответил я, сел рядом и приготовился слушать.

«Проблема в этом мире и его законах», – начала девушка, и продолжила: «Никому ничего не надо, всё делается неправильно, а скоро мы со всем перестанем различать правду и ложь. Как с этим жить?»

«Всегда можно всё изменить к лучшему», – ответил я.

Она продолжила: «Чтобы мне было легче тебе объяснить свои мысли, я расскажу тебе одну историю».

И начала своё повествование:

«Жил был человек. Обычный, почти ничем не выделяющийся человек. Он выделялся лишь тем, что был слишком добрым, всегда всем помогал. Ему не было важно, кто свой кто чужой, он всё равно бы пришел на помощь. А имел он мечту. Его мечтой было желание понимать людей, потому что мир, в котором он жил, понять было невозможно.

Он искал ответы на свой вопрос, шел к своей мечте: много читал, учил, смотрел, выуживал. Сначала он обратился к психологии потом к социологии, политологии и прочим наукам, каждая из которых кричала, что поможет ему всё понять, а профессора и доценты этих направлений уверяли, что знают и понимают всё. Но это, естественно, было не так.

Отчаяние уже брало его в плен, но он не сдавался, упорно продолжая искать ответы. Не понимая людей, он оставался одинок. Не с кем было поговорить, обсудить свои проблемы и теории, даже хотя бы поболтать.

Человек долго, искал, мучился, но безрезультатно. Потихоньку он начал сходить с ума, потому что жить в чужом и злом мире было невыносимо. Реакции на поступки других людей становились неадекватными, и он стал понимать, что не может постигнуть даже себя.

Как-то раз сидя на крыше дома, но всерьёз подумывал прыгнуть, потому что не видел дальнейшего смысла своего существования. Он уже несколько раз посмотрел, плюнул вниз с крыши и морально готовился к прыжку.

И тут пришел тот, кто сможет всех понять. Впоследствии он назвал его «идеальным человеком». Они поговорили, и этот разговор смог вернуть к жизни этого человека.

Ему хватило только разговора. А именно возможности сказать, и быть услышанным. Он больше не был сумасшедшим, и вернулся к нормальной жизни».

«Вот бы мне с ним поговорить», – мечтательно сказала девушка.

«Считай, что ты уже с ним говоришь, рассказывай о том, что тебя тревожит, я постараюсь тебя понять, и помочь тебе», – с улыбкой ответил я.

И понеслось... Она рассказывала мне о своём одиночестве, о всех её проблемах, о том, что её беспокоит. С каждым словом я видел, что все её неприятности и проблемы отходят на второй план, а ей становится легче.

Солнце потихоньку вставало, и светило по-утреннему, спокойно.

«Спасибо тебе за то, что выслушал, ты, наверное и есть идеальный», – сказала девушка.

«Спасибо, только помни всегда, что ты не одна, и у тебя всегда есть друг на которого можно положиться», – ответил я, улыбнулся и добавил: «а теперь мне пора, я должен идти».

Прощавшись ещё раз, я пошел, замечая как мир, опять превращается в карточный домик. Но он уже не мог меня поглотить, потому что я знал кто «я». Я услышал ту историю, которую знать не должен. Я идеальный, и та история обо мне!

...

Снова пустота, коридор и шаги в пустоте.

Теперь я знал что не живу так как принято это представлять. Возможно, я вообще не живу. Я абстракция, всего лишь мечта.

«Сложно быть мечтой?», – спросите вы, я отвечу: «Да в принципе нет».

Я всегда начинаю свой путь с этого коридора для того, чтобы кому-то помочь. Могу приходить во снах, мыслях, мечтах и воспоминаниях. И тем самым помогать людям, давая им то, что они хотят. Одинокой девушке – идеального парня, парню, у которого нет настоящего друга – дать этого друга, а для того, кого никто не слушает – стать слушателем.

Я могу быть кем угодно только собой быть не могу, потому что меня придумываете и вызываете вы, а мне этот процесс не подвластен.

Единственное, о чём бы я хотел вас попросить, это: «Вспоминайте меня почаще, больше мечтайте, и я буду приходить. Верьте, и я буду приходить. Я всегда буду с вами, если вы этого захотите. Вам стоит только захотеть!».

А ещё я боюсь темноты, боюсь той пустоты, в которую попадаю в моменты, когда никто ни о чём не думает. В такие моменты мне страшно. Поэтому мечтайте, и я буду приходить, ведь быть мечтой не так уж и трудно.

А пока я снова иду, но теперь знаю, кто я и где я. И я помню, что уже шел по этому коридору и что впереди обязательно будет свет.

13.10.2012

*Мария Ефремова
г. Харьков, Украина*

ПОЕЗДКА В ДЕТСТВО

– На родину! На родину!
Тоскливо брат зовет.
Дорог немало пройдено,
А дел – невпроворот...

Но вот рубли наменяны,
Отставлены моря
И мчит машина времени
На родину меня.

Кругом поля бескрайние,
Березки в три ряда,
Какое утро раннее!
Как память молода!

Знакомо-незнакомые
Тропинки вдоль села,
А вот и церковь. Новая?
Нарядна и светла.

Сказать точней – старинною
Красавица была,
Старинною, былиною,
Вот были времена...

– Когда к войне готовились, –
Ведет мой брат рассказ,
То церковь – наш акropolis –
Страдала в первый раз.

В войну лишилась звонницы,
Разрушен был притвор,
Но служит всей околице
Та церковь до сих пор.

А до войны на праздники
Так колокол звучал!

Взволновано и радостно
Народ он созывал.

Но власти порешили
Тот колокол снимать –
Приехали машинами,
Их было, кажись, пять.

Возились долго около,
Уж вечер в ночь сошел
Со стоном рухнул колокол
И в землю весь вошел.

Разбить хотели молотом –
Он продолжал лежать,
Тогда огнем и холодом
Решили доконать.

Так раскалили – докрасна!
Такой был жар и зной!
Затем поили досмерти
Водою ледяной...

Уехал в город колокол,
Чтоб первым принять бой,
Весь на куски расколотый
Тот вестник неземной.

Закончил брат рассказывать –
В душе – обида, боль...
Умолк, чтоб не расстраивать,
– Идем скорей домой!

За домом – сад, и райская
В нем яблоня цвела,
Роскошная красавица
Любимицей была.

И снова душу ранили
Пустырь и дерева.
– То было дело давнее,
Срубили на дрова.

Соседский домик около,
В нем ласковый покой.
Узнала я, что колокол
Частицей, но живой.

Сосед наш – добрый, искренний,
Теперь его уж нет –
Он вытащил единственный,
Последний свой билет...

В тот вечер... тропкой узкою
В бесовской суете
Он спрятал сердце музыки,
Пока ругались те.

Звонкоголосый язычок,
Ребристый и стальной...
Потом увез его сынок,
Он в Харькове – живой!

Центральной улицей идем,
А улицы-то нет!
Колодец, правда, есть, но в нем
Печальный есть секрет:

Когда журавль опустишь вниз –
Водицы зачерпнуть –
Ты эхо достаешь. – Не злись,
Нам детство не вернуть.

Идем мы все же за водой
В домишко неприметный –
Подруга детства! Боже мой!
Девчонка с белой головой,
С какой такой планеты?!

– А где же школа? Пятый класс?
Где школьный двор и сад?
Ведь если жизнь нам удалась,
То школе той – Виват!

Где тот ручей, что к школе путь
Весной нам преграждал?
А мы, не огорчась ничуть,
Бежим смотреть «девятый вал».

Ручей тот высох, не бурлит,
И мостики снесло
Душа моя опять болит,
Не умирай село!

Здесь наши предки – из Черкасс
Бежали от врагов,
Село горело и не раз,
Но возрождалось вновь.

Возможно, снова забурлит
Здесь жизнь живым ключом
И чье-то детство возродит,
Ведь красота кругом!

И среди этой красоты
Который год подряд,
Не убоявшись простоты,
Живет один наш брат.

Оставил детям он комфорт
И городской уют,
Не сожалел, наоборот:
– Здесь соловьи поют!

Отец его был пчеловод.
Я помню этот мед!
В сорок шестой тот знойный год
Кто голодал – поймет.

Тягучим золотом сверкал
В тарелке на столе,
Престольный праздник даровал
Голодной детворе.

Нас брат встречает на крыльце
Уже такой больной!

С улыбкой детской на лице,
Весь радостно-родной.

Воспоминанья, шутки, смех
В саду, в густой тени,
Как будто не было тех лет
– Ну, Маша, не томи!

Помолодела, завелась
Жена Ивана – Маша
И стол в саду накрыла враз,
Течет беседа наша.
Гудит, звенит пчелиный рой –
Наследство от отца,
И снова мед, и снова зной,
И радость без конца.

Сквозь пальцы – время, что вода,
Всплакнули, расставаясь,
Как оказалось, – навсегда,
Одна Маша осталась...

И снова церковь. Рядом – сруб,
Пьем воду ключевую.
– Мой край родной! – Говорю вслух –
Тебе б судьбу иную...

В судьбе моей, твоей, его
Есть праздники и будни,
Но нет на свете никого,
Кто детство позабудет.

Пора домой, уж солнышко
Давно прошло зенит.
Мне кажется, тот колокол
Звенит, звенит, звенит...

Белгород–Харьков 2009–2012 гг.

*Владимир Дыкун
г. Харьков, Украина*

НОЧЬЮ В СТЕПИ

Жизнь каждого из нас, человек, можно сравнить с большой книгой, где каждый прожитый день – перевернутый листочек. Таких листочков у меня 27740. Так что я богат, если действительно «мои года – мое богатство». Чем человек старше, тем ярче и образней в его памяти всплывают страницы юности, молодости, то есть то, что уже в далеком прошлом. И он берется за перо и пишет «Мои воспоминания». Наверное, настал и мой час.

В славные 60-е прошлого века по призыву нашего нового вождя Н.С. Хрущева и по велению сердца (хотелось накормить хлебушком наш изголодавшийся народ, и что греха таить, хотелось заработать денежки – надоело голодать), ринулись мы; комсомольцы, в казахстанские степи. О наших мытарствах – в другой раз. Об этом, запомнившемся на всю жизнь, – сейчас.

Нас шестеро. Все молодые, здоровые. Мы идем огромный, бескрайний участок казахской целины. Скрипят плуги степных богатырей С-80. К вечеру не чувствуешь рук, измученных рычагами. А под насыпанным огромным холмом – курганом – стоит наша мечта – брезентовая палатка, где поздней ночью мы падаем на матрацы, набитые соломой, в падении засыпая. Так было и в этот раз. Перед самым рассветом, глаз не могу раскрыть, меня резко дергает мой друг Эдик Гольдин и взволновано, дрожащим голосом, шепчет, а потом орет: «Володька, проснись! Беда!» Страхнув остатки сна, вскакиваю, всматриваюсь в тревожные лица ребят – и вдруг слышу громкие рыдания женщины: «О-о-о! Ох, Ох, Ох!» Сразу мелькнула мысль: «Убивают? Насилуют? Нужна немедленная помощь?» Но где взялась здесь женщина? Ближайшее село – более 100 км. Мы забыли уже, как пахнет женщиной. А душераздирающий вопль о помощи звучит все громче и громче. Поднялся сильный ветер, все небо закрыли иссиня-черные тучи. Стало жутко. Что это – галлюцинации? Действительно нужна кому-то помощь? Чертовщина какая-то. То, что непонятно, вызывает мистический страх. Тем не менее бегу к трактору, вооружаюсь ключом на 34. Ребята – молодцы, тоже вооружились кто чем мог: кто ломиком, кто молотком, и мы быстро ползем между мелким кустарником к вершине кургана (до этого никто из нас там не был). Крики стихли. Когда до вершины оставалось метров 30, увидели три огромных деревянных креста. Кто и когда их там поставил, покрыто тайной неизвестности – ведь на сотни километров – ни одного деревца. По коже пробежал холодок. И вдруг из-под крестов раздался леденящий душу крик женщины, казалось, он заполнил всю округу. Ребята кубарем покапались вниз, а я не смог – отказали руки и ноги от страха. Но через несколь-

ко минут пробудилось любопытство, так как кто-то из ребят включил фары трактора и отблески света пробежали по крестам. Да там же никого нет! Я в этом убедился и медленно, по-пластунски, осторожно, как учили нас в армии, пополз к крестам. И о чудо! Вот она, женщина-вурдалак! На кресте сидела маленькая птичка, чуть больше воробья, но голосище-то голосище! Я резко поднялся на ноги, «страшилище» порхнуло и скрылось в темноте. Подойдя близко к крестам, под одним из них услышал какое-то шевеление, а нагнувшись к земле, обнаружил небольшую ямку, дно которой, как потом выяснилось, было покрыто овечьей шерстью, перепутанной волосом из конного хвоста, а в ней – пятеро голеньких, большеротых птенцов, подпрыгивающих и жадно раскрывающих розоватые клювики, прося пищи. Я засмеялся и теперь уже уверенно пошел вниз. Ребята встретили меня вопросительными взглядами, на что я немедленно ответил: «Эх мы, трусы, одна единственная женщина просила в безлюдной степи помощи, а мы, такие здоровенные парни, спортсмены-разрядники, не смогли ей помочь». И я рассказал им про птичку. Ребята засмутились.

Начало светать. Конечно, никто не спал – нужно было снова садиться за рычаги. Мои товарищи поленились подняться на верх холма, дабы убедиться в правоте моих слов.

Уже через несколько лет, в следующие поездку в Казахстан, на целину, мы удии рыбу в реке Ишим с моим другом – орнитологом Игорем Седых, и я рассказал ему эту историю. Глаза его заблестели, он вскочил и взволнованно произнес: «Володя! Как тебе повезло! Ты увидел редчайшую птицу. Их на Земле всего меньше ста. Они занесены в Красную книгу», и произнес русское и латинское название этой удивительной птички. Это была, вероятно, японская камышовка, хотя я не уверен, запомнил.

На закате дней своих я снова вспомнил эту историю и рассказал ее моему большому другу и жене Машеньке. Она потребовала ее записать, я не смог ей отказать и сделал это с большим нежеланием. Я – лодырь!

*Нина Карташева
г. Москва, Россия*

**АРХИЕПИСКОПУ ИОАННУ
(ШАХОВСКОМУ)**

По осени, когда леса
Как будто в схиму постригаются,
Я слышу в сердце голоса,
Что разумом не постигаются.
Связь не потеряна времен:
Воспоминаний подсознательность,
Как будто знаю испокон
Сияние или сиятельность.
Молитва теплая сердец,
В любви по Родине тоскующих.
Святой и праведный конец –
Начало в Боге торжествующих.

* * *

Это чья-то молитва сильная
Испросила такую милость...
Это бабушка моя ссыльная
В верхотурской часовне молилась
Это ей отозвались издали
В чужестранном изгнании души:
Ослепленные – мы увидели,
Оглушенным – отверзлись уши.
Без наук сиротинке-внученьке
Перешло это знание. Свыше.
Велики наши новомученики,
И Господь их всегда услышит.

* * *

Да пухом ей земля, той бедной нищей,
Как говорят, вдове, графине бывшей,
На паперти годами неизменно
Мне прорекавшей ласково-блаженно:
Он любит Вас. Как он по Вас скучает,
Как он по Вас несбыточно мечтает,
Вас ждет со стороны России – света.

Он любит Вас. Послушайте совета...
Отдав ей мелочь, отходила прочь я.
Рвала стихи написанные в клочья.
Пророчествам смеялась. Но грустила,
Как будто зла кому-то не простила...
Прошли года. Земля и память – пухом.
Смотрю в глаза твои и сном и духом –
И слышу голос ныне уж умерший:
«Он любит Вас, Вам высказать не смевший».
Прости, что боль в любви неразделенной.
Но боль ведь только грех неотмоленный.
Вдали от Родины, за гранью, за границей
Смирись над этой страницей-страницей.

* * *

*...И сказал Господь
сатане: вот он в руке твоей.
(Кн. Иова, 2, 5)*

Над верой вершили расправу,
Громили народов оплот.
В двадцатых, тридцатых кровавых
Умучен был древний мой род.
Дед в доблестной русской отваге
России был верен, Царю.
До гроба был верен Присяге –
Во славу казнен Октябрю.
Лишенным и слова и крова
Блаженней, чем жить – умереть!
Пошла по этапам Иова
Семья кандалами греметь.
Нет больше богатства прадедов,
Изъяли, чтоб легче жилось,
В игольное ушко проденусь
И сердце прозрачно насквозь.
Душа моя Бога дождалась,
Все помнит невинная кровь.
Наследство мне все же досталось:
И совесть, и честь, и любовь.
А это со мной лишь изымут –
Ведь мертвые сраму не имут.

* * *

Madame! Вы просили за Вас помолиться,
Но вместо креста, вдруг осиновый кол,
Но вместо лица – Ваши многие лица,
И мне не по силам. Ваш груз мне тяжел.
И люди, и ложи... Избави нас, Боже!
Уж лучше совсем не родиться тому,
Кто душу за блага земные заложит,
И малых умом опрокинет во тьму.
Как жаль. Вы талантливы. Возраст преклонный.
Вам столько бы сердца, сколько ума!
Уже Вас окликнул Хозяин законный,
Придется ответить: «Oui c'est moi»

* * *

На смерть А.Ф. Кузьминской

Опять осиротела я сегодня.
В снега России слезы упадут.
Тебя, родную, на порог Господень
По горним тропам Ангелы ведут.
Вдали от Родины, плененной от безбожных,
По жизни русской странницей прошла.
Но глаз не отводила ты тревожных
С той стороны, где некогда росла.
Молилась, чтоб растаял снег кровавый,
И безъязыкий загудел набат,
Гордилась нашей прежней русской славой,
Но Родина не позвала назад.
Но Родина распятая молчала,
Вещали ложь оттуда палачи,
И птица-тройка к черной бездне мчала
В кошмарной и разбойничьей ночи.
Так не пришлось тебе при этой жизни
Увидеть рощу светлую берез,
Припасть к своей измученной Отчизне,
Где пересох святой источник слез.
Я горсточку России посылаю,
Земли горячей, грешной и святой...
К твоей могиле дальней я бросаю
Горсть Родины. Теперь она с тобой.

* * *

Обескрещенная, обещенная
Пир справлявшими сатанистами,
Церковь Божия – Мать вещая –
Умирала в грязи, пречистая.
Но над мерзостью запустения,
Плача, ангелы здесь служили
И молились о воскресении,
И о блудных сынах тужили.
Обезглавленная, обеславленная,
За бесценок иудами продана,
Одичала, Богом оставленная,
Православная моя Родина.
Но над телом душа молилась.
Сила Божия – в немощи тихой.
За страдания – Божия милость
И венец этой муки великой.

* * *

Когда моей душе дано прозренье,
Когда светло струится благодать –
Прими, Господь, мое благодаренье,
И помоги, не растеряв, - раздать.
Я так жалею бедных и безгласных,
Я так жалею темных и скупых.
Дай силы, Господи, в словах Твоих прекрасных
Согреть замученные души их.

* * *

Луна осыпает серябряный прах
На Поле проигранной битвы.
Никто не оплачет. Лишь в горних мирах
Вместо рыданья – молитвы.
Зима устилает негреющий пух
На Поле, где жертвами пали.
Никто не помянет. Лишь носится Дух,
Что был, как и Слово, вначале.

* * *

Юрий-Георгий, в век адских машин
Ты на коне в русском поле один,

Победоносец – твой ангел святой
Благословляет на праведный бой.
Крест он тебе и копьё даровал,
С гада личину стальную сорвал.
Видишь каков огнедышащий враг?
Дразнит: «Куда тебе с пикой, дурак?
Пишут компьютеры нынче стихи,
И экстрасенсы прощают грехи,
В небе знаменья «тарелки» дают –
Что ты и кто ты с конем твоим тут?!»
Грохнули брони, машины включились,
Смертью вода и земля облучились.
Ветер рванулся, и конь на дыбы –
Всадник готов для неравной борьбы.
Смерти ль бояться? – Видали ее!
Юрий-Георгий поднял копие –
И богохульную пасть поразил!
Стороны света крестом осенил –
Ожили люди, земля и вода,
Время залечит язвы вреда...
Юрий-Георгий на белом коне
Воли последней не дал сатане.

* * *

Вот я, Господи, если никто!
Со креста мое слово снято:
За раскол нашу церковь прости,
Тяжело этот камень нести.
Староверам земно поклонюсь,
Пострадавшим за Старую Русь.
Вот я, Боже, прошу за дворян,
Чужеземную принявших лесть,
Оттолкнувших Царя и крестьян
И в масонскую пойманных сеть.
Я за них повинюсь мужикам,
Пусть простят нам языческий срам.
За теперешних тоже прошу,
Сто поклонов земных положу.
Пусть трудящиеся простят,
Что в невежестве их растят.
Вот я, Господи, вновь пред Тобой:

Да, народ наш забит нуждой,
Может, пьющий, но всех кормящий,
Он, народ наш, казалось, пропащий,
Он простил! Значит, он настоящий.
И любовь его во спасение.
Дай ему Твоего Воскресения,
Господи Животворящий!

В ОБИТЕЛИ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ

Народ всегда – и день и ночь
Идет к святыне чудотворной,
Везет старик калеку-дочь,
Идет монах в одежде черной,
Ведет себя сквозь стыд студент,
Грядет угрюмый диссидент,
Бредет турист или юрод –
Ведь верит все-таки народ! Преподобный
отче Сергие, прости нас,
Что мы молим каждый за себя,
В лучшем случае, за дочь или за сына,
В лучшем случае, скорбя или любя...
Преподобный отче Сергие, в Россию
Высадился новый легион –
Нам не распознать, наш дух бессилен,
Без конвоя нас ведут в полон.
Затяну потуже древний пояс,
На котором вещие слова.
Отче Сергие! Живая наша помощь!
Собери нас силою родства.

*Инна Мельницкая
г. Харьков, Украина*

БЕРЕЗЫ

Стоят березы кружевные
На фоне сумрачных дубов,
Притихшие, чуть-чуть хмельные.
Грустят, как стайка юных вдов.
Отговорили, отгорели –
И буйство красок на холстах
Сменилось робкой акварелью
Сквозного, хрупкого листа
А вслед за нею, ей на смену,
На крыльях снежной кутерьмы
Исчертит мир самозабвенно
Сухая графика зимы.
Но и под знобкими ветрами,
И в звонкий голубой мороз
Светиться будут вечерами
Тела незыбнущих берез.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Дрожащий воздух над костром,
Невидное на солнце пламя –
И листья палые, ковром
Разостланные перед нами;
Едва заметная тропа
По краю рощи поределой –
Еще не самый листопад,
Но лета крайние пределы;
Еще не острая печаль
Совсем последнего прощанья –
Но вдруг приблизившее даль
Предошущенье расставанья...

РОМАШКА

Уже под утро в ведрах лед,
Темно, и просыпаться тяжело –

И все-таки она цветет.
Простая, тихая ромашка!
Цвети, хорошая! Свети,
Как звездочка во мгле осенней,
Будь на безрадостном пути
Залогом новых воскресений.
Цвети всем бедам вопреки.
Цвети к добру, свети к удаче,
Отважный воин, враг тоски
На опустевшей, стылой даче.
Пусть снова грезится полет,
И снова сердце нараспашку:
Ведь все-таки она цветет –
Простая, тихая ромашка!

* * *

Моей матери

Мне снились девушки, поющие дуэт, –
Глубокий альт и светлое сопрано...
Романс звучал томительно и странно,
И небеса струили тихий свет...
Мне грезилось, как будто это я –
И, как былинка, трепетно и прямо,
Со мной стоит, со мной поет моя
Еще совсем молоденькая мама.
Синь добрых глаз и волосы до плеч,
А голос так проникновенно гибок...
Как мне ее хотелось уберечь
От жгучих слез и горестных ошибок,
Чтоб не было ни брошенных детей,
Ни сломленной под корень взрослой жизни
Чтоб серый камень горькой укоризны
Не лег на плечи в тяжелой немоте!
Мне снились девушки, поющие дуэт.
Когда и где – подробности забыла...
Ах, если бы все это вправду было!
Но нет чудес – и мамы тоже нет...
...Мне снились девушки, поющие дуэт.

МОЯ МУЗЫКА

Скачут отчаянно пульса синкопы,
Глыбится боль, настигает накатом;
Бьется в висках догоняющий топот:
Главное – здесь, под ребром, под пятым.
Утомонись, непутевое сердце!
Видишь – рассвет уже ветрено розов.
Нам не пристало звучать долорозо...
Только хватило бы силы на скерцо!

Октябрь 1998

* * *

Не говори о смерти.
Замолчи! Еще не время говорить о смерти.
Пусть обозначен адрес на конверте,
И жизнь горчит, как сизый чад свечи, –
Она не выбор, а суровый долг,
А смерть, как трусость, – повод к укоризне.
Запомни: враг – пускай их целый полк! –
Не должен ликовать на нашей тризне.
Души ленивой песней не согреть.
Ступай вперед – и я пойду по следу.
Мы жить должны, чтоб одержать победу:
Лишь победив, мы можем умереть!

*Надежда Мирошниченко
г. Сыктывкар, Россия*

* * *

Вспоминаем слово «снег».
Мы словно про него забыли.
Всю осень золотом пылили
Леса, как солнце, – из-под век.

Ты, наша хвойная тайга,
Обвенчана с березняками
И зацелована снегами.
Так где же белые снега?

И вот – как тройка из ворот –
С небес посыпались-поплыли...
Да так, что шаг невпроворот
Да так, что мир посеребрили.

Торжественно и тяжело
Легли на лес и на поляну.
И стало тихо и тепло.
И время вспять перетекло.
Жуковский написал «Светлану»

* * *

О любим
Что-то со мной происходит:
Места душа не находит.
Как она мне надоела!
Видишь, чего захотела –
Полного склада да лада.
К Богу, родимая, надо.
В церковь, на исповедь. Или
Нет тебе радости в мире.

* * *

Памяти А. Соколова

Пусть было радости в обрез, зато тревоги – вволю.
Ты ветру шел наперерез, с такой согласен долей.

Ты песню нес наперевес:
 «Святая Дева, Южный Крест! *Святая Дева!*
 Южный Крест! И на руках мозоли».
 Кому «Морзянка», а кому светловская «Гренада».
 Но почему, но почему, мы ж Север брали вместе,
 Тебе все пелось, не пойму, ведь так не пелось никому,
 Над тундрой пелось одному про южное созвездье?
 Святая Дева, Южный Крест, как глупо все случилось.
 Ребята здесь, и песня есть, а ты погиб в ту осень.
 Не оборвались берега, в обрыв не рухнула тайга.
 Но без тебя ей будет так, как без озер и сосен.
 И кто-то снова не поймет, за что мы любим песню
 Не про любовь, не про полет, про южное созвездье.
 А нас увозят поезда, горит Полярная звезда,
 Но песня та, колесам в такт, про южное созвездье.

* * *

Анатолию Пашневу

Когда смотрю, как ты мятежен,
 Как нежен ты и как далек,
 Я вспоминаю: белоснежен
 Был парус тот и одинок.
 И этот юноша печальный,
 Что на бессмертье обречен,
 На нас посмотрит обручально,
 Навеки с нами обручен.
 И ты такой же. Ты такой же.
 Тебе не по сердцу покой.
 Так успокой же, успокой же.
 К чему еще один такой?
 И сколько будут мучить строки
 Меня во времени любом:
 «Белеет парус одинокий
 В тумане моря голубом».

МУЗЫКА*Тамазу Чхенкели*

Музыка! В этом городе музыки целые ливни!
 Листьями проливается или стихами.

Музыка! Как строга геометрия линий!
Господи! Неужели мы встретились с вами?!
Вечером мимо окон, как мимо вагонов,
Вихрь пронесется и сгинет в районе вокзала.
Музыка! Как мне это по детству знакомо!
Взрослые! Среди нас я еще ее и не слыхала.
Можно ли оказаться другим измереньем,
Если не гений, к тому же, и не знаменитость.
Слушайте, сколько прелести в местоименьях:
«Ты», или «я», или «мы» – сколько музыки скрыто!

* * *

И хаос, и гармония равны.
Солдатский ранец, розы балерины.
Соперничество мира и войны
Из века в век – две равных половины.
Ужель она бессмертна – власть молвы?
За что и кем все истины избиты?
Неужто свет не тяжелее мглы –
Тогда зачем две чаши у Фемиды?
Зерно в земле и музыка в миру –
Одни и те же ценности. Проверьте.
Он догадался: «Весь я не умру»,
Поскольку никогда не верил смерти.
На «вы» с детьми, со взрослыми на «ты»
Гармония сеченья золотого.
Мне трудно жить: я чувствую пласты
И времени, и совести, и слова.

* * *

Если честно, можно жить и чисто.
Только трудно это – чисто жить,
Ну и что, что жизнь проходит быстро?
Это значит, нечего спешить.

РУССКИЙ РОМАНС

Александр Шемелену

Не жаль, что декабрь на дворе,
Что холодом душу свело,

Зато вся земля в серебре.
И все-таки в мире светло.
А я унывать не люблю.
И ты меня лучше не тронь.
Я печку в доме затоплю
И буду смотреть на огонь.

Он вьется в печурке, как вьюн.
Он тайною дышит своей.
А хочешь, я чаю налью
Покрепче, чтоб было теплей.
И, может, оттаю сама
И стану, как прежде, собой.
Какая крутая зима!
Как холод кипит голубой!

* * *

Я про детей не часто говорю,
Чтоб Бог не ревновал. Простите, дети.
Но каждый день я жизнь благодарю
За то, что появились вы на свете.
Я каждый день молюсь за вас двоих,
Моих. И за любимых ваших тоже.
И не хочу я посвящать других,
О чем молюсь. Но помощи вам Боже

*Виктор Мищенко
г. Харьков, Украина*

ОСКОЛОЧЕК

Память

Поколение моих сверстников родилось после войны – в 50-х и 60-х годах. Наверное, нашим родителям казалось, что мы, дети послевоенной эпохи, пришли в этот мир, чтобы утвердить жизнь, сделать её светлой и радостной, наполненной счастьем. Мы и росли такими – открытыми миру, устремлённые в будущее, счастливые и гордые за своих родителей – людей, совершивших великий подвиг, спасших цивилизацию в час невиданных испытаний. Когда они были рядом, мы не так часто расспрашивали их о войне – родители становились серьёзными, сознание переносило их в эпоху, наполненную тревогой и горечью. Как могли, мы берегли их и не тревожили частыми расспросами, но когда слушали, то понимали, что война, по меркам человеческого бытия, это не такое далёкое прошлое, она рядом, она обжигает своим дыханием.

Пришел тот горький час, когда родителей не стало. Они покинули этот мир, но оставили свои воспоминания. Эти воспоминания осколочком живут в моём сердце, они говорят о том, что это действительно было. В этих воспоминаниях нет ничего сверхъестественного, но тем они и дороги – это не вымысел, они были с реальными людьми, на нашей земле, по которой ныне ходим и мы. Сегодня я расскажу о них – событиях той поры увиденных глазами девочки, ставшей впоследствии моей мамой – Базаровой Анны Алексеевны, родившейся на яблочный спас 1928 года в селе Незнамово, недалеко от города Старый Оскол.

Отечество

Об этих местах можно смело сказать так: это жемчужина Среднерусской возвышенности. Маленькая, быстрая и чистая речушка, впадающая в полноводный Оскол, с трогательными, растущими вдоль её берегов ивушками, опустившими свои ветви-руки в прозрачную воду, величавые, сказочные оскорины вдоль дорог. За рекой, протянувшийся до самого города, – лиственный лес с красавцами дубами, как будто сошедшими с полотен Шишкина. Но не меньшее чудо – это луг, настоящий «тургеневский луг»! Затапливаемый в половодье быстрой рекой, он всегда наполнен живительной влагой и отличается невиданным разнотравьем, сияет и переливается в часы, когда раннее солнце подсвечивало бриллианты на его травах. Святая Русь, земля предков наших! Сколько захватчиков приходило на эту землю, пы-

талось захватить твои богатства, стремились покорить твой свободолюбивый народ!

Алёша

Вторжение. Оно произошло, как вспоминала мама, когда жизнь у людей наладилась и стали жить хорошо. Не сильно зажиточно, но и не в бедности. А ещё жили весело. Мой дед, Алексей Анисимович, отличался тонким чувством юмора, любил пошутить, но так, чтобы никого не обидеть, создать радостную ауру. Высокий, статный, степенный, он отличался добрым отношением к людям. Кузнец по профессии, он был мастером в любой работе. К нему шли люди, просили помочь, он никому не отказывал, как правило, помогал бескорыстно. Жена его, Любовь, иногда сердилась на это, но не обижалась – хорошо знала своего мужа – он и другим поможет, и свою семью не обидит, да так и жили всегда на Руси – всем миром справлялись с делами. А ещё любил без памяти своих дочек – младшую Марийку, старшую – красавицу Раису и мою маму – Анечку-Анюту, как он называл её. Вот в этот добрый и светлый мир ворвалась война. Она не дала заниматься любимым делом, она разлучила близких, многих – навеки.

Когда началась война, мой дед Алексей ушёл на фронт. Он воевал под Сталинградом, выжил в этом пекле. Мне очень дорого то воспоминание, о котором рассказал односельчанин, вернувшийся домой без ноги: «Там, под Сталинградом, встретил Вашего Алексея. Шёл со своими бойцами на лыжах. Остановились, обнялись, как земляки. Смотрю, а у него вся грудь в орденах». Этот мирный добрый человек воевал героически. Воевал так, как профессионально делал свою работу. И еще, конечно, помнил о своих дочерях и жене, ждущих его, о земле своих предков. Дед прошел Сталинград, а пал смертью храбрых недалеко от дома – на Курской дуге. Мама показывала мне ту часть небосвода, где «горело небо», горело много дней и ночей. Горело там, где стояли оскорины у дороги, за лесом, за городом. Я никогда не узнаю, как погиб мой дед. Знаю только одно: он погиб, чтобы защитить свой дом. Погиб, чтобы окончательно сломать хребет зверю, уничтожить машину смерти. Выполнение этой миссии потребовало жизни лучших, жизни героев.

Нашествие

Незадолго перед войной Алексей Анисимович построил новый домой. Старый стоял у самой реки, и приходилось противостоять обильному весеннему половодью. Дом Алексей построил под сенью огромного вяза, на пригорке, откуда открывался красивый вид. Можно, наверное, только представлять себе, как радовались и мечтали о том, как заживут счастливо. Не сложилось. Сам дом стал безмолвным свидетелем войны. Отсюда Алексей Анисимович ушёл на фронт, поцеловав на прощанье жену и детей. Отсюда три сестры, три молоденькие девочки уходили строить оборонительные соору-

жения. Не сдержали, враг ещё был очень силён. Выбежав из дома, они провозжали наших. Бойцы Красной армии выходили из-под удара, тяжело шли, только раненых везли на лошадях. Потом несколько дней и ночей сильно бомбили. Бабушка Люба прятала дочерей в подвал, там со страхом слушали свист падающих авиабомб. Каждый про себя читал молитву. Впоследствии, когда проходил по этой земле – был потрясён. Воронки от разрывов авиабомб лежали так близко, что казалось, что выжить в этом аду было невозможно. Выжили, как и выживала вся Русь.

Потом из окошек видели само Нашествие. Это было нашествие практически всей континентальной Европы. Захватчики ехали в бронированной технике, на автомобилях, только некоторые передвигались на велосипедах. Это была бесконечная армада. Казалось, что нет силы, что её одолеет. Враги зашли в каждый дом, обыскали каждый подвал. Дети с матерью прятались в подвале, когда огромный эсесовец спустился в подземелье. Он был буквально увешан оружием, ножны от финки висели на боку, а сам нож был зажат в зубах. Фашист начал штыком колоть солому и кричал: «Коммунист! Комсомол! Партизан!». Старшая Рая была комсомолкой, если бы кто-нибудь бы донёс, – смерти не миновать: по всей деревне крики перемежались с короткими автоматными очередями. Осколком в живот была ранена любимая корова Бурёнка. Она умирала мучительно. Дети плакали, у коровы тоже текли слёзы – как у человека. Не стало кормилицы. Как они выжили в долгие месяцы оккупации, как моей бабушке Любе удалось сохранить жизни трёх девочек? Выжили, как и выживала вся Русь...

Наши

После ожесточённых боёв на окраине села пришли наши. Пришли, едва держащиеся на ногах, изнурённые ожесточённым сражением, не спавшие несколько ночей, пропахшие порохом, с наспех обработанными ранами. Но это были наши – бойцы Красной армии! Просторный дом деда Алёши уцелел среди немногих, видно могучий вяз защищал его от разрывов снарядов. Он укрыл, принял в свои объятия русских солдат, выживших в тяжёлом бою. Их было много, но всем нашлось место. За ночь, пока бойцы спали, три маленькие девочки перестирали всю форму солдат, пропитанную потом и кровью, высушили, согрели на русской печи. В знак благодарности, вернувшиеся к жизни солдаты, подарили детям вещмешок с пряниками. Наверное, за всю жизнь не было ничего слаще и вкуснее. Может быть, эти пряники и спасли жизни трём хрупким девочкам, на плечи которых выпало это тяжёлое испытание войны. Я не знаю, сколько эти девочки сделали на строительстве оборонительных сооружений, но уверен в одном, что бойцы, увидев этот маленький подвиг девушек, которые в кровь растёрли себе руки, чтобы

помочь фронту, получили то чувство, ту энергию, которая сокрушила коричневую погань, ворвавшуюся в нашу страну.

А потом к соседскому дому Монаховых подкатила «Катюша» – реактивный артиллерийский миномёт, наводивший ужас на фашистов. Именно с того места, где они насильничали и жгли, яростно, на полную мощь работала реактивная установка. Как же сладко было слышать эти звуки вылетающих реактивных снарядов! Казалось, что в мощи артиллерийских раскатов вся сила Родины – могучей и свободной.

23 августа в Харькове отмечается День освобождения. Этот день считается Днём нашего города и отмечается как самый главный праздник. В этот праздничный день я всегда вспоминаю своего деда, павшего на Курской дуге. Победа в этом величайшем в мире сражении привела к освобождению Харькова, к окончательной победе над врагом в мае 45-го года. Вспоминаю и трёх хрупких девушек, выживших в этом огне, чтобы продолжалась новая жизнь, была жива Русь. Этот осколочек памяти навсегда в моём сердце. Будем не только помнить, будем жить так, чтобы быть достойным этой памяти.

*Лариса Пастух
г. Киев, Украина*

БЛАГОВЕСТ

* * *

Светлой памяти о. Ростислава

Ищу Тебя, о Боже, я во всём:
В цветке, в благоуханье совершенства,
В ручье, что полнит новый водоём,
В весеннем утре, торжестве блаженства,

В неутолимой жажде новых утр,
В стремленье к свету, что несёшь
Пространству.

Я всё ищу. Ты бесконечно мудр.
Мысль неустанна.
Я в полёте странствий

К путям Твоим. К дыханью Твоему
И к радуге светлейших озарений.
Ищу. И благодарна я всему.
Ты соткан из бесчисленных мгновений.

Я вслушиваюсь в голоса Твои.
Они во всём: и в тишине, и в звуках.
Творят из звуков радость соловьи.
В ней отраженье ритмов сердца. Стука

Его не слышно. Но оно поёт.
Незримое творит так неустанно.
Так это Ты, о Боже? Сердца взлёт –
К Тебе стремленье и Тебе осанна.

25 марта 1996 г.

Киев

* * *

Как фреска, проступающая
В храме,
Хранимая Небес святою волей,

Влекущая к себе души
Стремленья,
Так жизненные тропы
Проступают.
В них всё есть:
Направление, рисунок,
И краски, сквозь напластованья
Боли.
И выпавшие, зримые
Утраты.
Молитвы сердца их лишь
Восполняют.
Как фреска, мы проходим
Через время.
И, как она, неся благословенье,
Храним в себе неизъяснимый
Свиток,
Завещанный нам Вечною
Душой.
Несём времен уже прошедших
Бремя,
Творя в пути духовны
Омовенья,
Связующие
Сохраняя нити,
Выстраиваем храм нетленный
Свой.
Как фреска, проступающая
В храме,
Уходим в жизнь,
Как в светлое моление...
23 сентября 1999 г.
Большие Вязёмы

БЛАГОВЕСТ

1

Искупаюсь в колокольных звонах,
Всею душой высокой причащусь.
Чистоты напьюсь я колокольной,

Истине пречистой поклонюсь.
Колокольный звон как предсказанье,
Будто к жизни возрожденный глас.
Посылая к небу звон пасхальный,
Душу святу пробуждает в нас.
И она ликует, просветленна,
В ясном свете утренней зари.
В Оптине пасхальный свет нетленный.

Вызвонили
Радость
Звонари.

БЛАГОВЕСТ НА ПАСХУ

2

Пом...ню! Пом...ню! Пом...ню!
Утверждал Царь-колокол.
И вторили ему подголоски:
Помнишь ли? Помнишь ли?
Вспоминаем! Вспоминаем!
Вспоминаем!
Звонко перекликались голоса.
А самые маленькие среди них
Сообщали весело:
Я ликую! Я ликую!
Слышишь ли? Слышишь ли?
Радость-то! Радость-то!
Чудо-чудо, чудо-чудо!
Радостно!..
И только Царь-колокол
На всю округу гудел:
Пооом...ню...
Пооом...ню!..
*26 апреля 1992 г.
Оптина Пустынь*

*Ніна Супруненко
м. Харків, Україна*

* * *

Все більше снігу, сонця... Далі – в Татри!
Дорога-серпантин кружляє нас,
Внизу лишаєм новорічне свято,
А тут – вдихаєм свіжість про запас.

Від сонця й снігу – справжня насолода!
Від трас крутих – крутий адреналін!
Така казкова у лісах погода –
Душа аж виграє від різних змін!

Сніжинка кожна – це маленьке диво,
Помножене на мільярди див!..
У горах я – розкута і щаслива,
Мов крилами Господь нагородив!

3.01.08

* * *

У іншому кінці Європи я,
А зранку ще Хрещатиком гуляла...
Така здається крихітна земля,
Якщо на переліт годин так мало!
 Іспанія привітна, як завжди:
 Фортеці, замки, море, гори, люди...
 Здається, не було одвік біди
 Й довіку вже її ніде не буде!
А море Середземне простеля
Мені під ноги хвилі, наче килим...
І цей короткий переліт і шлях
Мені здається і легким, і милим.
 Привітна Каталонія до всіх,
 Приємна мова тішить слух незвично,
 Не зна кордонів мовних щирий сміх,
 Який луна природно, органічно.
Відкритість неба, моря, пляжу – всі
Дари природи для усіх доступні!
Ми молимося щедрості й красі,
Що скрасили такі тривожні будні...

А море Середземне забира
У мене тільки прикромці й образи –
Така велична щиросердна гра –
Щоб стала я щасливою відразу!
 Безмежність сонця і краси така,
 Що бути нещасливою – безбожно!
 І вже душа моя така легка,
 Що нею лікувати інших можна...
 6.07.08

* * *

Серед поля хатина і поруч садок,
А на схилах до обрїю білі сніги.
Лиш висока ялина сяга до зірок –
І нікого немає ніде навкруги!

Ніч морозна, ясна...
Жовтий місяць змарнів,
Натомився освітлювать білі сніги.
Вітер за день розтратив пориви і гнів –

Не розхлюпував ніч за її береги...
Таємничість і тиша за руки взялись,
Колисали хатину, садок і поля...
На прикрашену зорями місячну вись
Поглядала з любов'ю, як мати, земля...
 8.02.06 *Синів – Гоща*

* * *

Танок сніжинок за вікном всю ніч,
Немов зима на radoщах гуля...
А я не розумію, в чому річ,
Що світ для мене чорний, як рілля...
Ти не приходиш в сни.
Ти як чужий,
І на снігу нема твоїх слідів...
Зате в душі сліди свої лишив
Від берегів її до берегів!
 14.11.07 *Київ*

*Лариса Французова
г. Харьков, Украина*

ЕДИНЕНИЕ ВО ИМЯ ЛЮБВИ

*...К вам, свидетелям новой эпохи
О любви обращаюсь с мольбой!
Мы не так уж, как кажемся, плохи,
Встрепенитесь, проснитесь душой!*

*Лариса Французова
«Иммунитет»*

НАЕДИНЕ С ИСКУССТВОМ

Я чувствую время,
Что дарено мне,
Я рядом со всеми
И я в стороне.

Я знаю: мгновенье
Имеет свой цвет,
Ведь в каждом – прозренье,
И в каждом – просвет.

Любая минута
Имеет свой вкус,
Приносит кому-то
Восторг или грусть.

Жить в мире искусства,
Угодном Христу –
Вверять свои чувства
Бумаге, холсту.

Серебряной кистью,
Хрустальным пером
Он, души очистив,
Наполнит добром.

Стихи и картины –
Частица меня,

Я – холодность льдины,
Я – пламя огня.

Творенье – пространство,
Свобода от зла,
От тел, постоянства,
От года, числа.

В дне будущем каждом,
Вчера и сейчас,
Всё с нами – однажды,
Единственный раз!

Момент – это строчка,
Что в жизнь вплетена,
В романе – лишь точка,
А в море – волна.

Палитра – возможность
Мне выразить суть,
В поэзии тоже
Нельзя обмануть.

Я чувствую время
Как луч, как прибой,
Я рядом со всеми,
Но чаще – с собой.

ЖАЛЕЙТЕ ДРУГ ДРУГА

...Все мы немного у жизни в гостях.

Жить – это только привычка...

Анна Ахматова

Жалейте друг друга, жалейте!
На всех мировую распейте,

Долги позабудьте навеки,
Ведь люди же мы, человеки!

Грехи отпустите, обиды,
Не нужно кровавой корриды.

Дарите друг другу подарки,
Живите красиво и ярко!

Взлетать научитесь над бытом,
Хвалить – широко и открыто,

Помочь, если ближнему туго,
Счастливым быть в радости друга,

Любить глубоко, до предела,
Не словом доказывать – делом!

Желанье сражаться отбросьте,
Избавьтесь от мести и злости,

Вражды, недовольства и лести,
Останьтесь хозяином чести!

Согласию дверь отворите,
Живите, любите, творите!!

АНДРЕЮ ПЕРВОЗВАННОМУ

*Святой апостоле Андрее,
моли Бога о нас.
(надпись на памятнике в г. Севастополе)*

Святой апостоле Андрее,
Всевышнего о нас моли,
Чтоб возвращались поскорее
Из долгих странствий корабли,

Чтоб те, кого мы любим очень,
Не уходили навсегда,
Светила среди мглы и ночи
Им путеводная звезда.

Чтоб к нам надежды возвращались,
А с ними – вера и любовь,
Земные утоли печали
И заслони от бед собой.

Века молитвой дух вселяют
В скорбящих чистые уста,
И знаменьем благословляют
Три сложенных твоих перста.

В родном краю и в дальних странах,
Чтоб жизни лучик не угас,
Святой Хранитель Первозванный,
Моли Всевышнего о нас!

ТРИ «П»

Несложно вникнуть в боль других,
Чужим проблемам внять –
Три слова выручат благих:
Понять. Простить. Принять.

Мысль это вовсе не нова,
Избита, может быть –
Суть созиданья в трёх словах:
Понять. Принять. Простить.

Простые, словно «аз» и «ять»,
Слова – как «жизнь», как «мать»...
Так что нам стоит принимать,
Прощать и понимать?

*Ярослав Зинченко
г. Харьков, Украина*

МОЁ ПРЕКРАСНОЕ ПОМЕСТЬЕ

Моё поместье, ты – мой прекрасный мир, дарованный Богом. Все бескрайние просторы Вселенной навсегда заключены в твоих объятиях. Ты – дорога вечной жизни, счастья, гармонии и свободы. Ты – моя мечта и моё вдохновение. Ты – колыбель жизни моего рода, в веках утверждающего радость и совершенство жизни. Бережно вскармливая своих детей, ты несёшь драгоценную чашу жизни, до краёв наполняя и обогащая её лучезарным сиянием солнца. Впитывая святой живительный солнечный свет, ты всегда облачаешь себя в великолепные живые убранства.

Моё нарядное поместье, ты прекрасно во все времена года. Опьяняющий цвет весны и золотой листопад осени, разноцветный ковёр лета и белое покрывало зимы, красочное благоухание трав и цветов, неповторимые наряды птиц и животных, сказочные краски порхающих бабочек и разнообразная палитра многочисленных насекомых, голубое небо и пушистые облака – всё исполнено величайшей гармонии цвета.

Моё прекрасное поместье, ты изобилуешь благодатным светом жизни. В лучах золотого солнца купается каждая травинка, каждый листик, каждый цветок. Кристально чистая вода ручейка, сверкая в лучах ослепительно яркого солнышка, несёт великую животворящую силу Земли в чудесный водный мир – живое озеро, которое, впитывая всю Божественную силу Вселенной, дарит исцеление душе и телу. Свет волшебной зари, благодатного солнца и далёких планет, свет таинственной луны и задумчивых звёзд, всепобеждающий свет Любви – весь этот бесконечный источник жизни навсегда разлит в живом пространстве моего поместья.

Моё живое поместье! В тебе заключена величайшая гармония жизни! В бескрайних просторах твоей живой бесконечности воплощаются самые светлые мечты нашего рода. Всё твоё живое пространство изобилует величайшим многообразием живой природы. Величественные кедры и могучие дубы, пушистые ели и нарядные берёзы, румяные яблоки и сладкая малина, сочные гирлянды винограда и пышное цветение роз, залиvistые трели соловья и серебряные нити дождя, золотистые волосы солнца и раскаты весенней грозы – во всём бурлит бескрайняя радость жизни. Каждое мгновение радуются жизни наши замечательные помощники: ловкие белки и трудолюбивые муравьи, прожорливые лягушки и прыткие ящерицы, тихие ежи

и быстрые пчёлы, дарящие нам свой драгоценный нектар жизни, желанные гости природного леса, возрождающиеся существа Божественных первоисточков и вновь созданные творения. Все эти живые обитатели поместья, находясь в постоянном движении и выполняя своё Божественное предназначение, сливаются в единый живой ансамбль. Каждый миг преображаясь, откликаясь на творящие мысли, чувства и образы человека, всё живое пространство моего поместья кружится в бесконечном завораживающем танце.

Моё счастливое поместье! Ты исполнено ликования живой природы! Все твои многочисленные обитатели изобилуют могучей энергией жизни. Весёлое пение птиц и сочная зелень листвы, бурная жизнь дня и тишина ночи, утренняя прохлада и вечернее спокойствие, тихий шелест дождя и играющее многообразие цветущего луга, звонкий смех детей и счастливые взгляды взрослых – всё насквозь пропитано всепроникающей бесконечностью.

Бесконечны чистые помыслы и быстрые светлые мысли нашего рода, создающие высочайшую точность сотворения. Бесконечна чистота твоего живого пространства. Бесконечна творящаяся в тебе жизнь! Моё прекрасное Божественное поместье, ты раскрываешь во мне бескрайние способности Творца, ты даришь мне бесконечные жизненные силы и опьяняющий вкус свободы, великие знания священных предков и возможность творить совершенные, живые миры. Ты наполняешь мою жизнь величайшим смыслом и мудростью Божественных первоисточков. Моё прекрасное поместье, сквозь твою бесконечность я навсегда превращаю Вселенную в цветущий райский сад.

Антонина Тимченко

г. Харьков, Украина

СТРЕТЕНЬЕ

15.02.2001 г.

Я улыбалась февралю,
Когда зима встречалась с летом
Ты повторял за мной «Люблю»,
Я всем рассказывала это.

Нас не пугали январь,
Молва людская не пугала,
Любовь хотелось повторить
И я влюбленной роль играла.

Ты не спеши, ты не спеши,
Когда спешить уже напрасно.
Ты не спеши, ты не спеши,
Когда любовь нам не подвластна.

Ты не спеши, ты не спеши
Открыть закрывшиеся двери.
Ты не спеши, ты не спеши,
Когда ты потерял доверие.

Встречали мы с тобою май,
И ветерок ласкал нам плечи.
Ты моим чувством не играй,
Не повторяйся наши встречи.

Сентябрь поспорил навсегда,
И разошлись наши взгляды.
Пришла разлучница-беда.
Ну, а кому все это надо?

Ты не спеши, ты не спеши...
Когда спешить уже напрасно.
Ты не спеши, ты не спеши,
Когда любовь нам не подвластна.

Я не спешу тебя винить,
Со мной ты поступил жестоко.
Ну, как мне молодость продлить,
Когда не вьется даже локон?

Все поезда мои ушли,
И опустели полустанки.
Но как с тобою мы могли
Так разминуться на стоянке?

ПОБЕДА

Конверты старые раскроем,
Страницы бережно расправим.
И вспомним каждого героя,
И в памяти своей оставим.

Всё в письмах мило нам до точки,
Понятно, дорого и любо:
Такие ласковые строчки,
Что от обиды дрогнут губы.

Вот пишет сын родной мамаше:
«Ты не волнуйся всё пройдет! –
После войны жизнь станет краше,
И будет счастлив наш народ!»

А ветер, вынужденный странник,
Тогда вздыхал с бойцами вместе.
Конец войне! И ждали страны
Коротких радостных известий.

И многих трепетно терзали
Большие сложные задачи,
Ведь похоронки получали
Над «треугольниками» плача.

И вот победа! Ах, славный май!
Разгоним боль, печаль, ненастье,
Живите, ветераны, и дерзайте –
Вы заслужили неизменно счастье.

Строки – «с ветерком» мои,
Что ж, «по Сеньке шапка».

Я ВЕРЮ В ЧУДО!

Стоит посмотреть на облака –
Вырастают крылья за спиной:
Сразу жизнь становится легка,
Почему такое вдруг со мною?
И смогу беду перенести,
За моря далёкие умчаться.
И всему, что встречу на пути,
Буду напевать и удивляться.
Удивляюсь я рощам, перекатам,
И ее Величеству – природе,
Любоваться розовым закатам,
Солнечной иль пасмурной погоде.
И реке, поющей у причала,
И бегущим летним ручеёчкам,
И, конечно, я б им прокричала
Эти, мной написанные строчки.
Горделиво тянутся берёзы,
Изогнув нарядные стволы.
Проливать не стану больше слёз я –
Дни ещё от солнышка светлы.
Иногда в минуты непокоя
Я цепляюсь за живую нить,
В мыслях своё будущее строю,
И хочу вам чем-то удивить.
Твёрдо верю только в это чудо,
А иначе думать не могу.
Светлой жизни радоваться буду
И за облаками побегу.

* * *

Еще не все успела написать
О жизни долгой и тревожной
Задумки можно продолжать,
Жизнь пока не безнадежна.

Она, как быстрый ручеек,
Журчит под солнышком весенним,

Стремясь проникнуть в гущу строк,
В разгар весеннего цветенья.

Еще не все цветет вокруг,
Пора не наступила ...
Зато всегда есть верный друг,
Надежда, Воля, Сила!

А сила воли, чтоб
Преодолеть препятствия и неудачи...
Как колос в поле, чтобы во время поспеть
А как же можно жить иначе?

От «А» до «Я» – вот жизни срок...
И перебрав все прелести земные
Я утверждаю жизненный урок,
Задачи очень не простые.

С БЛАГОСЛОВЕНИЕМ И ЛЮБОВЬЮ

Спасибо, Ереван, за отзыв на стихи,
Они, как «караван» в нехоженной степи!
Нет тропочки живой, и влага иссыхает,
А стих тропой святой путь свой продолжает!

Такой тяжелый труд и ноша нелегка,
Но сердце радостно от благодарных слов.
Вновь в интернет спешит строка –
Ко всем читателям огромная любовь.

Алтайский край, красавица Молдова,
Болгария с песней на устах.
О, Боже! Воздай им чудо снова
А я готова творить его в стихах.

Не страшно, что в кармане пусто
Лишь бы Мир царил вокруг нас,
А, коль, кому-то очень грустно,
Любезный Интернет – ваш звездный час.

15.01.2012

ВО ИМЯ ЖИЗНИ

Во имя жизни – стихи писать,
Чтоб люди их могли читать!
Во имя жизни – жизнь продлить
И много лет полезной быть!

Во имя жизни – нет тревог,
Во имя жизни – с нами Бог!
Во имя жизни живет Земля,
Во имя жизни живу и я.

Во имя жизни – со мной друзья,
Во имя жизни цветут поля,
А в небе звездочка моя
Зовет в небесные края.

Божье Око глядит любя,
И ангел шепчет для меня:
«Во имя жизни еще живи,
Радуйся земной любви!»

Во имя жизни надо жить!
Земной остаток времени прожить
Без потерь и без тревог ...
Во имя жизни – с нами Бог!

*Дмитрий Байда (Д.В. Бадаев)
г. Харьков, Украина*

СКАЗКИ ХАРЬКОВСКИЕ

Харьков и Харьковщину многие, особенно понаслышке, считают неромантичными. Да и сделано в последние годы немало, чтобы наш город прослыл «чем-то бездушным из стекла и бетона» («чудом из стекла и бетона» Маяковский назвал харьковский Госпром – первое высотное здание в СССР), украинской «столицей скорби» и тому подобным. Есть и проявляющие истинные чудеса фантазии радетели «обновления» истории города и края «в видах государственных»: Украине нужен-де «другой» город с «другой» историей! Но не про них сейчас речь.

А ведь Харьковщина в действительности богата своей историей и природой, ещё – зачастую чудом! – сохранившимися, хоть и малоизвестными красотами. Пусть не широк как Днепр Северский Донец, не бескрайни, как полесские пущи, его прибрежные дубравы и сосновые посадки двух минувших столетий, заслонившие Украину от грозных восточных суховеев – друзьям природы они радуют глаз и сердце. Даже горы свои есть на Донце: хоть и не найдёшь их на нынешней карте, на картах старинных смотрятся они не хуже Карпат, да и «в натуре» впечатляют! И повсюду найдёт любознательный гость памятники старины – и древние, археологические, и трёх-четырёх последних веков.

Вот хотя бы на западной окраине Харькова (самому городу, кстати, исполнилось 358 лет), на кручах реки Уды стоят скифские, а позднее древнеславянские и древнерусские городища – Донецкое и Хорошево. В старину сторожили они переправу на пути из восточных степей – нынче там же проходит Симферопольское шоссе! В Донецком городище, летописном граде Донце, побывал, бежав из половецкого плена, князь Игорь Святославич, герой «Слова о полку Игореве». Теперь же на его валах проходит исторический фестиваль «Игорев Полк».

В селе Хорошево, которое старше самого Харькова, на месте древнего городища был основан монастырь, где часто гостил Григорий Сковорода. А неподалёку в посёлке Бабаи сохранился дом, в котором он жил и писал «Байки Харьковские». За околицей, в лесном яру и сегодня журчит родник мемориальной Сковородиновской криницы, к которой на фестиваль «Сад божественных песен» собираются почитатели великого философа-поэта.

Стоят древние городища и ниже по течению Уд – у села Водяное и в Мохначе, куда не раз выезжал на этюды из родного Чугуева Илья Репин. Южнее, за Хорошевым и Жихорем, между реками Уды и Мжа, простираются густые дубравы Чёрного леса. На Мже – посёлок Мерефа, некогда

слобода кошевого атамана и знаменитого «характерника» Ивана Сирко, а при слиянии Мжи с Донцом стоит «старший брат» Харькова – город Змиёв, основанный запорожцем Кондратом Сулимой в 1640 году. Центрами уездов Змиёв и Харьков стали уже одновременно в 1656 году, позднее Харьков стал полковым городом, а Змиёв – сотенным. Но окрестности Змиёва богаты куда более древними памятниками, которые «помнят» походы Владимира Мономаха, времена алан и скифов, племен бронзового и каменного века.

К югу от Змиёва возвышаются над Донцом горы «Харьковской Швейцарии»; её «столица» – посёлок Коробов Хутор, иначе село Коропово. Уже два века этот край привлекает любителей природных красот: их рисовал Сергей Васильковский, описывал в своих «усмішках» Остап Вишня. Но ещё в середине XVII века эти горы облюбовали монахи Змиевского Свято-Никольского казачьего монастыря, охотно дававшего приют сечевым «дедам», а после падения Сечи – беглым казакам.

С руинами монастыря, разорённого вслед за Сечью, с Казачьей горой над ними, с окрестными Белыми озёрами связано немало легенд и преданий. Рассказывают их и о романтической усадьбе, которую построил на соседней горе, у села Гайдары сто лет назад сын известного фотохудожника Иваницкого. Теперь там расположена биостанция Харьковского университета, а студенты, как известно, всегда склонны к романтике!

В 2007 году горы и яры, городища и курганы «Харьковской Швейцарии» от околицы Змиёва до реки Гомольши стали Национальным парком «Гомольшанские леса».

...Забываются старые легенды, развеиваются по ветру мифы, остаются в прошлом «преданья старины глубокой». Но, наверное, и сейчас не только учёные труды и скупые строки путеводителей нужны нам, чтобы постичь историю, красоту и саму душу этого края – нужны и сказки, ненавязчивый «добрым молодцам урок» верности и чести, любви к родной земле, понимания красоты и правды, одоления злобы и лжи. Вот поэтому из обрывков преданий, полузабытых имён, общения с краеведами и знакомства с памятными местами, впечатлений от походов и экспедиций, фестивалей и ролевых игр и, конечно же, примет и забот дня сегодняшнего – у него ведь тоже есть и легенды, и место в истории! – возникли намётки новой «старины мест», «сказок Харьковских». А приметы названных здесь местностей вы найдёте в детской «Сказке про китинькин хвостик», открывающих этот цикл.

СКАЗКА ПРО КИТИНЬКИН ХВОСТИК

Посвящается Фее Моргане

Жила-была на свете китинька-манюнечка по имени Муркана – усики длинненьки, ушки остреньки, глазки-яхонты, лапки мяконики, спинка бархатна, хвостик пышненький. Коту-Баюну, что по цепи бродит да налево сказку бает-говорит, родная племянница. Рано по весне, а может, поздно по осени, пошла китинька в лес погулять сама по себе. И надо же статья беде! Шёл по лесу злой хмурый великан и не глядя наступил своей великаньей ножицей китиньке прямо на хвостик. И пошёл себе дальше. Заплакала тут китинька горячими слезами, да только разве слезами горю поможешь: поломался хвостик!

Сидит китинька в лесу, хвостик свой бархатный гладит да плачет горько. А куда же китиньке с хвостиком поломанным податься? Вдруг откуда ни возьмись, глядь – ползёт по лесу ёжик-бедовая головушка, острые иголочки. Ползёт себе да песенку напевает про боярский двор белокаменный. Увидел он, что китинька плачет, да и спрашивает: пошто, китинька, печалишься? Что с тобой, манюнечкой, стряслося?

Отвечает китинька ёжику: вот, поломал мне хвостик пышненький злой великан, наступил ножицей не глядя. Что же делать мне теперь, маленькой? А ёжик-добрая душа ей в ответ: не плачь, китинька, не плачь, маленькая! Мне тот великан-бродяга норку мою, листочками крытую, растоптал. Да я не плачу – пою себе песенку да ползу к Хорошей горе за подмогою. На той горе живут Лёня и Витя – храбрые зайки, всем зверям лесным помогайки. Айда, китинька, со мною на Хорошую гору! Авось и хвостик твой пушистенький там вылечим!

Заплакала китинька пуще прежнего: как же мне маленькой, идти на гору высокую да с хвостиком поломанным? Не дело ты, ёжик, говоришь! Ступай своей дорогой, песенку напеваючи, а я без тебя буду тут дальше плакать! Ёжик в ответ: нешто я тебя, китинька, в лесу одну оставлю? Это ведь дело нестаточно! А на гору Хорошую я сам тебя снесу!

Испужалась китинька: как ёжику её на гору снести, на острых-то ежиных колючках? А ёжик-добрая душа враз колючки свои сделал мяконики, не жёстче китинькиной шёрстки. Посадил китиньку себе на спину, хвостик её поломанный уложил и пополз себе на Хорошую гору, песенку напеваючи.

Вот пришли ёжик с китинькой на гору Хорошую, а там храбрые зайки Лёня с Витей под берёзкою сидят, на Уду-реку глядят, кручинятся. Спрашивают их ёжик с китинькой: что у вас, зайчики, сталося? Отчего вы, храбрые зайки, не веселы, не пляшете, не скачете, каратейною забавою не утруждаетесь? Говорят на то зайки: пришла к нам на Хорошую гору лихая беда, и поделаться с ней ничего не можем. Объявилась на горе лютая ведьма киевская Золота Коса со своими бабаями и нас, заек, из домика выгнала! Негде нам теперь вас, добрых зверей, приветить, и самим нам на Хорошей горе житья не стало.

Говорит на то ёжик-умница: нечего вам, храбрые зайки, сиднем сидеть! Надобно нам вместе идти правду-управу на лиходеев, на вредьму с великаном искать. Куда ж нам идти за правдой-управую? – спрашивают ёжика зайки с китинькой. Ёжик в ответ: на Уду-реку, на Донец-гору, к царю-батюшке. Вот и стронулись вчетвером добрые звери, пошли на Уду-реку, на Донец-гору. Ёжик-добрая душа китиньку на спине несёт, зайки ей, бедной, хвостик бархатный поддерживают.

Так и пришли добрые звери на Донец-гору, что над Удой-рекой. Сидит на той горе царь-батюшка. Не в палатах белокаменных – на голой земле. Без венца да без сапог, с горя в бороду сморкается. Поклонились ему ёжик с китинькой да храбрые зайки своею бедой, а царь им в ответ: чё за базар, в натуре? Тут меня на бабло кинули ка-анкретно! Привалила в натуре гопа: великан толстопятый, вредьма Золотая Коса киевская с бабаями и сам вурдалак лихомордый Альфред Гестапович Бухгалтер. Понтов накидали, как пацана, обшмонали. Сижу теперь на Донец-горе, в натуре, как на нарах. А вы валите-ка за тёмные Бабай-леса, на криницу Сквородину. На той кринице ищите доброго волшебника, что всем людям да зверям помогает.

С тем и пошли добрые звери с Донец-горы за Бабай-леса к кринице Сквородине. Долго ли шли, коротко – повстречали в Бабай-лесах козюрочку беленькую. Паслась та козюрочка на лугу за Донец-горой на Уде-реке, а великан с бабаями да вредьма киевская с вурдалаком лихомордым ну её ловить! Испужалась козюрочка, в тёмные Бабай-леса забежала, да там и заблудилась.

Обрадовалась козюрочка добрым зверям. Посадила себе китиньку на спину, уложила хвостик бархатный, и пошли они дальше впятером – искать криницу Сквородину и доброго волшебника.

Идут добрые звери по тёмным Бабай-лесам, а на встречу им старичок махонький да седенький в лапотках липовых, кафтане бузиновом, лопуховой шляпе. По-добру, по-здорову вам, говорит, добрые звери! Куда путь-дорожку держите? Нешто не страшно вам, малюткам, впятером по тёмным Бабай-лесам гулять-прохаживаться? Нынче тут нечистой силы развелось видимо-невидимо!

Ёжик на то старичку говорит: идём мы через тёмные Бабай-леса по делу немаловажному – ищем доброго волшебника с криницы Сквородины, добывать у него правды-управы на лиходеев. За козюрочку беленькую, за царя-батюшку, за зайкин домик да мою норку, а ещё за китинькин хвостик пушистый, поломанный!

Отвечает на то седенький старичок: я-де и есть волшебник с криницы Сквородины. Только добрых дел чудесных мне теперь не сотворить. На той кринице Сквородине, откудава сила волшебная по краю нашему течёт, засела нынче нечистая сила: вурдалак лихомордый Альфред Гестапович Бухгалтер, да с ним вредьма киевская Золотая Коса с плешивыми да гугнивыми

бабаями, да злой великан толстопятый. И покудова их со светлой криницы Сквородины не согнать, будут они по всему краю творить лихо да беду, а добрые дела вовсе переведутся.

Опечалились добрые звери: кому же из них по силам таких лиходеев с криницы Сквородины прогнать? Тут говорит старичок-волшебник: вам-де, добрым зверятам, нечисти бояться нечего. Вы ребята дружные, один другому подмога. Я уж давно таких молодцов дожидаюсь, что не побоятся в самые тёмные Бабай-леса пойти правды искать. Вместе мы злодеев обязательно одолеем!

А китинька-манюнечка старичку мурлычет: какая же от меня, бедненькой, вам подмога, с хвостиком моим поломанным? На то волшебник в ответ: коли бы не ты, китинька, добрые звери вместе бы не сошлись. Выходит, что ты в нашем деле первая!

Взял тут добрый волшебник китиньку-манюнечку на руки и понёс её к кринице Сквородине. А с ним – ёжик-добрая душа, бедовая головушка, острые иголушки, храбрые зайки Лёня и Витя да козюбочка беленькая. Увидали их вурдалак-страхолодина да ведьма киевская Золотая Коса. Велели они великану да бабаям добрых зверей побить да прогнать. Но козюбочка беленькая не растерялась – великана под лодыжку боднула. Тот на ногах не удержался, в овраг глубокий свалился, в самые колючие кусты. И поделом ему, толстопятому!

А храбрые зайчики увидали, какие бабаи мелкие, плешивые-гугнивые да слабосильные, и как прыгнут на них своим каратейным манером! И враз бабаев пакостных одолели. А ёжик в травке прополз-прошуршал да и пырнул вурдалака лихомордого всеми колючками враз. Затрясся вурдалак проклятый да под землю и провалился. Хотел было от обиды злобной китиньку-манюнечку за хвостик болезный ухватить да с собою под землю утащить. Только добрый волшебник мороку на него навёл, и вместо китинькина хвостика ухватил вурдалак золотую косу ведьмы киевской. И вместе с ведьмой под землёй пропал.

Так храбрые звери вернули себе и всем добрым людям в наших краях волшебную криницу Сквородину. Покропил добрый волшебник чудесной водицею китинькин хвостик, и стал хвостик снова здоровенький и пышненький, да ещё и длиннее прежнего. А уж гибок да ловок на диво! Тут отправились зверята на Хорошую гору, в зайкин домик – победу свою над лиходееми праздновать. Так избыла китинька-манюнечка свою беду. А всё потому что добрые звери – дружные да храбрые. На том и сказке конец, а кто слушал – молодец!

Ирина Чупис
г. Харьков, Украина

* * *

Итак, страна идет на Запад, –
В верхах об этом говорят.
Нам европейский вектор задан
Был два десятка лет назад!
А наше мнение спросили
Те, кто дорвался до руля?
Бегом от матушки России
Пустились, прошлое хуля.
Какое гнусное коварство!
Какой расчетливый цинизм:
Забывать, что наше государство
Создал «проклятый» коммунизм!
Он земли дал, дал индустрию,
Державный статус, наконец!
И если матушка – Россия,
То он – заботливый отец.
Мы помним это. Нас немало –
Не позабывших о родстве.
Мы голоса свои отдали
За тех, кто нынче в большинстве
Верховной Рады. Так дерзните
Свершить обещанное нам!
Страну к России поверните,
К родным направьте берегам!

* * *

Обложили русских в Украине,
Обложили украинской мовой.
Все предметы, все вокруг отныне
Называют украинским словом.
И теперь, куда свой взгляд не кинешь, –
Всюду украинские названья.
По щитам рекламным и витринам
Глаз скользит и грузит подсознание.
Наши уши в транспорте и дома
Атакует звуковое поле:
В радиосетях и в телекоме

Тоже по-державному глаголют.
Власть, чьей волей создана блокада,
Русский дух изгнать, убить стремится,
Видимо, надеясь, что когда-то
Русский в украинца превратится.

* * *

Ни в Москву, ни в Нью-Йорк вы меня не зовите,
Они слишком телесны, хотя хороши.
Если в город поеду, то только лишь в Питер, –
В это место соборности русской души.
Поселились навек в той обители невской
Души близких, которых давно уже нет.
В узких улочках бродит со мной Достоевский,
Ну а Пушкин ведет на широкий проспект,
Где дома светлостенные слева и справа,
Как лучи, окаймляют дорогу к реке,
На фасадах скульптуры стоят величаво,
И игла золотая блестит вдалеке.

Но скрывает парад молодящихся зданий
Груз наследства, – того, что пришлось пережить.
И в подъезды заходишь, как в мрак подсознания,
В паутину таинственной нашей души,
Где и ангел, и черт, и, случается, бесы
Оплетают страстями умы и сердца,
Насылая безумье, – и мы куролесим,
Но в душе уповаем на милость Творца,
На особый свой путь и на нрав молодецкий,
На путевых вождей и на силы свои,
На пророков как Пушкин и как Достоевский,
И на веру, что наше спасенье – в Любви.

* * *

Вождю Украины не мешает*
Понять, что заблудился он,
Ведя нас в европейский дом,
Куда страну не приглашают.

Страна вождю недорого –
Она ему досталась даром.

И он отправился в бега,
Желая сохранить подарок.

Не в состоянье содержать
Ему подаренную хату,
Решил ее он передать
На иждивенье супостату
И рвется в европейский дом,
Куда страну не пригласили,
Но, может, пригласят потом,
Чтоб только насолить России.

А надо бы, смотря вперед,
Принять законное решенье:
Спросить украинский народ
О направлении движенья!

*Строка из поэмы А.С. Пушкина «Полтава», которую на конкурсе «Пушкин в Одессе – 2012» предложили продолжить.

СОДЕРЖАНИЕ

СИЛА СЛОВА В ОБРАЗОВАНИИ И ЛИТЕРАТУРЕ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ДУХОВНОГО ЕДИНСТВА СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

Леонид Товажнянский Диалог культур – общее духовное богатство славянских народов.....	3
Александр Романовский Формирование личности интеллигента как одна из задач высшей школы.....	9
Віктор Лозовой Духовність як основа гуманітарного розвитку країни.....	16
Александр Бобров Колыбель языка в свете 1150-летия моравской миссии.....	21
Эдуард Братута Православие как основа единения славянских народов.....	27
Александр Пономарев Толерантность образовательного пространства.....	33
Ольга Дольская Университет в современных цивилизационных процессах.....	38
Александр Михилев Россия и русский человек в поэтическом сознании А.С. Пушкина.....	45
Николай Олейник Незавершённые эпические и драматические замыслы К.Ф. Рылеева (трагедия «Хмельницкий», поэма «Наливайко»).....	54
Анатолий Долгарев Восстановив память – восстановим гордость.....	59
Инна Титаренко-Качура О влиянии славянской и европейской цивилизаций на болгарскую культуру (в рамках проекта российской и зарубежной методики преподавания РКИ).....	62
Леонид Мачулин Предпосылки формирования городской культуры на Слободской Украине.....	67
Ирина Глебова Слово, несущее свет и добро (Публицистический заметки о многонациональной литературе Харькова).....	80
Алексей Иванов Литература на русском языке в постсоветских странах как фактор саидентификации славянских народов.....	93

Тетяна Агеєнко, Олена Ярошенко	
Інтерпретація архетипів і символів слов'янської культури в процесі вивчення декоративно-прикладного мистецтва.....	100
Любов Анучина, Валентин Грицаненко, Оксана Стасевська	
Роздуми про феномен народного малярства.....	105
Тамара Бившева, Ірина Овчарова	
Полікультурне виховання особистості засобами музичного мистецтва. ..	111
Наталья Водолажченко	
Формирование целостной картины мировосприятия на уроках литературы.....	114
Ганна Гаряєва	
Франчайзингові відносини у сфері освітніх послуг.....	117
Георгий Геращенко	
Постсоветское человеческое общество 90-х годов. Факторы формирования уродства.....	122
Людмила Голова	
Гражданско-патриотические аспекты воспитания в общеобразовательном учреждении.....	128
Юрій Древаль	
До питання про предмет та зміст політичної психології.....	133
Юрий Жаданов	
Рубеж веков (конец XX – начало XXI вв.) как новый этап развития современной антиутопии.....	137
Тетяна Ісаєва	
Шляхи впровадження гендерних підходів у викладанні гуманітарних дисциплін у ВНЗ.....	142
Марина Киян, Марина Окладна, Людмила Перевалова	
Сучасні тенденції розвитку вищої освіти в Україні.....	150
Михайло Красіков	
З сучасної магічної практики українців (за матеріалами фольклорно-етнографічної експедиції 2012 року у Верховинський район Івано-Франківської області).....	154
Оксана Коваленко	
Гарри Поттер как выразитель интернационального сознания.....	166
Светлана Кумпан	
Гендерные отношения глазами английского сатирика Ивлива Во.....	171

Анжела Курганська, Ганна Гаряєва	
Текст як основне лінгвістичне поняття в розвитку комунікативних компетенцій школярів.....	175
Оксана Лихожон	
Концепт Європи в східноєвропейській літературі як засіб формування європоцентричної концепції.....	179
Руслана Мариняк	
«Ad fontes!»: характер творчості українських шістдесятників та митців – представників країн соцтабору.....	184
Ірина Мухіна	
Пострадянський освітньо-культурний простір в контексті міжнаціональних та міжособистісних відносин.....	189
Василий Омельченко	
Там жили поэты.....	193
Галина Павлова, Лариса Семененко	
Сквозь годы и века.....	200
Юлиана Полякова	
«Театральный альманах» А. Плюшара в контексте театральной публицистики первой трети XIX века.....	211
Ірина Романова	
Діяльність літературного гуртка «Руська трійця» в контексті національно-визвольних рухів слов'янських народів першої половини XIX ст.....	218
Анна Сатановская	
Особенности отображения оппозиции «Рим» – «страна скифов» в пространственной структуре романа Маргерит Юрсенар «Воспоминания Адриана».....	222
Надежда Северин	
Крос-культурні взаємини етносів на території історичної Слобожанщини.....	225
Татьяна Коробкина, Лиллиана Семенюта, Ирина Васильева	
Литературно-публицистическое эссе о гендере.....	233
Ольга Сердюкова	
Образ будущего в социальной фантастике Э. Берджесса.....	239
Ірина Сизоненко	
Деятельность педагога – путь к миру, согласию и сотрудничеству между славянскими народами.....	244

Марина Скиба	
Аналіз медіатекстів в процесі формування медіаграмотності соціальних педагогів.....	246
Ліна Стороженко	
Людина як філософський феномен у творчості Бориса Тенети.....	251
Ольга Тютюнник	
Організаційно-управлінські уміння соціального працівника у сфері фандрайзингової діяльності.....	254
Галина Фесенко	
Культурний простір сучасного міста як цивілізаційний вибір.....	258
Оксана Цуранова, Валентина Булгакова	
Украино-росийские параллели в современном духовно-музыкальном творчестве.....	263
Інна Ченбай	
Образ дитини-сироти в творах усної народної творчості.....	268
Вера Чубова	
Первичное значение слова «путь» в праславянском языке в индоевропейской культурной перспективе.....	272
Анна Шаронова	
Гуманизм в творчестве Зигфрида Ленца.....	281
Валентина Шевченко, Ірина Полянська	
Розвиток східнослов'янської культури: філологічний аспект.....	285
Олена Щіпановська	
Емоційний інтелект як складова ділової та особистої успішності керівника.....	290
Сергей Шелковский	
Далевы дали (Украина и Владимир Даль).....	295
Ігор Шудрик	
Літературні дискусії у Харкові 1925–1928 років.....	305

***ЛИТЕРАТУРА КАК СПОСОБ
ОБЩЕНИЯ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ***

Сергей Котьяло	
Манна небесная.....	317
Послушание.....	319
Зимнее утро в Тель-Каукабе.....	322
Красное море.....	324

Юрий Лошиц	
О России и русском народе.....	326
О боге.....	326
Рай потеряян не весь.....	332
Птах.....	333
Александр Кердан	
Покаяние.....	334
Воля.....	337
Необъяснимое.....	337
Ирина Полякова (Глебова)	
Поле битвы. Историческая поэма.....	339
Анатолий Мирошниченко	
Своей судьбой соединить... (Хронология событий).....	351
Олександра Бакун	
Плету огонь.....	361
Роза.....	361
Коханья.....	362
Философия.....	362
Наталья Балановская	
Прости, Всевышний.....	363
Наркотик.....	363
Грехи.....	364
Отзвуки времен.....	365
Валерия Белоус	
Славянская вязь.....	366
Алексей Бинкевич	
Памятник в декабре.....	369
Татьяна Дашкевич, Виктор Мищенко	
Славянский гимн.....	370
Дмитрий Главчев	
Быть мечтой.....	372
Мария Ефремова	
Поездка в детство.....	377
Владимир Дыкун	
Ночью в степи.....	382
Нина Карташева	
Архиепископу Иоанну (Шаховскому).....	384
Это чья-то молитва сильная.....	384

Над верой вершили расправу.....	385
Когда моей душе дано прозренье.....	387
В обители Преподобного Сергия.....	389
Инна Мельницкая	
Березы.....	390
Предчувствие.....	390
Моя музыка.....	392
Не говори о смерти.....	392
Надежда Мирошниченко	
Вспоминаем слово «снег».....	393
Музыка.....	394
Русский романс.....	395
Виктор Мищенко	
Осколочек.....	397
Лариса Пастух	
Благовест.....	401
Ніна Супруненко	
Все більше снігу, сонця... Далі – в Татри!.....	404
Танок сніжинок за вікном всю ніч.....	405
Лариса Французова	
Единение во имя любви.....	406
Ярослав Зинченко	
Моё прекрасное поместье.....	410
Антонина Тимченко	
Стретенье.....	412
Победа.....	413
Разговор с пословицами.....	414
Я верю в чудо.....	415
Еще не все успела написать.....	415
С благословением и любовью.....	416
Во имя жизни.....	417
Дмитрий Байда	
Сказки харьковские.....	418
Ирина Чупис	
Итак, страна идет на Запад.....	423
Обложили русских в Украине.....	423
Ни в Москву, ни в Нью-Йорк вы меня не зовите.....	424
Вождю Украины не мешает.....	424

Наукове видання

**ПРОСТІР ЛІТЕРАТУРИ, МИСТЕЦТВА І ОСВІТИ – ШЛЯХ
ДО МИРУ, ЗЛАГОДИ І СПІВРОБІТНИЦТВА МІЖ
СЛОВ'ЯНСЬКИМИ НАРОДАМИ**

Збірник наукових праць

За матеріалами
VII Міжнародної науково-практичної конференції
20 грудня 2012 року

Відповідальний за випуск канд. психол. наук, доц. *Панфілов Ю. І.*
Комп'ютерна верстка та технічне редагування: *Бондаренко О. І.*
В авторській редакції

План 2013 р., поз. 136

Підп. до друку 2013 р. Формат 60 × 84 1/16. Папір офісний. Riso-друк.
Гарнітура Times New Roman. Умов. друк. арк. 24,64. Наклад 75 прим.
Зам. № . Ціна договірна.

Видавець і виготовлювач
Видавничий центр НТУ «ХП»,
вул. Фрунзе, 21, м. Харків-2, 61002
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 3657 від 24.12.2009 р.